КОМПАКТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Алеш Монестье

Легендарные МИЛЛИАРДЕРЫ

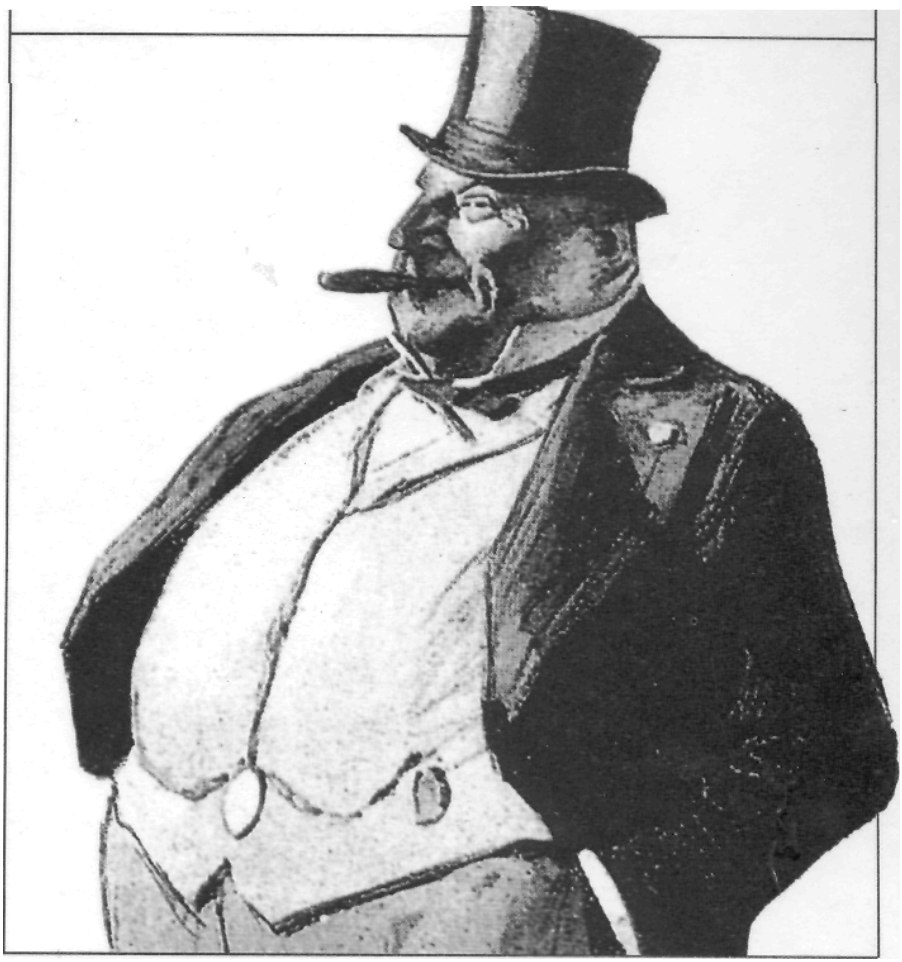
Академический Проект

SHOUT
SHARE
IT

КОМПАКТ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
Лени Моместье
Легендарные
МИЛЛИАРДЕРЫ
Академический Проект

КОМПАКТ
энциклопедия
Ален Монестье
Легендарные

миллиардеры



академический проект

Компактэтциклопедия

Ален Монестье

Легендарные МИЛЛИАРДЕРЫ

Санкт-Петербург
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
1996
М77 ББК85
Ответственный редактор И. Ю. Куберский
Перевод:
Д. В. Соловьев *(Введение, Богатство в старину, Европа: хорошие*
дела, хороший навар);
Л. М. Цывьян *(Америка, родина миллиардеров)',*
Н. М. Фарфель *(Буровые вышки Али-Бабы, Богачи-сумасброды)*
ISBN 5-7331-0072-9
© Вогнав 5. А. Рапе, 1991 © Д. В. Соловьев, Л. М. Цывьян, Н. М. Фарфель, перевод, 1996 © Академический проект, права на русский перевод, 1996

Содержание

Введение
БОГАТСТВО В СТАРИНУ15
Крез 19
ЖакКёр22
Медичи34
Фуггеры40
Никола Фуке46

ЕВРОПА: ХОРОШИЕ ДЕЛА,
ХОРОШИЙ НАВАР 57
Семейство Вендель61
Ротшильды72
Банки86
Биржа87
Жакоб Эмиль Перейр89
Аристид Бус и ко90
Марсель Буссак93

Сократес Аристотелес Онасис ... 101
Яхты 113
МарсельБик 115
Джованни Аньелли 120
Елизавета II 125
Иоганн фон Турн-унд-Таксис .... 129Сэр Джемс Голдсмит 133
АМЕРИКА,
РОДИНА МИЛЛИАРДЕРОВ 137
Дюпон де Немуры 140
Корнелиус Ваидербильт 151
Джон Дейвисон Рокфеллер 163
Кризис 177
Симон Патиньо 179
Уильям РандолфХерст 189
Генри Форд 199
Харолдсон Лафайет Хант 210
Пол Гетти214
ГовардХьюз225
Сэм Каммингз 235
Генри Росс Перо 240
Биржа и рулетка245

БУРОВЫЕ ВЫШКИ АЛИ-БАБЫ 249
Калустий Саркис Гульбенкян 252
АгаХан 261
Скачки 270
Джеханжир Ратанджи273
Дадабхой Тата 273
Ахрам Ожжех278
Фахд, король Саудовской Аравии 282
Муда Хаоса нал Болкиях289
Ясухиро Цуцуми 294
БОГАЧИ - СУМАСБРОДЫ299
Герцог Портлендский307
Альфред Ипполит Ш о шар 317
Элеонора Рични326
АрмандХаммер330
Барбара Картланд335
Николае Чаушеску343
Пословицы349
Библиография351
Введение
Если бы в этой книге содержался некий секрет того, как

сделаться миллиардером, автор уже давно стал бы им, - и у него не было бы никакой надобности писать ее. Вместо этого он, конечно, воспользовался бы всеми благами беззаботного существования и предался своим любимым занятиям, ничуть не заботясь о доходах с авторских прав. Ну а те читатели, которые приобрели этот труд, надеясь найти в нем ключ к богатству, что ж, это их дело: прочтя его, они ничуть не обогатятся и лишь пожалеют о потраченных на книгу деньгах. Хотя название ее и подчас шутливая форма повествования и могут ввести в заблуждение, на самом деле, содержание книги чрезвычайно серьезно.

Говорится в ней об одном из самых живучих мифов нашего времени, который получил широчайшее распространение, им ежедневно полнятся страницы массовой прессы, он питает гедонистическими мечтаниями воображение наших современников. В нынешнем низменно материалистическом веке рулетка и баккара, яхты и реактивные самолеты пришли на смену чудесам прошлого, таким как магараджи, с которых буквально сыпалось золото и алмазы Голконды. Как ни удивительно, но эти новые чудеса все еще завораживают массы людей, несмотря на то, что общество пропитано идеями равенства, а на деньгах, хоть они и служат предметом настоящего поклонения, вот уже две тысячи лет как лежит проклятие.

И христианская, и социалистическая традиции наложили на Ма-монну нравственный запрет, который благодаря множеству пословиц, народных сказок и лубочных картинок пропитал все наше сознание. Для нас, несмотря на некоторое влияние протестантского меркантилизма, и либеральных идей, деньги продолжают оставаться чем-то более или менее постыдным, и мы радуемся отсутствию у них запаха, подразумевая, что иначе он был бы отвратителен. С полным основанием их считают вредными для спасения души, главной причиной развращения нравов и порабощения человека человеком. «Доброе имя дороже золота», «не в деньгах счастье» - огромное число подобных поговорок буквально пропитывает всю нашу культуру. Оставаясь ужасающе притягательным для современного человека, золото порождает двойственные чувства: желание обогатиться даже самыми честными способами не всегда освобождает от укоров совести. Оно всегда хоть в малой степени, но скрывается под маской притворного бескорыстия. При всем материализме нашего времени, в разговоре деньги остаются предметом табу, о котором люди хорошо воспитанные должны говорить с приличествующей сдержанностью.

Быть богатым-стыдно

Жизнь в роскоши, даже и не столь уж большой, предполагает некие способы защиты от зависти и враждебных взглядов. Добропорядочные люди если и говорят, что кто-то имеет «навар», «капусту» или «разжился деньжатами», то непременно с некоторой иронией, легким пренебрежением и понимающей улыбочкой, словно дело касается какого-то отчасти даже смешного порока, о котором лучше даже и не упоминать. Конечно, сами они были бы совсем не прочь оказаться на месте тех, кто нежится на палубах собственных яхт или, пожевывая сигару, следит в бинокль за бегом своих скаковых лошадей. Но их восхищение этими людьми всегда смешано с тайным недоверием и глубокой враждой, которые не позволяют простить избранным мира сего ни свое невольное преклонение, ни свою зависть. Поэтому жизнь миллиардеров бесконечно труднее того, как ее воображают простые смертные. Самые заурядные из этих счастливчиков попросту скрывают принадлежащие им богатства. Подобно Гарпагону они хотят покрыть все тайной и больше чумы страшатся разглашения: «Уж не собираешься ли ты проболтаться, что у меня есть шкатулка?» с тревогой спрашивает этот мольеровский персонаж. Разоблачения он боится больше чем ограбления. Другие выходят из положения, множа щедроты и помогая бедным. Некоторые становятся меценатами. Поддерживая артистов и художников, они надеются в нравственном смысле узаконить свои деньги. Способов откупиться, таким образом, бесчисленное множество, но все богачи, начиная от деревенского кулака и до международного мультимиллиардера, испытывают одну и ту же потребность-быть признанными, несмотря на богатство и непременно вместе с ним. Мир устроен так, что нельзя быть богатым безнаказанно.

Парадоксы богатства

Несомненно, для миллиардера самое верное средство оправдаться за свои деньги состоит в том, чтобы разбогатеть еще больше. Как ни странно, но обвинения со стороны специалистов по классовой ненависти изрыгаются, прежде всего, в адрес мелких собственников и скопидомов, но щадят мультимиллиардеров. Профсоюзы систематически подогревают у беднейших своих членов ненависть к буржуа, к какому-нибудь провинциальному нотариусу, скопившему собственным трудом и экономией небольшой капиталец, к его земле в деревне, к дому, просторнее, чем у других, и привилегиям его детей.

Однако никому из них и в голову не придет обвинять тех богатых, чья оскорбительная роскошь услужливо демонстрируется на глянцевых страницах журналов. Умопомрачительные дворцы, в которых семья Патиньо

растрачивает деньги на празднества «Тысячи и одной ночи», супер-яхты, сверкающие хромом роллс-ройсы - все эти атрибуты богатства настолько ослепляют, что даже не возникает и мысли осудить само их существование. Ведь они столь далеки, что здесь невозможно никакое сопоставление с обычной жизнью. Нефтяной король, эмир Кувейта, представляется обитателем какой-то другой планеты, и любое сравнение совершенно немыслимо. Но зато местный нотариус всегда под рукой в качестве объекта ненависти. Он - часть того же общества, что и все, кормится от того же пирога, но - неискупимое преступление! - отхватывает самый большой кусок. Обладателя же несметного состояния защищает от вражды и зависти уже сама огромная дистанция между ним и всеми другими людьми. Мультимиллиардеров называют «олимпийскими богами современного мира». Это удачное и меткое сравнение. Чрезмерное изобилие богатств делает его владельца лицом недосягаемым, вне законов и обычаев, существом почти мифическим, к которому все остальные смертные не могут даже приблизиться.

Насильственное амплуа

И обладатели больших состояний чуть ли не обязаны играть роль мифического персонажа. Если Гарпагон мог прятаться и избегать нападок, скрывая свое богатство, Крез делать этого уже никак не может. Он охотно обошелся бы без стесняющей его славы, но принужден, дабы не вызывать злобных взглядов, выходить на публику и играть свою роль. А зрители ждут от него вполне определенного представления ~ представления, в котором ему одному позволено быть счастливым избранником неумолимой Фортуны, бросающей свои дары к ногам первого встречного, в то время как ббльшая часть рода человеческого остается в нищете. Благодаря средствам массовой информации, создается настоящая мифическая легенда, которая отвечает ожиданиям публики и заставляет ее принять существование миллиардеров. Что бы миллиардер ни делал, он всегда на виду. Под угрозою стать козлом отпущения всех разновидностей классовой ненависти, он должен сохранять предписываемое воображением общества положение и неукоснительно исполнять все требуемые современной мифологией обязанности.

Портретная галерея

Те стороны жизни миллиардеров, которые средства массовой информации доводят до публики, всегда выбираются с определенным умыслом. Последовательностью едва заметных штрихов стремятся создать нужный образ и выстроить соответствующую легенду. Как и в отношении знаменитых преступников или кинозвезд, у прессы есть целый набор

стандартных качеств и случаев, предназначенных для изображения жизни миллиардеров, которую она столь умело, расцвечивает, что ее герои становятся, в конце концов, чуть ли не вашими близкими родственниками. Скольких наделяли все той же патологической скупостью, тем же бессердечием и ставшим уже привычным добровольным и трагическим затворничеством, не говоря уже о любовных неудачах! Сколько биографий начинается с истории об отце, лишившем ребенка наследства, или о подавляющей всех властной матери, или, наконец, о бедности, которую, как известно, биографы стремятся сколько возможно усилить!

Мифические личности

Предлагая в этом труде ряд портретов тех, кого считали самыми богатыми людьми в мире, мы стремились не столько к исторической правде, сколько к тому, чтобы показать сложившиеся вокруг них легенды. Пусть читатель не посетует на нас за неточность некоторых сведений, и за подчас отрывочный их характер. Уклонившись от скучного и изнурительного труда биографа, мы попытались восстановить те образы наших персонажей, которые были созданы прессой и молвой. Мы стремились выявить мифологию богатства, опираясь на рассказы о некоторых жизнях, показавшиеся нам особенно характерными для народной психологии.

Выше норм и законов

Когда в 1973 г. Антенор Патиньо построил на восточном берегу Мексики в Лас-Гадасе курорт для миллиардеров наподобие второго Голливуда, один бесцеремонный журналист спросил, не кажется ли оловянному королю чрезмерным расходом выбросить за один уикэнд двести пятьдесят миллионов долларов на прием трехсот избранных? Немного удивленный странностью вопроса, Патиньо помедлил секунду, а потом категорически изрек: «Мой друг, запомните, что удовольствия миллиардеров никогда не бывают чрезмерными».

Конечно, это был несколько вызывающий выпад или, быть может, признак дурного настроения, вполне понятного со стороны этого набоба, которого нисколько не щадила пресса-его брачные злоключения годами не сходили со страниц специальных журналов. И все-таки ответ Антенора Патиньо весьма показателен для тех отношений, которые современные миллиардеры поддерживают или стремятся поддерживать через средства массовой информации с широкой аудиторией, состоящей из тех, кому трудно сводить концы с концами и кто ищет забвения собственных бед, читая в иллюстрированных журналах о неприятностях суперзвезд и финансовых магнатов. Его ответ

обнажает желание и даже потребность сих первейших среди избранных поставить себя выше обычных правил и свести на нет пагубные следствия зависти к ним, для чего нарочито выставляется напоказ то самое чрезмерное богатство, которое порождает эту зависть. И вопреки тому, что было бы естественно предположить, кричащая роскошь это не только бахвальство самодовольного нувориша. Она обладает одним весьма полезным свойством-примирять с оскорбительным неравенством доходов. Ослепляя сплошной массой золота, поражая неимоверно дорогими причудами, небрежно кидая за окно ведра икры, современные миллиардеры отнюдь не возбуждают зависть толпы. Напротив, они ее усыпляют и как бы растворяют в мечтательном сне. Своими беспорядочными и бесполезными тратами они как бы показывают землю обетованную прямо здесь, среди мизерности окружающего мира. Благодаря этому, рай земной представляется реальной возможностью. Чрезмерное богатство доказывает, что не вся планета погружена в тусклую повседневную жизнь, что в ней есть и пещеры Али-Бабы, и счастливые острова, и сказочные замки фей, и даже самые обездоленные когда-нибудь найдут магический ключ.

В представлении наших современников, миллиардеры призваны воплощать ту особенную реальность, в которой есть место очаровательным принцам ушедших времен. Беря в жены пастушку (хотя случалось это весьма редко), очаровательный принц узаконивал таким образом свое существование; женясь на манекенщице или секретарше (что бывает чаще), миллиардер стремится к тому же: доказать реальность самой невероятной мечты. Население дешевых меблира-шек, иногда мрущее от голода и почти всегда - от скуки, не только не проклинает его за жизнь, не имеющую ничего общего с жизнью простого обывателя, но, напротив, благодарно ему, видя хоть и ничтожно малую, но все-таки вероятность райского существования на земле, Родившийся как бы в рубашке мультимиллиардер вызывает не больше зависти, чем выигравший в лото. Колесо Фортуны вертится без остановки, и слепое божество наугад выбирает тех, кто будет осыпан его благодеяниями. Видя сказочную жизнь денежных набобов, каждый мечтает о том, что, может быть, завтра придет и его черед, что и ему выпадет большой выигрыш, а она «выйдет за грека», или вдруг придет старый нотариус с известием о смерти abintestati* американского дядюшки-миллионера. Поддерживая в сознании общества мечту о безмятежно счастливой земной жизни, исполняя роль земли обетованной из народной легенды, тесный мирок happy few* может не только стать приемлемым, но и заставить народные

массы, несмотря на их зависть, полюбить себя. Столь несправедливо привилегированная жизнь миллиардеров помогает беднякам смиряться со своей судьбой, потому что среди серой повседневности она открывает окошко в голубые небеса. И охотнее всего таким окошком служат самые популярные французские еженедельники - «Пари-Матч» и «Франс-Диманш».

Чтобы справляться со своей ролью, какой она представляется воображению масс, олимпийское божество Фортуны, будь оно миллиардером или суперзвездой кинематографа, должно непременно удовлетворять двум противоречивым требованиям. С одной стороны, нужно все время показывать свою принадлежность к миру, совершенно отличному от того, в котором прозябают простые смертные, и притом, избежать за это осуждения; поэтому положение избранника непременно требует экстравагантности. С другой стороны, этот избранник должен, так или иначе, оставаться доступным. Мечта о счастье, если ее совершенно невозможно осуществить, уже не настоящая мечта и не способна волновать чувства. Швея или портниха может увлечься чтением своего журнала только в том случае, если для нее сватовство Ага Хана не будет абсолютной химерой.

Излишества ради излишества

«Лучше быть большим негодяем, чем мелким жуликом», - говорил Талейран. Конечно, все миллиардеры отнюдь не негодяи. Некоторые из них, несомненно, честны и добропорядочны. Но все те, кому положение не позволяет избежать любопытства толпы, в ббльшей или меньшей степени актеры, понявшие мудрость этого правила и неизменно ему следующие. Они инстинктивно чувствуют, что только экстравагантность личности может оправдать чрезмерное богатство. Совершенно отличная от обыденной жизнь предполагает, что, и все ее конкретные проявления также находятся вне обыденного. Исключительной судьбе должна соответствовать и незаурядная личность: было бы непереносимо видеть миллиардера ˆгосподином как все».

Набоб в свете изменений национального характера и привычек

Желание рассмотреть миллиардеров не в их чисто человеческой реальности, но в свете их восприятия общественным сознанием, к чему мы и стремимся здесь, сразу же наталкивается на одну трудность. Все они играют роль и ощущают потребность стать действующими лицами в театре средств массовой информации ради того, чтобы были признаны их сверхпривялегии.

Однако им приходится выступать перед совершенно разными обществами, отличными и по образу мыслей, и по национальному

характеру от страны к стране (особенно от континента к континенту). Суперзвездам богатства приходится учитывать все это при исполнении своей роли. Отношение общества к деньгам сильно отличается на обоих берегах Атлантики, а также в католических и протестантских странах, не говоря уже о Западе и Востоке. Неодинаково и восприятие личности миллиардера. Роскошная яхта Корнелиуса Вандербильта вызывает восхищение нью-йоркских докеров, но в лондонском порту над ней будет смеяться вся Англия. Французское общество не ставит в упрек султану Брунея бесполезный дворец в две тысячи восемьсот комнат, но построй его для себя француз, столь скандальное расточительство было бы сурово осуждено.

Роли, которые принуждены играть миллиардеры, меняются также от эпохи к эпохе. Люди нового поколения созидателей богатств, такие как Бернар Тапи, хорошо понимают и силу средств массовой информации, и влияние на общество «молодых динамичных предпринимателей». И вот они, при мощной поддержке рекламы, уже изображают себя спасителями отечества и, преисполненные гордости за свои достижения, решительно выступают на борьбу против того чувства вины, которое у нас всегда сопутствует деньгам. Этим они во многом отличаются от основателей династий европейских миллионеров прошлого века, которым приходилось вписываться в общество, где традиционно законность власти и богатства основывалась на происхождении, и где было куда важнее «хорошо родиться», чем преуспеть в делах. Поэтому-то они и старались подобрать обноски старой аристократии, покупая развалившиеся замки, заново вызолачивая древние гербы и стараясь заполучить себе в жены девиц из обедневших фамилий. Им приходилось спешить, чтобы успела появиться патина времени, а семейства обрели аристократические манеры и научились искусству ослеплять своим богатством, сохраняя при этом чувство меры и хорошего вкуса. Портреты миллиардеров, которых продвигает пресса, создаются под влиянием не только культуры их страны, но в равной мере и представлений французского общества об этой стране, и поэтому они весьма значительно отличаются друг от друга. Каждой стране присущи определенные типы личностей и биографий, которые служат основой для свойственных только ей мифов и выявляют особенности национального характера. Великие американские магнаты, несмотря на все их различие, несомненно, обладают родственными чертами. Это часто self-made man*, которые гордятся тем, что вознеслись из ничтожества, и без ложного стыда демонстрируют приобретенные богатства. В большинстве слу-

* Немногих счастливчиков *{англ.)*.

' Люди, сделавшие сами себя *(англ.)*.

чаев они протестанты и любят выставлять напоказ свои чисто пуританские добродетели. При этом как никто другой они умеют вывести из богатства мораль, заключающуюся в том, что деньги есть справедливое воздаяние за трудовую и экономную жизнь. Другое дело в Европе. Там принято вести себя скромно - исключение составляет лишь неподражаемый Бернар Тапи - поскольку люди завистливы, и надо щадить их чувства. Олимпийскому божеству Старого Света приходится прибегать в средствах массовой информации все к новым и новым ухищрениям, чтобы обезоружить критику. У нас всегда полезно принадлежать одновременно и к «старой Франции», и к «мыслящей Франции», посещать и аристократические дома, и кафе, где собираются коммерсанты. Некоторые, дабы укротить ненависть, порождаемую их богатством, проводят время то на своей яхте, то на площади Колонель-Фабьен. Зато арабам, неграм, индийцам, китайцам (из Гонконга), японцам, малайцам и прочим индонезийцам западное общество позволяет совершенно безнаказанно быть мультимиллиардерами. Даже если их состояния нажиты на прозаических нефте-долларах, а не на сказочных алмазах Голконды, даже если они накоплены и поддерживаются ценою бесчисленных несправедливостей - все равно все эти эмиры, паши и магараджи остаются кузенами Али-Бабы, то есть легендарными героями. Они обитают в таком райском далеке, куда просто невозможно дотянуться.

Три типичных портрета

Если читать массовую прессу, выделяются три типичных портрета миллиардеров: из старой Европы, несущих на себе груз древних предрассудков и вынужденных заигрывать с общественными представлениями, отягощенными историей; из Северной Америки-этого Эльдорадо современности, которых наша эпоха воспринимает как великих авантюристов; и, наконец, из всего остального мира, где необязательно быть даже магараджей, чтобы восприниматься на Западе героем легенды. Этим трем типам соответствуют три основных раздела нашего труда. В каждом из них предлагается ряд рассказов, расположенных в хронологическом порядке и посвященных тем знаменитым людям, которые, на наш взгляд, особенно показательны в своем роде.

БОГАТСТВО В СТАРИНУ

БОГАТСТВО В СТАРИНУ

Образ миллиардера, который мы пытались обрисовать во введении, характерен, по сути дела, только для современного мира. Его появление связано с двумя феноменами, возникшими в XIX в., но развившимися и окончательно утвердившимися лишь в XX в.: капитализмом, который, в свою очередь, был порожден появлением промышленности, и массовой прессой, возникшей во Франции не ранее эпохи «Пти-Журналь», то есть в первые годы Третьей Республики.

До того времени газеты и журналы слишком мало читались, а система сообщения новостей была слишком примитивной, чтобы между отдельной личностью и обществом мог возникнуть диалог, и какой-нибудь человек, подобно, нынешним, миллиардерам, постоянно, и, во, всех, мелочах, жизни, оставаясь, на, глазах, всего, света, имел возможность превратиться в героя прессы и супер-звезду последних известий. Кроме того, сколь бы ни были богаты некоторые исторические персонажи, сама структура собственности в прежние времена настолько отличалась от современной, что самих этих персонажей никак нельзя сравнивать с нашими набобами. Даже если богатство накапливалось благодаря торговле или банкам, оно непременно заключалось в земельной собственности и было плотью от плоти общественного организма, подчиняясь при этом старинным и довольно сложным правилам.

Постоянное место в социальной иерархии

Все эти изощренные спекулянты-Жаки Кёры, Фуке и Медичи-были отнюдь не просто деловыми людьми, которые жонглируют на бирже анонимными капиталами. Они вкладывали свои деньги в замки и сеньориальные владения и, благодаря этому, сами становились сеньорами, владетелями вотчин, населенных крестьянами, в отношениях, с которыми они соблюдали взаимные обязательства, унаследованные еще от Средних Веков. И если их богатства достигали уж совсем невероятных размеров, они становились принцами, владетельными князьями, чья первейшая обязанность состояла в управлении городом, осуществлении правосудия и защите тех, кто вскоре должен был стать их подданными.

Богатство ни в коей мере не ставило этих людей вне общества. Оно только позволяло им забраться на вершину пирамиды, где, однако, положение их оказывалось весьма шатким, о чем зачастую и свидетельствует жизнь наших героев. По самому духу тех старых времен, в экономической и социальной системе Европы было немыслимо, чтобы личность

существовала вне иерархии. Для общества эпохи Людовика XIV Фуке - прежде всего суперинтендант финансов и лишь во вторую очередь-сказочно богатый человек. Зато через двести лет Ротшильд уже, прежде всего миллиардер: его имя неотделимо от биржи, ажиотажа, спекуляций на железных дорогах и анонимных денег. Большинство даже не подозревает, что он, также управляющий Банком Франции и, кроме того, занимает при правительстве ту или иную официальную должность.

Разница между этими двумя людьми весьма показательна. Крез эпохи абсолютизма не выделяется из общей иерархии и может стать нарушителем социального порядка только в том случае, если подозрительному монарху покажется чрезмерным его престиж. Богатства всех министров в век Короля-Солнце таковы, что сегодня, по прошествии времени, они кажутся нам просто скандальными. Но в ту эпоху, если у самих обладателей богатств не возникало искушения «высунуться из своего ряда», никто и не думал осуждать их. Крез же капиталистической эры существует как бы в стороне от общества, вне его норм, правил и иерархий. Конечно, все знают, что он завсегдатай коридоров власти и может иметь решающее влияние на политику страны. Часто именно это и ставят ему в вину. Но он всегда выглядит как чужеродное тело при власти, которое оказывает на нее незаконное и таинственное воздействие. Поэтому весьма рискованно ставить в один ряд миллиардеров XX века и «миллиардеров* (условно говоря) прошлых столетий. Сравнивать можно лишь то, что поддается сравнению.

Нам представляется небесполезным предварить нашу галерею портретов, взятых из последних двух веков, несколькими знаменитыми персонажами времен более отдаленных. Хотя ни Фуке, ни Жака Кёра, ни Медичи нельзя причислить к «порождениям средств массовой информации», каковыми были какой-нибудь Онасис или Бер-нар Тапи, и хотя невозможно видеть в них «миллиардеров* в современном смысле этого слова, все же приключения, а часто и злоключения их жизни не менее показательны для традиционного отношения западного христианства к деньгам.

Анафема деньгам

Деньги позорят, и обладание ими по сей день вызывает в памяти древние проклятия. В Средние Века Церковь предавала анафеме ростовщичество и ростовщиков, оставляя это гнусное занятие ломбардцам, жителям Кагора и прежде всего евреям, которые извлекали из сего занятия баснословные барыши и катастрофическую репутацию. «Получив даром, даром и отдайте». Тогда профессия банкира казалась в вопиющем противоречии с

этим евангельским предписанием. Отдача денег взаймы должна основываться не на выгоде, а на милосердии. Конечно, с течением времени и вследствие экономических причин Церковь несколько ослабила строгость этого запрета. Чтобы возместить утраченную прибыль из-за длительного омертвления капиталов, а также риск заимодавца, она позволила брать скромное вознаграждение. Но это послабление было все-таки весьма ограниченным. В принципе, одалживание денег под проценты приравнивалось к ростовщичеству, и сохранялось запрещение жить на доход1 с капитала под страхом быть отлученным от Церкви.

Однако, начиная с XVI в., развитие торговли, возникновение предкапиталистической экономики и влияние Реформации постепенно заставили христиан позволять себе вольности с теми евангельскими заповедями, которые слишком уж мешали денежным делам. И все-таки страх потерять репутацию продолжал преследовать людей. «Денежная язва не смертельна»,- именно так они пытались утешить себя. Но множество народных поговорок и легенд в течение веков поддерживали такое мировосприятие, при котором главным совратителем душ и всего общества считался «великий денежный дьяволъ».

Плата за миллионы

Христианские проповеди и народная мудрость в один голос напоминают, что Фортуна капризна, и колесо ее, в конце концов, непременно раздавит того, кто был, взыскиваем благодеяниями ее. Деньги - это отравленный дар Злого Духа, от которого человек может ждать лишь своей погибели. Рано или поздно, но тщеславие собирающего богатства мира сего будет наказано. Поэтому публика смотрит на Креза как на канатоходца, с интересом ожидая, когда он упадет. Весьма показательно, что во Франции легенды о достигших богатства сохраняются, прежде всего, благодаря их окончательному краху. Как будто во всей жизни этих людей только крах и заслуживает внимания. В этом отношении горе тем миллиардерам, которые миллиардерами и умерли - неблагодарное потомство забывает о них. Многие министры при Старом Порядке, начиная с Мазариии, накопили значительно больше богатств, чем Фуке или Жак Кёр. И только потому, что на их долю не выпала впечатляющая финальная катастрофа, они уже никогда не попадут на Олимп Фортуны. Ведь у нас полагается, чтобы сказочно богатые нувориши, подобно Крезу, были обречены, стать жертвой на костре собственных амбиций. И пока они раздуваются как лягушки из басни, на них смотрят с интересом, но и с нетерпеливым ожиданием, когда же они, наконец, лопнут и заплатят этим за свою дерзость.

Такой склад ума, унаследованный от прошлых веков,

значительно больше, чем можно предполагать, присущ нашим современникам. Что касается самих миллиардеров, то отношение к ним общества всегда двойственно: к восхищению артистом примешивается и немного зависти; если он падает, о нем сожалеют, но все-таки тайно радуются, что он оказался таким же, как и обычные люди.

Крез

(VI в.дон. э.)

Непостоянство Фортуны

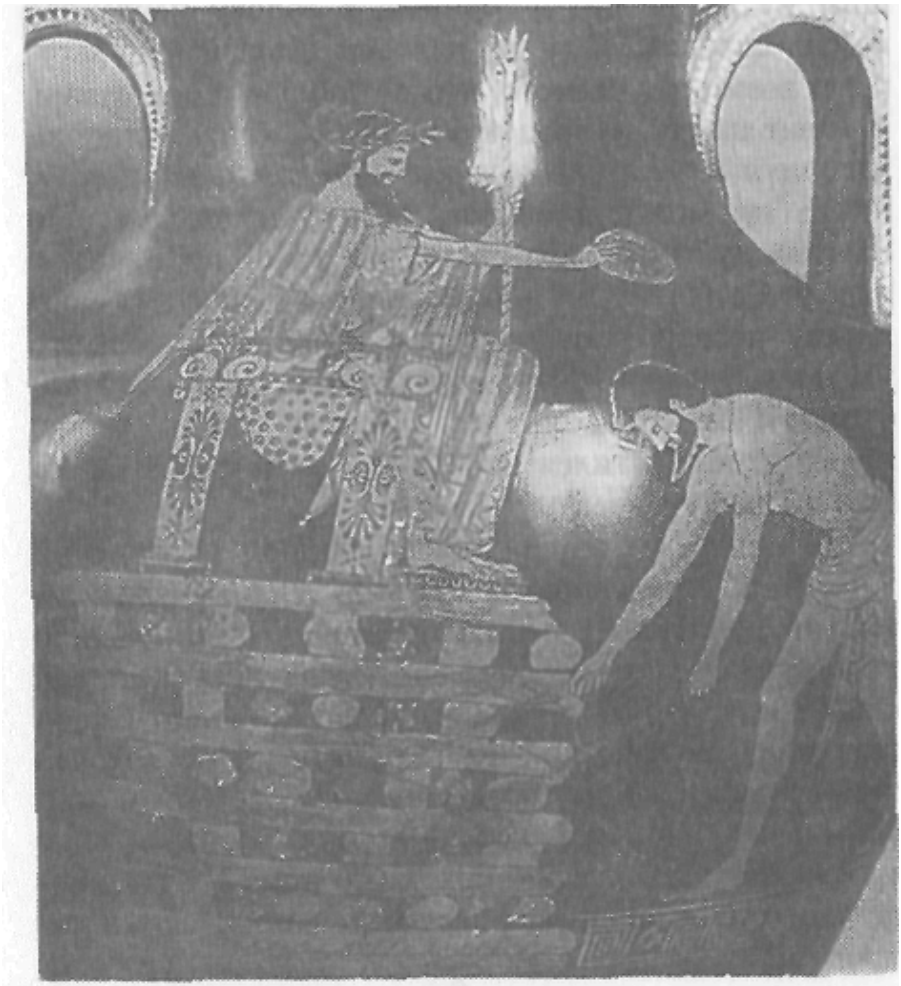
Тот, кого древние почитали сомьш *богатым человеком во всей Вселенной, возможно, окончил свою жизнь на костре.*

Геродот оставил нам несколько рассказов об этом царе Лидии, чьи богатства и трагическая судьба поражали воображение древних.

Одни из них просто выдумка, другие весьма сомнительны, не говоря уже об апокрифах. Впрочем, это не помешало царю стать героем легенды, которая и по сей день служит образцом во всем, что касается миллиардеров.

• **Царь-завоеватель**

Последний из династии Мермнадов и последний царь Лидии, Крез, правил с 561 по 546 г. до н. Э.



Крёз на костре, на котором, однако, он, возможно, и не нашел своей смерти. Деталь амфоры, приписываемой художнику Муэосу, 490 гг. до Р. Х. (Лувр, Париж.)

Меценат

Этот римский всадник родился в Ареццо в 69 г, до н. э, и был после Креза вторым великим миллиардером Древнего мира. Он пользовался доверием императора Августа и стал покровителем искусств и изящной словесности. Его щедротами пользовались среди прочих Вергилий, Гораций и Про-перций.

Он был сыном царя Алиатта и карийки и наследовал отиу после того, как двенадцать лет при нем правил страной.

Крез заботился лишь об увеличении своих владений и преумножении тем самым богатств, которые вскоре стали такими, что вошли в пословицу. Заручившись дружбой спартанцев, он с ненасытной жадностью, восхищавшей его современников, принялся расширять свое царство. На западе он обложил данью

греческие города Ионии, на востоке-отодвинул границу Лидии до реки Галис.

•Легендарный царь

Вполне надежные источники подтверждают существование скопленных им в своей столице Сардах сокровищ, а также его отношения с дельфийским оракулом. Однако приезд к нему Архонта Солона ничем не подтверждается, хотя именно это событие, подобно морали в притче, придает смысл жизни царя - мил л иардера.

•Философ, который портит людям жизньСогласно преданию, полагавшему себя счастливейшим из людей Крезу пришла в голову неудачнаямысль спросить Солона, человека большой культуры и всеми уважаемого, что он думает о его жизни.В ответ на это мудрец изобразил на своем лице сомнение и назидательно изрек: «Не дожив до смерти,никто не может почитать себя счастливым». Но царская душа не была отягощена такой же печалью как у Солона. Он вполне здраво рассудил-раз нельзя назваться счастливцем пока не умрешь, то уж после смерти на это еще меньше надежды; а этоотнюдь не обнадеживало. Посему лишь пожавплечами, возвратился царь к прежней своей беззаботной жизни.

Но вскоре на Креза пошел войной персидский царь Кир, угрожая захватить всю Лидию. Крез как тонкий политик поспешил по своему обыкновению посоветоваться с дельфийским оракулом, который сказал ему, что «если он перейдет Галис, то разрушит великое царство». Крез буквально последовал этому спасительному совету, перешел со своим войском реку, наголову разбил персов, возвратился с триумфом и, распустив воинов по домам, с наслаждением опять предался пересчитывапию своих сокровищ.

Однако он не подумал об ожесточении Великого Царя, который, пользуясь зимним временем, внезапно напал и осадил Сарды. Крез был пленен, и Кир, отнюдь не славившийся милосердием, вероятно, велел по обычаю того времени лишить его жизни.

• Happy end?

Однако, согласно более оптимистическому преданию, царь-миллиардер спас свою голову с помощью совершенно неожиданной уловки. Взойдя на костер, где его хотели изжарить, он со стенаниями прошептал: «Ах! Солон, Солон, как ты был прав!». Кир, подобно всем людям Древнего мира, очень любил невразумительные загадки. Когда он услышал непонятные слова Креза, то подумал, будто это говорит оракул, велел объяснить их смысл, а узнав в чем дело, прослезился и не только помиловал

своего врага, но и обещал ему покровительство.

По этому преданию Крез был сделан тайным советником Великого Царя и счастливо окончил свои дни при дворе Кира и Камбиза.

Жак Кёр

(ок. 1395-1456)

Первопроходец капитализма

Жак Кёр блистал не только на поприще «импорта-экспорта», он был еще и судовладельцем, и сам себе банкиром. Изобретатель «треста» допустил только одну оплошность-родился на четыреста лет раньше, чем следовало.

• **Роковая развязка**

31 июля 1451 г, в Большом Совете пол председательством короля Карла VII разыгралась трагическая и вместе с тем эффектная сцена; одна из тех, которые привели бы в восторг журналистов, существуй они тогда. После нескольких доносов, по большей части анонимных, к Его Величеству обратились с просьбой, чтобы он повелел заключить в тюрьму и предать правосудию своего великого казначея Жака Кёра, человека чрезвычайно богатого и имевшего, поэтому множество завистников.

Девизы

Дом в Бурже прекрасно характеризует личность построившего его человека. Особенно выразительны девизы на стенах. Среди них есть, например, такие: «Храброе сердце всего достигает»; «Выслушай, скажи, сделай, смолкни»; «Если рот закрыт, туда и муха не влетит».

Дело было весьма важное, ибо, кроме доверия короля, он пользовался еще уважением и даже дружбой Его Святейшества папы Николая V. Среди прочих преступлений его обвиняли в отравлении королевской фаворитки Агнесы Сорель и в чрезмерном обогащении за счет короны. Не без некоторой задней мысли придворные упорно настаивали, чтобы монарх наложил секвестр на имущество банкира, прежде чем конфисковать его в пользу самых ревностных своих слуг. Карл VII отличался слабой волей и легкой внушаемостью; он послушно исполнял все, что требовали новые фавориты, от которых зависела погода во дворце. Вяло, порассудив о том, как поступить в этом неприятном положении, он уже собрался, было призвать капитана стрелков, но тут вдруг с шумом явился сам обвиняемый, несомненно, предупрежденный кем-то из его шпионов при дворе. «Государь, - воскликнул он,-умоляю Ваше Величество, позвольте мне оправдаться в тех клеветах, которые возведены, чтобы погубить

меня. Оставьте меня своим пленником до тех пор, пока невиновность моя не будет бесспорно доказана». Король, который не умел никому отказывать, согласился на испрошенную милость, и в тот же вечер Жак Кёр, самый богатый человек своего времени, оказался в башне замка Тайлебург, По прошествии

недолгого времени его перевезли в темницы Люзи-ньяна, и до самого суда он находился там под охраной своего злейшего врага, в прошлом предводителя шайки * потрошителей», которого он обидел тем, что дал взаймы денег. Это был хотя и знатный, но мало разборчивый в средствах вельможа по имени Антуан де Шабанн, ставший вскоре одним из судей Жака Кёра.

Так завершилась карьера человека, которого можно считать первым капиталистом в истории Европы. Он поражает как своими невиданными успехами, так и множеством романтических приключений.

• Под сенью Беррийских герцогов

Будущий королевский казначей появился на свет в Бурже около 1395 г. Историки-романтики сочли необходимым украсить легенду и увеличить его личные заслуги, для чего назначили ему родиться в бедности.

Однако никак нельзя отнести семейство Кёр к простонародью, ведь оно владело собственным домом в городе, процветавшем благодаря дворцу герцога Беррийского Жана Великолепного, которого обессмертили в своих хрониках лимбургские монахи. Отец Жака Кёра происходил из Сен-Пурсена, в Бурбоннэ он занимался весьма прибыльным делом-торговлей мехами. Он принадлежал к числу влиятельных горожан Буржа. Один из братьев Жака Кёра, Никола, состоял каноником в герцогской часовне, а сестра его вышла замуж за некоего Жана Бошетеля, секретаря короля Карла VI. Что касается его жены, Масэ де Леодепар, то она была дочерью высокопоставленного герцогского придворного и внучкой мастера монетного двора. Другими словами, хотя семья и не была очень богата, мальчик от самого рождения принадлежал к той городской аристократии, которая уже более века поднималась все выше и выше.

• Воспитание юного бюргера

О воспитании Жака Кёра в детские годы известно мало достоверного, поэтому остается лишь прибегнуть к игре догадок. Его собственная семья и семья его тещи с давних пор занимались чеканкой монеты и ювелирным делом, и весьма вероятно, что по обычаю того времени он, продолжая семейную традицию, шесть лет учился этому ремеслу. Ювелирное дело доставляло тогда много выгод и преимуществ, и столь честолюбивый человек, конечно же, не пренебрегал ими. В ту эпоху такое занятие отнюдь

не считалось еще чем-то низменным, как это стало потом с ремеслами, получившими пренебрежительное название «механических». Наоборот, оно давало личное дворянство и весьма облегчало доступ ко двору. Именно таким образом Кёры и Леодепары приблизились к Берриискому дому. Что касается других занятий Жака Кёра, то мы о них почти ничего не знаем, кроме того, что он не учился в университете, а только прошел курс теологии и был посвящен в низший духовный сан. Это не помешало ему жениться, и позволило всю жизнь, а особенно во время суда, пользоваться привилегиями и льготами, предоставленными духовенству.

Король Буржа

Монеты, чеканившиеся Жаком Кёром в начале его деятельности, имели надписи: КАЙ. Ргапсо-гит. ВЕХ. НГШП (т. е. «Король Буржа»), откуда и пошло это выражение.

•Поставщик буржского короля

Катастрофы Столетней Войны явились для молодого монетного мастера истинным благодеянием. Разодранная на части Франция оказалась поп игом захватчиков. 21 июня 1418 г. будущий король Карл VII бежал в поисках убежища в свой добрый град Бурж, ожидая чуда небесного, которое спасло бы его королевство от англичан.

Именно тогда Жак Кёр и два его сотоварища, Рован-Датчанин и Пьер Годар, получили в свое управление городской монетный двор. Благодаря этому они приобрели немалые выгоды, пользуясь, несомненно, средствами, весьма далекими от нравственных требований их профессии. Первый известный нам подлинный документ, относящийся к Жаку, это разрешительная грамота короля Карла VII от 6 декабря 1429 г., по которой он и его сотоварищи были прощены в совершенном ими преступлении-чеканке монет «дурной пробы», то есть из такого серебра, которое не соответствует королевским указам.

•Возвышение монетного мастера

Эта мелкая неприятность нимало не повредила карьере нашего бюргера. В то время спекуляция на весе и пробе монет широко практиковалась, и ее считали скорее маленьким грешком, чем преступлением, если, конечно, делалось это с достаточной осторожностью.

Да и сам король имел все основания быть снисходительным к банкиру, чьи деньги хоть и низкой пробы, но все-таки помогали содержать победившее под Орлеаном войско Жанны д'Арк. Жак Кёр был не только не удален от двора, но получил повышение-

стал придворным поставщиком.

При том положении, в котором находился тогда король Франции, эта должность была настоящей синекурой, из которой Жак сумел извлечь немало выгод. Обеспечение дворца всем необходимым было не единственной его привилегией. Занимаемое положение позволяло ему знать все тайны власти, но, что важнее всего, поскольку у Карла не оставалось и ломаного гроша, он совершенно естественно стал его банкиром.

С этого времени Карл VII постоянно прибегал к помощи Жака Кёра, чтобы найти деньги для войн и на другие нужды. А наш бюргер охотно давал ему кредиты на очень долгие сроки и даже, что было еще прибыльнее, как бы просто так, за некоторые привилегии и незаконные льготы, благоприятствовавшие расширению его дел.

• **Путь к Леванту**

После того, как на старой рыночной площади была сожжена Жанна д'Арк, война на четверть века более или менее затихла, что способствовало дальнейшему развитию торговли. Жак Кёр сразу же воспользовался этим для извлечения выгод от полученных им королевских привилегий.

Международной торговли в то время практически не существовало, ее еще предстояло создавать. Для дел с Левантом у Франции тогда не было ни флота, ни портов, способных принимать большие суда, ни дипломатических соглашений, позволяющих вести дела с мусульманскими странами.

Прежде чем приступить к осуществлению своих обширных замыслов, Жак Кёр предпринял опасное разведывательное путешествие в Дамаск, Бейрут и некоторые другие столицы Востока. Это путешествие чуть было не стало для него последним. На обратном пути его судно, загруженное товарами почти до верхушек мачт, попало в ужасную бурю и затонуло у берегов Корсики, где местные жители, хотя люди и гостеприимные, взяли всех в плен, а самого Жака Кёра отпустили только после того, как заполучили все его имущество.

Легенда

Рассказывали, что, желая поразить своих современников, Жак Кёр выложил пол одной из комнат своего буржского дворца золотыми монетами, поставленными на ребро. Конечно, этого никогда не было, но... легенды живут долго!

Лангедок

Деятельность Жака Кёра послужила для юга Франции началом экономического расцвета. Уже в 1444 г. епископ Пюи писал: «Плавания галионов суть главный источник существования и пропитания лакгедок-ской земли*.

Нимало не обескураженный этой неудачей наш бюргер, успевший завязать на Востоке нужные связи, с легким сердцем принялся за дело.

Прежде всего, он приступил к строительству хорошо оборудованного порта на Средиземном море, для чего был избран Монпелье, по причине довольно хороших дорог, связывавших этот город с внутренними провинциями Королевства. Кроме того, Жак Кер имел одну исключительную привилегию, дарованную покойным папой Урбаном. V-отправлять каждый год шесть судов в Александрию для торговли с неверными, что было запрещено всем другим купцам христианского мира, как измена вере. И Жак Кёр заставил городских советников Моипелье вырыть каналы, необходимые для приема больших талионов.

На некоторые работы он дал собственные деньги и, к величайшей радости горожан, начал строить «купеческий дом», предназначенный одновременно для биржи и для торгового суда.

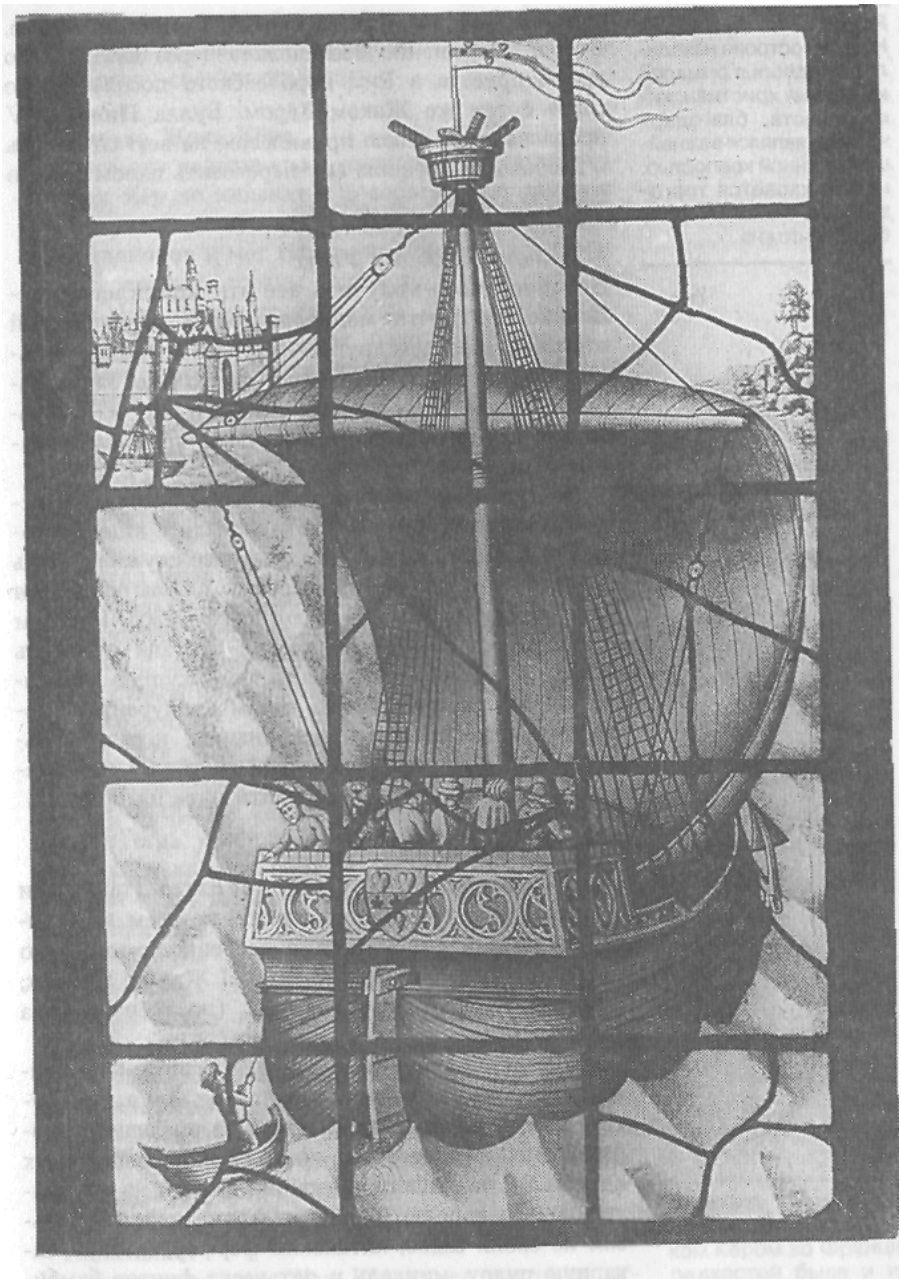
Употребляя все свое влияние для скорейшей постройки порта, Жак Кёр заложил на верфях собственный флот-семь кораблей, четыре больших га-лиона или галеаса и три судна с малой осадкой, таких как барки, фусты и галиоты. После постройки судов ему надо было еще найти для них экипажи, что в то время представлялось делом чрезвычайно трудным. Банкир придумал для этого новый способ, получивший королевское одобрение и употреблявшийся впоследствии с большим успехом-принудительную вербовку «за справедливое вознаграждение (...) плутов, развратников, притонодержателей и прочего сброда» из отбросов городского населения.

• **Торговля и политика**

Главный талант Жака Кёра состоял, несомненно, в незаурядных дипломатических способностях. Именно благодаря ему он сумел добиться от короля Франции и от верховного первосвященника небывалых привилегий для своих предприятий. У Карла VII он выторговал позволение силой забирать в матросы всяких бродяг, а у папы Евгения IV-исключительное право торговли с неверными в течение семи лет. Первое папское разрешение было дано 6 сентября 1446 г., благодаря хлопотам нарбоннского каноника Этьенна из Камбре, ловкого ходатая, добившегося, кроме того, для стар-

Флот

Известны имена главных кораблей Жака Кёра: 'Нотр-Дам Сен-Дени», =Нотр-Дам Сен-Мишель», -Нотр-Дам Сен-Жак- и «Ля Мадлен».



На этом витраже из дворца в Бурже изображен галяои Жака Кира. На корме виден герб Кёров.

•Господин Добрых Услуг

Но одно дело-получить все эти привилегии, делавшие его почти монополистом в левантийской торговле, и совсем другое-реально воспользоваться ими. Для этого надо было не только

заручиться содействием родосских рыцарей, но и договориться о торговле с их заклятым врагом-султаном Египта.

Это удалось ему благодаря двум дипломатическим демаршам, которые, хотя и были с виду совершенно бескорыстными, тем не менее служили лишь его личным целям. Во-первых, с благословения папы он добился мирного договора между Родосом и султаном. Во-вторых, убедил султана отменить запрет на пребывание венецианских купцов в Египте. Но эта двойная услуга своим конкурентам (ро-досские рыцари, как и венецианцы, играли большую роль в средиземноморской торговле) не помешала талионам Жака Кёра найти путь на Восток.

•Посол Его Величества

С этого времени Абу Сайд элъ-Дахер (так звали султана) благосклонно относился ко всем действиям банкира и его агентов, а особенно к тому, что сделал от имени короля Карла VII Жан де Виллеж, капитан талиона и племянник (по жене) Жака Кёра.

Стараясь задобрить властителя Египта, наш банкир нарушил все запреты и отправил ему в дар оружие и доспехи, которые были тогда последним словом техники, то есть не позволяли носившему их сделать ни малейшего движения. В ответ на это султан послал королю Франции «ароматнейший бальзам из своих садов, китайский фарфор, имбирь, сахарную пудру, миндаль и пятьдесят фунтов бамбу-гета» - драгоценного вещества, о котором ничего не знали даже самые наимудрейшие ученые. Абу Сайд любил забавляться войной, а Карл VII обожал

сладости, и поэтому оба монарха решили обменяться послами и совместно покровительствовать торговле между своими странами.

Родос

На этом острове находились подворья рыцарей из разных христианских королевств, благодаря чему он являлся важнейшей военной крепостью, но что касается торговых дел, здесь его роль была ничтожна.

шего сына Жака Кёра епископского места в Бурже. Второе разрешение последовало через два года во время приезда в Рим королевского посольства во главе с тем же Жаком Кёром. Булла Николая V продлевала прежнюю привилегию на всю его жизнь и вдобавок разрешила ему перевозить паломников в Святую Землю.

•Империя Жака Кёра

Ведя все эти переговоры с рвением верноподданного, Жак Кёр не забывал и о собственных выгодах. Он получил от султана

особую привилегию для своих талионов и мог теперь, не опасаясь конкуренции, перевозить товары с одного конца света на другой. На Левант доставлялись сукна из Фландрии и Брабанта, лионское полотно, плетеные в Монлелье корзины, воск, винный камень, кислота для крашения кож, а также розы и фиалки, которые арабы употребляли для изготовления своих прославленных благовоний. Обратно привозили восточные сласти, арабских скакунов, мускус, духи и еше множество других замечательных вещей.

•Золотая жила

Одной только левантийской торговли было достаточно, чтобы поставить нашего буржского купца в один ряд с самыми богатыми людьми своею времени, но судьба определила для него совершенно необычную жизнь.

Этот чуть ли не единственный человек, торговавший с неверными, заметил одну странную особенность и, благодаря своему таланту, сумел ее использовать. Тогда, к концу Средних Веков, драгоценные металлы очень неравномерно распределялись между Западом и Востоком. В христианском мире золото встречалось редко и ценилось дорого, поэтому монеты чеканили преимущественно из серебра. А в мусульманских странах все было совсем наоборот. Торговля между двумя этими экономическими сообществами влачила жалкое существование, и ничто не способствовало паритету денег. Жак Кёр сразу понял, как можно использовать подобное положение. Он платил арабам серебром, а христианам золотом и получал от столь незамысловатой операции стопроцентную прибыль.

•Капиталист

Неудивительно, что Жак Кёр сумел накопить огромное богатство. Те деньги, а вернее, золото, которое его корабли регулярно привозили с Леванта, он вкладывал в выздоравливающую Францию с аэар-

Индейка

Среди завезенных Жаком Кёром во Францию редкостей была и индейка, которую называли тогда турецкой курицей.

том ребенка, играющего в монопольку. Не ограничиваясь приобретением замков и поместий, наподобие того, как теперь покупают большие магазины, он основал не только по всему Королевству, но также в Испании и Италии торговые конторы, руководимые «факторами», число которых ко времени суда над ним составляло около трех сотен. Кроме того, он вкладывал деньги в лионские копи и еще больше во флорентийские мастерские. Иначе говоря, Жак Кёр постоянно занимался капиталистической деятельностью.

Cursus honorum*

Как оно всегда бывает, к богатству липнут и слава, и зависть. По крайней мере, в этом жизнь Жака Кёра не была исключением.

Возвратившись в столицу, Карл VII за верную службу назначил его начальником парижского монетного двора, а еще через три года, в 1439-м, на чрезвычайно высокий пост королевского казначея, после чего он получил вскоре и другие должности: наместника в Лангедоке (1440), королевского советника (1442) и коменданта бесчисленного множества замков. Все эти почести, в совокупности с обязанностями придворного поставщика и полученной им около 1441 г. грамотой на дворянство, сделали Жака Кёра одним из самых могущественных лиц Королевства и, соответственно, увеличили число его врагов.

• **Мастер на все руки**

Тогда, в XV в., власть и деньги все чаще шли рука об руку, и неудивительно, что в жизни казначея политические дела приобретали значительный вес. Да и сам король уже неоднократно имел возможность оценить дипломатические таланты Жака Кёра, которому он стал поручать деликатные миссии для разрешения политических трудностей там, где были вложены деньги самого казначея. Так его отправили послом в Геную, чтобы попытаться (это не удалось) привести к повиновению Джованни Кампо Фрего-со. Ездил он и в Рим требовать от имени короля Франции положить конец новому расколу на Западе и правлению антипапы Феликса V.

Казначей

Исполняемые Жаком Кё-ром обязанности казначея не имели ничего общего с деятельностью современного министра финансов. Эта должность соответствовала тогда должности управляющего королевским двором и заключалась в том, чтобы «смотреть за продовольственными припасами и кладовой тканей, обстановкой, деньгами и драгоценностями всякого рода, находящимися при дворе.

" Карьера (лат.).

• **Колесо Фортуны**

Это чудесное возвышение, этот невиданный во всем христианском мире успех не мог не вызвать против Жака Кёра множества разных враждебных чувств: озлобление самых знатных фамилий французской аристократии, чьи наследственные земли он выкупил (герцог де Бурбон, маршал де Кюлан, Эсташ де Леви, Л а Тремуй); ненависть его бесчисленных должников, ожидавших с понятным нетерпением его падения; неблагодарность бюргеров

Монпелье, которые сначала превознося его до небес, затем воспылали к нему смертельной враждой за то, что он перевел часть своей торговли в Марсель, порт их соперников; наконец, зависть земляков, недовольных построенным им в родном городе слишком уж роскошным дворцом. Мало-помалу, неприметно для него самого, против Жака Кёра с клеветой, заговорами и интригами выступила целая армия тайных врагов.

• Суд

«Какие бы напраслины на меня ни возводили, никто еще не был столь чист перед королем, как я»,- так Жак Кёр в слепой уверенности писал жене накануне ареста. В апогее своего могущества этот человек, не знавший поражений, оказался последним из увидевших надвигавшуюся на него катастрофу. Смерть Агнесы Сорель разбила сердце короля, а опала Пьера де Брезе лишила казначея самого верного союзника при дворе, и после этого судьба его была решена. Безутешный король попал под влияние новой клики, состоявшей из самых непримиримых врагов Жака Кёра; Жана де Леви, Антуана де Шабанна и Гийома Гуфье.

Суд тянулся два долгих года. Жака Кёра все это время перевозили из одной тюрьмы в другую: в Лю-зиньян, Майе, Тур и, наконец, в Пуатье. Учитывая высокое положение подсудимого, его судили равные ему чины и сам король. Обвинение в смерти Агнесы Сорель, придуманное с единственной целью ожесточить монарха, почти сразу отпало. Остались четырнадцать обвинительных статей и среди них: чеканка низкопробной монеты (несмотря на разрешительную грамоту 1429 г.), поставка оружия неверным, вывоз драгоценных металлов в арабские страны и, самое главное, возвращение мусульманам раба-христианина, который пытался найти убежище на одном из кораблей Жака Кёра. Большинство этих обвинений были справедливы лишь отчасти.

Христианский раб

В 1446 г. некий христианский пленник сбежал от своего мусульманского господина и нашел убежище на борту одного из кораблей Жака Кёра, стоявшего в александрийском порту. Капитан его, Мишле Тейн-тюрье, спрятал беглеца, привез в Монпелье и взял к себе в дом как слугу- Узнав об этом, Жак Кёр впал в неописуемый гнев. Если бы дело дошло до султана, он мог бы расторгнуть все торговые договоры. И безо всяких колебаний Жак Кёр отправил несчастного обратно к мусульманам. Этот поступок дорого обошелся ему на судебном процессе.

•Приговор

Напрасно Жак старался оправдать себя, напрасно папа Николай V прислал посольство просить для него королевского милосердия, и уж подавно понапрасну его семья пыталась доказать, что он как клирик не подлежит королевскому суду. Колесо Фортуны уже повернулось против него. 29 мая 1453 г. в люзиньянском замке канцлер Гийом Жувенель дез Юрсэн зачитал приговор. После «долгого и зрелого рассмотрения» Жак Кёр был признан виновным в «лихоимстве, обмане, незаконном вывозе драгоценных металлов и звонкой монеты, а посему и в оскорблении Величества». Но, принимая во внимание услуги, оказанные осужденным, а также «в уважение» к Его Святейшеству папе, Карл VII избавил его от полагающейся по закону смертной казни. Жак Кер был приговорен «к приличествующему покаянию перед королем в лице уполномоченной на то персоны, а именно: стоя на коленях с непокрытой головой и спущенным до пояса оплечьем, держать в руках горящий восковой факел весом в десять фунтов». А также к конфискации всего имущества и содержанию в тюрьме до полной уплаты всех сумм, каковые признаны были украденными им. Это означало для несчастного пожизненное заключение.

•Романтическая смерть

Было бы жаль, если бы жизнь такого человека окончилась бесцветно, в четырех стенах тюремной камеры. Но судьба определила этому великому бюргеру и окончить свои дни самым необычным образом. В октябре 1455 г., благодаря содействию нескольких священнослужителей, Жаку Кёру удалось бежать из тюрьмы. Через земли короля Рене он достиг Италии и нашел убежище у папы Каликста III, который замышлял тогда военную экспедицию на Родос для зашиты острова от турок. Жак Кёр отправился туда с первым же кораблем в качестве генерал-капитан а, но на острове Жиосе его ждала славная смерть, случившаяся 25 ноября 1456 г. Прежде чем отдать Богу душу он успел написать Карлу VII письмо, в котором поручал королю своих детей.

Разрешается персонально

Miles et mercator

Средневекового купца часто называли «тИез е! тегсаЮг» - торговец и рыцарь.

В противоположность весьма распространенному мнению, занятие торговлей не было тогда несовместимо с дворянским достоинством. Многие фамилии старинного рыцарства, особенно

на юге Франции и в итальянских городах, занимались коммерцией, которая считалась не только не унизительной, но стала одним из способов достижения дворянства. ЛюдовикXI, основывавший всю свою политику на развитии городов, собирался даже ввести систему возведения купцов в дворянское звание. Однако эта мера была отвергнута Парламентом. *Уже* в XVII в. ЛюдовикXIV подтвердил, что дворяне могут безбоязненно заниматься торговлей, но продавать товар только большими партиями «в тюках и ящиках и не содержать лавок»,

Ювелир

При Старом Порядке, а особенно в Средние Века, если человек становился мастером цеха, это означало, что он входил в городскую аристократию. Некоторые профессии, например мясная торговля, были особенно уважаемы. Ювелиры, также как и кузнецы, получали дворянское достоинство, становились благородными и могли носить шлагу. Поэтому возведение Жака Кёра в дворянство было лишь признанием факта и распространением дворянских привилегий на его потомство.

Медичи

(XIII-XVI вв.)

Блистательные банкиры

У *этих торговцев пилюлями была душа принцев и меценатов... и они обанкротились!*

Медичи, ставшие славой Флоренции и за несколько веков породнившиеся со всеми владетельными домами Европы, начинали свою карьеру довольно скромно. Они происходили из Мугелло, небольшой деревушки на севере Тосканы, и были сначала мелкими сельскими собственниками, а потом переехали в город, чтобы заняться торговлей.

С XIII в. Медичи уже занимают достойное положение среди флорентийских бюргеров и обзаводятся тем гербом, который вскоре стал столь знаменитым, и в описании которого значилось: «На золотом поле шесть шаров. Верхний лазурный с тремя золотыми лилиями, остальные пять червленые*.

• Рыцари или аптекари?

Непревзойденные по роскоши

Филипп дв Коммин писал: «Я полагаю, что Медичи обладают величайшим торговым домом, какой только бывал когда-либо в цепом свете«, что, впрочем, неверно, поскольку Барди, раскинувшие свои сети до самого Востока, уже вто время имели у

себя ббльшее число служащих. Только великолепие и роскошь ставили Медичи выше всех других.

Ученые, занимающиеся составлением родословных, за щедрое вознаграждение изо всех сил старались доказать, что знаменитые флорентийские банкиры происходили от паладина Аверардо де Медичи, которого Карл Великий наградил своим оружием за освобождение страны от гиганта Мугелло. К этому, конечно, надо относиться с осторожностью, поскольку само существование сего паладина не более достоверно, чем существование гиганта Мугелло.

Самое распространенное мнение (но столь же бездоказательное) состоит в том, что Медичи происходили из медиков или, скорее всего, из аптекарей, и что шары на их гербе изображают ничто иное как пилюли от кашля.

• Сливки из левого горшка

Как бы ни объясняли происхождение шаров на гербе Медичи (по-итальянски *райе),* во внутренних раздорах города они стали символом сторонников этого рода *(раНеяЗи)*. С давних пор связанные с политической жизнью Тосканы, Медичи постоянно выступали на стороне народной партии *(ророЗап)* против богачей *(#каи&)*. Эта благородная, прогрессивная и бескорыстная политика (как теперь сказали бы, левая ориентация) всего за несколько лет сделала их самыми знатными и самыми богатыми патрициями во Флоренции.

Первыми из этого семейства, кто играл важную роль в политической жизни города, были Аверардо (или Эврар), гонфалоньер в 1314 г., и Сальвестро, тоже гонфалоньер, который возглавил народное восстание против семейства Альбицци и подвергся за это остракизму.

Было бы слишком долго даже вкратце описывать бесчисленные подвиги, совершенные семейством Медичи во славу Флоренции. Оно прославилось и в военных походах, и в политических столкновениях и всегда было первым там, где решались не только их собственные дела, но и дела города. В конце концов, Медичи как-то незаметно перестали отличать одно от другого.

Очень рано расширив поле деятельности своего банка на всю Европу посредством целой сети торговых контор, они сделались самыми известными среди того нового класса капиталистов, который уже начинал брать верх над прежним бюргерским патрицианством.

Престиж громадного состояния Медичи и отношения, которые они поддерживали с остальным миром, весьма облегчили им захват власти во Флоренции.

• **Первый холдинг**

Продолжая выступать в качестве защитников народа от патрициев, эти космополитические банкиры после некоторого времени, проведенного в изгнании, в конце концов, встали во главе Синьории.

В 1421 г. Джованни Медичи по прозвищу (Ц В1сс1 занял должность гонфалоньера. Этот проницательный и ловкий политик сумел, исправив городской кадастр, оказаться полезным своим землякам, не забывая, впрочем, и о собственных доходах. Именно он организовал сеть банков, которые положили основание могуществу его рода.

Деятельность Медичи существенно отличалась от того, чем занимались Перуцци, Барди и прочие Фрескобальди, поскольку с юридической точки зрения у них не было единой «компании». Они владели множеством мелких, теоретически независимых компаний, со своими особыми бухгалтерскими книгами и собственным капиталом. Во главе этих «фи-

Структурная схема компании Медичи около 1458г.

Глава фирмы Косма Старший 4-

Генерапьный директор Джовэнни Америго Бенчи Ф

Шелковая мануфактура во Флоренции

Суконная мануфактураво Флоренции

Городской банк воФлоренцииМеждународный банк(главная контора воФлоренции) имеждународнаяторговля Компании

Ф

г Филиалы в заальпий-сшх странах:

Женева

Брюгге' Лондон

Авиньон

-Филиалы в Италии:

Милан

Венеция

Пиза

•РимБанк

Папское налоговое

Агентство

Торговля

лиалов», разбросанных по всей Европе, стояли управляющие, избранные из акционеров, не принадлежащих к партии большинства. Эти первые генеральные директора не получали

твердых окладов, их доход зависел от прибыли банка. Сами Медичи, считавшиеся «главными компаньонами», владели более чем 50% акций, и поэтому их семейство всегда оставалось полновластным хозяином гигантского, но в то же время чрезвычайно гибкого предприятия.

« Упрочение династии

Из всех достижений Джованни ди Биччи не самым последним было то, что он оставил после себя двух сыновей, еще более умных чем он сам. Козимо и Лоренце стали воистину создателями величия семейства Медичи. Благодаря им потомки аптекарей из Мугелло сделались знатнейшими людьми в Европе.

Козимо или, как его называли, Косма Старший, был предком Лоренцо Великолепного, герцогов Не-мурских и Урбинских, пап Льва X и Клемента VII, Александра, герцога Флорентийского и королевы Франции Екатерины Медичи.

Что касается самого Лоренцо, то среди его потомков было несколько великих герцогов Тосканских и французская королева Мария Медичи.

• Диктатор-республиканец

Косма Старший (1389-1464) после смерти своего отца стал руководить всеми делами семьи. Альбиц-ци, чью патрицианскую власть он пытался уничтожить, изгнали его из города, но в 1432 г. он с триумфом возвратился и, сохраняя республиканскую форму правления, на деле установил свою собственную диктатуру. Не соглашаясь сам занимать какие-либо официальные должности, он всегда устраивал так, чтобы у власти оказывались преданные ему люди. Таким образом руки у него оставались свободными, и он мог осыпать сограждан благами, а следовательно поддерживать свою популярность. Окруженный ореолом имени «Отца Отечества*, Косма стал одним из великих государей эпохи Возрождения и был первым в череде великих меценатов семейства Медичи.

Именно он, удвоив доставшееся ему состояние, направил свои усилия на то, чтобы сделать Флорен-

цию самой престижной лабораторией Возрождения. Он призвал архитекторов и художников-Брунел-лески, Микелоццо, Донателло, Филиппе Липпи, Беноццо Гоццоли. Он окружил себя учеными-гуманистами, такими как Бруни и Марсилио Фичино, которого поставил во главе созданной им флорентийской Платоновской Академии.

•Тиран-гуманист

В)гук Космы Старшего, Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным, был, возможно, самым прославленным из всех государей Возрождения. Наследовав в 1469 г. своему отцу Пьеро-Подагрику, он получил титул «рппаре йе11о 5га1о!- (князя Государства), что придавало некоторую законность власти семейства Медичи над Синьорией, которая, однако, утвердилась не без некоторых затруднений. Патриции во главе с Пацци, поддержанные папой Сикстом IV, составили заговор против тирании Медичи, который окончился неудачей, но в кафедральном соборе был убит брат Лоренцо Джулиано. После его гибели на Лоренцо ополчились объединившиеся Неаполь и Сиена, сопротивление которым было бы безнадежно неравным, не удайся ему чудесным образом избежать надвинувшейся опасности благодаря набегу турок, смешавших все планы его врагов. Это испытание только возвысило Лоренцо в глазах флорентийцев, и с того дня он уже прочно утвердил власть Медичи.

•Принц поэтов и художников

Теперь по примеру своего деда он мог посвятить все свои богатства поощрению искусств, покровительству литературы и наук. Превратив Флоренцию в гигантскую художественную галерею, он лучше чем кто-либо другой, воплотил в себе идеал государя эпохи Возрождения. Просвещенный любитель искусств и щедрый гуманист, Лоренцо более заботился о меценатстве, нежели о торговле и финансах и, встав на путь непомерных трат, он неизбежно должен был привести все семейство к разорению. Но более всего Лоренцо Великолепный стремился к политической власти, и конечно же, его нельзя было считать капиталистом. Пренебрегая финансовым могуществом и торговлей, он вложил почти все свое состояние в земли и поместья. Хотя и рожденный для того, чтобы возглавить торговую империю,

Банкир-поэт

Кроме того, что он был меценатом и политиком, Лоренцо Великолепный еще и сочинял стихи. Его произведения, отличающиеся чистотой стиля и изяществом, были опубликованы в 1626 г. великим герцогом Леопольдом!!.

Лоренцо I Великолепный (1449-1492)

ПьетроН (1472-1503)

Джоанни Лев X (1475-1521)

Банкротство

Страсть Лоренцо к гуманитарным наукам и литературе повлекла за собой быстрый упадок Компании. Один за другим закрывались филиалы:

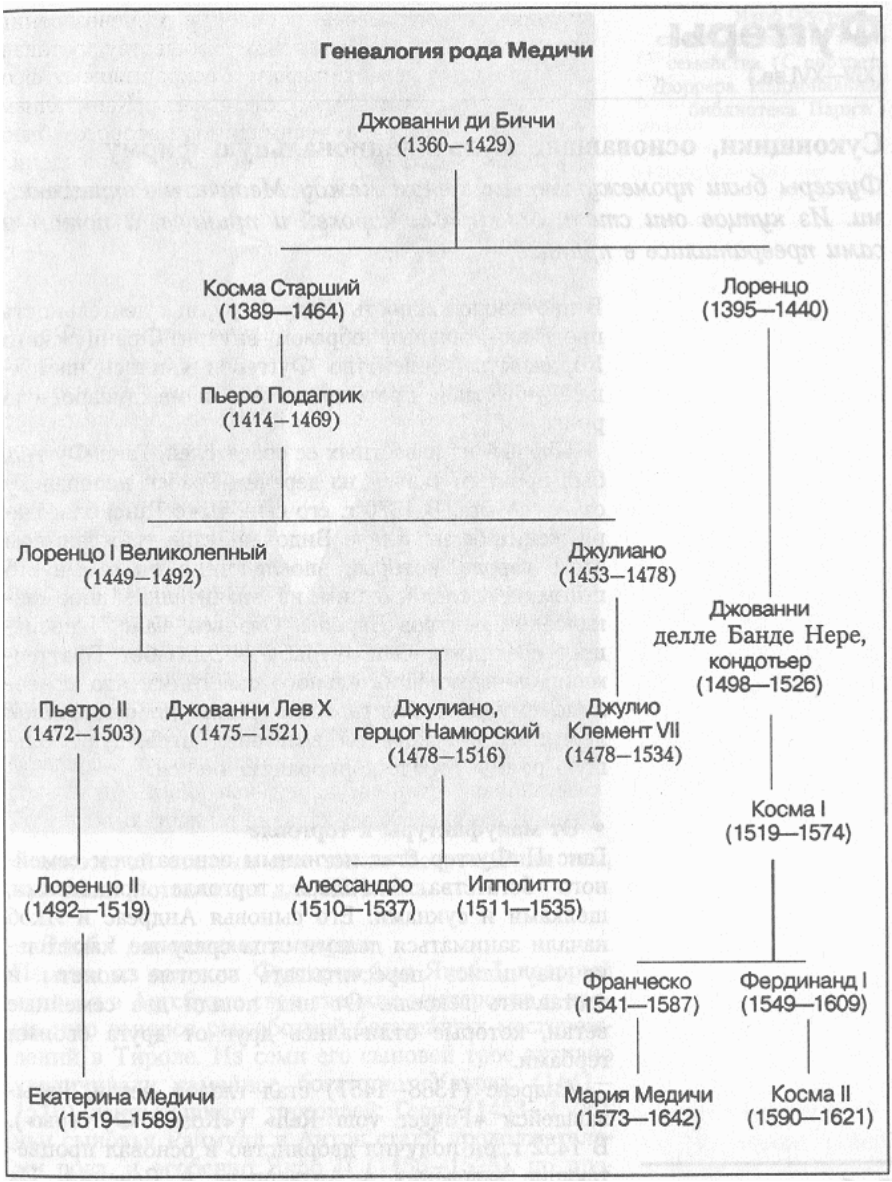
1469 г.- венецианский, 1478 г.- в Лондоне и Брюгге, 1494 г.-

миланский.

Лоренцо тем не менее по своему мировоззрению принадлежал к средневековому обществу, остававшемуся строго иерархическим и сохранившему феодальные порядки и рыцарские идеалы. Капитализм, гениальными предшественниками которого были его предки, находился лишь в стадии зарождения. По представлениям Лоренцо Медичи, суверенная династия явилась естественным завершением восхождения к власти.

• **Величие и упадок**

Желая играть в принцев, Медичи заставили Фортуну повернуться вспять, и эта до сего времени улыбавшаяся им богиня начала строить гримасы. В 1494 г. по прибытии Карла VIII флорентийцы восстали против своих властителей и заставили Пьеро, сына Лоренцо Великолепного, покинуть город, так что находившийся во Флоренции банк был сразу же обезглавлен. Финансовая карьера Медичи окончилась, и с этого дня с ними уже могли считаться не более, чем с обычными владетельными особами. Первенство перешло к Франции, к европейским меценатам и римским первосвященникам. Несколько раз Медичи удавалось вновь утвердиться в своем городе, ко никогда им уже было не стать денежной династией подобной тем, которые появились после них лишь в XIX в. На вершине своего могущества они избрали роль государей, чья власть была выше или, по крайней мере, наравне с властью денег.



Фуггеры

(XIV-XVI вв.)

Суконщики, основавшие мультинациональную фирму

Фуггеры были промежуточным звеном между Медичи и Ротшильдами. Из купцов они стали банкирами королей и принцев, а потом и сами превратились в принцев.

В противоположность Жаку Кёру, чья деятельность протекала главным образом внутри Французского Королевства, семейство Фуггеров явилось настоящей династией, претендовавшей на международную роль.

Первый из известных ее создателей, Ганс Фуггер, был простым ткачем из деревни Грабен неподалеку от Аугсбурга. В 1370 г. его сын, тоже Ганс, благодаря женитьбе на Кларе Видольф, стал гражданином этого города, который впоследствии он сам и его потомки сделали одним из значительнейших финансовых центров Европы. Овдовев, Ганс II поспешил соединить свою судьбу с Элизабет Гфаттер-манн, дочерью влиятельного советника, что позволило ему продолжить восхождение по социальной лестнице, и вскоре он возглавил игравшую большую роль в городе корпорацию ткачей.

• От мануфактуры к торговле

Ганс II Фуггер стал истинным основателем семейного богатства благодаря торговле пряностями, шелками и сукнами. Его сыновья Андреас и Якоб начали заниматься делами отца сразу же, как только научились пересчитывать золотые монеты и составлять векселя. От них пошли две семейные ветви, которые отличались друг от друга своими гербами.

Гербы

У «Козьих Фуггеров" •- золотая лань на лазурном поле. У "Фуггеров Лилии- - две золотые лилии тоже на лазурном попе.

Андреас (1388-1457) стал главой ветви, называвшейся «Рид^ег гот ЕеЬ» («Козьи Фуггеры»). В 1452 г. он получил дворянство и основал процветающие заведения в Антверпене и Венеции. Из двух братьев он, по всей видимости, был самым одаренным и энергичным. К несчастью, его потомство пресеклось в следующем поколении, разорившись на слишком рискованных кредитах.

От младшего брата Якоба происходила ветвь «Ри§§ег тот йег 1лНе» («Фуггеры Лилии»), ставшая

Якоб Фуггер -самый великий из всего семейства. (С портрета Дюррера. Национальная библиотека. Париж.)

в некоторой степени для эпохи Возрождения тем, чем были Ротшильды для XIX века.

•Якоб I основывает империю

Первым из великих Фуггеров был Якоб I, который основал в Аугсбурге свои ткацкие мастерские и кроме того занялся

разработкой богатейших месторождений в Тироле. Из семи его сыновей трое активно увеличивали семейное богатство: Ульрих (1441- 1510), занимавшийся торговлей; Георг (1453-1506), чьи сыновья Раймунд и Антон стали продолжателями рода, и особенно Якоб II (1456-1525), по прозванию Богач, благодаря которому семейство Фуггеров получило международное признание и добилось политической власти.

•Якоб II Богач

Будучи человеком набожным, Якоб несколько лет пробыл в духовном звании, однако со временем он

Индульгенции

Одним из источников обогащения Фуггеров был денежный сбор с индульгенций. Кроме того, они держали на откупе чеканку ватиканской монеты.

Графы Священной Римской Империи

После Сейма 1530 г. император Карл V останавливался в доме Антона и Раймунда Фуггеров и именно тогда возвел их в достоинство имперских графов.

Поместья

В 1507 г. Якоб II одолжил Максимилиану Австрийскому 70.000 флоринов и в качестве залога получил владения Вайсенхорн, Мартеттен и графство Кирх-берг, которые долгое время оставались в семействе Фуггеров. В 1519г. Фуггеры предоставили заем на сумму 544-000 флоринов, необходимых для избрания будущего императора Карла V.

все же поддался искушениям сего грешного мира и занял при своем брате Ульрихе то место, которое полагалось ему по семейной иерархии.

Отказавшись от торговли пряностями, уже испытывавшей в эпоху Возрождения сильную конкуренцию, он решительно повернулся к горному делу и организовал в небывалых еще масштабах разработку венгерских залежей серебра и меди. Эта промышленность, сочетаясь с торговлей в Индиях и банковским делом, которое он развернул по всей Европе, позволила придать семейному предприятию воистину международное значение.

• **Банкир князей и пап**

В 1519 г. Фуггеры, связанные с августейшим домом Габсбургов многими привилегиями, поддержали кандидатуру Карла V на императорский престол. Якоб заплатил электорам 544.000 флоринов, не считая векселей, подлежащих оплате после

выборов. И он сумел с величайшей ловкостью возместить свои щедрые расходы, не прося даже у самого кандидата никакой формальной гарантии. В благодарность за это могущественнейший суверен Европы пожаловал ему среди множества прочих милостей откупы с обширнейших владений, которые принадлежали в Испании рыцарским орденам Калатрава и Алькантара, аренду альмаденских ртутных копей и разработку серебряных залежей на Гвадалквивире.

Фуггеры как международные экономические магнаты, финансисты императоров Фердинанда и Карла были, вполне естественно, и папскими банкирами. Папы поручали им собирать налоги в Центральной Европе и обращались за денежной помощью при строительстве собора Св. Петра в Риме. Подобные дела лишь увеличивали политическое влияние рода, предприятия которого были разбросаны от

42

Мультинационал ьная фирма

(Фирма Фуггеров к 1525 г.)

Фактории

Антверпен, Кёльн, Франкфурт, Майнц, Нюрнберг, Хохенкирхен, Лейпциг, Аугсбург, Хал, Инсбрук, Данциг, Бреслау, Краков, Вена, Будапешт, Больца-но, Милан, Венеция, Рим, Неаполь, Мадрид, Севилья, Лиссабон.

Представительства

Амстердам, Страсбург, Любек, Гамбург, Люнебург, Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Регенсбург, Познань, Торунь, Пресбург, Чеслау.

Копи

Тайа (Тпауа), Гаштейн, Байя Маре (Фрауензай-фен).

Копи и фактории

Швац, НеЙзол (Банска-Бистрица).

Лиссабона до Кракова, от Рима до Антверпена и от Средиземного моря до Балтики.

• **Принцы Ренессанса**

Фуггеры отнюдь не довольствовались ролью предшественников капитализма по-американски, они были еще и настоящими принцами эпохи Возрождения, то есть страстными меценатами, покровительствовавшими искусствам и изящной словесности, не забывавшими при этом и о благотворительности.

Их аугсбургский дом, ЕпвёегЬаиз, окруженный роскошными садами, сосредоточил в себе кроме фресок Альтдорфера все книжные раритеты, все произведения искусства, все драгоценные предметы, какие только можно было отыскать тогда в «кабинете редкостей* просвещенного человека.

Будучи ревностными католиками, они финансировали войны с протестантами и отдавали значительные суммы на помощь бедным. Самым ярким примером этого служит постройка в одном из пригородов Аугсбурга целого квартала (Ри§@еге1), где было не менее ста шести жилищ для обездоленных.

Банкиры Габсбургов

В 1563 г. активы банка Фуггеров оценивались в 5.6Б1.493 флорина, из них 4.445.135 флоринов составляли кредиты дому Габсбургов.

Обоюдоострая милость

После смерти Якоба II бразды правления взял в свои руки его племянник, сын Георга Антон. По

примеру дяди, он помогал дому Габсбургов в политических делах. За денежное содействие при избрании Фердинанда Г Королем Римлян он и его брат Раймунд были возведены в достоинство графов Священной Римской Империи, да еще впридачу Антон получил завидную для его положения привилегию чеканить монету. Однако тот же Австрийский Дом, послуживший Фуггерам источником богатств, немало способствовал и их разорению. Габсбурги все чаще стали требовать увеличения кредитов, и Антону вместе с братом пришлось прибегать к чрезмерным займам, которые им всегда с большой охотой предоставляли антверпенские банкиры. Ряд банкротств испанской монархии, хотя и не столь крупных, но следовавших одно за другим, привели в конце концов Фуггеров к разорению.

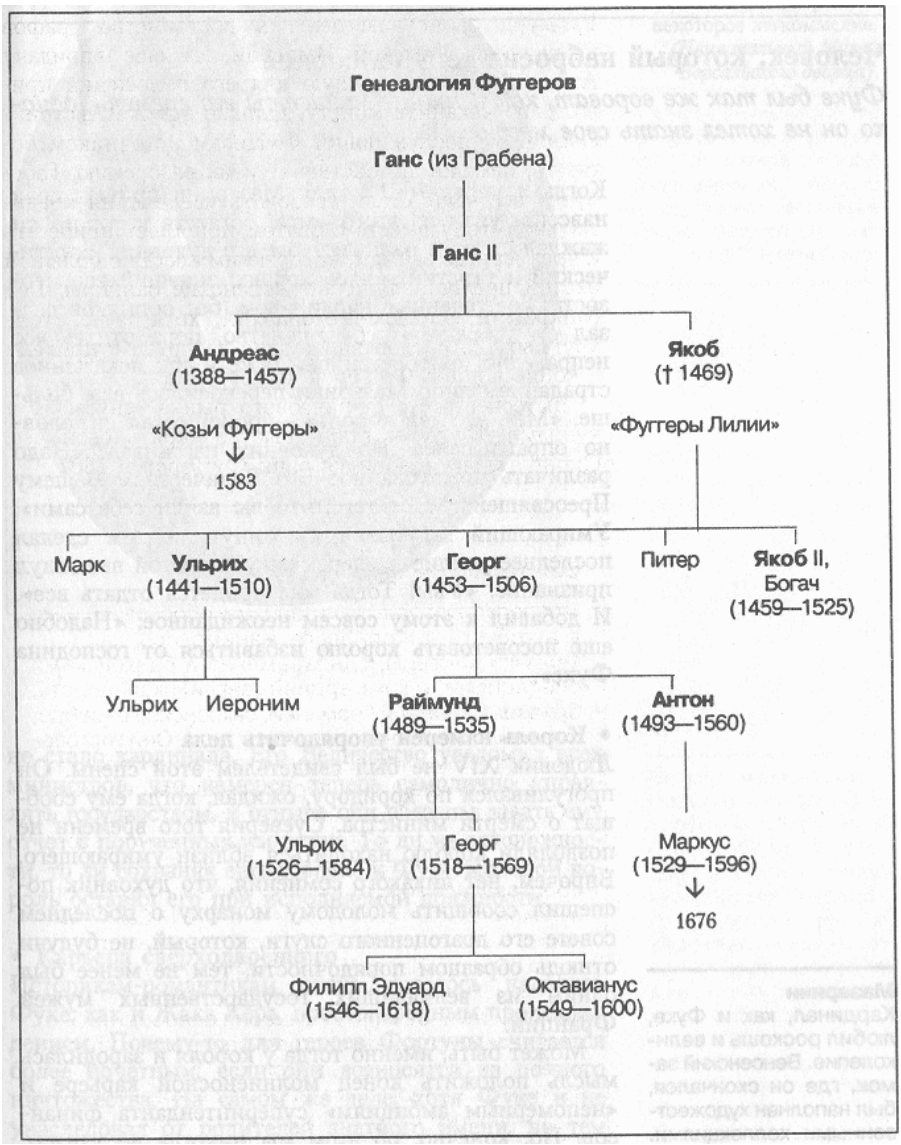
Вытесненные с финансового рынка генуэзскими купцами, Фуггеры стали быстро терять свой вес. Окончательно разорился банк Фуггеров в 1607 г.

Семейство Вельзер

Эти первойроходцы капитализма, обосновавшиеся в Аугсбурге и Нюрнберге, занимались, как и их земляки Фуггеры, одновременно и банковскими операциями, и коммерцией (английская шерсть, бумазея из Южной Германии, саксонское серебро, фламандские сукна, пряности и т. п.). Они торговали шафраном с Италией, участвовали в колонизации Южной Америки и португальских экспедициях в Ост-Индию (1505 г.), благодаря чему заняли ведущее положение в торговле перцем. Их интересовали оловянные и серебряные рудники Богемии, они обосновались во всех финансовых центрах Европы и, накопив

гигантское состояние, стали банкирами нескольких монархов. В 1519 г. Вельзеры истратили на выборах Карла V 143.333 флорина.

Как и многие купцы-банкиры эпохи Возрождения, они не избежали искушения освободиться от своего статуса финансистов и сделаться «обыкновенными» большими вельможами, почитая самым верным средством для этого союз какой-нибудь из своих дочерей с сыном императора Фердинанда I. Как и Фуггеры они стали жертвой ряда банкротств испанской монархии. В 1614 г. Матиас Вельзер объявил себя несостоятельным.



Портрет Никола **Фуке** на вершине его великолепия. Во взгляде виден ум, но в то же время и некоторое легкомыслие. *(Национальный Музей Версальского дворца).*

Никола Фуке

{1615-1680}

Человек, который набросил тень на солнце

Фуке был так же вороват, как и многие министры его времени, однако он не хотел знать свое место.

Когда 9 марта 1661 г. для Мазарини пришел срок навсегда уйти из этого мира, богатств которого он жаждал с таким

излишеством, его духовник, аскетический и строгий монах, хорошо знавший все мерзости, совершенные кардиналом, без обиняков сказал ему: «Ваше Преосвященство, пора отдать все неправедно приобретенное». Уже и так искаженное страданием лицо Мазарини перекосилось еще больше. «Мне все дал король»,- пробормотал он, словно оправдываясь. Но духовник настаивал: «Надо различать пожалованное Его Величеством Вашему Преосвященству от того, что вы взяли себе сами». Умирающий задумался на минуту, потом сделал последнее усилие и вперемежку с икотой выдохнул признание: «Увы! Тогда мне придется отдать все». И добавил к этому совсем неожиданное: «Надобно еще посоветовать королю избавиться от господина Фуке».

Мазарини

Кардинал, как и Фуке, любил роскошь и великолепие. Венсенски и замок, где он скончался, был наполнен художественными коллекциями. «И я должен расстаться со всем этим!- - наверно воскликнул он, прежде чем отдать Богу душу.

• Король намерен упорядочить дела

Людовик XIV не был свидетелем этой сцены. Он прогуливался по коридору, ожидая, когда ему сообщат о смерти министра. Суеверия того времени не позволяли королю находиться вблизи умирающего. Впрочем, нет никакого сомнения, что духовник поспешил сообщить молодому монарху О последнем совете его драгоценного слуги, который, не будучи отнюдь образцом порядочности, тем не менее был одним из величайших государственных мужей Франции.

Может быть, именно тогда у короля И зародилась мысль положить конец молниеносной карьере и «непомерным амбициям» суперинтенданта финансов. Но, конечно, об этом мы никогда не узнаем. Уже давно под влиянием Кольбера за кулисами власти образовалась деятельная клика, добивавшаяся падения Фуке. Однако время еще не наступило, Людовик, похоже, ничуть не верил сплетням о лихоимстве своего суперинтенданта. После того, как

не стало кардинала, Его Величество уведомил всех министров, что намерен теперь самолично управлять государством, и отныне они обязаны давать ему отчет в порученных им делах. То ли из осторожности, то ли сохраняя еще доверие к Фуке, молодой король оставил его при исполняемой должности.

• Карьера сверходаренного

Историкам-романтикам очень хотелось наделить Фуке, как и

Жака Кёра, простонародным происхождением. Почему-то для героев Фортуны считается более почетным, если они возносятся из полного ничтожества. На самом же деле, хотя Фуке и не унаследовал от родителей знатного имени, но тем не менее принадлежал он к хорошему бюргерскому роду, незадолго до его рождения получившему дворянское достоинство. Никола был сыном Франсуа Фуке, виконта де Во, ординарного советника короля Людовика XIII, и «Благородной Дамы» Марии

Луи Фуке

Одному из внуков суперинтенданта выпала славная судьба. Это был Луи Фуке, маркиз де Бель-Иль, родившийся в 1634 г. в Вильфранш-де-Руэрг. Он поступил на военную службу и отличился во время войны с Австрией. Занимал пост военного министра и был маршалом Франции. Умер в 1761 г.

де Мопё. К тому же отец и мать оставили ему недурное состояние.

Вся жизнь суперинтенданта вплоть до рокового 1661 г. была олной непрерывной чредой успехов и почестей. Завершив изучение права, он начал свою карьеру в качестве адвоката парижского Парламента. Затем, едва достигнув двадцати лет, купил себе весьма дорогое место советника. Благодаря выгодной женитьбе на Марии Фуршье (эта дульцинея принесла ему в приданое 160 тысяч ливров), он унаследовал от своего тестя должность докладчика в Государственном Совете, потом на него обратил внимание и приблизил к себе кардинал Мазарини. Это было идеальное начало для восхождения наверх. Шаг за шагом он получает назначения: интенданта провинции, интенданта Парижского финансового округа, прокурора кассационного суда в столичном Парламенте. Эта последняя должность дала ему счастливую возможность во время Фронды обратить на себя внимание партии короля.

Своей верностью, искренность которой не вызывает сомнения, он заслужил благодарность Мазарини, и в награду за оказанные им услуги кардинал получил для него от регентши место суперинтенданта финансов и звание государственного министра.

• **Нравы эпохи**

В такие времена как наши, когда скандальная пресса напропалую пользуется самыми грязными слухами, когда бесстыдно пачкают репутацию государственного деятеля по любому ничтожному поводу, трудно представить себе то

лихоимство, которое при начале царствования Людовика XIV было во французской политике обыкновеннейшим делом. Всеобщее взяточничество поощрялось всей фискальной системой, бывшей одним из самых темных пятен Старого Порядка. Вместо того, чтобы собирать налоги сразу через королевских чиновников, их «закрепляли» за частными лицами, получая от них авансом заранее оговоренные суммы. Налоговый откуп выставлялся на торги и, по обычаю, тот, кто выигрывал аукцион, подносил министру «благодарность» или же назначал ему годовую пенсию до конца аренды.

Фуке был бы святым-чего, конечно, и в помине не было-если бы пренебрег этой малопочтенной торговлей, но относился он к ней как к делу

общепринятому и практиковавшемуся всеми министрами до него, начиная с самого Мазарини. Главный его грех был, однако, в том, что занимался он этим слишком открыто, пренебрегая общепринятыми мерами предосторожности. В самих же способах обогащения Фуке не только ничем не уступал своему господину, кардиналу Мазарини, но умел находить для этого новые возможности. К примеру, он спекулировал на бесчисленных государственных займах, цена которых вследствие опустошения казны приближалась к нулю. Перепродавая их через подставных лиц, он обогащался, хотя и скандальным, но законным способом. Для этого на облигациях нужна была лишь его подпись как суперинтенданта, что гарантировало их незамедлительную оплату звонкой и полновесной монетой (конечно, он брал за это хорошие деньги).

Кроме того, чтобы покрыть расходы постоянно нуждавшегося государства, Фуке часто одалживал королю крупные суммы, которые щедро вынимал из собственного кармана. Из этих ссуд, хотя у Людовика XIV не было ни желания, ни средств возвращать их, Фуке извлекал двойную выгоду. Во-первых, они делали еще более неопределенной границу между его личными деньгами и государственными финансами, а во-вторых, как ему казалось, упрочивали его положение доверенного лица при монархе.

***Фуке строит свою империю**

Деньги, реками стекавшиеся в его кассы, суперинтендант тратил с невероятной расточительностью. Фуке безумно любил роскошь, почести и блеск. Пользуясь человеческой жадностью, он скупил одну за другой должности: великого раздатчика королевской милостыни, советника Ратуши, секретаря

чрезвычайных комиссий Государственного Совета и самую завидную из всех-канцлера королевских орденов. По наущению Мазарини и за скромную сумму в миллион триста тысяч ливров он стал владельцем Бель-И ля, где возвел портовые укрепления. Намереваясь в будущем развивать торговлю с Индиями, Фуке построил великолепный флот, которому, однако, так и не довелось выйти в море.

Во всем нужна мера

Роскошь праздника в Во особенно блистала во время обеда, который был сотворен непревзойденным Вателем и подавался на сервизе, насчитывающем не менее тридцати шести дюжин золотых тарелок и пятисот дюжин серебряных. Король обратил внимание на одну сахарницу: «Какая великолепная позолота!» - воскликнул он. На этот комплимент суперинтендант с гордостью возразил: »Это не позолота, государь. Это чистое золото».

•Безумие величия

В 1661 г., когда суперинтендант достиг апогея своей карьеры, он владел гигантской недвижимой собственностью. Все его жилища демонстрировали непо-

49

Герб **Фуке**

с изображением белки. Суперинтендант присо-единил к нему девиз: «Цио поп аЕсепдагп?» Впоследствии, как и французские короли, он избрал другую эмблему: солнце^.

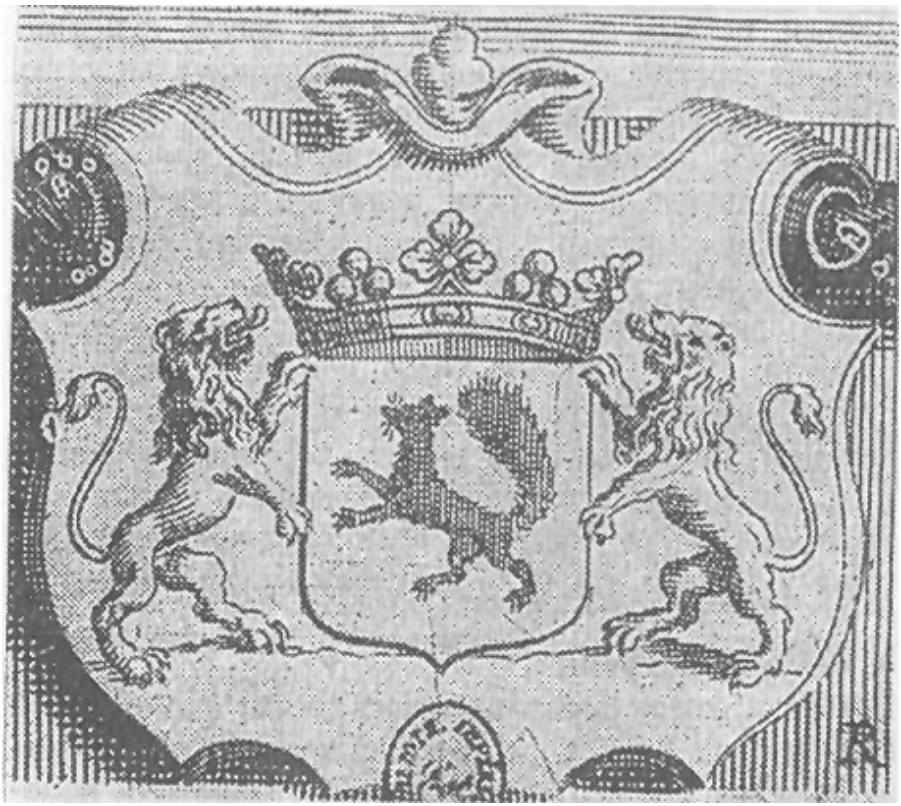
и это был его промах! *(Гравюра Наншйля, Национальная Библиотека, Париж).*

мерную, даже оскорбительную роскошь, которая немало способствовала его опале. Кроме величественного дворца на улице Сент-Оноре, ему принадлежали в столице пять больших доходных домов и зал для игры в мяч на улице Гранд-Опостен. Фуке имел загородные дома в Монтрёйе, куда он часто приезжал, и в Сен-Мандэ, об украшении которого постоянно заботился. Наконец, в парижском округе он унаследовал от отца два виконтства и не упустил расширить их за счет новых земель в Мелёне и особенно в Во, где он построил замок «Тысячи и одной ночи». Наши современники, благодаря гостеприимству графа де Вогюэ, могут видеть его воссозданное великолепие.

• Однодневное солнце

«Quo non ascedam?» («Куда не поднимусь я?»-) - такой девиз можно прочесть под белкой, изображенной на гербе рода Фуке. Этими говорящими гербами суперинтендант украшал в виде росписей, гравюр и барельефов все стены своего замка. Именно такой девиз принадлежал человеку, уверенному в себе и своем будущем.

В этот день, 16 августа 1661 г., виконт де Во, сгорая от нетерпения, ожидал к себе короля со всем двором. Если у Фуке не было недостатка в амбициях, то чувство- меры ему явно недоставало, и, сподобившись этой величайшей милости, он надеялся



поразить своего августейшего гостя. Он приготовил роскошнейший праздник у себя во дворце, построенном за безумные деньги, где трудились молодые таланты, которых Людовик XIV как человек со вкусом вскоре оценил по достоинству. Парк разбивал Лекотр, дворец возвел Лево, фонтаны устроил То-релли, а на стенах висели картины Лебрена. Для прочих развлечений монсеньёр суперинтендант призвал некоего Жана Батиста Поклена, называвшего себя г-ном де Мольером. В зеленом театре с хитроумными механизмами приготовились играть «Докучливых»; здесь были и фавны, и вакханки, и балерины, и ракеты, и олицетворение Нимфы - г-жа Бежар, выходящая из раковины. Ночь в Во обещала стать самым лучшим представлением века и освятить триумф владельца этих мест, который не постеснялся предложить Лебрену нанести свой

портрет на изображение солнца, украшавшее плафон зала. Солнце, им самим избранное в качестве символа!

Похвала празднеству

Лафонтен оставил нам восторженное описание ночного празднества в Во, которое, частью стихами, частью прозой, он послал 22 августа1661 г. своему другу г-ну де Мокруа. Приведем оттуда 8 качестве образца одну цитату: «Нимфы Во не отводили от короля глаз; их всех покорила доброта его лица, если позволительно употребить такое выражение по отношению к столь великому государю».

• **Заговор**

Фуке был тем более уверен в милости короля, что его совсем недавно вновь утвердили суперинтендантом, да к тому же он еще и одолжил Его Величеству на государственные нужды миллион золотых, которые получил от продажи своего места генерального прокурора. Ослепленный успехами, он совсем не замечал, как сплетается против него интрига, особенно после смерти кардинала Мазарини.

Кольбер, в гербе которого красовался уж, являл собой необычайную для того времени фигуру неподкупного министра, но, в соответствии со своим гербом, был человеком изворотливым, злым и мстительным. Он боялся разоблачить злоупотребления Мазарини, опасаясь за свою карьеру и всю снедавшую его ненависть к стоявшим у власти нечестным людям перенес на суперинтенданта. Состоя, благодаря заботам кардинала, под начальством Фуке, он уже давно считал его своим личным врагом и решился непременно погубить.

Кольбер сделал это со всем коварством и со всей осторожностью, которые присущи змее. Он нашептал о тех подозрениях, которые должно вызывать у молодого короля богатство его министра, и тут же напомнил предсмертный совет Мазарини. Он действовал столь искусно, что в голове монарха посели-

лось подозрение. Неловкости, совершенные Фуке, лишь довершили дело.

•Затемнение солнца

Как могло случиться, что столь проницательный человек не осознавал риска, на который он идет, показывая такому тщеславному государю как Людовик XIV дворец, рядом с которым королевские резиденции выглядели жалкими лачугами? По

какому ослеплению не заметил он едва скрываемое монаршее раздражение? Несомненно, дары Фортуны затмили рассудок суперинтенданта.

Конечно, пока длился праздник, король старался сохранять хорошую мину. И его вопросы, и то, как он отвечал сам, казалось, свидетельствовали не только об уважении, но даже о восхищении. Уезжая, он благодарил хозяина с поистине королевской вежливостью. И правда, ночь в Во была блистательна... Столь блистательна, что у самого короля Франции никогда бы не нашлось средств устроить подобное празднество.

Пока карета увозила Людовика в Фонтенбло, он не мог подавить растущее раздражение. «Его надо было тут же арестовать»,-сказал он своей матери и прибавил: «Придет время, и я покажу всем этим людям их место». Но у Анны Австрийской мысль об аресте суперинтенданта вызвала серьезное беспокойство. Все обстояло не так просто, как может показаться сегодня. Фуке имел не только врагов, но и преданных ему клиентов. Кроме того, он владел Бел ь-Илем-настоящей крепостью, где можно было укрыться и, в случае надобности, обороняться от всей королевской армии. Еще хорошо помнили Фронду, и хотя монархия, благодаря стараниям Маэарини, стала намного сильнее, все-таки она еще оставалась достаточно уязвимой. Поэтому осторожный Людовик XIV предпочел дожидаться удобного случая.

Лафонтен

Среди тех редких друзей, которые не оставили суперинтенданта в беде, следует особенно упомянуть Лафонтена. Будучи первоначально его протеже, он оставался другом Фуке, и в год ареста своего покровителя и его переселения в Пиньероль осмелился сочинить «Оду к нимфам Во».

•Падение

На сентябрьском собрании сословий Бретани в Нанте такой случай наконец представился. В понедельник 5-го числа после заседания Совета король наедине разговаривал с суперинтендантом. Несомненно, речь шла о Кольбере, опалы которого конечно желал Фуке, и по окончании разговора белка уже возомнила, будто с ужом покончено. Фуке и представить себе не мог, что в тот самый момент,

когда монарх еще раз выказывал ему свое доверие, кавалер д'Артаньян уже ехал с приказом отвезти его в тюрьму. Никола Фуке был арестован в карете возле нантского собора, когда он

направлялся во дворец де Руже. «Тут какая-то ошибка,-закричал он знаменитому мушкетеру,-ведь я суперинтендант финансов». Д'Артаньян ответил ему: «Монсеньор, Его Величество приказал мне доставить в Венсен-ский замок именно суперинтенданта финансов». И оцепеневший Фуке, с остановившимся взором, бормоча; «Это невозможно, я у короля на самом лучшем счету... это просто смешно», дал себя увезти.

•Козел отпущения

На процессе Фуке не было той полной беспристрастности, которая является непременным условием истинного правосудия. Его враги, и прежде всего Кольбер, спешили покончить с ним, и никто не был заинтересован, чтобы он раскрыл всю правду. Главная статья обвинения заключалась в расхищении общественных денег, и только одно это могло повлечь высшую меру наказания. По второй, и не менее серьезной чем первая, статье ему вменялся заговор против королевской власти. Во время обыска его дома в Сен-Мандэ действительно был найден •план обороны», подготовленный обвиняемым на случай, если ему придется искать убежища в Бель-Иле. Это составляло уже государственную измену и также могло привести прямехонько на эщафот.

Чувствуя угрозу своей жизни, Фуке отчаянно защищался. Чтобы оправдаться, он вновь обрел красноречие своей прежней прокурорской должности. «Конечно,-признавался он,-я, пожалуй, чересчур любил роскошь (было бы бессмысленно отрицать это), но посмотрите мои счетные книги и вы убедитесь, что я не только не обогатился на королевской службе, но напротив, пришел к полному разорению. Неоднократно я субсидировал Его Величество значительными суммами, используя для получения оных свой собственный кредит. В настоящее время все мое имущество обременено долгами. Что касается плана обороны, то он появился в минуту помутнения рассудка, подверженного горячечной болезни. Я не имел ни малейшего намерения использовать его против короля».

•Узник Пиньероля

Похоже, что Фуке умело защищался, ибо даже неправедные судьи сняли обвинение в государствен-

ной измене. Не нашлось ни малейших следов хоть каких-то

действий, направленных на осуществление этого пресловутого «плана обороны». Зато по наущению Кольбера судьи не удовлетворили настоятельную просьбу обвиняемого о проверке его счетных книг. В конце концов, они вынесли Фуке сравнительно легкий приговор: ссылка и конфискация всего имущества.

Однако король счел такое решение не соответствующим нанесенной ему обиде и, случай для нас невероятный, воспользовался, вместо своего права помилования, властью ужесточить приговор. Он заменил ссылку на пожизненное заключение.

Суд длился три года. В декабре 1664 г. д'Арта-ньян со своей ротой мушкетеров отвез преступника в Пиньероль-крепость, затерянную среди гор Пьемонта. Забытый всеми, Фуке умер там 23 марта 1680 г. На следующий год оставшиеся после него вещи были переданы Марии Магдалине де Кастиль, его второй жене. Верная своему супружескому долгу, она перевезла Никола Фуке, виконта де Во и суперинтенданта финансов в последнюю его обитель-довольно скромный родовой склеп в часовне Сен-Мари, что на улице Сент-Антуан.

Мудрая предосторожность

Несомненно более предусмотрительная чем ее муж, Марин Магдалина де Кастиль за некоторое время до празднества в Во потребовала раздела имущества. Эта мудрая предосторожность позволила избежать нищеты, на которую ее в противном случае, несомненно, обрекла бы опала супруга. Вильф-ранш-де-Руэрг послужил убежищем для нее, детей и свекрови. Все семейство вело там достойный образ жизни и заслужило уважение тамошних жителей.

• **Миллиардер без гроша**

Долгое время само имя Никола Фуке оставалось в истории Франции синонимом лихоимства и беззакония. После немилости столь самовластного монарха, как Людовик XIV, лишь очень немногие, подобно Лафонтену, осмеливались публично выказывать Фуке свое сочувствие. Король-Солнце объявил его преступником, и в тот Великий Век было дурным тоном иметь какие-то другие мнения.

Дело Никола Фуке стало историей. И оно оставалось бы окончательно закрытым, если бы не последние (лет двадцать назад) исследования профессора Военно-Морской Школы Даниеля Дессера, которые принесли некоторые неожиданности. Этот историк, получивший докторскую степень за труд о финансах в царствование Людовика XIV, провел тщательный анализ бухгалтерских книг нашего суперинтенданта и, благодаря

своему каторжному трУДУ. установил, каким же на самом деле было его состояние. Он понял, почему Фуке так настаивал на проверке счетных книг и почему Кольбер с таким жаром противился этому. Конечно, суперинтендант, как впрочем и все другие, предавался

лихоимству и растратам, но что касается «вызывающего богатства», ставшего главным основанием обвинения, то его не было и в помине. Сделанные им долги (часто для субсидирования короны) оказались столь велики и многочисленны, что пассив далеко превосходил все активы. Беспристрастная проверка счетов, безусловно, оправдала бы его.

Так значит Фуке был невиновен? Подобное утверждение оказалось бы чрезмерным преувеличением. Справедливее назвать его козлом отпущения: Людовик XIV хотел упорядочить финансы и исправить нравы государственных деятелей. Ему нужен был пример. Мазарини, в тысячу раз более повинный в лихоимстве, уже переселился к праотцам, да и вряд ли король пошел бы на то, чтобы разоблачить министра, которому он был обязан своим троном. И Никола Фуке заплатил по чужим и своим счетам.

ЕВРОПА: ХОРОШИЕ ДЕЛА, ХОРОШИЙ НАВАР

ЕВРОПА:
ХОРОШИЕ ДЕЛА, ХОРОШИЙ НАВАР

Недоверие, которое тяготеет в старой Европе, и особенно во Франции, над богатством, и порождает присущий только нам стиль жизни миллиардеров. Чтобы не обострять зависти, лелеемой профсоюзами на протяжении десятилетий, богатые, несмотря на весь свой престиж, должны блистать добродетельной скромностью и никогда не нарушать неуместными выходками правила этикета. Крикливые эксцентричности американских набобов, эти самодовольные демонстрации своих долларов и роскоши самого дурного тона забавляют французскую публику только потому, что для нее это лишь театральное представление, разыгрываемое в далеком и мифическом Эльдорадо. Но она не потерпела бы ничего подобного у себя дома. Миллиардер Старого Света обязан считаться с прошлым, быть составной частью того общества, которое сохранило в большей степени, чем кажется, свои ценности аристократического хорошего вкуса. В отношении же манер у нас даже низы общества проявляют известную

утонченность, презирая нуворишей и относясь чуть ли не с обожанием к принцам крови, если они находятся на своем месте.

Сколь бы ни были велики богатства монархов прошлого, не они определяли их авторитет. Щедрость Медичи имела общественный смысл. Ни в каком случае они не могли быть просто собственниками: пожертвования на церкви, бедных, дары городу, покровительство литературе и наукам были для них государственным служением, моральной, политической и экономической обязанностью в отношении всего общества. Богатство оправдывалось лишь при условии, что оно служит всем.

Французская Революция провозгласила частную собственность неотъемлемым правом (как и было записано в Декларации Прав Человека), с которым связывались понятия шш, аЬизиз и Ггис(из*, что придавало деньгам определенного рода независимость от общества. Собственность освобождалась от всех моральных обязательств и вообще от любых ограничений. Она уже не связана никаким долгом, который мог бы мешать наслаждаться ее плодами или ставить предел ее увеличению. Канули в прошлое такие обычаи, как обязанность феодального сеньора защищать и оказывать покровительство своим людям или взаимный договор между крепостным и помещиком. В XIX в. владелец фабрики - это только собственник и ничего более. Своего служащего он может уволить в любое 'время, когда захочет. Зависящий от его милости работник - лишь инструмент, рабочая сила, которую всегда легко прогнать. Деньги порождают смелую и беспощадную логику и сталкивают с теми, кто выражает

* Пользование, распоряжение и выгода (лот.).

ненависть все более и более угнетаемого народа и кто не понимает, на чем вообще может основываться легитимность этих новых хозяев. Именно с таким ненормальным положением, которое ввергает мир труда в отчаяние, и пришлось встретиться суперкапиталистам XIX в. Они должны были употребить все средства, чтобы придать своим слишком уж кричащим богатствам хоть какую-то видимость законности. И то, как это делалось, весьма показательно. Они стали наряжаться в обноски старой аристократии и прикидываться, будто играют ту же роль, что и принцы былых времен. Именно с этой целью новые династии прошлого века, едва возникнув и сделавшись известными, стали поспешно восстанавливать разрушенные замки, заключать союзы

со старой знатью, перенимать ее вкусы и привычки и, если представлялся случай, украшать себя ее титулами. «Бароны Ротшильды» развлекались псовой охотой, а Круппы превратились вдруг в Круппов фон Боленов, Это был настоящий штурм дворянских грамот, гербов и аристократических дипломов. Невест из хороших семейств покупали буквально на вес золота. Были опустошены антикварные лавки, и почти все завели у себя интерьеры в стиле XVIII в., излучавшие аромат старой Европы, аристократии и столетних традиций. Все это, конечно, была только видимость. На самом деле, они отнюдь не искали себе славы блистательных принцев прошлого. Им требовалось лишь одно-хоть как-то усыпить ненависть толпы, для которой они, несомненно, предпочли бы остаться неизвестными. Конечно, в наше время положение несколько изменилось. Новые богачи уже не те, что прежде. И на французской земле мы видим теперь миллиардеров нового типа, словно сошедших с американской картинки. Может быть, самым характерным среди них стал Бернар Тапи. Авторитет этого человека в глазах толпы основан на всей его энергичной манере вести себя, на том апломбе, с которым он пренебрегает всеми табу. Его меньше всего беспокоит, что происходит он не от крестоносцев. Ему наплевать и на элегантность, и на хороший тон. Это зеН-гаао'е тап, предприимчивый и готовый поставить все на одну карту; именно такой, какие нам нужны теперь для выхода из кризиса. Этот человек не стесняется делать сам себе рекламу, не блистает художественным вкусом и предпочитает быть спонсором футбола, а не меценатом художников и писателей. Он позволяет себе такие выходки в печати и на телевидении, что невольно хочется ему аплодировать. «Другие времена, другие нравы». Это уже особая манера заставить толпу забыть про свои богатства. Ту толпу, которая смотрит на него с легкой усмешкой нетерпения... Как если бы она следила за эквилибристом, шепча про себя: «Да ведь он сейчас свернет себе шею!»

59

Впрочем, что бы ни делали капиталисты Старого Света, стараясь приспособиться к жизни, живут они все-таки в изоляции, как бы на краю общества, в своем позолоченном маленьком мирке. Столь свойственные им дух предпринимательства и амбициозности, вкус к риску, даже их отвага, всегда так или иначе сталкиваются со стереотипами окружающего общества,

которое в значительно бблыпей мере, чем принято думать, сохранило прежние ценности иерархии и порядка. И в этом обществе, несмотря на все свои деньги, они всегда будут на плохом счету.

Семейство Вендель

(1704-1748)

Сеньоры Айанжа... и рыцари промышленности

Разделившееся в духе той эпохи между санкюлотами и эмигрантами, между французами и пруссаками семейство Вендель обладало особым даром всегда оставаться в стороне, и это помогло им избежать катастрофы.

Вепдели принадлежали одновременно и к старой знати, и к новой денежной аристократии, поэтому и признали их без каких-либо затруднений. Ведь в глазах общества давность сама по себе узаконивает богатство. Правда, некоторые брюзгливые ворчуны упрекали их за неприкрытое политическое влияние. Кроме того, им ставили в вину то, что во время обеих мировых войн они снабжали сталью заводы смерти. Однако происхождение от феодальных сеньоров служило им надежной защитой перед общественным мнением, которое, впрочем, и так весьма снисходительно относилось и к их богатству, и к их роскоши, тем более, что они умели пользоваться всем этим с надлежащей скромностью.

Владельцы кузниц

При Старом Порядке владельцы кузниц получали личное дворянство. Что касается дворянства потомственного, то для этого было нужно королевское подтверждение.

• Основание империи

Для фламандских бюргеров Венделей, обосновавшихся в Кобленце, все началось в 1704 г., когда один скромный немецкий офицер приехал в Айанж, маленькую лотарингскую деревеньку на берегу притока Мозеля Фенша. Благодаря кредиту, полученному от двух банкиров в Нанси, он смог купить две кузницы, правда столь ветхие, что было весьма сомнительно, сможет ли он осуществить свою мечту. В 39 лет он отказался от успешной военной карьеры ради того, чтобы основать династию владельцев железоделательных мануфактур.

Через год после этого он приобрел и сеньориальные права на Айанж, земля которого, кроме лесов и рек, обладала еще и залежами железной руды. Иначе говоря, здесь было все необходимое для осуществления замысла Иоганна Мартина Венделя (так звали этого человека). Он был фанатичным тружеником, и усилия его не замедлили принести свои плоды.

Всего за несколько лет умножилось число заказов, и были приобретены новые владения. Вскоре ему пришлось построить еще три кузницы,

СЕМЕЙСТВО ВЕНДЕЛЬ
Генеалогия семейства Вендель
Иоганн Мартин
(1665-1737)
I
Карл
(1708-1784)
женился на **Маргарите** Гаузен
|
Игнзц (1741-1795)
|
Франсуа
(1778-1825)

|
женился **на Жозефине** де Фишер де Дикур
|
Шарль
(1809-1870}
_____
Анри Робер
|
|
|_____
Франсуа | |
(1874-1949) | |
Гумберт (1876-1954) |
Морис (1879-1961)

чтобы удовлетворять все возраставший спрос. И, наконец, перестройка замка в Айанже засвидетельствовала то социальное признание, которое было увенчано дворянской грамотой Его Светлейшего Высочества Леопольда Лотарингского.

•Скопленное отцом сын вкладывает в дело

Из четырнадцати детей, оставшихся после смерти предприимчивого офицера, на долю старшего, Карла, выпала тяжелая обязанность обеспечить будущее всего семейства. Это был любезный и улыбчивый человек (противоположность своего отца), но за его мягкой внешностью скрывались железная воля, необъятное воображение и бесконечная смелость. Он безукоризненно справился со своей должностью патриарха, и, благодаря целому ряду удачных инвестиций, увеличил принадлежавшее семейству богатство. Среди этих вложений следует особо отметить: женитьбу на Маргарите Гаузен, дочери лотарингского сборщика налогов, которая принесла ему недурное приданое; покупку богатых полезными ископаемыми земель в Лонгви и Врандте; и успешное использование угля вместо дерева в качестве топлива.

•Уши министров

Но самым главным достоинством Карла было умение воспользоваться новой политической ситуацией в Лотарингии после женитьбы Людовика XV на Марии Лещинской. Став подданным французского короля, он столь умело повел дела со своим новым монархом, что вскоре стал главным поставщиком артиллерии, используя которую Его Христианнейшее Величество заливал тогда потоками крови Европу и Новый Свет. Ужасная Семилетняя Война, следовавшая после Войны за Австрийское Наследство и предшествовавшая Американской, была прямо-таки находкой для Венделей. Дела хозяина железных мануфактур шли в гору, и после смерти Карла, случившейся в 1784 г., его наследнику досталось значительно расширенное дело. Но, самое главное, оно имело все шансы увеличиться еще более, поскольку войн и смертоубийств в мире не уменьшалось.

" Игнац основывает Ле-Крёзо

Как все люди XVIII в., Карл питал настоящую страсть ко всяким техническим новшествам и пере-

дал ее своему сыну Игнацу, который был своего рода профессором Нимбусом с энциклопедическим складом ума. Его меньше беспокоили дела фамильного предприятия, нежели новые металлургические процессы. Благодаря его пытливому уму, в 1769 г. Габриэль Яре осуществил плавку на коксе, явившуюся настоящей революцией в производстве чугуна.

Это открытие, облегчившее изготовление пушек, а следовательно, во многом способствовавшее прогрессу рода человеческого, принесло господину д'Айанжу еще большие королевские милости. Военный министр Шуазель уже поручал Игнацу разобраться в том, как лучше усовершенствовать

вооружение армии; а Людовик ХУ1-применить свой способ на королевских плавильнях в Эндре. Это заведение находилось при устье Луары, а там, как известно, нет ни железной руды, ни залежей угля, необходимых в таком деле. Исследовав все на месте, Игнац предложил перенести плавильни туда, где будет хоть какая-то возможность обеспечить их работу. Королевские чиновники с величайшим вниманием выслушали эти советы, затем образовали комиссии и подкомиссии и после долгих заседаний в целом одобрили предложенный план, но по зрелом размышлении решили все-таки отложить его реализацию до лучших времен, полагая, что тратить сейчас деньги ради отдаленной выгоды, все равно как спасаться в реке от дождя. «Но если вы желаете разориться, Его Величество отнюдь не возражает и посылает вам свое благословение вместе с правом принять ведение дел на свой счет. Перевозите туда, куда вам заблагорассудится». Игнац не заставил просить себя дважды. Он согласился и после разведок по всей Франции остановил свой выбор на Ле-Крёэо, небольшой Бургундской деревушке, единственной особенностью которой было то, что никто о ней ничего не слышал. В 1782 г. он соорудил там самые высокие печи в Европе.

Ле-Крёзо

В настоящее время за-воды Ле-Крёзо производят специальные сорта стали и железнодорожное оборудование.

Буря

Хотя Вендели прежде всего были промышленниками, они в то же время занимали определенное место в феодальной иерархии Старого Порядка, и хоть место это досталось им совсем недавно, свое дворянство они берегли как зеницу ока. Естественно, что события Революции не вызвали у них особен-

СЕМЕЙСТВО ВЕНДЕЛЬ

Ле-Крёзо

В настоящее время за-воды Ле-Крёзо производят специальные сорта стали и железнодорожное оборудование.

кого воодушевления. К тому же, социальное положение семьи и связи со двором очень скоро навлекли на нее недоброжелательство санкюлотов. Также почти сразу стало ясно, что они не выплывут из бури совершенно невредимыми, без каких-либо потерь.

И вот, в течение всего этого тяжкого времени деликатную обязанность заботиться о семье взяла на себя женщина-Маргарита

Гаузек. Природа наделила эту добродетельную супругу Карла, хозяина железных мануфактур, не меньшей закалкой, чем у того металла, который выплавлялся в его высоких печах.

После кончины мужа, случившейся за шесть лет до Революции, она взяла в свои руки управление всеми предприятиями, на что был неспособен Иг-нац, слишком увлеченный своими исследованиями и опытами. И она с твердостью исполняла все эти обязанности вплоть до своей смерти 4 января 1802 г. в возрасте восьмидесяти двух лет.

Артиллерия

благодаря военному инженеру генералу Жану Батисту де Грибовалю (1715-1789). французская артиллерия стала в XVIII в. лучшей во всем цивилизованном мире. Фирма Венде ль сумела воспользоваться этим благоприятным обстоятельством

• **Железная леди**

По меньшей мере, можно сказать, что в сложившихся обстоятельствах задача, стоявшая перед г-жой Айаиж, была намного деликатнее, чем она сама могла предположить. Для спасения предприятия от нависшей угрозы эта железная женщина изобрела такую стратегию, которая позволила ей сохранить и козла, и капусту. Чтобы не класть все яйца в одну корзину, семейство Вендель разделилось на две части. Одни из его членов, по примеру Игнаца, присоединились к эмиграции и вступили в армию принцев. Другие же остались на месте и помогали «гражданке Вендель» отливать пушки и ядра, в которых отчаянно нуждалась молодая Французская Республика, чтобы принести всему свету мир и свободу, обещанные великими умами того века.

Хотя подобная стратегия в конце концов принесла свои плоды, избежать затруднений все-таки не удалось. В 1793 г. неблагодарная Республика конфисковала кузнечные мануфактуры. Г-жа д'Айанж оказалась в тюрьме Меца, где ей пришлось пробыть долгих восемнадцать месяцев. В это время Игнац, сходивший с ума от отчаяния, покончил с собой. Однако после Термидора семья опять встала на ноги. Учитывая, что по крайней мере часть ее членов не эмигрировали, революционная администра-

Маргарита Гауэен,владелица Айанжа сталапервым великимдеятелей этого семейства

.Вторым была Жозефинаде Фишер де Дикур.

ция разделила имущество Венделей на две почти равные доли. Первая была возвращена г-же д'Айанж и двум детям ее сына, которые находились при ней. Вторая, отнесенная к собственности эмигрировавших членов семьи, подлежала

конфискации и продаже с торгов в пользу Нации. Она была куплена в 1800 г. за шестнадцать миллионов неким бюргером из Тойонвиля по имени Луи Грантиль, который стал хозяином кузниц, но поспешил, однако, на этом деле разориться.

• **Вендели вновь обретают свою империю**

Хотя Венделям и удалось спасти кое-что из движимости, они тем не менее потеряли ббльшую часть своего имущества. Им пришлось собирать по кро-

хам остатки своей империи, не говоря уже о том, что надо было расплачиваться с огромными долгами, сделанными г-жей д'Айанж.

Это, казавшееся почти невозможным восстановление, произошло в два приема. Чтобы сосредоточить все усилия на самых ценных владениях, пришлось расстаться с кузницами в долине Варндта, но все-таки проданы они были кузенам Гаузенам и, таким образом, остались собственностью семьи. Кроме того, через подставное лицо, некоего Шарля Обертена, за которым скрывался семейный консорциум, было выкуплено имущество несчастного Грантиля. В этот консорциум входили два сына Игнаца, Шарль и Франсуа, и два зятя г-жи д'Айанж, Бальтазар и Лакотьер.

Семейное единство помогло бывшим господам д'Айанжа хоть немного оправиться после той беды, которая чуть не поглотила их всех. И они сумели извлечь из этого урок на будущее.

Брачный союз

Филипп дэ Отклок или, как его называли, кузнец «Леклерк», женился на Терезе де Гарган, внучке Франсуа де Венде-ля... Однако, в его жизни это было не единственным славным деянием.

• **Пушки Великой Армии**

Итак, при возникновении Империи фирма Вендель снова стояла на ногах. Этому в величайшей степени способствовал ее новый молодой и энергичный хозяин, ум которого не уступал его честолюбию. Сын Игнаца, Франсуа де Вендель, хотя и жалел о том, что ему пришлось оставить морскую службу, да и не было у него всепоглощающей страсти к кузницам и литейным заводам, тем не менее горел желанием умножить свое состояние и утвердить престиж всего семейства. То, что удалось почти чудом избежать полного разорения и, конечно же, пример бабки, все это выработало его характер.

Когда в XIX в. начался бурный взлет металлургической

промышленности, он, благодаря обширным заказам на оружие во время наполеоновских войн, сумел привести семейное дело к процветанию, и как настоящий капиталист, поставил своей целью добиться полной гегемонии на рынке металлов.

Восстановив мануфактуры и кузницы, которые во время Революции стали, как и вся облагодетельствованная ею страна, жертвой жесточайшей разрухи, Франсуа ударился в крайне амбициозную политику, занявшись выкупами и всяческими техническими усовершенствованиями. Франсуа де Вендель прожил всего сорок семь, но наполненных бурной деятельностью лет и оставил после своей смерти в 1825 г. вновь преуспевающее дело. Он перераспре-

делил капитал, выкупив доли самых ближайших родственников, присоединил соседние заводы Мойёвра, принадлежавшие его главным конкурентам, и купил в окрестностях Форбаха тысячу двести пятьдесят гектаров земли, покрытой лесом и буквально набитой углем. Кроме того, впервые во Франции он установил на своих заводах прокатные станы и ввел коксовую плавку, на которую столько усилий положил его отец.

• Каков отец, таков и сын

Волею судьбы сын и наследник Франсуа, Шарль, по уму, трудолюбию и предприимчивости не уступал ни отцу, ни деду, ни прадеду, да к тому же и мать его, Жозефина де Фишер де Дикур, твердостью характера была ничуть не слабее своей знаменитой прабабки, Маргариты де Гауэен. Когда умер отец, Шарлю исполнилось лишь 16 лет, и встать за руль семейного корабля пришлось его матери. Она сделала это с безошибочным мастерством и всю свою жизнь всячески поддерживала сына.

Жозефина происходила от отца основателя династии, Иоганна Мартина Венделя, и с полным правом играла выпавшую на ее долю роль. В бблыпей степени благодаря именно ей, Шарль после окончания Эколь Политекник смог делать двойную карьеру-политического деятеля и промышленного барона, не отставая от последних достижений науки и прогресса. С помощью своего родственника, талантливого инженера Теодора де Гаргана, он сумел на протяжении восемнадцати лет быть и мозельским депутатом, защищавшим либеральную экономику, и крупным хозяином, определявшим развитие лота-рингской металлургии. Именно по его инициативе было остановлено устаревшее производство на заводах в АЙанже и Мойёвре, а с 1853 г. форбахские заводы перешли на выплавку стали, которая вследствие развития железных дорог получила в XIX в.

широчайшее распространение. Именно он, начав использовать новые высокопроизводительные процессы Бессемера и Мартена, поставил фамильное дело во главе всей французской металлургии.

• **Все повторяется сначала**

По странному стечению обстоятельств после войны 1870 г. заводы Венделей оказались чуть ли не в таком же положении, как и в эпоху Революции. После смерти Карла в 1870 г., накануне франко-прусского конфликта, во главе дела в полном одиночестве ос-

талась Жозефина де Фишер де Дикур. Чтобы пережить эти мрачные годы, вдове Франсуа де Венделя пришлось стать второй «мадам д'Айанж» и спасать фамильную империю от катастрофы. А империя эта грозила развалиться, так как по мирному договору новая граница пролегла прямо через промышленные владения Венделей.

•**Тем же бедам те же лекарства**

Жозефина решила разделить семью надвое, следуя, несомненно, примеру того, как поступила в свое время Маргарита Гаузен. По ее настоянию одна часть ее внуков осталась во Франции, а другая приняла германское подданство. Затем она, как единственная владелица, преобразовала дело в семейное коммандитное товарищество, которое стало называться «Внуки Франсуа Венделя» (1871 г.). Это общество, куда могли входить лишь ее внуки, стояло одной ногой во Франции, а другой-в Германии и, несмотря на непроницаемость границы, могло не только сохранить свою штаб-квартиру в Айанже, но и продолжать действовать как единое целое.

Двойная национальность и единство семьи, спасшие дело в черные дни Революции, помогли без потерь пережить и сорок пять долгих лет, в течение которых Лотарингия была отделена от Франции. По обе стороны новой границы Вендели одинаково стали играть двойную роль промышленников и политиков. Если Франсуа был избран депутатом в Бурбонский Дворец, то Анри, а потом и его племянник Шарль, владевшие «немецкими» заводами, сидели на скамьях Рейхстага и демонстрировали там крайние профранцузские убеждения и чувства.

Стиринг- Ввндель Как и многие крупные промышленники XIX в., Шарль де Вендель имел склонность к благотворительности. В 1853 г. рядом с возведенным им в форбахском лесу металлургическим комплексом он построил новый город Стиринг-Вен-дель для трех тысяч пятисот рабочих.

•Вопреки всему на вершине успеха

Внешний раскол отнюдь не помешал процветанию империи Венделей. Напротив, именно тогда она достигла своего апогея. В Германии Анри де Вендель использовал изобретение Томаса Гилдкриста, позволявшее при помощи лотарингского фосфористого минерала производить сталь на заводах Айанжа и Мойёвра. Вскоре он занял четвертое место среди промышленников Рейха. Во Франции Робер де Вендель и Теодор де Гарган заключили союз со своим главным конкурентом Анри Шнейдером, семья которого, выкупив заводы Ле-Крёзо, приобрела и патент Гилдкриста. Компаньоны основали в 1880 г. «Общество Вендель и К"» со штаб-квартирой в

68

Жёфе и начали разработку месторождений в Брии. Таким образом, накануне войны 1914 г. семейство Вендель оказалось прекрасно подготовленным для поставок пушек и снарядов будущим противникам.

«Комите де Форж»

Эта организация была создана в 1864 г. владельцами металлургических предприятий для защиты интересов французской металлургии. С самого начала во главе ее стоял Эжен Шнейдер, который играл первую скрипку в течение всего времени между двумя мировыми войнами. Комитет был упразднен в 1940 г. вместе с профсоюзами.

• Война, не оправдавшая надежд

Однако война 1914 г. не стала для торговцев пушками (которыми через посредников были Вендели) столь уж выгодной, как о том говорили злые языки. С самого начала конфликта заводы в Айанже и Мойевре оказались под принудительным управлением, поскольку германское правительство мало доверяло их профранцузским хозяевам. Кроме того, вся эта семья, то ли французская, то ли немецкая, была вынуждена покинуть свою империю, оказав-пгуюся в зоне военных действий. Фактически на время войны фирма Вендель лишилась всего своего имущества. Каждый из ее членов, в зависимости от его положения, как мог служил отечеству: Гумберт по поручению правительства поехал в Лондон, чтобы возглавить закупочную контору, а Франсуа был назначен инспектором военных заводов. Однако все они, несмотря на временное разорение, продолжали обивать министерские коридоры и оказывать немалое влияние на правительство.

Удача сопутствовала им: они вернули себе все потерянное и с легким сердцем опять окунулись в дела и политику. Конечно, у злых языков нашлось, что сказать. Разоблачали тех, кто

покровительствовал Венделям; недоумевали, почему во время наступательных операций в Брии французская артиллерия не обстреливала их заводы. По мнению некоторых экспертов, уничтожение этих предприятий сократило бы кровопролитие на несколько месяцев. Даже Гумберта обвиняли в том, что он преднамеренно завышал цены на товары, покупаемые в Англии. Правда это или ложь (скорее всего, последнее), но такие обвинения немало вредили их репутации.

Впрочем, несмотря на пошатнувшийся престиж, Венделям все-таки удалось стать кому депутатом, кому сенатором, а кому и вовсе членом Народного Фронта, и они продолжили свой триумфальный марш к еще большему богатству. Разрушенное было восстановлено. Все малоэффективное модернизировано и преобразовано.

В 1926 г. они без особых финансовых затруднений выкупили у Шнейдера его долю в Компании, а в 1931 г., чтобы поддержать свою политическую ли-

нию, приобрели и еженедельник «Тан». На вершине славы Франсуа де Вендель занимал одновременно пост председателя «Комите де Форж» и управляющего Французским Банком. И конечно же, в 1936 г. коммунистическая партия оказала честь Венделям, включив их в список двухсот семейств, которые она намеревалась уничтожить.

Сасилор*

(Общество лотарингсжих железнодорожных заводов)

В 1973г., после двухсот семидесяти лет непрерывной деятельности под руководством семейства Вендель, управление делами этого Общества перешло к государству.

*Sacilor-Societe des acie'ries lorraines *(франц.)*.

***Вторично разоренные**

В 1940 г. Вендели не сумели исхитриться так, как это удалось в 1870 г., когда они сделали для себя прозрачной демаркационную линию, проходившую по Вогезам. Вторая Мировая Война принесла новое разорение, но на этот раз семейство ничего не смогло сделать, чтобы смягчить удар. Немцы, перейдя границу, сразу же завладели шахтами и заводами Венделей, которые взял себе сам маршал Геринг, и они влились в Hermann Goering Werke. Венделям же снова пришлось бежать. Франсуа отправился руководить заводами в Руан, другие ожидали конца бури, примкнув к движению Сопротивления.

•Дела уже не пойдут так, как прежде

Из этого последнего испытания дом Венделей вышел

значительно ослабленным. Ему так и не суждено было вернуть свое прежнее величие. Конечно, после войны имущество фирмы Hermann Goering Werke было полностью возвращено прежним вла-

дельцам, но будущее отнюдь не стало для промышленных баронов таким же благоприятным, как предшествовавшие войне десятилетия. Национализация угольной промышленности, общий упадок лотарингской металлургии, равно как и возрастающее влияние банков оказались роковыми для Компании Вендель и положили конец фамильной саге, длившейся на протяжении жизни восьми поколений.

В 1948 г. коммандитное товарищество «Внуки Франсуа Венделя» преобразовалось в обычное акционерное общество, искавшее частных инвесторов. Какой бы престиж еще не оставался у этого семейства, какую бы энергию они не проявляли, Вендели ничего не могли противопоставить тому движению, которое рано или поздно должно было покончить с великими стальными династиями.

Эжен Шнайдер (1805-1875)

В 1836 г. этот французский промышленник вместе со своим братом Адольфом стал владельцем прежней королевской литейной мануфактуры, которая была основана в Крёзо Игнацем де Венде* лем. Именно там ШнеЙдер построил первый французский паровоз, а после изобретения нового сорта стали (шнейдеровкая сталь) сосредоточил деятельность своего предприятия на производстве оружия. Он стал выпускать броневые плиты для военных кораблей и артиллерийские орудия, которые, по правде говоря, выглядели довольно бледно по сравнению с пушками г-на Крупна.

Со временем семейство Шнейдер, считающееся одной из самых знатных промышленных династий, перешло к производству станков и других более мирных и династиями.

.

Ротшильды

(XVIII а.)

Транснациональная династия

Эти финансовые бароны являются образцом магнатов старой Евро-пы. Они умеют сочетать богатство с хорошим вкусом.

Эмблема Ротшильдов

Представляет собой *пять* стрел, соединенных цепочкой, что символизирует союз пяти сыновей Мейера Амшеля.

Поздним вечером 19 июня 1815 г. к набережной порта

Остенде галопом прискакал всадник, И лошадь, и человек, некий Ротворд, были крайне измучены. Прибывший тяжело сполз на землю и из последних сил подбежал к небольшому судну. Как только он взошел на борт, оно сразу вышло в море и на рассвете следующего дня достигло английского порта Фолкстон. Его уже несколько часов, напряженно всматриваясь в туман, ждал человек. Одним прыжком он перескочил на палубу, выхватил из рук Ротворда голландскую газету, еще пахнувшую типографской краской, и впился в первую страницу. На лице его появилась довольная улыбка, потом он вскочил в седло и во весь опор помчался к Лондону. Через несколько часов он достиг столицы и, не теряя ни минуты, поспешил на биржу.

Девиз

К баронскому титулу Ротшильды присоединили следующий девиз: «СопсогоЧа, 1п1едп(аз, 1гк)ив1па» («Согласие, *Честность, Трудолюбие»).*

• **Продавать или не продавать**

Ажиотаж на бирже достиг апогея. По другую сторону Ла Манша, вблизи Брюсселя, решалась судьба Европы в битве, ставшей вскоре исторической- при Ватерлоо. Вся Англия с трепетом ожидала курьеров Веллингтона, которые с минуты на минуту должны были привезти ответ на роковой вопрос - побежден Наполеон или нет? Для биржевых спекулянтов этот вопрос сразу же обретал другой, более прозаический смысл: продавать или не продавать ценные бумаги?

Финансистам не было ничего важнее, чем первыми узнать об исходе битвы. Если Наполеон снова победил, значит консолидированные акции обесценятся и от них надо как можно скорее избавиться. Зато в противном случае, при победе союзников, их цена резко возрастет, и чего бы это ни стоило, следует только покупать. Но 20 июня 1815 г. лишь один человек во всей Англии знал о поражении Наполеона-тот самый всадник, прискакавший из

Почести

Лайонел Натан Ротшильд был первым из-раилитом, заседавшим в английском Парламенте. Избранный 8 5847 г., он отказался принести христианскую клятву и занял свое место лишь через одиннадцать лет после отмены запрета на политическую деятельность евреев. Его сын, Натан Мейер, первым из своих единоверцев получил в 1885 г. достоинство пэра.

Фолкстона и хорошо известный всем деловым людям лондонского Сити. Звали его Натан Ротшильд. Когда он вошел в большую залу, где было трудно дышать, все взгляды невольно обратились на него, к той знаменитой колонне, к которой он имел обыкновение прислоняться, когда отдавал свои распоряжения. Имя Ротшильдов было уже хорошо известно по всей Европе, и они пользовались репутацией людей, прекрасно умевших вынюхивать, откуда дует ветер. Поэтому то, что делал Натан, вслед за ним повторяли многие спекулянты. А раз ему известно о повышении консолидатов, значит он будет покупать их как можно больше. Собравшиеся с напряженным нетерпением вглядывались в него, готовые броситься за ним вслед. Но герой наш, подобно опытному актеру, умеющему притягивать к себе взгляды зрителей, не торопился. Потом вдруг принял решение и вместо того, чтобы покупать, продает консолидаты, и сразу много, очень много, прямо-таки в горячечной спешке, словно при наступлении какой-то катастрофы. Невозможно описать ту панику, которая охватила всех вокруг. Подобно судороге разнесся слух, тут же превратившийся в уверенность: «Наполеон победил. Ротшильд уже знает- Наполеон победил». Словно безумные, все кинулись продавать, избавляться любым способом от этих проклятых консолидатов, которые через несколько десятков минут не стоили уже ничего. Их продавали так, как кидают клочки бумаги в мусорную корзину, даже не подозревая, что те, кто покупал их... были агентами банка Ротшильда!

Почти в точности так происходил этот биржевой «путч», считающийся самым знаменитым в истории капитализма. Скольким блестящим лордам и почтенным баронетам пришлось после этого драматического дня продать свои наследственные поместья и охотничьи угодья в Шотландии, у скольких вкладчиков пошли прахом их скромные сбережения] Но зато эта блефовая махинация Натана невообразимо увеличила фамильное состояние семьи Ротшильдов, и как бы мы ни судили его за

обман, нельзя в то же время не восхищаться проявленными им хладнокровием и профессиональной сообразительностью.

Следует заметить, что заслуга в этом блестящем успехе принадлежала не одному только Натану, но также и всей его семье, а особенно отцу, который

был настоящим основателем этой знаменитейшей финансовой империи.

Первый чек

Жертвой еще одного блефа Натана Ротшильда стал управляющий Английским Банком. Как-то раз Натану понадобились наличные деньги, и он послал за ними своего служащего, снабдив его кое-как написанной на простом листке бумаги распиской. Кассир банка с достоинством отправил посланного обратно: -Английский Банк не ведет дел с частными лицами*, на что ему было сказано: «Ротшильды - это не частные лица-. В подтверждение этих слов Натан отправил на следующий день целый отряд служащих и снял со своего счета огромное количество золота. Государственная касса опустошилась с такой быстротой, что голова управляющего пошла кругом, и ему пришлось уступить.

•«Подполье» еврейской улицы

Он родился 23 февраля 1743 г. во Франкфурте-на-Майне и был наречен Мейером Амшелем, но как и большинство немецких евреев, не имел фамильного имени... Само слово Ротшильд обозначало семейную принадлежность и образовалось от выражения «Zum royher Schild»*. Фактически это было просто прозвище, относившееся к красному щиту, украшавшему скромный фасад его родительского дома.

Оставшись сиротой, мальчик отказался от лелее-мой родственниками мысли сделать его раввином и, рассудив, что знание финансов будет много прибыльнее, чем изучение Торы, уехал в Ганновер обучаться в банке Оппергеймера. После того, как он достаточно постиг эту профессию, Мейер Амшель возвратился в родные пенаты, но не стал продолжать почтенную банковскую карьеру, а решил вместе со своими братьями возобновить фамильную торговлю старьем и металлоломом-дело малопривлекательное, от которого он навряд ли мог стать много богаче, чем другие мелкие торговцы.

Переехав в небольшой домик под вывеской «Чугунок», Амшель сразу же принялся за дело, следуя правилу, принесшему ему богатство и переходившему от поколения к поколению его

потомков. О, сколь драгоценным было это правило, хотя и заключалось оно всего лишь в одном коротком слове: труд. Амшель трудился в своем «Чугунке» как каторжник и с таким успехом, что вскоре дело его стало процветать, и он мог уже купить новый, более просторный и богатый дом под вывеской «Зеленый Щит».

Рецепты

«Капитал ~ это труд-*(Альфонс дв* Яош/илвд}-*Добиться богатства, процветать, защищать себя-. Так определил деятельность своего семейства нынешний глава французского филиала барон Ги Ротшильд.

***Конторка старьевщика**

Хотя новый дом Амшеля оказался лучше всех прежних, но с виду он представлял собой самую заурядную лавку подержанной одежды. Чтобы понять, как идут дела, надо было проникнуть в конторку-мрачную и безмолвную комнатушку, святая святых, прятавшуюся среди коридоров, где хозяин, словно мышь в швейцарском сыре, предавался

*«У красного щита» **ней.)**

одновременно и своему занятию менялы, и любимому времяпровождению-нумизматике.

Для большинства деловых людей любое увлечение подобно содержанкам-повод для расходов, от которых лучше всего воздержаться. Но Амшель не походил на других, и его любовь к старым медалям и вышедшим из оборота монетам как раз и послужила трамплином к богатству. Случилось так, что принц Вильгельм, ландграф Гессен-Кассельский, в чьем подданстве состоял Амшель Ротшильд, также был страстным нумизматом. И мелкий еврейский меняла нашел здесь уникальную возможность вырваться из серости гетто и проникнуть в позолоченные стены княжеского дворца. Он представил Его Светлейшему Высочеству свою драгоценную коллекцию и после тысячи ужимок согласился уступить несколько монет, величайшей редкостью которых он только что похвалялся. С этого дня перед ним широко открылись ворота дворца, и Амшель регулярно появлялся там, чтобы показать новые приобретения, одно ценнее другого, и дело всегда заканчивалось тем, что он как бы в ущерб себе уступал их, каждый раз сопровождая это новыми и все более шумными выходками.

Наконец, сочтя, что сделано уже достаточно, Амшель решил получить проценты с этих дорогостоящих вложений. Он испросил у принца Вильгельма аудиенцию, на которой весь красный от смущения с какими-то акробатическими курбетами пробормотал:

«Я имею величайшую честь умолять Ваше Величество снизойти к просьбе Вашего ничтожнейшего слуги и назначить его на высокую должность поставщика Его Высочайшей Княжеской Светлости...» Смущение просителя вызвало улыбку ландграфа, и он согласился, поскольку отнюдь не хотел терять человека, имевшего столь похвальную привычку продавать ему редчайшие монеты за четверть цены. На следующий день, 21 сентября 1769 г., наш старьевщик-нумизмат, широко улыбаясь, прибивал тяжелым молотком на свой дом большую вывеску с гессен-кассельским гербом, где крупными буквами, на зависть единоверцам и к вящему антисемитизму всего прочего населения, было написано: «Мейер Амщель Ротшильд. Поставщик Двора».

Друзья-министры

Одна из традиций Ротшильдов состоит в том, чтобы привлекать ксебе людей, обещающих стать историческими личностями. И в этом у них тоже проявляется удивительное чутье. Например, с французским филиалом были связаны: ЛеонСэй, неоднократно занимавший пост министра Финансов между 1872 и 1896 гг. Рене Майе, министр финансов и президент Совета при Четвертой Республике и, наконец, самый влиятельный из всех, Жорж Помпиду.

• **«Придворный еврей»**

Достижение этой, в обшем-то весьма скромной должности, было для Амшеля лишь первой ступе-

Мейер Амишель **Ротшильд.**

Благодаря его гению, семейство Ротшильдов стало <мультинациональ-вым».

(Литография Фуркемена. Национальная Библиотека, Париж).

нью к замышляемому им восхождению. И через пятнадцать. лет, благодаря ловкости, интригам и, надо признать, оказанным двору услугам, он стал самым доверенным лицом Его Высочества и получил пост, столь важный для его амбиций-придворного банкира.

Используя эту должность, он заложил основу своей будущей империи. Распоряжение такой большой массой денег-Вильгельм был одним из самых богатых принцев того времени-позволило ему помимо своих прямых обязанностей устроить и два дела в собственных интересах. Во-первых, он создал по всей Европе сеть преданных лично ему агентов. Во-вторых, используя доверенные

ему капиталы, играл на бирже, но только ради своей выгоды, что было уже не столь безупречно в нравственном отношении.

• Первая гениальная идея

Как бы то ни было, но принц оставался доволен. Он мало что понимал в финансах, и его вполне устраивали услуги человека, досконально в них

76

разбирающегося. Впервые Амшель с блеском показал свои способности во время Американской войны за независимость. Главным источником доходов такого маленького государства как Гессен-Кассель была продажа рекрутов. Вильгельм в большом числе поставлял их британской короне, но уже отчаялся долучить за это плату, поскольку блокада сделала невозможным перевод фондов. Как раз в то время Ротшильды через посредников покупали в Америке шерсть и ситец, намереваясь впоследствии сбыть их на европейском рынке. И Амшель придумал такую комбинацию, которая устраивала одновременно и его самого, и принца.

Он поехал в Лондон, оплатил там купленные им ткани векселями должников Вильгельма, после чего вернулся во Франкфурт, получил за них талеры и, конечно, взял себе хорошую комиссию. Столь удачное дело так понравилось ландграфу, что он несколько раз просил Ротшильда повторить его и К тому же убедил своего сюзерена, герцога Карла Августа, последовать этому примеру. Такая система, устранявшая риск перевозки денег, позволила Ротшильду в течение двадцати лет пользоваться подобным двойным дисконтом и извлечь немалые выгоды из войн, затоплявших кровью всю Европу.

Мвйер Амшель и женщины

«Поскольку мои дочери, зятья и их наследники не имеют прав ни на какую часть фирмы АтзсЬе! НойвсЬМй и по1 Зоппе {«Амшель ротшильд и Сыновья») я никогда не прощу им, если в нарушение моей отеческой воли они осмелятся беспокоить моих сыновей в их делах». Это столь категорично выраженное желание основателя династии скрупулезно соблюдалось его потомками. Для дочерей единственным способом получить кусок пирога оставался брак с кузенами. Отсюда возникла чуть ли не система эндогамных союзов. После Амшеля половина браков в семье Ротшильдов заключалась между кузинами и кузенами.

• Вторая гениальная идея

«Гутеле, дорогая, ты непременно должна родить мне сына». Как жена, Гутеле Шнаппер превосходила все, о чем Амщель мог только мечтать. Она была богата, аккуратна, экономна и старалась угадать малейшее желание своего любимого мужа с не

меньшим рвением, чем относилась к соблюдению субботы. Ни секунды не сомневаясь, что участвует в осуществлении его великих замыслов, она тут же принялась за дело и в рекордный срок произвела на свет десять великолепных детей - половину мужского и половину женского пола. При рождении каждой девочки Амщель надувал губы. Они для него ничего не значили. Но если, к счастью, появлялся мальчик, отец буквально прыгал от радости, поднимал на ноги весь квартал, оглашал гетто радостными криками и бегал по всем синагогам города сообщить радостную весть и воздать хвалу Всевышнему. По прошествии недолгого времени его охватывала дрожь от нетерпения увидеть своих херувимчиков достаточно подросшими, чтобы они

77

могли начать под его ферулой обучение торговле и банковскому делу. Наконец, приходил срок, и он посвящал их в тайны денежного курса, биржи, экономии, учета векселей, пошлин, обмена денег. Учил, как зарабатывать золотые кружочки, с терпением перигорского крестьянина, натаскивающего свою собаку на трюфеля.

•чМультинациональное* семейство

Наконец, когда пятеро его сыновей были достаточно подготовлены, чтобы помогать ему в делах, он решил приступить к исполнению своего главного проекта Давно уже созревшая идея отличалась простотой, а неустойчивое политическое положение только способствовало ее осуществлению. Разрешив посредством простой игры подписей проблему гессенских рекрутов для Англии, Амшель занялся устройством во всех больших столицах Европы необходимых ему филиалов с системой двойного дисконта и со своей особенной специализацией.

Для этого были созданы пять банков, и во главе каждого поставлен один из его сыновей. Старший, тоже Амшель, или Ансельм, остался во Франкфурте координировать деятельность этой малой диаспоры, А младшие получили в удел по одной из главных столиц Европы, где им и предстояло обосновываться. Старый Амшель отправил Соломона в Вену, Натана в Лондон, Джемса в Париж, а Карлману, или Карлу, досталось Неаполитанское королевство.

Формально независимые друг от друга, они тем не менее, были связаны священными узами крови и имели общую курьерскую службу, которая позволяла им обмениваться известиями о всех политических событиях чуть ли не раньше, чем эти события происходили на самом деле. Скаковые лошади, мальпосты, эстафеты и даже почтовые голуби постоянно передвигались по земле и небу, чтобы доставить Ротшильдам

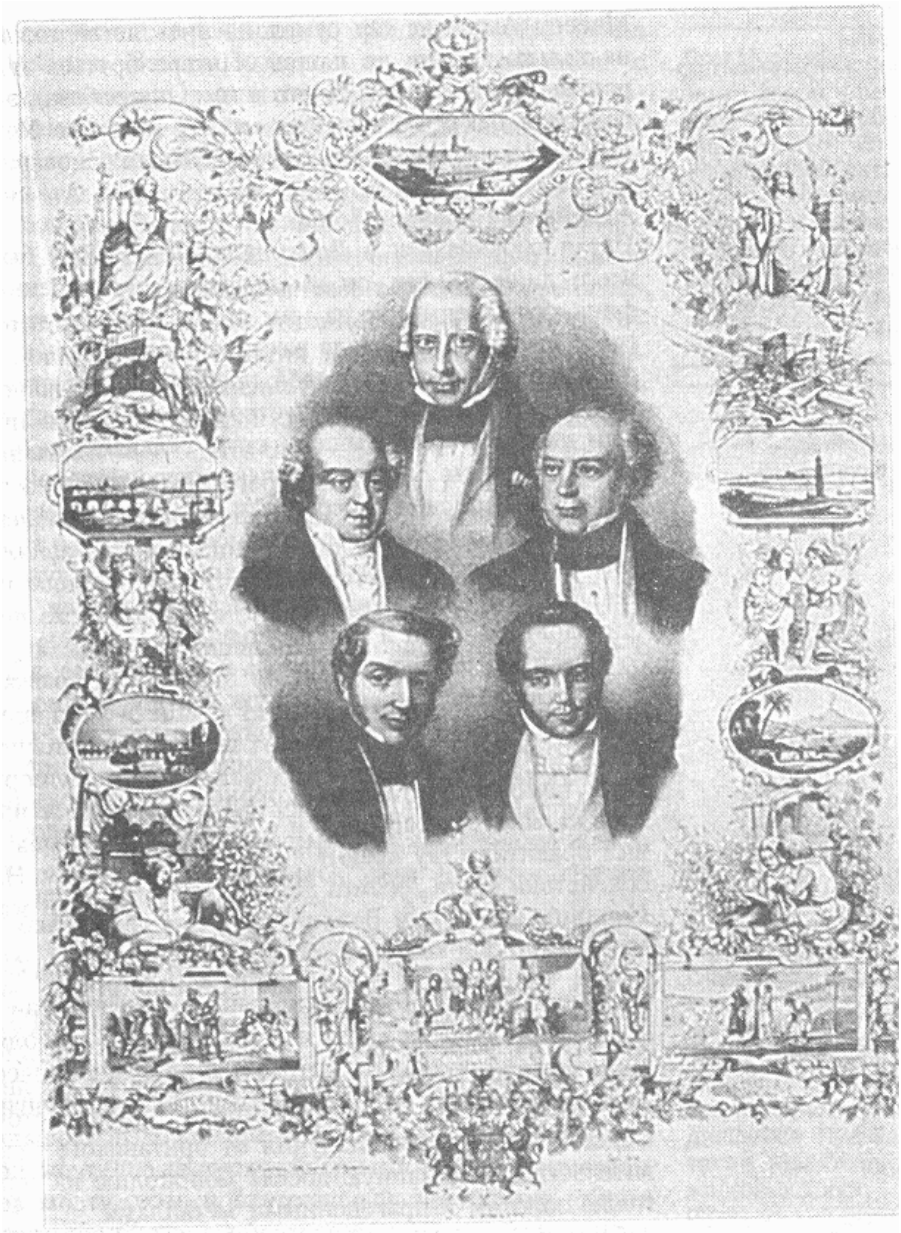
таинственные закодированные сообщения на иврите и идише, которые позволяли им прежде всех других узнавать о любых биржевых перипетиях.

Израиль

Лайонелу Уолтеру, второму барону Ротшильду и правнуку Натана, была адресована декларация Бальфура от 2 ноября 1917 г., в которой правительство Его Величества соглашалось на создание в Палестине «отечества для еврейского народа». С этого времени Ротшильды постоянно оказывали помощь сионистскому движению. Член французского филиала Эдмон де Ротшильд пожертвовал семьдесят миллионов золотых франков на еврейские коммуны в Палестине.

•**Атавизм**

Когда человек одним движением руки приобретает целое состояние, то обычно наследники, приняв последний вздох предка, спешат поскорее промотать нажитое. Но это совершенно не относилось к



Такие картинки сизображением "длма" Ротшильдов порпангардировали в 19 веке легенду о Мейре Амшеле и его пяти сыновьях: Амшеле Мейре, Соломоне, Натане, Карле и Джемсе. (Литография по рисунку Морица Оппенгейма, 1852 года Национальная Библиотека, Париж.)

Кредиты

Английский филиал продолжал и после Натана

субсидировать государство. В 1875 г. правительству Дизраели был дан заем на 99 миллионов золотых франков для выкупа у египетского хедива принадлежащей ему части Суэцкого канала.

• Действие первое: Лондон

Натан обосновался в Лондоне в 1794 г. Ему было всего лишь 28 лет, он имел весьма ограниченный финансовый опыт, но за ним стоял престиж отцовского имени. Его снедала жесточайшая страсть к успеху в этой стране, которой предстояло в ближайшие десятилетия, как почувствовал своим изощренным нюхом старый Амшель, стать главнейшим биржевым центром Европы. И очень скоро молодой человек показал свои способности. Самым блестящим делом Нагана стала афера с ко не о ли датами, о которой мы поведали вначале. Именно она послужила основой богатства и всеевропейского влияния Ротшильдов. Но были и другие подвиги.

Натан изучал рынок сначала в Манчестере, а потом в Лондоне и понял, какую выгоду можно извлечь из наполеоновских войн. Продолжая свои торговые дела, он в то же время придумал хитрый план помощи британской короне, которая разорялась на военных расходах, и с этой целью предоставил правительству кредит в сто тысяч фунтов. При содействий брата Джемса деньги были переведены в Испанию для армии Веллингтона. Эта деликатная и безупречно проведенная операция (не считая, конечно, приличных комиссионных), принесла ему благодарность Его Величества и поставила Ротшильда на равную ногу с управляющим Английским Банком, После падения Наполеона он вполне естественно стал общепризнанным финансистом Священного Союза и получил от британского правительства неслыханную доселе монополию на торговлю золотом и драгоценными металлами.

Понятно, что английская ветвь семейства процветала, Через сто лет после смерти Натана его потомки, образовавшие в Нью-Корте таинственное «Бюро Компаньонов», заправляли и в торговле драгоценными металлами, и на валютном рынке, и в страховых фирмах, и в арбитраже.

Золотые франки ПрюехаввПарижв1811 г. с миллионом золотых франков. Джемс де Ротшильд оставил после своей смерти состояние, исчислявшееся двумя миллиардами.

Мейеру Амшелю. Он сумел научить детей любить не только деньги, но и труд. Пятеро братьев недаром были сыновьями своего отца. Они работали, не покладая рук и не разгибая спины, и вскоре банки Ротшильдов превзошли все надежды их основателя.

• Действие второе: Вена

Соломон, второй сын Амшеля, отправился в Австрию. Он умел одинаково хорошо улаживать

80

:еловеческие неурядицы, и продвигать дела своего семейства. Вскоре он попал ко двору и завязал с Габсбургами и князем Меттернихом дружеские отношения, что позволило ему после конгрессов в Вене и Экс-ла-Шапель играть скромную, но влиятельную роль. Эти знаменитые конгрессы, перекроившие всю Европу, явились для Ротшильдов истинным благословением. Долги бывших противников друг Другу превосходили все обычные представления. За удовольствие утопить в крови во имя свободы всю Европу, Франция должна была платить всему свету. Финансовые отношения Англии, Австрии и России требовали значительного перемещения капиталов.

Благодаря международной структуре своего банковского дела, Ротшильды лучше всех подходили для осуществления подобных операций. Одним росчерком пера они могли переводить огромные суммы из страны в страну, избавляя своих клиентов и от задержек оплаты, и от риска, связанного с перевозкой денег.

В Вене Соломон старался угодить всем и каждому. Он взял на себя долг австрийского правительства России; дал пустячный, в девятьсот тысяч гульденов, беспроцентный кредит канцлеру Меттерниху и употребил весь свой такт для облегчения нового замужества императрицы Марии Луизы с генералом фон Нейппергом.

Дом Нусинген

В эпоху Луи-Филиппа Джемс де Ротшильд был одним из самых влиятельных людей в Париже. Его сильный немецкий акцент вдохновил Бальзака на создание малопривлекательного и даже излишне карикатурного образа банкира Нусингена.

•Теперь все бароны!

Как, однако, ни старался Соломон, ему никак не удавалось получить то, к чему он так стремился и чего уже добились в других странах его братья: разрешения создать настоящий банк в столице Австро-Венгерской Империи. Ему пришлось довольствоваться лишь дворянской грамотой и достоинством барона, которыми благодарный Меттерних одарил разом всех пятерых братьев. И все дети франкфуртского старьевщика незамедлительно стали баронами де Ротшильд, кроме Натана, который никогда не пользовался этим титулом. И у них сразу же обнаружились аристократические замашки, вызывавшие саркастические улыбки скептиков.

Французский филиал

Глава французского филиала с 1905 г., Эдуард де Ротшильд (1868 - 1949), прославился противодействием стабилизации франка, проводившейся Пуанкаре, а также национализации железных дорог. Французский филиал состоял из трех железнодорожных компаний ('Северной", "Париж-Орлеан-Париж». «Париж-Средиземное море») и владел большими пакетами акций в таких компаниях, как «Рио-Тинто» (медь), «Пеньяройа-{свинец и цинк}, «Никель».

•**Действие третье: Париж**

Тот из братьев, кому предстояло стать главою «французского филиала дома Ротшильдов», при-

Кредиты

Английский филиал продолжал и после Натана субсидировать государство. В 1875 г. правительству Дизраели был дан заем на 99 миллионов золотых франков для выкупа у египетского хедива принадлежащей ему части Суэцкого канала.

• **Действие первое: Лондон**

Натан обосновался в Лондоне в 1794 г. Ему было всего лишь 28 лет, он имел весьма ограниченный финансовый опыт, но за ним стоял престиж отцовского имени. Его снедала жесточайшая страсть к успеху в этой стране, которой предстояло в ближайшие десятилетия, как почувствовал своим изощренным нюхом старый Амшель, стать главнейшим биржевым центром Европы. И очень скоро молодой человек показал свои способности. Самым блестящим делом Нагана стала афера с ко не о ли датами, о которой мы поведали вначале. Именно она послужила основой богатства и всеевропейского влияния Ротшильдов. Но были и другие подвиги.

Натан изучал рынок сначала в Манчестере, а потом в Лондоне и понял, какую выгоду можно извлечь из наполеоновских войн. Продолжая свои торговые дела, он в то же время придумал хитрый план помощи британской короне, которая разорялась на военных расходах, и с этой целью предоставил правительству кредит в сто тысяч фунтов. При содействий брата Джемса деньги были переведены в Испанию для армии Веллингтона. Эта деликатная и безупречно проведенная операция (не считая, конечно, приличных комиссионных), принесла ему благодарность Его Величества и поставила Ротшильда на равную ногу с управляющим Английским Банком, После падения Наполеона он вполне естественно стал общепризнанным финансистом Священного Союза и получил от

британского правительства неслыханную доселе монополию на торговлю золотом и драгоценными металлами.

Понятно, что английская ветвь семейства процветала, Через сто лет после смерти Натана его потомки, образовавшие в Нью-Корте таинственное «Бюро Компаньонов», заправляли и в торговле драгоценными металлами, и на валютном рынке, и в страховых фирмах, и в арбитраже.

Золотые франки ПрюехаввПарижв1811 г. с миллионом золотых франков. Джемс де Ротшильд оставил после своей смерти состояние, исчислявшееся двумя миллиардами.

Мейеру Амшелю. Он сумел научить детей любить не только деньги, но и труд. Пятеро братьев недаром были сыновьями своего отца. Они работали, не покладая рук и не разгибая спины, и вскоре банки Ротшильдов превзошли все надежды их основателя.

• **Действие второе: Вена**

Соломон, второй сын Амшеля, отправился в Австрию. Он умел одинаково хорошо улаживать

80

:еловеческие неурядицы, и продвигать дела своего семейства. Вскоре он попал ко двору и завязал с Габсбургами и князем Меттернихом дружеские отношения, что позволило ему после конгрессов в Вене и Экс-ла-Шапель играть скромную, но влиятельную роль. Эти знаменитые конгрессы, перекроившие всю Европу, явились для Ротшильдов истинным благословением. Долги бывших противников друг Другу превосходили все обычные представления. За удовольствие утопить в крови во имя свободы всю Европу, Франция должна была платить всему свету. Финансовые отношения Англии, Австрии и России требовали значительного перемещения капиталов.

Благодаря международной структуре своего банковского дела, Ротшильды лучше всех подходили для осуществления подобных операций. Одним росчерком пера они могли переводить огромные суммы из страны в страну, избавляя своих клиентов и от задержек оплаты, и от риска, связанного с перевозкой денег.

В Вене Соломон старался угодить всем и каждому. Он взял на себя долг австрийского правительства России; дал пустячный, в девятьсот тысяч гульденов, беспроцентный кредит канцлеру Меттерниху и употребил весь свой такт для облегчения нового замужества императрицы Марии Луизы с генералом фон Нейппергом.

Дом Нусинген

В эпоху Луи-Филиппа Джемс де Ротшильд был одним из самых влиятельных людей в Париже. Его сильный немецкий акцент вдохновил Бальзака на создание малопривлекательного и даже излишне карикатурного образа банкира Нусингена.

•Теперь все бароны!

Как, однако, ни старался Соломон, ему никак не удавалось получить то, к чему он так стремился и чего уже добились в других странах его братья: разрешения создать настоящий банк в столице Австро-Венгерской Империи. Ему пришлось довольствоваться лишь дворянской грамотой и достоинством барона, которыми благодарный Меттерних одарил разом всех пятерых братьев. И все дети франкфуртского старьевщика незамедлительно стали баронами де Ротшильд, кроме Натана, который никогда не пользовался этим титулом. И у них сразу же обнаружились аристократические замашки, вызывавшие саркастические улыбки скептиков.

Французский филиал

Глава французского филиала с 1905 г., Эдуард де Ротшильд (1868 - 1949), прославился противодействием стабилизации франка, проводившейся Пуанкаре, а также национализации железных дорог. Французский филиал состоял из трех железнодорожных компаний ('Северной", "Париж-Орлеан-Париж». «Париж-Средиземное море») и владел большими пакетами акций в таких компаниях, как «Рио-Тинто» (медь), «Пеньяройа-{свинец и цинк}, «Никель».

•Действие третье: Париж

Тот из братьев, кому предстояло стать главою «французского филиала дома Ротшильдов», при-

ехал в Париж в 1811 г. Его звали Якоб, и ему было 19 лет. Высокого роста, с рыжими волосами, он уже тогда отличался какой-то особенной элегантностью. В полиции он назвался Джемсом и показал рекомендательное письмо майнцского епископа монсе-ньора Дальберга.

Обучавшийся в Лондоне у своего брата Натана, Джемс, несмотря на молодые годы, обладал уже солидным опытом и неплохо знал Францию, благодаря тому, что тайно приезжал туда за контрабандным товаром, а также в связи с переводом денег Веллингтону. Поскольку его ум не уступал амбициям, дела быстро пошли в гору. Через год после приезда он купил у министра Фуше великолепный парижский дворец, в котором стал устраивать роскошные празднества.

Конкуренция

Братья Перейр были не только единоверцами.но и самыми опасными конкурентами Джемса де Ротшильда. Благодаря созданному ими кредиту движимостей и участию в железнодорожных ком-паниях, они могли стать при содействии протестантских банков первыми финансистами Франции. Однако после долгой борьбы Ротшильдам удалось обанкротить их.

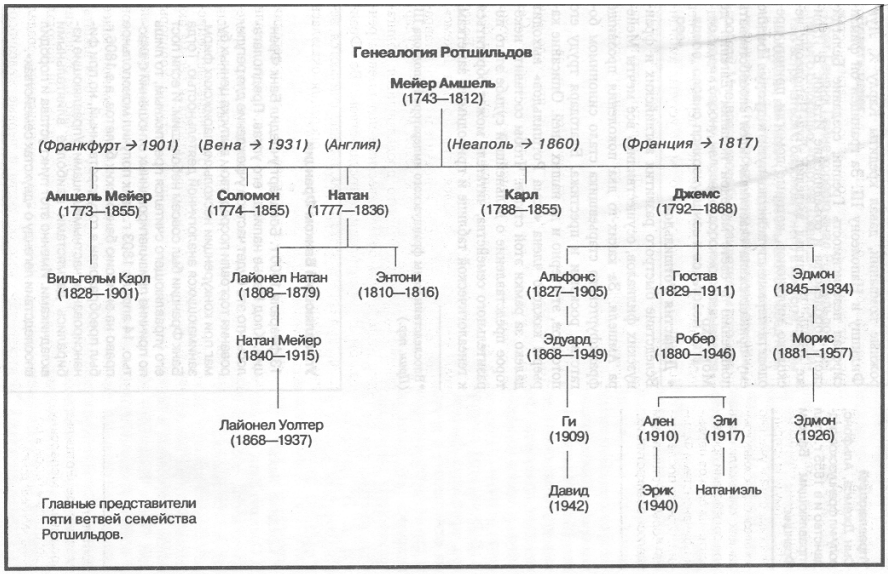
Прототип

Альфонс де Ротшильд послужил Мопассану прототипом героя в романе «Милый друг».

• **Самый главный барон из всех Ротшильдов**

Падение Наполеона обогатило его и принесло ему первенствующую роль в фамильной империи. Семисотмиллионная компенсация союзникам, к которой была приговорена Франция, означала для банкиров наступление новой эры процветания. Более всех прочих воспользовался этим *барон Джемс». Казна была почти пуста, и правительству Реставрации пришлось прибегнуть к новой мере - государственному займу. Открыто продававшиеся облигации этого займа, более известные под именем ренты, были гарантированы государством. Во Франции, где бережливость и накопление считаются величайшими добродетелями, эта операция оказалась весьма успешной.

Главная и крайне выгодная роль в проведении займа принадлежала частным банкам. Они давали казне кредит на сумму, соответствующую определенному числу облигаций, которые затем продавали частным лицам, получая при этом немалые комиссионные. Джемс де Ротшильд, благодаря весьма активной светской жизни, имел доступ в коридоры власти и получил свою долю в этих откупах на чрезвычайно выгодных условиях. К тому же, он сумел занять в финансовом мире доминирующее положение, что позволило ему в будущем влиять, конечно, С выгодой для себя, не только на экономическую, но и на политическую жизнь. Он помогал Людовику XVIII выплатить компенсации, создал большие страховые общества и первые железнодо-



Главные представители пяти ветвей семейства Ротшильдов.

Управляющий

Сын Джемса, Альфонс, получил франщзское подданство и в 1855 г. стал управляющим Банком Франции.

рожные компании, давал кредиты Карлу X, Филиппу и Наполеону III. За границей он финансировал независимость Греции, создание Бельгийского королевства и объединение Италии. В Париже Джемс Ротшильд выделил Луи-Наполеону несколько миллионов, которые помогли принцу преодолеть первые ступени по пути к трону. Именно ему принадлежала счастливая идея способствовать появлению в свете молодой испанки Евгении де Монтихо*.

• Династия Ротшильдов

Вследствие быстрого развития английских и французских филиалов, осуществились все мечты Мейе-ра Амшеля. За каких-то два поколения прозвище франкфуртского старьевщика стало синонимом богатства, роскоши и престижа. Благодаря труду его потомков, это верно и до наших дней. Описание карьеры каждого члена «дома Ротшильдов» выходит далеко за рамки этой статьи. Чтобы составить некоторое представление о дальнейшей судьбе этого поразительного семейства, читатель может обратиться к генеалогической таблице и приводимым заметкам.

13 февраля 1800г. Бонапарт учредил Банк Франции. Клод Перье написал его устав. Предполагалось, что это будет частное учреждение для регулирования торговли посредством выпуска ценных бумаг при конкуренции нескольких парижских фирм, занимающихся аналогичной деятельностью. Тогда Банк Франции был совсем небольшим. И если пост его управляющего считался

престижным, то лишь по причине привилегированных отношений с властью. 14 апреля 1803 г. Банк получил монопольное право на эмиссию банковских билетов, а в 1806 г. был преобразован в государственный, но при финансировании частными лицами. Управляющие избирались двумястами наиболее влиятельными вкладчиками. Именно этот пункт устава и породил впоследствии легенду о "двухстах семействах».

84

Власть денег

Поэт Генрих Гейне хорошо знал Ротшильдов. Он писал о служащих «барона Джемса»: «Я предпочитаю встречаться с бароном у него в конторе, чтобы наблюдать, как люди (...) пресмыкаются перед ним. Здесь вы увидите такие изгибы позвоночника, которые трудно повторить даже самому умелому акробату. Мне. **Впоследствии жены французского императора Наполеона III. (Прим. пер.)**

Управляющий Банком Франции

доводилось быть свидетелем того, как, подходя к барону, человек судорожно складывается вдвое, словно прикоснувшись к вольтовой батарее».

85

Банки

•Древний мир

Первые учреждения для кредита и обмена денег, которые вполне можно назвать банками, появились в Вавилоне. Но возможно, они существовали и в торговых сообществах Карфагена и Финикии с очень давних времен.

Однако только древние греки сделали банк необходимым звеном в экономической жизни. Банкирами у них были или жрецы, хранители «сокровищ» больших храмов, или миряне, занимавшиеся обменом денег. Для облегчения многочисленных торговых связей между городами греки придумали кредит под проценты и ввели во всеобщее употребление векселя.

В Риме, этой цивилизации юристов, профессия банкира долгое время совмещалась с ремеслом ювелира и строго регламентировалась. Занимавшиеся ею были обязаны тщательно вести записи текущих счетов. Они производили те же операции, что и их греческие собратья, но предпочитали кредит под проценты в пределах 20-40%.

•Средние Века

В Средние Века не было, как в эпоху Античности, профессиональных банкиров. Их заменяли богатые купцы, которые, по примеру Жака Кёра или Якоба Фуггера, занимались

одновременно и торговлей, и банковским делом. Такое положение объяснялось, в основном, двумя причинами: экономикой, основанной на натуральном хозяйстве, которая привела почти к полному исчезновению торговли, но прежде всего тем, что Церковь осуждала все формы ростовщичества. Однако, начиная с XI в., некото-

рое оживление торговых связей между странами привело к робкому возобновлению банковской деятельности, остававшейся, впрочем, привилегией немногих замкнутых групп. К ним относились: евреи, не подлежащие отлучению от Церкви; тамплиеры, чьи набитые денежные сундуки вплоть до царствования Филиппа Красивого представляли наилучшую гарантию надежности; жители Кагора, обладавшие особой на то привилегией; и конечно, прежде всего, тосканцы (Барди, Альберти, Перуцци и прочие Медичи), ошибочно называвшиеся ломбардцами. Эти последние и создали настоящие денежные империи. Ломбардцы образовывали семейные общества, которые владели магазинами, складами и конторами во всех больших городах Востока и Запада. Они находились под покровительством пап, которых ссужали деньгами еще до того, как стали их племянниками.

• **Новое время**

Большие общественные банки получили распространение только в начале XVII в. и лишь в протестантских странах после того, как было разрешено, наконец, ростовщичество. Впрочем, появились они на два века раньше и занимались тогда лишь хранением и переводом денег, но отнюдь не кредитом, который оставался монополией купцов.

Во Франции кредитные банки получили настоящее развитие только при Второй Империи. До того времени банковское дело, как правило, было всегда семейным предприятием, имевшим лишь очень богатых клиентов. Растущие нужды развивающейся промышленности побудили

финансистов широко привлекать частные сбережения и создать с этой целью новый тип банков, которые в форме акционерных обществ были открыты для любых вкладчиков.

Биржа

Биржа сыграла весьма важную роль в мифологии XIX в. Этот храм денег, где создаются и гибнут целые состояния, это магическое и одновременно ужасное место, в котором рождаются самые безумные мечты и завязываются самые гнусные интриги, вдохновило многих художников и романистов. Скольких героев

Бальзака и Золя, скольких персонажей Гаварни и Домье видим мы ожидающими с воспаленным взором непреложного приговора судьбы! Как казино, как большие отели, а впоследствии и трансатлантические лайнеры, дворец Броньяр стал в эпоху торжества капитализма символом богатства и удачи и притягивал публику с небывалой и уже никогда не повторившейся силой.

Если фондовые биржи, где занимаются акциями, облигациями и рентами, появились только вместе с акционерными обществами, то торговые биржи восходят к эпохе Античности. Чтобы договариваться друг с другом, покупать и продавать товары и объединяться в сообщества, афинские купцы собирались в пирейском порту, где существовала своего рода постоянная биржа. Что касается римлян, то они предпочитали строить на форуме большие базилики, которые служили самым разным целям (политическим, культурным и т. п.). В Средние Века купцы устанавливали

С этого времени стали различать *сберегательные и учетные банки* для краткосрочных кредитов и *коммерческие банки.*

курс денег и договаривались между собой на периодических ярмарках.

Только к концу XIV в. в европейских торговых столицах появились настоящие торговые биржи.

Происхождение слова «биржа» следует искать в имени семейства Ван дер Бурсе, чей дом в Брюгге служил местом встречи проезжих купцов. Оно напоминает о приоритете фламандских финансовых центров перед другими европейскими городами (Антверпен-XIV в,, Амстердам-XVII в.).

Во второй половине XVII столетия развитие акционерных обществ вызвало к жизни «фондовые биржи», хотя очень долго сфера их деятельности ограничивалась лишь кредитами государству и делами с акциями колониальных обществ, например, различных Индийских компаний.

Место Амстердама, постепенно утрачивающего свое значение в конце XVII в., в начале следующего столетия заняли Лондон и Париж, как два крупнейших фондовых рынка Европы. Однако очень долго помещения, в которых располагались столь важные для развития экономики учреждения, оставляли желать лучшего. Коммерсантам приходилось собираться в кофейнях, а иногда и просто на улицах (Свитингс-Эли, Лондон; Рю Квинкампуа, Па-

риж). Только в 1801 г. лондонские финансисты решили построить Кэ-пел-Корт-здание для своей уже знаменитой 5Coc1c

ExcЬап§е*. В Париже официальное открытие биржи состоялось 24 сентября 1743 г. После банкротства Ло власти поняли, сколь настоятельно требуется упорядочить рынок, чтобы подобная катастрофа не повторилась в будущем. Новосозданное учреждение занимало сначала старый Отель де Невер (ныне Национальная Библиотека), потом, переменив несколько парижских

•Фондовой биржи *(англ.)*.

кварталов, обосновалось в весьма престижном здании-«дворце», построенном Броньяром в 1826 г., что свидетельствовало о той важности, которую оно приобретало в новое время.

В течение всего XIX столетия- золотого века капитализма-лондонская и парижская биржи, оттеснив амстердамскую, оспаривали друг у друга первое место. Но обеих после войны 1914 г. обогнал Уолл-Стрит (американская биржа создана в 1792 г.).

Жакоб Эмиль Перейр

(180О-1875)

«Акула филантропии*-

Перейр, чье сердце разрывалось между деньгами и неимущими, был главным банкиром Второй Империи, но ему пришлось столкнуться с Ротшильдами.

Розовые щеки **Эмиля Перейра** были настоящей находкой для карикатуристов *(К. Жиро, Национальная библиотека, Париж)*.

Жакоб Эмиль Перейр был внуком португальского еврея, приехавшего во Францию, чтобы устроить там обучение глухонемых. Он одновременно совмещал в себе качества жесточайшего дельца и неисправимого филантропа.

Переселившись в 1822 г. в Париж вместе с братом Исааком, Перейр страстно увлекся неосуществимо-благородными идеями Сен-Симона, которые отстаивали его ученики в журнале «Глобус».

•Король рельсов

К счастью для него, взгляды Жакоба на экономическое развитие были куда более трезвыми, чем мысли о будущем всего рода человеческого. С помощью братьев Ротшильдов, которые дали ему необходимый кредит, он вошел в финансовый мир и начал крупное строительство французских железных дорог.

Несмотря на скептицизм инвесторов, все еще не доверявших этой слишком новой сфере, он добился блестящих успехов. После открытия в 1835 г. линии Париж-Сен-Жермен-ан-Лэ он создал «Компанию Северных Железных Дорог», затем в 1846 г. стал руководителем лионской железной дороги, а в 1852 г. получил разрешение на основание обшества для железнодорожного строительства на юге Франции.

Кроме «Глобуса» Жаков Эмиль Перейр сотрудничал в ежедневной газете «Насьональ", основанной Арманом Карре-лем.

•Утописты

Став за несколько лет одним из богатейших французских предпринимателей, Жакоб тем не менее не забыл свои прежние сен-симонистские идеи. Поэтому в 1852 г. с помощью Исаака он основал новое дело-«Кредит движимости», имевший двойную целыпомочь неимущим выйти из той жестокой бедности, в которую загнала их система эксплуатации, и сделать самого Перейра еще бблыпим капиталистом. Этот банк совершенно нового типа считал своим главным делом долгосрочное финансиро-

89

вание промышленных предприятий, но одновременно он опирался на филантропическую идеологию, которая не вызывала никакого доверия у Джемса де Ротшильда. Этот банкир не только сразу же вышел из дела, но и решительно разорвал всякие отношения с обоими сен-симонистами - финансистами и качал против них войну не на жизнь, а на смерть.

Тем не менее, «Кредит движимости» имел блестящий успех и явился одним из главных факторов промышленного развития. Второй Империи. Он сыграл большую роль в реконструкции столицы, произведенной бароном Османном (Компания омнибусов, устройство газового освещения и т. д.). Однако, несмотря на поддержку Наполеона III, •«Кредит движимости» не смог пережить экономический кризис 1863 г. и через три года был объявлен банкротом...

Политик

Жакоб Перейр был не только финансистом и филантропом, но и политическим деятелем. В 1865г. его избрали депутатом Законодательного Собрания.

Аристид Бусико

(1810-1877)

Создатель больших магазинов

«Бон Марше стал настоящим дамским счастьем, потому что там все продавалось дешевле, но зато больше... И прибыли*

возросли. Для этого нужно было только немного подумать!

Первый «большой магазин» был открыт в Париже при императоре Наполеоне III на углу улиц Бак и де Севр. Он назывался «Бон Марше* («Там, где дешево») и принадлежал безвестному нормандскому коммерсанту Аристиду Бусико.

За несколько лет, благодаря оригинальному замыслу, он буквально перевернул весь торговый мир и столь известные привычки французов к экономии.

Поскольку все продавалось там дешевле, чем в других местах, этот магазин притягивал особенно женщин, от простых работниц до важных дам буржуазного мира. Под предлогом экономии они разорялись в пух и прах, поддаваясь ловким уговорам покупать совершенно ненужные им вещи.

• Старший приказчик

От своих родителей, торговцев шляпами в Беллеме, Аристид не унаследовал ни единого су, но зато по-

лучил редчайший дар, стоящий всего золота мира --умение зарабатывать деньги.

В 18 лет он поступил простым продавцом в лавку новых товаров, где научился продавать то, к чему покупатели не привыкли, и задешево покупать такие вещи, с которыми не хотели расставаться их владельцы. Затем он «устраивается в Париже» и после семнадцати лет каторжного труда получает пост, считавшийся по социально-экономическим представлениям того времени эквивалентом маршальского жезла в карьере-место сгаршего приказчика.

•20м2

Именно тогда ему предложили стать совладельцем скромного магазина под вывеской «Бон Марше», площадь которого едва достигала 20 **м2.**

Через десять лет, в 1863 г., проявив невиданную энергию и исключительную изобретательность, он стал единоличным хозяином этого магазина, здание которого значительно перестроил. Но, самое главное, Бусико смог воплотить в жизнь свою давнюю идею «образцового магазина» по продаже «новинок»-. Первый камень нового заведения был заложен 9 сентября 1869 г. Аристид сам вникал в малейшие детали строительства, и 2 апреля 1872 г. состоялось торжественное открытие. Успех превзошел все самые смелые его ожидания.

Биографические сведения

Аристид Бусико родился 4 июля 1610 г. в белле-ме; умер 26 декабря 1877 г. в Париже; жена - Маргарита Герен (1816- 1887).

Золя

Его роман -Дамское Счастье», написанный в 1883 г., вызывает в памяти необычайную жизнь Аристида Бусико. Но, в противоположность тому, что можно предположить, прочтя роман, «Бон Марше» отнюдь не разорил мелкую торговлю.

•Новый метод торговли

Идея «Бон Марше» основывалась на принципах, революционных по своей сути и, в то же время, простых как дважды два: каждый отдел соответствовал специализированному магазину; прибыли систематически снижались (20% сравнительно с обычными тогда 40%); вместо того, чтобы торговаться, на товарах маркировали цену; производились ежегодные распродажи, и «реклама» была не только в Париже, но и в провинции... Такая организация давала много преимуществ как самому Бусико, так и его клиентам. Большое число продаж позволяло снижать стоимость и повышать рентабельность труда. Объединение нескольких магазинов в один было удобно для покупателей, которые экономили время, имея притом бблыний выбор (в частности, провинциалы очень ценили возможность купить все за один день и уехать вечерним поездом). Продавая дешевле, но в больших количествах, Аристид Бусико открыл принцип современной экономики.

«Бон Марше» очень скоро нашел подражателей, и идея «большого магазина» получила ошеломляющее распространение. В 1853 г.* Ксавье де Рюэль открыл «Базар у ратуши», затем последовал «Лувр» в 1855г.*, «Весна» в 1865 г.* и «Пассаж Лафайет» в 1895 г.* Эта конкуренция нисколько не повредила делам «Бон Марше» и отнюдь не заботила самого Бусико, который, в противоположность многим создателям больших состояний, совсем не стремился к монополии. Как только новое предприятие стало работать самостоятельно, он сразу же поручил его одному из помощников и отдался своей второй страсти - филантропическому патернализму.

Магазин «Весна» Этот магазин, открытый бывшим служащим Бу-сико по имени Жалюзо, также использовал рекламу. В одном из объявлений, весьма характерном для торговли нового типа, значилось: -Бароны высокой коммерции никогда не обращали внимания на простую женщину или работницу. О них позаботился магазин *«Весна».*

• **Филантропы**

Ради улучшения жизни своих служащих Аристид Бусико выделял большие суммы на различные филантропические цели («Общество помощи раненым и больным»; «Женщины Франции за освобождение захваченных территорий») и, самое главное, основал страховую кассу для работников фирмы.

После смерти Бусико его вдова продолжала и коммерческие, и благотворительные дела. С 1880-го по 1885 гг. она лично руководила магазином «Бон Марше» и значительно расширила торговлю.

Перед своей кончиной в Каннах в 1887 г. г-жа Бусико раздала служащим фирмы сто пятьдесят паев из фонда акций и пожертвовала деньги на пенсионную кассу.

Не имея детей, она оставила все свое состояние служащим «Бон Марше» и нескольким благотворительным учреждениям. Больница Бусико - одно из сохранившихся доныне свидетельств ее щедрости.

•Такие даты приведены во французском издании *(прим, переводчика)*.

Марсель Буссак
(1889-1980)
Миллиардер самолетных тканей

Перекупая английские самолетные ткани, Марсель Буссак стал самым знаменитым французским миллиардером. Но больше всего он известен среди фанатиков ипподрома.

Когда женщина молода, красива, наделена романтической душой, а в юности тайком зачитывалась запретными книгами из отцовской библиотеки, ей очень трудно быть женой простого торговца сукнами в провинциальном городке. Именно таким было положение г-жи Буссак в Шатеру, в сумрачной лавочке, где для нее бесконечно тянулись часы с той томной печалью, которую испытывают, наверное, заморские птицы, запертые в клетке у консьержки. Пока почтеннейший супруг отмерял у себя за стойкой куски сукна, она твердила стихи модных поэтов и переживала в своем воображении сцены из «Мадам Бовари», которые не полагалось знать хорошо воспитанной женщине, дабы не заразиться ядом разврата, совратившим добродетель уже стольких юных девушек.

Господин Буссак корпел над своими гроссбухами и ублажал клиентов, а она мечтала о приключениях и галантных рандеву, все более раздражаясь нескончаемыми сплетнями жены нотариуса и обязанностью помогать в выборе безвкусных тканей матронам с дочерьми на выданье. Но в один прекрасный день, вконец отчаявшись от этой тоскливой и непроходимо будничной

жизни, решилась она навсегда с ней покончить и, собрав свои пожитки, без малейшего сожаления распростилась и со своим родным Берри, и с мужем, и с двумя сыновьями, и даже с братом-брандмейстером, на котором так романтически-элегантно сидела форма пожарного.

Она «залетела в столицу» и там, являя собой Растиньяка в юбке, стала завсегдатаем театральных премьер, балов в Опере, собраний модной богемы, литературных салонов и художественных галерей.

• За прекрасные глаза поэта

Ее мечты о большой любви воплотились сверх всяких надежд в белокуром толстячке Катюле Менде-се. Для тех, кому это имя ничего не говорит, доста-

точно сказать, что сей ныне заслуженно забытый поэт был тогда фаворитом Всего Парижа. Этого краснобая, великого ценителя красивых женщин и неутомимого светского льва обожали все, претендовавшие на принадлежность к литературному миру, а он ублажал их пьесами, романами и стихами в не меньшем количестве, чем экс-супруг г-жи Буссак своих клиентов образчиками тканей. Это была та любовь с первого взгляда, какая редко случается в истории человечества. С глубочайшим от поразившего ее восхищения молчанием Жанна (так ее звали) проводила долгие часы, внимая Катюлю, который декламировал бесконечные александрийские строфы, упиваясь тем, что его слушают, не перебивая ни единым звуком. Данте обрел свою Музу, а Беатриче-своего поэта. После развода с лавочником голубки не замедлили соединиться новыми узами Гименея и произвели на свет прелестного розов ошекого младенца, которого они окрестили Патрисом.

Несомненно, их жизнь и дальше продолжалась бы среди безоблачного счастья, наполненная выспренными стихами и напыщенной декламацией, если бы в один несчастливый ноябрьский день 1909 г. Катюль, ставший жертвой одного из тех развлечений, которые свойственны только истинным поэтам, не погиб под поездом, возвращаясь на свою виллу в Сен-Жермене.

Катюль Мвндес

Этот поэт родился в Бордо в 1841 г. и был эпигоном группы «Парнас*.

Сын поэта

Единоутробный брат Марселя Буссака Патрис погиб смертью храбрых на войне 1914-1918 гг.

• Серьезный молодой человек

Так закончилась эта трогательная любовная история. История любви, о которой вряд ли мы стали бы говорить в этой книге, если бы последовавшие за ней несчастья не способствовали выработке характера одного из самых знаменитых французских миллиардеров.

От суконщика из Шатеру у Жанны было два сына, которые мучительно переживали бегство матери и страстно желали поквитаться с судьбой. Старший, Марсель, родился в 1889 г. и, следовательно, ему было 20 лет, когда умер поэт.

Благодаря своему серьезному отношению к занятиям в городском лицее, легкости, с которой он выдерживал экзамены и слабой склонности к ненавистному поэтическому искусству, он явился утешением отца, уже видевшего в нем продолжателя своего небольшого дела. Малорослый, розовощекий Марсель обладал каким-то неуловимым обаянием,

94

очень выразительным взглядом и уже производил впечатление достоинством своих манер, по которым никто бы не догадался о переживаемых им бедах.

Это был волевой юноша, словно созданный для жизненной борьбы, который еще ребенком мечтал о блестящем успехе и мог бы поэтому утешить разбитое сердце своего отца. Но фамильное дело, несмотря на все благополучие, уже не удовлетворяло претенциозных амбиций сына, и он чувствовал, что будущее не здесь, не в этом маленьком городке с удушающей атмосферой мелкобуржуазности.

•Воспитанный делом

Чтобы самому научиться летать, Марсель решил покинуть родной город и наняться простым работником на текстильную фабрику в Вогезах. Пройдя все ступени лестницы, он постепенно освоил новейшие способы изготовления хлопковых тканей и познакомился со счетоводством и ведением дел. Кроме того, он близко узнал неведомый ему доселе мир рабочих и, наконец, посчитав, что набрался уже достаточно знаний, решительно отправился на завоевание столицы.

Это было в 1909 г. Благодаря щедрости отца, одолжившего ему сто тысяч франков, Марсель, едва достигнув 20 лет, смог основать свое дело-«Промышленную Хлопковую Кассу».

Квартал Сантье,-где обосновался молодой человек, был столь же скромен, сколь безмерны были снедавшие Марселя амбиции.

Подвиги американских миллиардеров, о которых газеты рассказывали тогда всяческие чудеса, не давали ему покоя, и он мечтал лишь о том, чтобы не только сравняться, но и превзойти всех этих Рокфеллеров, Фордов и прочих Дюпонов де Немуров.

•Мудрость крестьянина

Итак, Марсель с жаром взялся за дело, но в то же время ни на минуту не терял воспринятой от отца осторожности, за которую его часто сравнивали со старым беррийским крестьянином. Он никогда не забывал и о культуре в коммерческих делах, сдерживавшей динамизм его соотечественников. Он понимал, что не только обитателям Шатеру, но и всей Франции не стоит оглядываться на Америку, а нужно действовать с величайшей осмотрительностью.

Поэтому Марсель никогда не предпринимал ни малейшего шага, в котором не был бы абсолютно

уверен, и предпочитал предоставить времени работать па себя. Он столь уверенно вел свой корабль, что, когда разразилась Первая мировая война, мог порадоваться достижению своей первой цели -приобретению в хорошо знакомых ему Вогезах хлопчатобумажной фабрики.

-Бедный Малый» В XIX веке так назывался модный магазин тканей. Один из его служащих стал знаменитостью - это был Шошар.

•Серо-голубой цвет

Война не очень помешала делам Марселя Буссака. Для обмундирования солдат французская армия остро нуждалась в тканях, и правительство купило сразу всю его продукцию. Такой необъятный рынок был для молодого промышленника редчайшей удачей.

Маленькая фабрика производила невероятное количество тканей защитного цвета, и этот неожиданный взлет поставил ее после окончания войны в самые благоприятные условия для завоевания рынков.

Когда над окровавленными окопами прозвучали победные трубы, Марселю было всего 29 лет-пожалуй, слишком мало для того, чтобы соревноваться С разжиревшими финансистами, оспаривавшими друг у друга торговлю хлопком. Но его смелость и исключительные способности принимать быстрые решения помогли преодолеть этот недостаток и блестяще провести гениально задуманную операцию, благодаря которой через несколько лет он стал одним из самых богатых людей планеты.

•Самолетные ткани

Британское правительство, рассчитывая на затяжную войну, создало огромные запасы экстра-прочной ткани для крыльев аэропланов-истребителей. И когда после неожиданно наступившей победы они стали не нужны, их поспешили продать. Марсель мгновенно предложил свои услуги и провел всю сделку с такой быстротой, что его конкуренты не успели даже переступить с ноги на ногу. После этого он сразу же открыл на площади Республики, неподалеку от «Бедного Малого* (уже закрывшегося большого магазина тканей), гигантский магазин розничной торговли, которому дал незамысловатое название -«Самолетные ткани».

С помощью шумной рекламы Буссак заставил поверить в превосходные качества своего товара, из которого он шил с одинаковым успехом и брюки, и

96

юбки, и детские костюмчики, выдерживавшие самое безжалостное обращение. Это был кастояший триумф. Буквально на следующее утро модным стало только то, что сшито из ткани для аэропланов. Она облекала костлявые фигуры отставных красавцев, ее натягивали на свои округлости демимонденки, и в нее же заворачивали грудных младенцев. Даже монахини от Сен-Винсен-де-Поля и те употребляли ткань Буссака для своих великолепных чепцов, и без того уже похожих на аэропланы.

Магазины были опустошены, и вскоре от десятков тысяч километров английской ткани не осталось ни сантиметра. Пришлось заняться подделкой. Для многочисленных уже фабрик Марселя это не представляло больших сложностей, тем более, что молодой промышленник не терял времени и расширял свою империю.

Кроме предприятий не только во Франции, но и в Африке, и в Индокитае, он открыл множество магазинов для сбыта своих товаров. К концу этого быстрого взлета Буссак стал пятым производителем хлопковых тканей в мире и владельцем третьей экспортной фирмы во Франции. Благодаря самолетной ткани, его дела молниеносно пошли в гору.

Женитьба

В жизни нашего миллиардера была и любовь. Он женился на знаменитой певице Фанни Хель-ди, которая с таким треском провалилась в «Мадам Баттерфляй-. Говорят, будто он любил ее почти так же, как своих лошадей, но, тем не менее, потребовал, чтобы она покинула сцену прежде, чем стать его женой.

• Серо-зеленый цвет

Вторая мировая война помешала Марселю Буссаку не больше, чем Первая. Вермахту нужна была серо-зеленая ткань для защиты

солдат от сибирских морозов, которые грозили им в ближайшем будущем благодаря политике фюрера. Поэтому оккупационные власти поспешили реквизировать фабрики нашего героя. Естественно, Марселю ничего не оставалось, как капитулировать. Однако в душе он был все тем же хозяйственным крестьянином и постарался сохранить и козла, и капусту, что при его поразительной ловкости вполне ему удалось. С немцами он поддерживал лишь самые неизбежные отношения и под видом дружеского совета предлагал им модернизировать свои фабрики, чтобы повысить производительность. «Это в ваших же интересах,- объяснял он самым дружелюбным тоном,-без модернизации мое старое оборудование, никак не удовлетворит вас, а ведь зимой бывает так холодно»! Чины СС только радовались подобному желанию сотрудничать с ними, совершенно не подозревая, что этот старый лис отнюдь не пренебрег и

кое-какими услугами Сопротивлению. Это помогло ему в будущем избежать тех неприятностей, которые ожидали многих других промышленников.

И вот война кончилась, германские солдаты ушли, а у него осталось совершенно новое оборудование, позволившее ему еще больше расширить свою империю.

Трест модной одежды Кроме Кристиана Диора Буссак перекупил фирму еще одного модельера - Пьера Кларанса, которую предназначил для клиентов из средних классов.

•Завоевание Нового Света

В 1948 г. ему принадлежали не менее шестидесяти фабрик с десятью тысячами рабочих и двадцатью тысячами станков, производивших знаменитые самолетные ткани, которые продавались более чем в ста больших магазинах.

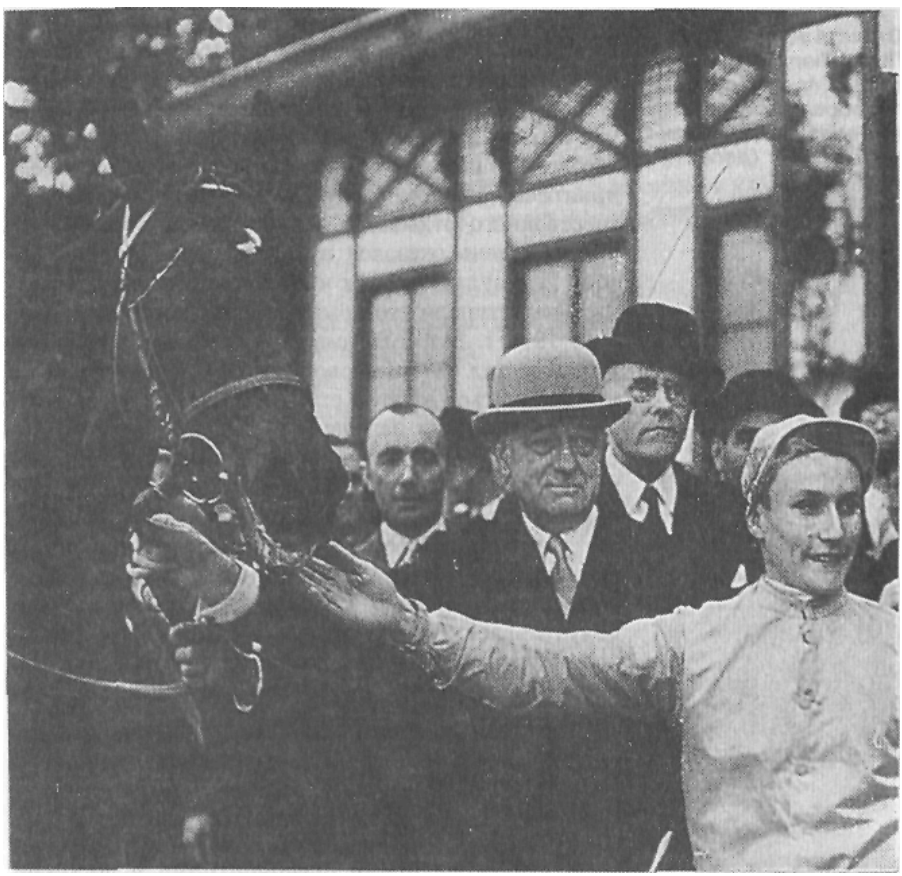
Но все же это было только начало. Перед Марселем Буссаком всегда открывалось будущее, и он уже обдумывал очередной проект, казавшийся совершенным безумием - обосноваться на американском рынке. Использовал он для этого троянского коня чистой французской породы, а именно - высокую моду. Перекупив Кристиана Диора, он открыл в Нью-Йорке прямо на Пятой Авеню роскошный магазин и сумел использовать всемирный престиж этой фирмы, чтобы поставить американскую моду на службу своим интересам. И вот от Флориды до Калифорнии юбки вдруг опустились к лодыжке, сложившись в столь же разнообразные, сколь и совершенно бесполезные складки и изгибы. В результате американская промышленность не смогла справиться с возросшим спросом на ткани, и пришлось обратиться к

французам, чтобы перерабатывать американский хлопок.

•Хлопок египетский, клиенты индийские

Конечно, промышленники Нового Света не смотрели безучастно на захват их территории и сделали все возможное, чтобы остановить агрессию. Благодаря некоторым статьям плана Маршалла, им это отчасти удалось. Французское правительство больше чумы боялось утечки валюты и резко ограничило импорт американской шерсти, которую фабрики Буссака превращали в готовые изделия.

После войны недоставало денег, и использовали их строго по приоритетам: на покупку нефти, масел, кофе и прочих товаров первой необходимости для национальной экономики.



Марсель Буссак был столь популярен на скачках, что публика могла и не знать о другой его деятельности. Рядом С Буссаком жокей Серж Булланже и призовая Кобыла Аполлония из конюшни миллиардера.

Трест Бендикс

Еще одним перлом среди предприятий Буссака была фирма Бендикс, производившая холодильники и стиральные машины.

Марсель, видя угрозу спада, был вынужден обратить своя взоры к другим странам. Он построил фабрики в Советском Союзе и в Германии. Там ткали из египетского хлопка подобие самолетной материи, а продавали ее в Индии. И дела его предприятий опять пошли от хорошего к лучшему, Они проникли своими щупальцами даже в другие отрасли экономики. Кроме массовой и высокой моды, в которых Марсель Буссак уже прочно закрепился, он инвестировал большой капитал в производство холодильников и стиральных машин. Им была куплена еще и газета <0рор» в качестве трибуны для удовлетворения своих амбиций.

• **Король ипподромов**

Нельзя закончить статью о Марселе Буссаке и не упомянуть про его страсть к лошадям. Сначала это

было просто развлечением, но недаром финансы составляли вторую натуру этого человека-он очень скоро сделал развлечение столь же серьезным делом, как и ткацкая промышленность, и внес в управление конными заводами ту же аккуратность часовщика, которая приносила успех всем его предприятиям. Купив как-то несколько лошадей для собственного отдыха на уик-эндах, он в один прекрасный день оказался во главе целой конной армии. И результаты этих чистокровных скакунов ничуть не уступали его коммерческим достижениям.

В 1914 г. Марсель вместе с графом Кастельбар-жаком купил своего первого четвероногого и уже не мог избавиться от этой страсти до конца своей жизни. Его конными заводами в Базош-о-Ульме с дотошностью провизоров руководили два управляющих, которые следили за расходами и доходами, ничего не оставляя на волю случая. Таким образом, это развлечение господина генерального директора превратилось в такой же жирный кусок, как и дело с самолетной тканью. Его жеребцов стремилась заполучить вся Европа. «Случка с Марселем Бусса-ком»- стоила от двухсот до двухсот пятидесяти тысяч франков, сумма по тем временам немалая, да и сами кобылы были в восторге.

Страсть к лошадям

После Первой мировой войны Марсель Бус сак приобрел свой

первый конный завод во Френ-ле-Бушаре (департамент Орн).

• **Марсель уходит**

В декабре 1970 г. Марсель Буссак отошел от дел. Он оставил себе лишь общее руководство несколькими второстепенными предприятиями и конными заводами, а управление всей империей отдал двум своим сотрудникам, которые не замедлили развалить все дело. Почти полностью разоренный, он умер 21 марта 1980 г.

Сократес **Аристотелес Онасис**
(1906-1975)

Состояние

После смерти Онасиса его состояние приблизительно оценивалось в четыреста миллионов долларов. Сюда входили: флот из пятидесяти двух судов{супертанкеры, китобои, круизные пакетботы), авиационная компания «ОлимпикЭйр-вэйс* и несколько роскошных отелей. Кристина получила -всего лишь- 48% этого сокровища. Остальное ушло в Фонд Александра Онасиса и... налоговому ведомству.

Олимпиец удачи

Смелость была для него ключом к удаче, но он не нашел ключей к счастью ни на своем заветном острове, ни на своей яхте.

Одним прекрасным вечером 1924 г. в Рио-де-Жанейро в ресторане «Las Tres Palabras» произошла сцена, доставившая немалое удовольствие журналистам и завсегдатаям этого заведения.

Известному на весь мир королю аргентинского танго Карлосу Гарделю после ужина с обильными возлияниями, которые ублажили его утробу и размягчили душу, пришла вдруг фантазия пропеть шансонетку. Если вспомнить необычайную популярность этого человека, нетрудно представить, как, после минуты оцепенения, все присутствовавшие столпились вокруг послушать его. А несколько оказавшихся здесь журналистов сразу поняли, что известию об этом событии-а это было действительно целое событие-суждено облететь весь мир. Когда песня кончилась и смолкли аплодисменты, в зале воцарилась благоговейная тишина и стали слышны сдавленные рыдания. Они доносились откуда-то из-за стойки и были так хорошо различимы, что все обратили на них внимание, а сам Карлос Гардель даже встал и пошел посмотреть, что там происходит.

Он увидел спрятавшегося за стойкой молодого официанта со средиземноморской внешностью. Песня тронула сердце юноши. Она напомнила ему родную Грецию, покинутую всего лишь

несколько месяцев назад. Глубоко взволнованный, он стал извиняться за то, что не смог сдержать слезы. Карлос благосклонно выслушал его, обнял и, чтобы подбодрить, дал дружеский совет: «Когда тебе грустно, muchacho, делай как я-пой!»- - и, похлопав юношу по спине, добавил: «Послушай, иди-ка сюда, споем что-нибудь из твоих песен».

Испуганный гарсон сначала колебался, но потом, призвав на помощь все свои способности, стал не только петь, но и танцевать под родную музыку. Он пел и плясал просто великолепно, и очарованный Гардель привел его к своему столику, чтобы познакомиться поближе. Именно в эту минуту юный

эмигрант, не видевший ничего, кроме бедности, сделал казалось бы незначительный жест, сам не сознавая того, что благодаря ему через несколько лет станет одним из самых богатых людей в мире. Он предложил своему новому другу сигару.

•Онасис занимается табаком

«Карамба! -воскликнул артист,-Я никогда еще не пробовал столь ароматной сигары! Где ты берешь такую прелесть? Теперь я уже не захочу курить ничего другого». Подивившись тому эффекту, который сигара может произвести на танцора аргентинского танго, Аристотелес Онасис (так звали юношу) ответил, что «эта прелесть» самым простым образом привозится из Афин, где ее делает его отец. «Если хотите,-с готовностью предложил он,-могу доставить вам их сколько пожелаете». Сделка была тут же заключена, и Аристотелес побежал сначала на почту, чтобы дать срочную телеграмму домой, а потом в банк за кредитом для начала своего первого дела.

Через несколько месяцев самой популярной сигарой в Южной Америке стала «Меланж Гардель». Преисполненный надежд Аристотелес оставил службу в ресторане. Перед ним, благодаря неуемной страсти короля танго к сигарам, настежь отворились врата удачи.

Семейство с греческими именами

У Сократеса Аристотеле-са была сестра Артемида и две сводный сестры от второго брака его отца - Меропа и Калли-рое.

•Греческая бабушка, говорившая только по-турецки

Это была первая улыбка, подаренная Фортуной этому юноше. До того благословенного дня жизнь совсем не баловала его.

Он родился в 1906 г. в турецком городе Смирне (Измире) и провел детство в нездоровом скученном гетто, где мусульманские

власти, мало заботившиеся о правах человека, держали греков. Когда ему было совсем мало лет, умерла мать, и воспитывала его бабушка-любящая и добрая, но совершенно необразованная и не знавшая ни слова по-гречески восточная женщина. Поскольку детей-греков в городских школах всячески притесняли их мусульманские сотоварищи, ей самой пришлось заняться образованием внуков. Худо-бедно она научила их писать и читать и привила, хотя и с помощью турецкого языка, любовь к своей родине, Греции. Аристотелес сохранил эту любовь до своего последнего вздоха.

102

•Исход за исходом

Положение семьи резко ухудшилось, когда в 1922 г. Мустафа Кемалъ ввел в Смирну войска националистов и отдал на разграбление колонию несчастных греков. В эти кровавые дни семья Онасисов, известная своей враждебностью к оттоманской власти, подвергалась всяческим преследованиям. Отец Аристотелеса, обвиненный в заговоре против турецкого правительства, оказался в тюрьме и лишь чудом не разделил судьбу трех своих дядьев, повешенных на балконах собственных домов.

Как только буря стихла, г-н Онасис-старший решил покинуть родной город и вернуться в лоно отечества. Чуть ли не на другой день после амнистии он погрузился на первый же пароход, отправляющийся в Пирей, вместе с женой, четырьмя детьми, семью племянниками и тремя безутешными вдовами. Это почтеннейшее семейство навряд ли могло облегчить ему ассимиляцию в афинском обществе, которое всегда смотрело на выходцев из Малой Азии, как на чужаков, сколь безупречным ни было бы их происхождение.

Он и там отважно взялся за свое дело, изготовление сигар, но скоро понял, что никогда не сможет прокормить этим нехитрым ремеслом всю ораву, и в сокрушении сердца решился, нарушив обычай греков, отправить старшего сына в Новый Свет с наказом как можно скорее разбогатеть и возвращаться домой.

63 доллара

Чтобы Аристотеяес мог отправиться на завоевание Америки, друзья семьи устроили складчину и собрали 63 доллара.

•Рио будет принадлежать нам двоим

Так, едва достигнув семнадцати лет, юный Сократес Аристотелес в один прекрасный день сошел на берег бухты Рио с шестьюдесятью долларами в кармане и адресом одного своего кузена, Никоса Андреопуло-са. Этот Никое уже успел разориться, пытаясь разбогатеть, и теперь обещал взять юношу к себе на

службу, чтобы тот воспользовался его опытом.

Все это совсем не походило на те блестящие перспективы, которые воображал себе Аристотелес пока плыл через океан. Многие на его месте, только увидев конуру пресловутого американского кузена, впали бы в отчаяние. Нисколько не вдохновляла и мысль, что единственное доступное занятие-это мытье посуды на кухне какого-нибудь ресторана.

Но юноша обладал несокрушимой волей. Он поклялся отомстить самой жизни за все унижения, которые он претерпел от варваров-турок, и презрение

103

соотечественников и приехал в Аргентину разбогатеть. Пока он еще не знал, с чего начать, но был уверен, что овладеет Фортуной, где бы она ни пряталась.

•Война сигар

Хотя сигары «Меланж Гардель» пользовались успехом, а исполнители танго буквально рвали их из рук, все-таки бблыпую часть рынка занимали местные фабриканты. Это сильно мешало маленькому делу Аристотелеса. Если он хотел расширяться, что и составляло его самое заветное желание, надо бьшо любыми способами устранить всех, кто ему мешал. Будучи настоящим греком, воспитанным на сказаниях Гомера, он прибегнул к самому коварному обману, как и поступил бы в подобном случае его соотечественник Улисс. Были подкуплены работники конкурирующих фабрик. За несколько песо они согласились у себя на складах с помощью шприцов впрыснуть в сигары данное им вещество. Вся эта скандальная затея увенчалась полным успехом. Сигары соперников были испорчены зловонным запахом, и покупатели, забыв о своих давних привычках, набросились на «Меланж Гардель», оказавшийся превосходным. С тех пор никто не курил ничего другого. Вряд ли можно извлечь мораль из этой истории, но афера удалась.

Импортер нефти

ЦРУ помешало заключению контракта, по которому Онасис получал исключительное право на экспорт нефти из Саудовской Аравии. Наш миллиардер никогда не простил Америке этой обиды.

•В поте лица

Хотя именно это жульничество (будем называть вещи своими именами) и положило начало богатству Онасиса, оно было не единственной причиной его успеха.

Чтобы построить свою гигантскую финансовую империю, маленькому греку потребовались титанические усилия и чудеса изобретательности, как в коммерции, так и в дипломатии.

Понимая, что для преуспевания даже мошенникам высокого полета приходится работать, Аристотелес разрывался на тысячу частей и даже прибегал ради достижения своих целей к абсолютно честным способам. Его неустанные труды были вознаграждены блестящей победой-всего через пять лет после прибытия в Новый Свет он смог вспрыснуть шампанским свой первый миллион долларов и назначение греческим консулом в Буэнос-Айресе. Это уже было признанием на обоих берегах Атлантики.

104

•Тайны богов

Благодаря новой должности, Аристотелес оказался среди посвященных во многие тайны богов политики и мог уже уверенно подталкивать Фортуну в нужном ему направлении.

Например, вовремя узнав через консульскую службу о решении греческого правительства установить экспортные пошлины, он сумел помешать введению для Аргентины этой меры, которая превратила бы в дым всю его табачную империю. Благодаря дипломатическим делам, он научился плавать в опасных политических водах и развил еще больше свою совершенно исключительную способность не только предчувствовать перемену ветра и потрясения в экономике, но и под носом у всего мира выкидывать совершенно безумные номера, которые, однако, почти всегда увенчивались полным успехом.

Еще одна авантюра

Одной из крупнейших операций Онасиса была покупка после Второй мировой войны знаменитых судов типа «Либерти».

•Хороший год: 1929

Как ни парадоксально, однако в 1929 г., когда столько финансовых империй разваливались с легкостью карточных домиков, Аристотелес окончательно занял свое место среди олимпийцев Фортуны. Подобно всем грекам, он с каким-то животным обожанием любил корабли и еще за год до знаменитого «черного четверга», чувствуя, что приближается момент, когда надо будет переменить пластинку, приобрел одну старую посудину, плававшую вдоль атлантического побережья.

Это судно явилось для него как бы откровением свыше. Оно разбудило в нем того перевозчика по водам, который, как говорят, дремлет с древнейших времен в сердце каждого грека. И с того дня, как он стал хозяином этой плавающей коробки, в голове его поселилась единственная мечта, впрочем, совершенно неудивительная для его соотечественников-мечта стать судовладельцем. Всеобщая катастрофа в экономике свободного

мира предоставила ему возможность осуществить ее в масштабах, превышавших все самые смелые надежды.

•Империя по бросовой цене

После краха на Уолл-Стрите канадское правительство по решению суда выставило на торги шесть больших сухогрузов, которые принадлежали одной обанкротившейся компании. Но рынок все время лихорадило, и для них не нашлось ни одного покупателя. Занимавшиеся этим делом чиновники стали

нервничать. Вот тут Онасис, почуяв добычу, решился на самую дерзкую аферу в своей жизни. С совершенно серьезным видом он предложил за все корабли смехотворную сумму-сто тридцать пять тысяч долларов, то есть сотую часть их реальной стоимости! В первый момент судебные исполнители лишь пожали плечами: «Господин Онасис, у нас нет времени шутить шутки»! Но когда через некоторое время стало ясно, что никто не собирается нарушать царящее вокруг торгов молчание, им пришлось, поражаясь самим себе, принять предложение грека. Так Сократес Аристотелес Онасис, заплатив кое-какую мелочь, стал вдруг хозяином настоящей судоходной компании.

Камуфляжный флаг

Чтобы не платить налогов ни американцам, ни грекам, Онасис поднял на своих судах панам-ский флаг. А что касается правления компании, то оно находилось, конечно, в Швейцарии.

•Флот Оиасиса отплывает на завоевание морей

Команды для этих судов стоили начинающему набобу тоже недорого. В те кризисные годы все порты мира были переполнены безработными моряками, жаждавшими любой работы за любую плату. Не склонный к филантропии Аристотелес платил самый минимум, хотя и отправлял свой флот завоевывать весь мир. На мачтах развевались флаги с гордыми буквами O. S. A. (Onassis Socrates Aristoteles), которые скоро прославились во всех морях.

•Все ради всего

С этого времени началась большая карьера маленького грека. Как и принадлежащий ему флот, его богатство все увеличивалось, приобретая столь же гигантские размеры, что и его супертанкеры. В основе всего этого лежала особая философия бизнеса, выработанная Онасисом-всегда идти на такой риск, которого побоятся конкуренты, и ставить на карту все, ради того, чтобы все выиграть. Эту философию финансового каскадера он выразил в одной фразе, вполне подходящей для его девиза; «Даже полный идиот может разбогатеть, если он готов все потерять».

•Удачливый игрок, несчастливый в любви

Но легенда предпочла образу вечно удачливого игрока совсем другого, куда менее счастливого в личной жизни Онасиса. Биографии и газетные заметки предпочитают больше говорить о любовных приключениях и бесконечных семейных неурядицах этого человека. Известное всему миру его колоссальное богатство нужно как будто лишь для того,

106

чтобы создать фон из экзотических островов и яхт, на которых разворачиваются мелкие семейные драмы и настоящие трагедии, сотрясающие этот Олимп, где, казалось, все создано для незыблемого и безоблачного счастья.

Мемуары

Ингеборг Дедишен опубликовала книгу воспоминаний «Онасис, любовь моя» (1975 г.), представляющую собой записи беседсАнриЛессаром. В ней личность миллиардера показана с вполне благоприятной стороны.

•Дела любовные

Нося имена Сократа и Аристотеля, Онасис отнюдь не был Платоном, поэтому в женшинах он ценил не только ум и душевность. После нескольких любовных приключений с киноактрисами, от которых у него остались лишь неприятные воспоминания и привычка к драконовским предохранительным мерам, Аристотелес нашел, наконец, женщину, ставшую целой эпохой в его жизни. Началось с того, что оба, еще не зная друг друга, плыли на роскошном пакетботе из Южной Америки в Италию. Икге-борг Дедишен-предмет его страсти-по необычайному совпадению отличалась не только красотой, умом и веселым нравом, но была еще и дочерью богатейшего скандинавского судовладельца, а от своей матери, урожденной Де Клерк, наследовала такую родословную, о которой Онасис не мог и мечтать.

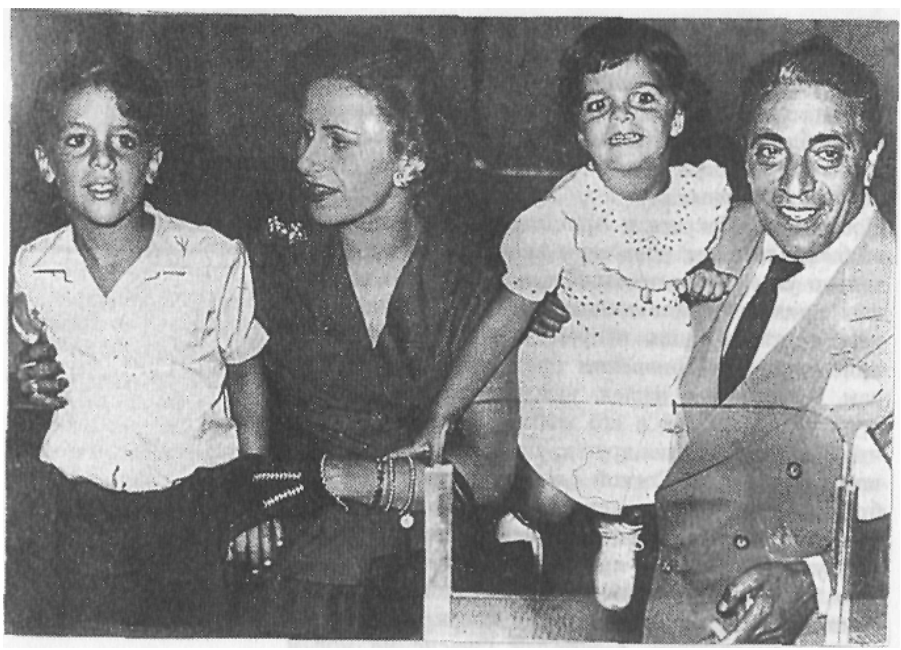
С первого же взгляда на эту редчайшую жемчужину Аристотелес безумно влюбился, а поскольку с женщинами он был не менее напорист, чем в деловых отношениях, то повел наступление с такой страстностью и энергией, как если бы речь шла о покупке нового парохода. Он добился полного успеха, и пылкая любовь Аристотелеса к прекрасной скандинавке продолжалась двенадцать счастливых лет и не омрачалась ничем, кроме редких и случайных измен. Боязнь случавшихся уже с ним некоторых любовных «осложнений» стала у него манией и если не сделала из него образец верности, то, по крайней мере, научила быть осторожным.

Ингеборг была безупречно светской женщиной. Она придала

Онасису тот лоск образованности, которого ему отчаянно недоставало, и во многом помогла его возвышению, научив и искусству, и манере вести себя в опасных водах большого бизнеса.

•Вторая женщина его жизни

Вторую и поистине настоящую женщину своей жизни Онасис встретил в 1946 г. Молодая девушка по имени Тина (уменьшительное от Афины) обладала, надо сказать, всем, чтобы привлечь сорокалет-



Опасно и Тинв
с двумя детьми
в период их недолгого
семейного счастья.

него фавна с таким характером, какой был у Арис-тотелеса. В юной гречанке блестящая красота соединялась со свежестью семнадцати лет, и ко всему этому ее отец, Ставрос Ливанос, был самым богатым судовладельцем во всей Греции. Неудивительно, что этот южный человек сразу же забыл о пастеризованных шведских прелестях Ингеборг. Встреча Онасиса и Тины произошла за партией покера у Ливаноса в компании со Ставросом Ниархосом-молодым человеком, не менее амбициозным, чем сам Онасис, который оставался до конца

жизни его самым опасным конкурентом.

В тот день оба молодых волка, хотя и ненавидевшие друг друга от всей души, сумели все-таки договориться. Зная о страсти к картам, снедавшей сердце Ливаноса, они решили проиграть как можно больше денег, чтобы ублажить старика, поскольку оба надеялись добиться руки его дочери. Ливанос, который ничего не понял в их махинациях и простодушно радовался нежданному везению, имел двух незамужних дочерей-Тину и Евгению, что могло бы устроить все дело самым естественным образом. Но к несчастью, оба охотника за приданым

нацелились на одну из них, а именно младшую Тину. Старшая же, по их мнению, годилась лишь на то, чтобы, подобно Пенелопе, сидеть и ткать ковер.

Таким было начало этого поединка двух молодых акул, который продолжался всю жизнь. Каждый ухаживал за юной наследницей на свой манер: один - со всей серьезностью, другой изображал из себя клоуна. И клоун-Аристотелес своими шутками завоевал девушку. Униженному и отчаявшемуся Ставросу оставалось довольствоваться Евгений и ждать часа возмездия.

Обе свадьбы отпраздновали с большой помпой в один и тот же день. Газеты писали о чистоте и простодушии невест и на целой странице обсуждали их неимоверное приданое.

Наследницеs

Жизнь Кристины оказалась длинной чередой замужеств, разводов, новых браков и новых разводов, не говоря уже о мимолетных увлечениях и страстях с первого взгляда. В своем большинстве избранники ее сердца были люди совсем не бедные: Петрос Гуландрис и Александр Андреанис, если упоминать лишь сыновей судовладельцев. Но публике больше всего понравился один русский по имени Сергей Иванович Каузов, у которого не было ни копейки. Из любви к нему прекрасная наследница согласилась даже разделить со своей будущей свекровью двухкомнатную квартиру в окрестностях Москвы. Эта сказочная история интересовала в равной степени и репортеров светской хроники, и агентов КГБ. Впрочем, длилась она совсем недолго.

•Еще богаче и… счастливее

В семье Онасисов, жизнь которой двенадцать долгих лет оставалась более или менее счастливой, родились двое прекрасных детей-Кристина и Александр. Теперь, обогатившись приданым жены-тысячами мелких судов, укоренившись, благодаря престижу тестя, в мире бизнеса, и подстегиваемый конкуренцией свояка, Аристотелес мог продолжать расширение созданной им империи.

Онасису было мало, подобно современному Посейдону, царить на морях, он хотел распространить свои владения в небеса и на берега Средиземного моря. Для завоевания воздушной стихии он создал авиационную компанию под названием «Олнмпик», как его сигары. Что касается побережья, то сначала Аристотелес выбрал Монако и вместе со свояком приобрел престижное «Общество Морских Купаний*, намереваясь превратить его в троянского коня для захвата всего Княжества. Но он сразу не поладил с принцем Ренье, который нашел грека слишком настырным и вежливо попросил его переехать куда-нибудь в другое место с яхтой, свояком и нефтедолларами.

Именно таким образом наш миллиардер пришел к осуществлению мечты, тайно лелеемой каждым греком еще со времен Гомера-стать единоличным владельцем острова на Средиземном море.

*Счастливый остров

Конечно, остров своей мечты Онасис нашел именно в Греции. Он назывался Скорпиос и сразу же стал его излюбленным портом приписки. Для плаваний

по широким океанским просторам между своим маленьким королевством и тем огромным миром, который пока еще ему не принадлежал, Аристотелес построил яхту, ослепительно сверкавшую хромом. Это судно, названное «Кристиной», имело экипаж из тридцати человек, длину не менее ста метров и несло в своем обширном чреве две группы сверхскоростных двигателей, которые могли перемещать его с фантастической быстротой.

Став легендарным миллиардером морей, Онасис теперь получил возможность проводить свое время то на голубых просторах, то на островке, затерянном среди «бесчисленных вод», сохраняя в то же время и днем, и ночью телефонную связь с той обширной империей, о которой он любил говорить, что там никогда не заходит солнце.

•Фальшивая нота

Аристотелес, Тина и двое их детей счастливо жили на своей яхте, как и полагается Бессмертным Богам, пока в один прекрасный день 1958 г. некая сирена по имени Мария Каллас не явилась усладить их уши своим бель канто. Но поскольку наш миллиардер не последовал примеру Улисса, предусмотрительно привязавшего себя к мачте, певица с легкостью завлекла его в свои сети.

При виде этой соперницы Тина почувствовала, что само небо обрушилось ей на голову. Не менее ревнивая, чем Гера, она впала

в ужасный гнев, потрясший весь Олимп, и яростно искала средство, заставившее бы дорого заплатить неверного мужа за ее унижение.

•Месть за месть и еще полмести

Она сразу потребовала развод, моментально получила его и тут же, словно в насмешку, вышла замуж за одного очень родовитого англичанина, близкого родственника самого Уинстона Черчилля. Единственное достоинство этого человека состояло в том, что он принес ей титул маркизы Блэндфорд, и ее бывший муж только из-за одного этого мог умереть от ревности!

Тем временем Аристотелес уже несколько пресытился чарами оперной дивы с ее нескончаемыми истериками и понял, что все еще очень привязан к Тине, которая была не только матерью его детей, но и вообще единственной женщиной, которая много значила в его жизни. От этого досада и обида толь-

ко увеличивались, и он все время придумывал какую-нибудь месть поэффектнее, чтобы смыть нанесенное ему оскорбление.

Кладбище

Онасис покоится рядом со своим сыном на острове Скорпиос.

•Час от часу не легче

Известие о его женитьбе на Джеки Кеннеди, супруге убитого американского президента, должно было в свою очередь наповал сразить Тину. От бессильной злобы она разбила несколько тарелок, после чего выставила маркиза Блэндфорда, который был уже ей ни к чему не нужен, и мобилизовала все ресурсы своего ума, чтобы снова взять верх над Арис-тотелесом. Случай, если не сказать удача, помог ей-при довольно подозрительных обстоятельствах умерла сестра Евгения, и Ставроса Ниархоса, хотя и напрасно, но все-таки подозревали в причастности к этому. Разыгравшийся скандал забрызгал грязью все семейство. Пресса раздувала дело, один из мелких судейских чинов в Пирее уже наяву видел знаменитого миллиардера у себя в руках. Модное общество предало само имя Ниархоса анафеме.

•Удар по Онасису

Тина решила воспользоваться этой трагической ситуацией, чтобы нанести бывшему мужу смертельный удар, который и на самом деле прикончил его. Всего через год после того, как умерла сестра, в 1971, она стала женой Ставроса Ниархоса-соперника, врага, самого опасного конкурента, которого Онасис только один раз за всю жизнь смог заставить есть землю: в тот уже столь далекий день, когда Тина выбрала именно его... Унижение было слишком жестоким. Реванш Ниархоса сокрушил Онасиса. Воспылав ревностью, он сызнова, как школьник, ощутил трепет

сердца и робкую нежность. Но инфаркт свалил его.

•Злая судьба

Этим отнюдь не исчерпывались несчастья, выпавшие на долю великолепного Онасиса. Дав ему всю славу, о которой может только мечтать смертный, жестокие Парки сплели для него финал, достойный античной трагедии. Словно сорвавшись с цепи, смерть удар за ударом поражала самых дорогих ему людей.

В 1973 г. она настигла его сына и наследника Александра, погибшего в авиационной катастрофе.

111

Он был генеральным директором «Олимпик Эйр-вэйс»--компании, созданной Онасисом для завоевания небес. С ним рухнули все надежды отца на то, чтобы стать основателем династии.

Через год, в 1974, пришел черед Тины. После смерти сына от нее осталась одна лишь тень. Ее нашли бездыханной в ее парижском дворце на улице Шаналейль. Это был отек легких.

Кроме горя непостоянные боги заронили в душах Аристотелеса и Кристины еще и подозрения. Они не могли поверить, что эти смерти не были насильственными. Ведь истинные греки чрезвычайно привержены ко всему трагическому. Отец подозревал ЦРУ в диверсии на борту самолета. У него была старая вражда к дяде Сэму, и американцы могли отплатить ему за это. А дочь обвиняла в «убийстве» матери Ниархоса. Что касается публики, пораженной и даже как бы оскорбленной тем, что столь богатые люди могут быть несчастными, она, конечно, сразу поверила их необоснованным подозрениям.

Сократес Аристотелес Онасис, великолепный олимпиец Фортуны, умер в американской больнице в Нейи 15 марта 1975 г. Он оставил после себя состояние, «необъятное, как море», и единственную наследницу, Кристину, которая, как Пенелопа, никогда не испытывала недостатка в претендентах на свою руку. Так и не узнав счастья, она последовала за отцом в 1988 г.

Третье замужество

Став женой Стаероса Ниархоса, Тина могла не жалеть ни о Скорпиосе, ни о «Кристине». Ее новый муж владел еще более красивым островом (Спетсопупа), а его «Ат-лантис» оставлял далеко позади яхтуОнасиса.

Яхты

Нельзя быть настоящим миллиардером, не имея опоры на морях. Это как бы неотъемлемая часть образа. Обязательны адмиральская фуражка, башмаки с особыми подошвами, чтобы не

скользить по лакированной палубе, синяя матросская блуза на случай шторма, и весь этот шик старого морского волка, который сплевывает на три шага вперед. Именно таким должен быть истинный миллиардер, даже если он проводит на воде всего несколько дней в году, не выходя из гавани Сен-Тропеза.

Под страхом быть никогда не допущенным в узкий круг Ьарру ?е\у", он обязан иметь ослепительно сверкающую яхту, всегда щегольски новенькую и отличающуюся от других хоть чем-нибудь «самым-самым»: самой большой длиной, самым большим тоннажем, самой большой скоростью и т. п. Престиж денежного мешка измеряется водоизмещением его яхты, подобно объему груди кинодивы. Онасис всю жизнь страдал от того, что длина «Кристины» меньше, чем длина яхты его свояка. Яхта-это символ могущества и респектабельности. Продать ее значит признаться в собственной несостоятельности и увидеть, как твои акции катастрофически падают на бирже Уолл-Стрита. Легенда о самом капитане тонет вместе с его кораблем. Крах 1929 г. был, в сущности, гигантской морской битвой, самой драматической за всю историю, можно сказать, Трафальгаром капитализма. За несколько дней в нью-йоркском порту погибла целая армада роскошных яхт. Дети целыми днями вылавливали своими сачками адмиральские

фуражки и башмаки с пробковыми подметками, которые плавали по воде подобно епископским митрам с надгробий в соборах. Сегодняшние миллиардеры поняли, сколь важны все эти символы. Фуражка-залог успеха, башмаки-свидетельство успеха в делах. И они берегут эти знаки отличия, как зеницу ока.

По последним сообщениям, самая большая яхта принадлежит саудовскому королю Фахду. Благодаря сверхсовершенным радарам, она откликается на нежное имя «Абдул Азиз» и может поддерживать непрерывную связь с биржами всего мира. Хотя ее владелец никогда не курит (что категорически запрещено религией), она имеет форму белой сигары длиной в 159 метров и с виду подобна мирному плавающему дворцу из *«Тысячи и одной ночи*,* но на самом деле ее вооружение не уступает военному кораблю. За безобидными иллюминаторами таятся торпеды и ракеты. Эмир эмиров может спокойно следить за самыми бурными биржевыми катаклизмами и отражать атаки японских финансовых камикадзе.

Чтобы не слишком проигрывать от сравнения, и Ставрос Ниархос, и английская королева старательно избегают вставать на якорь рядом с «Абдул Азизом». У «Атлантиса» длина всего 113 метров, а «Британия» хотя и достигает 125, но столь старомодна, что только консервативные англичане могут оставлять ее в строю.

Намного позади этих мастодонтов остались яхты других миллиардеров, выглядящие сравнительно с

'Немногих счастливцев (они.).
113

этими как простые спасательные лодки: жалких 46 метров у «Хайланде-ра», правда, его хозяин, Малькольм Форбс предпочитает путешествовать на воздушном шаре; и 45 метров «Шергара», принадлежащего Кариму Ага Хану. Не стоит даже говорить об этик скорлупках. Что касается Бер-нара Тали, который, как всем известно, всегда и во всем самый первый, то здесь и он не выдерживает сравнения. Его «Фокеа» едва достигает 77 метров. Это все равно, что танцевать в кордебалете. Впрочем, злые мар-сельские языки утверждают, будто пользуется он ею лишь для того, чтобы стать на якорь у замка Иф, да и то при благоприятном прогнозе, и потом сразу же с триумфом возвратиться, подобно Агриппе после битвы при Акциуме, с той лишь разницей, что его приветствуют фанатики футбола, избиратели и иарсельские иммигранты. Впрочем, это, конечно, лишь плоды бурной южной фантазии.

Но если бы оно было и на самом деле так, ничего плохого тут нет. Так ведет себя большинство миллиардеров, и хорошо известно, что их яхты предназначены больше стоять у причалов, чем сражаться с ураганами. Владельцы обедают на них в молчаливом кругу семьи и под восторженными взглядами пляжников долгими часами наводят бесполезный блеск на многочисленные медяшки. В море они отправляются не ради приключений, а для того, чтобы найти там уединение от назойливого любопытства. Подобно Бестеру Китону, который на своем «Навигаторе» затерялся в соленых просторах океана, они качаются на волнах, бесконечно меряя шагами пустые коридоры и необитаемые каюты, в одиночестве на-

слаждаясь сказочной роскошью своего «нездешнего мира»-.

С другой стороны, ничто так не выдает личность хозяина, как яхта. Миллиардер отражается там иа всех стенах. Это его счастливый островок, где он втайне воплощает свои фантазии. Есть множество разновидностей яхт: какие-то плавучие домики, похожие на пакетботы прошлого века; парусники, изображающие пиратские корабли; китайские джонки и римские галеры. Существует и корабль-призрак, которого никто не видел. На море каждый дает свободу своему воображению. Как утверждает Пьер Боде, есть даже «яхта неизвестного миллиардера», подобно парижской могиле неизвестного солдата. Кое-кто связывает ее с

именем Бернара Тали, что, впрочем, маловероятно. Если бы он оказался неизвестен, то непременно использовал бы это для рекламы. Название судна «Эль Рияд» несомненно наталкивает на мысль о владельце мусульманине, что, по крайней мере на сегодня, исключает Бернара Тали. Но использовать имя в качестве следа надо с величайшей осторожностью. Вполне возможно, оно и придумано для того, чтобы запутать охотников. Ведь и солдат, покоящийся под Триумфальной Аркой, мог быть, скажем, сенегальцем или марокканцем. Поэтому неизвестным миллиардером может оказаться еврей или даже бургундец, а то и вовсе уроженец Оверни. Хотя бургундцы, поговаривают, страдают морской болезнью, а овернца трудно представить на скользкой палубе. Остается кандидатура Бернара Тапи, у которого в мешке всегда есть запас неожиданных фокусов.

114

Марсель Бик

(1914)

Миллиардер **шарика**

Чтобы создать рекламу своим шариковым ручкам, барон Бик безуспешно пытался стать королем парусного флота. Несмотря на неудачи, он все-таки добился признания и... прибылей.

Вполне возможно, что не будь «Кубка Америки*, обитатели Нового Света до сих пор писали бы ручками с металлическим пером, брились опасными бритвами и зажигали свои сигары обыкновенными спичками. Они не знали бы этих шариков B1c, скользящих по листу, зажигалок с надписями и картинками и современных бритв с пластиковыми вставками, которые выбрасываются после каждого употребления. Без знаменитой парусной гонки нынешняя Америка, эта мать массовой цивилизации, отечество (азОбэосЬ и Макдональдсов, оставалась бы во тьме прежних времен.

• **В Новом Свете**

Благодаря участию барона Бика в этих престижных соревнованиях и стали возможны все эти важные технические достижения. Америка знает его приключения лучше, чем приключения ныне покойного барона де Крака. Они сделали его предприятию рекламу, необходимую для завоевания мирового рынка. По ту сторону Атлантики, где гонки сделали Бика одним из самых знаменитых французов (наряду с Лафайетом и капитаном Кусто), ему принадлежит сегодня 50% рынка шариковых ручек и дешевых зажигалок и 10% рынка одноразовых бритв.

Владения

Если барон Бик не отдыхает на парусной яхте, он может

поехать в одно из своих имений, например *в* замок стиля Ренессанс в Вербери (департамент Уаза), на охотничьи угодья в Со-лонь или на виноградники, занимающие тридцать гектаров в Сен-Эмельоне.

• **Рекламный штурм**

Этот промышленник, отличавшийся и умением держаться в тени, и способностью эффективно поставить дело, после освоения всех стран старого континента был одержим воистину маниакальным желанием завоевать Америку. Чувствуя угрозу экономического удушья, поскольку Европа приближалась к опасному насыщению, он уже давно обдумывал средства проникнуть в Новый Свет и понял, что это можно сделать только посредством гигантской рекламной кампании. «Кубок Америки» представил ему неординарную возможность достигнуть своей цели.

115

Хотя плавать по морям ему хотелось ничуть не больше, чем выставлять себя напоказ, Бик решился все-таки снарядить дорогой и великолепный парусник и самолично пустился в эту авантюру, льстя себя несбыточной надеждой вырвать драгоценный приз у американцев, для которых сохранить его было делом национальной чести.

Рекламный флот

«Франс I», -Франс II» и «Франс III--таковы были не очень оригинальные имена паруси иков барона Бика. Спонсорство было не принято в гонках на -Кубок Америки», и поэтому он не мог назвать их, к примеру, «Шарик Бик» или «Одноразовое лезвие». Для рекламы нашему промышленнику приходилось устраивать роскошные приемы, на которых он представлял журналистам команду своей яхты.

•Спортивная неудача и успех в делах

Первую попытку он сделал в 1970 г. В полной адмиральской амуниции он вышел в море самостоятельно, с апломбом невежды управляя роскошной яхтой, названной «Франс Ь. К величайшему удовольствию старых морских волков, которые наблюдали за ним не скрывая иронии, неофит сбился с курса и исчез в тумане. Его еле-еле удалось отыскать. Но подобная малость не могла обескуражить человека такой закалки. Барон словно остервенел. Две следующие попытки, хотя и лучше подготовленные, все-таки не принесли успеха. Несмотря на то, что, по общему мнению, шариковый король сделался превосходным рулевым, он почел за лучшее уступить командование яхтой. Два раза подряд она

блистала лишь своим хромом, что немало забавляло публику. Ему это уже стало надоедать, и после того, как гонки поглотили пятнадцать миллионов франков, барон Бик решил вернуться и заявил в 1980 г.; «Это мой последний шанс, потом я буду уже слишком стар». Спортивная пресса с уважением отнеслась к его окончательному уходу. Даже в неудачах он умел показать качества настоящего моряка и не походил на других миллиардеров, чьи яхты не покидали портов Ривьеры. Своим упорством он покорил даже самых закоренелых скептиков.

Распростившись с мечтами об океанских гонках, барон возвратился в свою буднично-строгую контору в Клиши. Но возвращался он улыбаясь, потому что, хотя и потерпел поражение на море, зато достиг, сверх всяких ожиданий, своей главной цели: завоевать сердца американцев и возить им целыми кораблями шариковые ручки и зажигалки.

•Иммигрант с баронским гербом

Хотя барон Бик не мог претендовать на участие в хит-параде звезд парусного спорта, зато по справедливости ему принадлежит одно из первых мест среди профессионалов мировой коммерции. Это образцовый зе1Г-тао!е тап с прирожденным даром тор-

говли, вся жизнь которого представляет собой долгую череду ловких сделок и блестящих успехов.

Марсель Бик родился в 1914 г. в Турине в семье скромного инженера. Он был внуком префекта Валь-д'Аосты, получившего дворянство от герцога Карла Альберта Савойского. Дед оставил потомству самый настоящий титул барона и весьма скромное состояние.

Не располагая средствами, семейство Биков не могло воспользоваться этим августейшим отличием, чтобы фигурировать среди итальянской аристократии. В восемнадцать лет Марсель решил покинуть родную Италию и поискать удачу по другую сторону Альп.

Рекламная афиша

«Скользит, скользит шарик Бик» - вот рекламный лозунг одной из афиш Савиньяка, которая возвестила французам о том маленьком чуде, которое обогатило барона.

•Самый французский из итальянцев

Он приехал учиться в Париж и сразу же воспылал к Франции такой страстью, что принял твердое решение не только навсегда обосноваться тут, но и непременно добиться процветания и богатства. Однако это было очень смело и рискованно в стране, подчиненной уравнительной политике и плутофо-бии Народного Фронта, да еще с вяло развивающейся экономикой и враждебным

отношением к предпринимателям. Поэтому его первые шаги в жизни оказались весьма скромными. Получив французское гражданство, он нашел себе место начальника производства в маленькой фирме, изготовлявшей те черные и фиолетовые чернила, которыми так пропахли школьные классы и от которых на пальцах учеников оставались несмываемые пятна. На этой незавидной и неденежной должности он добился бы немногого, не снедай его страстное желание преуспеть и, получив юридическое образование, открыть собственное дело.

•Взлет

Только после окончания войны Марсель Бик попробовал испытать счастье. Он сделал это, оставаясь в той сфере, которая стала для него привычной и где можно было полагаться на приобретенный уже опыт. Небольшую мастерскую, делавшую перьевые ручки, барон Бик преобразовал в компанию по изготовлению тех же ручек, а также механических карандашей и других письменных принадлежностей. В этой отрасли конкуренция была достаточно сильна, и, по общему мнению, не оставалось

никаких надежд на успех. Друзья пытались отговорить Марселя от этой затеи, а уже занявшие рынок фабриканты не очень беспокоились за свои прибыли.

•Золотой патент

Но никто из них не принимал в рассчет обыкновенную удачу, которая, как известно, любит смельчаков, а также коммерческий талант, в сильнейшей степени отличавший молодого барона от обыкновенных людей. Марсель Бик оказался единственным человеком, поверившим в изобретение никому не известного венгра по имени Биро. В то гениальное изобретение, окончательно погубившее искусство каллиграфии и вытравившее из школьных классов запах фиолетовых чернил, непередаваемую поэзию которых помнят теперь одни лишь старики. Речь, конечно, идет о шариковой ручке.

Ни минуты не колеблясь, Марсель Бик приобрел патент и установил первую производственную линию. Он объявил, словно бросая вызов: «Через несколько лет я буду продавать их по пятьдесят тысяч штук в день». Но конкуренты только посмеивались и потирали руки, не сомневаясь, что этот сосунок свернет себе шею и освободит рынок от своего присутствия. Они ошиблись. Очень скоро барон Бик уже продавал больше миллиона ручек ежедневно, распространил свою деятельность на разовые зажигалки и лезвия и стал тем экономическим драконом,

который поглотил одного за другим всех своих конкурентов.

Будущие рынки

Все говорит о том, что в недалеком уже будущем московские и пекинские школьники тоже расстанутся со своими перьями и кисточками. Говорят, даже Фидель Кастро пользуется одноразовой зажигалкой. А если ему вдруг понравятся лезвия Бик, то его легендарную черную бороду может постичь участь Берлинской Стены.

•Бик завоевывает весь мир

Этот дракон был добропорядочным отцом семейства и не пожрал ни одного из своих десяти детей. Сегодня он направляет их твердой и верной рукой, равно как и всех служащих, которых терроризирует его просвещенный деспотизм. Говорят, что профсоюзы ходят перед ним по струнке, словно шелковые. И благодаря *этому,* его дело, достигшее гигантских размеров, движется с легкостью шарика на кончике ручки.

При помощи широких рекламных кампаний (15% с оборота) он в течение лишь нескольких лет завоевал все страны старой Европы. «Кубок Америки» открыл ему врата Нового Света, чей рынок барон Бик, конечно же, не замедлит довести до насыщения.

Реклама поглощает 15% бюджета фирны,

но благодаря ей барон-мореплаватель сумел завоевать весь мир. *(Афиша Сввиньяка. Музей рекламы, Париж).*

Джованни Аньелли
(1921)

L'imperatore d'Italia*

Италия, будучи весьма средней политической силой, благодаря Аньелли силится изобразить экономическую сверхдержаву. Я ее обитатели признательны за это «адвокату» из Милана.

Как ни парадоксально, однако у Италии есть король, которого нисколько не интересует политика. Его имя Джованни Аньелли.

Он контролирует сто пятьдесят фирм, два миллиона человек связаны с выполнением заказов для его заводов, и поэтому ему некогда обращать внимание на подобные пустяки. Владелец «Фиата*, президент Итальянского Финансового Института - самый занятый (быть может, наравне с Папой) из обитателей Апеннинского полуострова.

• Легенда о супермене

Его энергетические ресурсы поистине неисчерпаемы, а работоспособность уже стала легендой. Он с трудом находит время для сна. Каждый день встает в пять утра и работает до вечера, пока хватает сил, поглощая горы газет и журналов на всех языках и пирамиды дел, одно скучнее другого. При этом, после деловых завтраков и административных советов, он ухитряется еще вести жизнь завсегдатая светских коктейлей и ночных клубов, чем, конечно, отличается от Папы Римского, заслужив репутацию плейбоя, которой могли бы позавидовать многие суперзвезды женских журналов.

» Блестящий принц

Двойной образ плейбоя и супермена очень подходит для исключительной роли в итальянском обществе этого человека, правящего гигантской империей. «Фиат» - не просто автомобильная фирма, а целое государство. Наравне с Ватиканом, спагетти, «Юве»** и сицилийской мафией он создает в мире образ Италии. Фотографии его заводов - неизменная принадлежность всех туристических буклетов. Тот, кто держит там бразды правления, должен обладать силой и выносливостью.

Девиз

"Масштабы дела - это ключ к выживанию», таков девиз Аньелли, который всегда стремится расширить свою империю.

• Император Италии (шпал.).

" Имеется в виду футбольная команда «Ювентус» *(пром. переводчика}.*

120

Этот человек с профилемримского императора«I ге "Il re d'Italia*" стал непросто главой фирмы,
а своего рола символом.

И Джованни Анъел-ли, этот итальянец до мозга костей, способен на истинные чудеса. Он соединяет в себе античный профиль, стремительные повадки ренессансного кондотьера, иронич!гую, но приятную улыбку с изящными манерами и изысканным вкусом вельможи XVIII века. Иначе говоря, в нем есть

все, что нужно для воплощения в одном человеке промышленной и аристократической Италии.

• Неприкасаемый миф

Обладая всеми этими качествами, Джованни вызывает не только уважение, но и восхищение своих сограждан, несмотря на то, что многие все еще голосуют за коммунистов (несомненно, только по

привычке) и устраивают на его заводах самые опустошительные забастовки, какие только случаются в Европе. Критика с робостью останавливается перед его статью колосса капитализма и королевскими манерами. Никто не осмеливается задевать эту легендарную фигуру «итальянского чуда», тем более, что он стал миллиардером отчасти как бы вопреки себе самому, милостью Божией. И если он и расширил свою империю, то досталась она ему все-таки по наследству.

•Предприимчивый дед

Действительно, заслуга в создании семейного богатства принадлежит его деду, тоже Джованни. Он был кавалерийским офицером, но охладел к военной службе и увлекся механикой.

Вдохновленный валетом французской автомобильной промышленности, он задумал вместе с несколькими туринскими дворянами основать первую итальянскую автомобильную фирму. Устав повой компании был написан 1 июля 1899 г. во дворце графа Брикесарио. Купили несколько патентов, соорудили ангар и наняли пятьдесят рабочих. Вскоре завод стал выпускать свои первые модели.

Успеху отставного офицера способствовали не только его талант и энергия, но помогла еще и удача. Хотя работал маленький заводик очень хорошо, но компаньоны, не столь увлеченные двигателями внутреннего сгорания как он, вскоре решили покинуть отечество, и один за другим уступили ему свои доли. В результате, к 1907 г. Аньелли оказался единоличным владельцем того предприятия, которому суждено было занять первое место в Европе.

Днтиэабастоврчная манифестация

Самым большим успехом в посреднической деятельности Аньелли было проведение анти-забастовочной манифестации, в результате чего удалось прекратить тр идцати л яти д к е вн ую стачку.

•Ошеломляющий рост

Чтобы сделать свою фирму известной и поставить ее вровень

со всеми другими, Джованни Аньелли стал действовать по двум направлениям: постройка роскошных автомобилей и участие в больших соревнованиях, которые пользовались тогда невероятной популярностью. И вскоре дела его пошли в гору. С 1919 г. «Фиат» смог не только выпускать ежегодно 2.000 машин, но и расширить сферу своей деятельности, проникнув в авиационную промышленность и во многие другие отрасли, совершенно не связанные с автомобилестроением.

122

•Наследный принц

Когда Джованни унаследовал огромное состояние деда, умершего в 1945 г., он был еще слишком молод и неопытен для выпавших на его долю многотрудных обязанностей. И пока он не сможет взойти на трон, все управление империей будет, по распоряжению деда, находиться в руках регента-профессора Валетте, которому к тому же будет предписано следить еше и за подготовкой нового монарха.

Джованни исполнилось тогда всего 24 года, он тоже был кавалерийским офицером и, как все его соотечественники, воевал на той и другой стороне. В войсках держав Оси он доблестно сражался в Тунисе и на восточном фронте, а после падения Муссолини перешел к союзникам, в 5-ю американскую армию. За эту последнюю кампанию Аньелли получил награду от самого генерала Эйзенхауера.

Сразу после демобилизации он возобновил свои беспорядочные занятия правом, за что совершенно незаслуженно получил прозвище «адвоката*. Но ремеслу крупного капиталиста-предпринимателя Джованни обучался сразу в деле. За четырнадцать долгих лет под ферулой своего ментора он прошел на фамильном предприятии все должности, начиная со скромного работника цеха и служащего бюро. Таким образом ему удалось получить глубокие знания всего производства и понимание того, как руководить всей этой массой инженеров, служащих и рабочих, которых, несмотря на их легендарную итальянскую беспечность, ему вскоре предстояло повести с триумфом на экономические битвы.

Коллекционер

Как истинный итальянец, Джованни Аньелли умеет ценить произведения искусства. Его коллекции - среди лучших в мире. Венеция обязана ему реставрацией дворца Гращи. На одно это ушло двадцать три миллиарда пир.

•Днем-рабочий, ночью-плейбой

Страсть к работе не мешала ему, однако, предаваться излишествам полуночного гуляки и усердно по-сешать модное

общество. Среди его друзей были такие люди, как Али Хан, Патиньо и Порфирио Рубе-роса. Именно в их компании многочисленные скандалы и приключения на спортивных автомобилях, роскошных яхтах и личных самолетах сделали из него героя женских журналов.

•Кожаная нога

Подобная жизнь едва не привела его к трагическому концу. 25 августа 1952 г., когда рано утром он возвращался в свое имение «Леопольда», его автомобиль на большой скорости врезался в грузовик.

123

Джовакни чудом остался жив, но полученная травма, несмотря на все усилия врачей, обрекла его с тех пор затягивать ногу в неудобный кожаный бандаж. Впрочем, это нисколько не уменьшило ни его энергии, ни его обаяния. Он продолжал работать как черт, а чувствительные работницы со всего полуострова отнюдь не перестали мечтать о нем, как о лучшем женихе Италии. Однако Аньелли поостерегся, не в пример многим, связать себя с какой-нибудь из них. Достигнув 35 лет, он вступил в законный брак с самой настоящей принцессой, очаровательнейшей Маредлой Караччиоло Ди Кастаньет

Предприятия

Среди контролируемых Аньелли предприятий *особо* выделяются газета «Стампа- и фирма «Чинзано», в которых он владеет 100% акций... Но зато в концерне «Фиат» ему принадлежит всего лишь 25%.

Футбол

«Calcio*- это та страсть, которую Джо ванн и разделяете народом. Он не пропускает ни одного матча, где участвует «Юве».

•Король Италии

При Джованни уже достигшая колоссальных размеров империя «Фиат» пережила новые и драматические болезни роста. Но с 1968 по 1972 гг. ее оборот (тысяча триста миллиардов лир) практически удвоился. Сегодня на нее трудятся двести тысяч рабочих, инженеров и коммерческих служащих. Сюда следует прибавить полтора миллиона итальянцев, работающих в других отраслях, которые прямо или косвенно зависят от нее. Фактически холдинг контролирует заводы самого различного профиля, производящие не только грузовики, бульдозеры, сельскохозяйственные машины, но также самолеты, посуду, игристые напитки, лекарства, электро-быто-вые приборы... и это еще далеко не полный перечень. Добавьте сюда Итальянский Финансовый Институт, который имеет акции ста пятидесяти

компаний и раскинул свои шупальцы во многих странах Европы, в США и за так называемым Железным Занавесом.

•Больше чем миллиардер

Джованни Аньелли уже не просто крупнейший капиталистический предприниматель, это настоящая владетельная особа. Он сделал Турин истинной столицей Италии и из своего строгого туринского офиса правит экономикой всего полуострова как самодержавный монарх. Перед ним гнут спину политики, расшаркиваются банкиры, ходят по струнке профсоюзные боссы. Когда он принимает у себя глав великих держав, то разговаривает с ними на равных и даже с едва уловимой снисходительностью. Это немало способствует его популярности и льстит самолюбию итальянцев, ощущающих все же нынешнюю второстепенность своей древней страны.

124

Елизавета II

(1926}

Миллионерша, которой трудно сводить концы с концами

Королева Англии недешево обходится ее подданным, однако они никак не могут обойтись без нее, настолько глубоко она вошла в национальное самосознание британцев. Поэтому ее богатство вполне защищено от любых угроз.

Без шляпок Ее Всемилостивейшего Величества королевы Елизаветы Англия была бы все-таки не совсем такой, какая она есть. Неописуемые сооружения, в которых королева предстает на официальных церемониях, уже почти вошли в число легенд XX века наравне со смятым фетром Гастона Дефер-ра и аккордеоном президента Жискара д'Эстена. Несомненно, этим шляпкам суждено стать достоянием потомства, как единственным реликвиям целого царствования. Коллекционеры будут оспаривать их на вес золота в аукционных залах, а музейные хранители разыскивать для своих витрин. Возникнут и разногласия между экспертами, расщепляющими волосок на четыре части ради установления подлинности, найдутся и продавцы раритетов, клятвенно заверяющие, что вот эта вещь досталась им от бабушки, которая служила камеристкой в Букингемском дворце...

Наполеон

Понимая всю важность шляпы на голове великого человека, Наполеон создал свой собственный фасон, убрав галуны с офицерской треуголки... и стал легендой!

• Плохой вкус

Эти шляпки куда больше, чем даже корона, стали символом Соединенного Королевства, и их появление на трапе корабля или

в окне роллс-ройса всегда оказывается самым волнующим моментом королевских путешествий и великосветских приемов. Они привлекают толпы зевак, которые интересуются любыми пустяками и скапливаются у дворцовых ворот, надеясь еще раз подивиться смелости своей монархини в выборе одеяний. Ожидая ее выхода, все нетерпеливо задаются одним вопросом: «Какой сырной головкой или цветочным горшком украсит сегодня «Лиллибет» свои королевские волосы? А главное, что это будет за цвет: яблочно-зеленый, давленой малины, лимонного йогурта, фиолетово-сиреневый, подобно сутане епископа, или же просто разноцветный, как случайный букет?»- И Королев-

125

ские шляпки неизменно оправдывают их ожидания, они всегда цветисты и несъедобны, как английские пудинги.

• **Королевство контрастов**

Впрочем, несмотря на всю их чудовищность, Ее Величество носит свои нелепые головные уборы с тем непоколебимым достоинством, на которое способны одни англичане. Еще прежде художников королева изобрела стиль кич; она сделала дурной вкус в одежде чуть ли не высоким искусством жизни, чему, однако, нельзя отказать в праве на существование. Сколь бы эксцентричными ни казались королевские шляпы, они входят составной частью в ту тонкую систему символов, на которой и держится внушительное здание, называемое британской монархией. Они позволяют королеве придать себе внешний вид, соответствующий характеру ее народа.

Своей парадоксальностью родина Шекспира превосходит все страны Европы. Сохраняя прошлое с бережливостью садовника, там, тем не менее, страстно любят всяческие эксцентричные новинки. Пастельные гобелены, старомодные мундиры кон-ноЙ гвардии и лордов Адмиралтейства соседствуют с поп-артом и картинами Френсиса Бэкона. По улицам рядом с джентльменами из Сити ходят геоМу Ьоуз*, панки и рокеры с разноцветными волосами. Все очарование Англии заключено в контрастах. Эти контрасты и должна отражать достойнейшая королевская фамилия. Именно в такой роли и хочет видеть ее добрый народ, и она играет эту роль с бесконечными нюансами, не пренебрегая при этом даже безвкусными шляпками,

Бюджет принцев

Пятая часть цивильного листа королевской фамилии распределяется между принцами крови с соблюдением некоторой экономии. Только принц Чарльз пользуется режимом наибольшего благоприятствования-он не получает ни пенни!

• **Театральные короли**

Весь смысл существования британской монархии, не обладающей теперь никакой реальной властью, заключается в тех театральных представлениях, которые постоянно устраиваются к величайшему удовольствию ее подданных. Свадьба принца Чарльза, запутанные любовные похождения принцессы Маргариты, настоящие или выдуманные интрижки принцессы Анны-все это дает пищу широкой прессе, и без этого монархия была бы совершенно неинтересна народу. Поскольку вся страна видит

* **Стиляги** (англ.).

торжественные церемонии, знает об интимной жизни царствующих особ, королевская фамилия как бы вошла в каждую семью и стала для англичан Лондона, шотландцев Эдинбурга и валлийцев Кардиффа тем общим стержнем, на котором держится вся нация. Поэтому никому и в голову не придет критиковать затраты на нее из казны.

• Цивильный лист

А стбит она на самом деле довольно дорого. Даже самые горячие монархисты охотно признают это, но в то же время не преминут сказать, что, хотя президенты республик несколько экономнее, они куда менее представительны, и поэтому для англичан их импозантная и традиционная королева достойна потраченных денег.

Каждый год голосование по цивильному листу для королевской фамилии служит поводом для прений в Парламенте, ставших уже частью британского фольклора, и публика была бы крайне разочарована, если бы ей ничего об этом не сообщалось. Некоторые лейбористы, всегда одни и те же, пользуются случаем, чтобы еще раз пошуметь на тему об упразднении монархии. Этот святотатственный проект в свою очередь доводит консерваторов до истерической икоты. В соответствии с почти непреложным ритуалом, раз в год они торгуются как на рынке за этот жирный кусок, после чего все идут по домам, довольные тем, что бюджет наконец принят. В среднем с налогоплательщиков берут кругленькую сумму в тридцать миллионов фунтов стерлингов, которую Ее Всемилостивейшее Величество обычно находит «не совсем справедливой*.

Доходы с земель

Принцу Уэльскому пожалованы доходы с семидесяти тысяч гектаров герцогства Корнуэлл.

• Трудный баланс

И надо сказать, что расходы королевы действительно

непомерны и она действительно иногда с трудом сводит концы с концами. Во-первых, это ее четыреста придворных служащих, которым надо платить каждый месяц; расходы на стол, лошадей и конюхов. Далее, четыре больших официальных приема, стоящих сто пятьдесят миллионов франков. К этому еще подарки почетным гостям, яхта «Британия», время от времени требующая ремонта, плюс карманные деньги королевским детям и герцогу Эдинбургскому, на что уходит не менее пятой части цивильного листа. Короче говоря, дорога в ад и истинное разорение.

127

•Самое большое состояние в Королевстве

К счастью, Елизавета может рассчитывать еще и на свое личное состояние. Его оценивают в двадцать три миллиарда франков, и оно считается первым в Королевстве. Кроме собственности в Швейцарии и Соединенных Штатах, в Шотландии и Англии, ей принадлежит огромный наследственный квартал домов в Лондоне между Риджент-Стрит и Карлтон-Хауз, а также герцогство ланкастерское. К этому следует добавить собрание редчайших драгоценностей и художественные коллекции, рядом с которыми Национальная Галерея представляется чем-то малозначите льн ым.

Художественное достояние

Королеве принадлежат бесценные сокровища из собрания Уоллеса, но они охраняются государством и составляют неотчуждаемую собственность.

•Богатство милостью Божией

Именно это и позволяет королеве Англии сохранять лицо и поддерживать престиж своего августейшего дома. Как и всем англичанам, Елизавете, сколько бы она ни экономила, каждый месяц с трудом удается сводить концы с концами. Впрочем, маловероятно, что когда-нибудь это окончится банкротством. Ее Всемилостивейшее Величество представляет собой ту легендарную персону, которая слишком необходима нации. Хоть она и дорого стоит, и многие считают ее личное состояние чрезмерным, англичане все равно не допустят, чтобы их королева в чем-нибудь нуждалась. Ведь здесь затронута честь Отечества, а это для них отнюдь не пустой звук. Без своей монархини Англия перестанет быть Англией. Чтобы существовать, ее подданным нужна и королева, и ее шляпки.

Головной убор государственного значения

С тех пор как перестали носить короны, выбор головного убора для первого лица г государстве стал одним из самых деликатных вопросов. Многие считали эту проблему настолько сложной, что предпочли вообще обойтись без него и появляются

на публике с непокрытой головой, без малейшего стыда демонстрируя свою лысину. А те, кто все-таки рискует надеть что-нибудь на голову, как говорят, советуется по этому поводу со специалистами. Ведь головной убор президента должен заключать в себе большой символический смысл. Хозяева Кремля, все как один, демонстрировали мягкие фетровые шляпы линялого цвета, делающие их похожими на двойных агентов. Что касается президента Миттерана, то он выбрал черную шляпу с широкими полями, напоминающую О ковбоях и провансальских поэтах, значение которой, однако, никто еще не смог разгадать.

128

Иоганн фон Турн-унд-Таксис

(1926-1990)

Аристократ в мире финансов

Если ему улыбается Фортуна, то никак нельзя сказать, что он платит ей той же монетой. На лице его никогда не увидишь даже тени улыбки. К счастью, женился он на самом воплощении смеха.

По происхождению своего богатства семейство Иоганна фон Турн-унд-Таксиса не лишено оригинальности. В отличие от других великих денежных династий, их предки не открывали ни залежей олова, ни алмазных россыпей. Они обогащались не в банках, подобно Ротшильдам, не в морском судоходстве, как Ниархос или Онасис. Это были простые почтовые служащие, да еще происходившие от итальянских эмигрантов. Конечно, они ради ассимиляции переиначили за несколько веков свою старую ломбардскую фамилию Тасси. Ведь Таксис звучит куда более по-тевтонски и поэтому значительно удобнее для почтальонов Священной Римской Империи Германской Нации.

Замок Регенсбург

Из десяти фамильных замков Регенсбург - самый красивый... или самый безобразный, в зависимости от вкуса. Турн-унд-Таксисы, начиная с 1731 г., неоднократно расширяли его, а что касается стиля, то там есть и ампир, и необарокко и ренессанс. О) знаменит своей гигантской оранжереей, коллекцией из шестидесяти двух карет и библиотекой, содержащей двести двадцать пять тысяч томов.

• **Переселение**

Однако почтальоны эти вели свое происхождение из глубины веков. Первый известный их предок по имени Отгон I жил в последние десятилетия X в.. Он был не почтальоном, а рыцарем, и внуки по-свойски звали его Отгоном Великим.

Хотя в Италии потомки Отгона занимали вполне пристойное положение и благодаря ему входили в число самых знатных

сеньоров полуострова, они постепенно покидали долину По и отправлялись искать счастья в Германии, среди непроходимых темных лесов, где в один прекрасный день им предстояло стать хозяевами гигантских владений.

• Почтмейстеры Священной Империи

В 1615 г. Форгуна, наконец, прочно связала себя с семейсгвом Таксисов, преподнеся им неожиданный дар, который и заложил основание их колоссальной империи. До тех пор передача известий на обширных пространствах Империи встречалась с величайшими затруднениями. Из-за больших расстояний и опасности на дорогах новости шли к своим адресатам безумно медленно, если вообще совершенно не

терялись в дороге. Таким образом, возникла острая нужда в создании эффективной почтовой службы и не столько в интересах управления, сколько в интересах торговли. Таксисы, хоть и происходили от итальянцев, славились своей прирожденной пунктуальностью. У них была настоящая страсть к механическим и солнечным часам, которая передавалась из поколения в поколение вплоть до нашего времени (сегодня в замке Регенсбург, этом миниатюрном фамильном Версале, таких приборов насчитывается не менее ста пятидесяти экземпляров). Поэтому вполне естественно, что имперское правительство предложило им нелегкое дело устройства по всем немецким землям обширной сети почтовых станций для налаживания регулярных и надежных сообщений.

Часовщик

Чтобы каждодневно заводить все часы, в Ре-геисбурге держат специального часовщика, благодаря которому все механизмы работают безупречно и подают свой голос как один человек.

•Завидные браки, влиятельные связи

Получив такую выгодную привилегию, превратившуюся в монополию, семейство Таксисов смогло настолько возвыситься, что стало одним из виднейших домов всего христианского мира. Удача и высокие связи-почтмейстерское дело открывает многие двери-позволили ему украсить свой герб со львом и горностаем престижными коронами и породниться с самыми знатными фамилиями Европы.

Сегодня оно может гордиться свойством с Людовиком XIV, герцогами Мекленбургскими и Орлеанским домом, не говоря уже

о других, не столь громких именах.

•Господа золотых лесов

Отмена почтовой монополии, произведенная императором Наполеоном I в начале XIX в., хоть и была неприятна Турн-унд-Таксисам, все-таки не стала для них катастрофой. Совсем напротив. В качестве возмещения французские захватчики отдали им несколько тысяч гектаров леса и плодородных земель, конфискованных у Церкви после кровавых побед, одержанных солдатами Свободы.

Семейство нисколько не проиграло от подобной перемены. Без малейшего сожаления Турн-унд-Так-сисы расстались со своим почтовым делом и перешли в сословие землевладельцев, как одни из самых крупных собственников того времени, что куда более соответствовало их аристократическим амбициям.

130

Группа яДодуко» только от своей промышленной деятельности имеет годовой оборот, достигаю-щи и одного миллиарда марок.

•Наследник и основатель

Иоганн фон Турн-унд-Таксис, который был до 1990 г. главой этого знатнейшего семейства, унаследовал свои прямо-таки золотоносные леса в 1952 г. До самой смерти он с неизменным успехом занимался их расширением. Семейные владения составляли тогда около двадцати восьми тысяч гектаров леса и более двадцати одной тысячи гектаров пахотных земель, не считая еще и небольшого банка. Его мудрая патриархальная политика увеличила это состояние до гигантских размеров, благодаря приобретениям в Канаде, США и Бразилии. Кроме того, он заинтересовался аграрно-пищевой промышленностью, в частности, производством баночного пива, и его сорта считаются одними из самых лучших (ведь благородное происхождение обязывает!). К этому добавляется еще компания <Додуко», в которой работают две тысячи семьсот человек и которая занимает видное место в индустрии ценных металлов. Таким образом, всего за несколько десятилетий наследник немецких лесов, потомок почтмейстеров Священной Римской Империи Германской Нации стал, благодаря своим личным качествам, одним из самых богатых людей планеты.

Пивоваренные заводы

Знаменитое пиво «Турн-унд-Таксис* классифицируется как имеющее «тонкий букет». Три завода - в Регенсбурге, Шильберге и Берхгесга-дене - производят ежегодно полмиллиона гектолитров.

•Плохая мина при хорошей игре

И все это достигнуто без какого-либо урона для достоинства

тевтонского рыцаря, никогда не опускавшегося до эксцентрических выходок сомнительного вкуса перед журналистами, на что столь падки знаменитые миллиардеры. Он так и остался немецким князем до мозга костей, с печальным, как на старинных портретах предков, лицом, по которому никак не скажешь, что это баловень судьбы. Затянутый воротничками, с безупречно белой гвоздикой в петлице, Иоганн фон Турн-унд-Таксис жил среди перегруженных позолотой лепных стен замка Регенсбург как рыцарь печального образа во дворце Волшебного Принца. И вокруг него суетился весь этот раззолоченный старосветский мир, который он словно мановением магического жезла уберег от всепоглощающего времени. Там были наряженные по французской моде лакеи в париках и лентах, мундирные егеря, величественные дворецкие и кружевные горничные, словно сошедшие со страниц детских сказок. Вся эта пышность так и била в нос

духом старой Европы и ставила его вне времени, вне досягаемости критиков и завистников. Насквозь Пропитанный духом «ОМ Меггу ОеиЕзсЫапо>*, он, казалось, несмотря на хмурость, принадлежал к

героям романов Барбары Картланд. Этот по-настоя-шему волшебный немецкий принц был предметом мечтаний баварских дам, славящихся своей безумной романтичностью.

Состояние, принадлежащее князю фон Турн-уид-Таксису, оценивается в четырнадцать миллиардов франков.

• Деньги не приносят несчастья

Но у волшебного принца при всей его мрачности хватило ума выбрать себе жену, прекрасную как ангел, чьи несколько эксцентричные проделки придавали иногда столь недостающее веселье десяти его наследным замкам. Глория фон ШенбергТлаухау (так ее звали) стала притчей во языцех всей немецкой публики. Пока он погружался в изучение теологии-свое самое легкомысленное занятие-она демонстрировала себя на телевидении в самых невероятных одеяниях или же выступала с рекламой на мотоциклах, устрашавших своими огромными цилиндрами нисколько не меньше, чем геральдические драконы. Эти выходки вносили некоторый диссонанс в тот педантический церемониал, которым любил окружать себя ее супруг. Она получила прозвище «принцесса поп», а он, словно рикошетом, «Такси-бой», что, впрочем, мало соответствовало его внешности серьезного и сурового человека. Но это нисколько не мешало ему жить со своими тремя детьми вполне счастливо, насколько это

вообще возможно для миллиардера.

'«Старой доброй Германии» *(англ.)*.

Сэр Джемс Голдсмит

(1933)

Барракуда удачи

Джемс Голдсмит вселяет ужас в себе подобных. И он играет эту «ужасающую» роль с улыбкой на устах.

В мире финансов нет более прожорливого зверя и более опасного грабителя, чем сэр Джемс Голдсмит. Рядом с ним даже Бернар Тали кажется каким-то вегетарианцем. Он не упускает ни одного случая, чтобы дать свободу своим хищным инстинктам акулы капитализма, и нет такой рискованной финансовой аферы, в которой он не стремился бы попытать счастья. Это человек беспредельной отваги и абсолютной непредсказуемости, прирожденный игрок, для которого вся жизнь - не более, чем долгая партия покера.

Происхождение

Джемс Голдсмит родился в Париже от матери овернского происхождения. Отец - англичанин, адвокат и член Парламента от консервативной партии.

Дворянский титул

•Сэр- Джемс Голдсмит вполне законно носит дворянский титул, пожалованный ему королевой Елизаветой II.

• **Неожиданная удача в дебюте**

Его призвание каскадера удачи обнаружилось в тот день, когда он впервые попробовал испытать счастье игрока.

Это произошло на бегах:он совершенно неожиданно выиграл сразу восемь тысяч фунтов, поставив всего семь. Тогда ему было семнадцать лет, и он без особого рвения учился в Итоне, не имея впереди ничего, кроме добропорядочной и скучной карьеры. И вдруг голова у него пошла кругом, его овернская (по матери) кровь взыграла, и ему все представилось ясным как день. «Так вот как легко делать деньги!»-сказал он себе с упоением. И Голдсмит решил не только продолжить начатое, но и посвятить всю жизнь этому восхитительному занятию. Забросив учение, которое и так уже слишком ему надоело, он решительно бросился в водоворот жизни и стал заниматься самыми разными делами. С азартом игрока он пускался во всяческие, даже мелкие, комбинации.

Если бы его талант тратить деньги не превосходил способности добывать их, Фортуна, вероятно, улыбнулась бы ему значительно раньше. Но у Джимми была широкая натура, которая требовала развлечений, и он спешил промотать за ночь все заработанное днем. Тем не менее он продолжал свой путь по

акробатическому канату между полупобедами и полупоражениями.

133

•Романтическая женитьба

Не отвлекаясь от дел, Джемс Голдсмит женился на дочери оловянного короля, Исабель Патиньо. Это произошло в 1954 г., когда ему был всего двадцать один год. Брак совершился при весьма романтических обстоятельствах, восхитивших журналистов и отнюдь не понравившихся семье невесты. По слухам, горячий и безденежный юноша, чье имя впервые появилось в прессе, словно в бульварно-сенти-ментальном романе похитил богатую наследницу. Это было, конечно, вымыслом, но зато обеспечило Джимми прочный успех в газетах. К несчастью, голубки недолго наслаждались своим блаженством. Подарив мужу дочь, Исабель скончалась, и он остался один на избранном им славном пути к богатству.

Консервативные убеждения

Сторонник чистого и жесткого либерализма, Джимми Голдсмит не скрывает своих антисоциалистических убеждений. Для нашей эпохи, когда крупные капиталисты охотно афишируют розовые идеи, это достойная и смелая позиция.

•Карточный трюк

Начиная с 1962 г., Фортуна стала слегка приманивать его кончиком пальца. В тот год, объединившись со своим сверхбогатым кузеном Алексисом де Гинзбургом, Джимми отважился на первое большое, хотя и весьма рискованное, дело. Речь шла о покупке целой сети мелких предприятий немецкого питания, стоявших на грани банкротства и преобразовании их в одну процветающую фирму. Все деловые люди лишь смеялись над самонадеянностью Голдс-мита, не сомневаясь, что молодой бизнесмен разобьет себе нос, тем паче, он с самого начала уверял всех и каждого, будто сделает из этой ублюдочной фирмы компанию с мировым именем (кстати, уже названную им «Кэвенхемом»), «Лягушка захотела перерасти быка, - подсмеивались знающие люди, - скоро она лопнет».

•Смелость, только смелость

И предсказания старых финансовых лисов едва не оправдались. Только дьявольская ловкость помогла Джимми и его кузену вывернуться из этой почти безнадежной ситуации. Благодаря самым экстравагантным биржевым трюкам и постоянному рас-ширениею сферы своих дел, он, ко всеобщему удивлению, все-таки добился успеха. Только тактика опережения и самых рискованных маневров, прису-ших его темпераменту

бойца, и могла насытить беспредельный финансовый аппетит этого человека.

134

Представительный иулыбающийся **Джимми** Голдсмитимеет репутацию обаятельной акулы.

Всеми победами Джимми Голдсмит обязан своей невероятной смелости. Не имея средств покупать благополучные предприятия, он брался ставить на ноги хромых калек, за которые никто не давал ни единого су, и чаще всего достигал этого с мастерством, уязвлявшим его хулителей.

• **Империя, разросшаяся во все стороны**

За несколько лет такой деятельности скромный «Кэвенхем» сделался настоящей империей, которой стало уже тесно внутри агро-пищевой промышленности, и Голдсмит с успехом внедрился в такие далекие друг от друга отрасли, как банки, нефть, страховые общества, лесопереработка и т. д. Он создал финансовую компанию «Женераль Оксиденталь», которая с 1985 г. занимала третье место в Европейском Экономическом Сообществе и стала, благода-

ря нетрадиционным методам, пугалом для всех деловых людей. Вместе с Жильбером Бо, банкиром группы Голдсмит, Джимми, подобно большому грифу пустынь, парит над всем капиталистическим миром.

Свобода выражений

Как владелец журнала «Экспресс- Голдсмит уволил одного за другим двух его директоров. Первого после дерзкой статьи о Жискар д'Эсте-не, второго - за обложку, которая могла не понравиться Франсуа Миттерану. И все это произошло во Франции, где, как известно, пресса совершенно свободна.

• Всегда больше других

Сегодня этот пожиратель предпринимателей не боится ничего, абсолютно ничего. Захватив власть над «Экспрессом» и основав в Англии журнал «Нау», он попытался в 1986 г. купить самую крупную мировую фирму по производству шин «Гудийр». Хотя это уж чересчур амбициозное дело и не удалось, оно тем не менее принесло, ему кругленькую сумму в шестьсот миллионов франков. Этим вполне можно было утешиться. К тому же, как реванш, он смог получить большое влияние в «Пресс де ля Ситэ» и едва не завладел пятым каналом французского телевидения.

Как говорят, самым удачным его трюком была перепродажа компании «Женераль Оксиденталь» в собственность «Компании Женераль д'Электриси-тэ». Но, судя по его характеру, навряд ли он выпустил ее из своих рук, и поэтому весь мир предпринимателей замер в ожидании, чья теперь очередь оказаться в лапах этого финансового зверя.

АМЕРИКА,
РОДИНА
МИЛЛИАРДЕРОВ

АМЕРИКА, РОДИНА МИЛЛИАРДЕРОВ

Нередко утверждают, что утопия была тем самым мифом, который создал американскую нацию, и вместе с этикой

протестантизма сформировал менталитет этого народа пионеров и колонистов, сделавшего героя-миллиардера частью фольклора. Такой двойной идеологический источник весьма существенен для объяснения особого места, какое занимают искатели богатства в умах обитателей этой страны, подлинной родины капитализма. Америка-слово это долго будило мечты, так как было синонимом богатства и золотой лихорадки-столько в нем крылось надежд и золотых миражей для бедняков всего мира. Они верили, что золото там валяется под ногами, достаточно лишь нагнуться, чтобы полными горстями собирать золотые самородки. Это была страна, где всем правят деньги, где нисколько не позорно копить их и жить в роскоши.

В Америке, в отличие от старой Европы, никогда не провозглашали анафем ни деньгам, ни тем, у кого они есть. В соответствии с утопической идеологией, рай должен осуществиться здесь, на этом свете, в соответствии же с протестантской этикой, богатство является справедливой наградой за добродетель и трудолюбие. И уже не богатого, а, напротив, бедного, подозревают во всех пороках. Причина его бедности-леность. Благодаря такому взгляду на вещи, стремление сделать состояние-при условии соблюдения всех требований самой строгой пуританской морали-становится законным правом человека.

Утопия открывает новые перспективы для идеи счастья. Счастье, блаженство не откладывается на «тот свет», оно представляется как благо, достижимое на этом свете. Высаживаясь на этих недавно открытых землях, пионеры XVI в. были убеждены, что сумеют построить счастливое общество, справедливое и богатое, лишенное тех пороков и извращений, которые уже отравили старую Европу. Вскормленным фантазиями Томаса Мора и Кампанеллы колонистам кружили головы лучезарные представления об Эльдорадо, этакой земле обетованной, райском саде, где, как они говорили, реки текут молоком и медом. Тамошнее изобилие должно было стать наградой за их утомительную добродетель. Само собой, действительность не всегда оправдывала надежды, которые они лелеяли. Некоторые, кто благоразумно приобрел, как говорится, билет в оба конца, возвратились на родину. Но утопическая мечта, неизменно возрождаемая, тем не менее укоренилась в душе американца, и даже кризис двадцать девятого года, как бы ни были драматичны его последствия, ничего не изменил. Пуританство, счастье и богатство и сегодня являются самыми важными побудительными силами общества по ту сторону Атлантики. По крайней мере так это понимают у нас.

И это, естественно, большая удача для миллиардеров Нового Света, которым, в отличие от европейских, нет нужды прятаться, чтобы наслаждаться своим счастьем. Они умело придают своему существо-

ванию легкую видимость пуританства и филантропии, и никому там в голову не приходит пытаться оспаривать их право на принадлежащие им богатства. В обществе, где считается, что деньгами увенчиваются человеческие достоинства, миллиардеры являются героями, быть похожими на которых мечтают все и каждый. Став воплощением «американской мечты», создав свою легенду на самых характерных мифах американской нации, они все вышли из племени пионеров, воплощенными представителями коих они и являются, и потому не способны ни в чем задеть чувствительность своих соотечественников. Совсем даже напротив: чем больше миллиардеры выставляют свое богатство перед восхищенной толпой, чем более вопиющей, по-голливудски кричащей (у нас бы это назвали «наглой») выглядит роскошь, в которой они живут, тем больше это льстит воображению толпы. Так что у этих людей нет никакой необходимости скрывать, что они богаты, и изображать «скромное обаяние буржуазии». Вандербильт и Уильям Херст могут строить себе роскошнейшие дворцы в самом дурном вкусе или бороздить моря на собственных яхтах, выглядящих совершенно вызывающе на фоне нищеты населения, но никому и в голову не придет кричать, что это безобразие. И Говард Хьюз может во всеуслышание хвалиться, что он- самый богатый долларовый миллиардер, и никому головокружительная сумма его состояния не покажется превосходящей все мыслимые и разумные пределы. Там каждый мечтает добиться того же.

Так что у миллиардеров made in USA есть нечто общее в их манере быть богатыми и это делает их похожими друг на друга. Они лишены комплексов, гордятся своим состоянием и подчеркнуто выставляют его напоказ с веселым смехом избалованных детей. Их соотечественники смотрят на это со смешанным чувством умиления, восторга и зависти. Примером для них является дядюшка Скопидом; Сирано де Бержерак и Готье Неимущий им совершенно неизвестны. Все мечтают стать Рокфеллерами, пойти по стопам Генри Форда и Вандербильта и, как они, оказаться героями торжествующего капитализма. Набобы Нового Света являются для них доказательством осуществимости «американской мечты»,подвергни это сомнению, и весь их общественный порядок тоже потеряет стабильность.

Что же до европейцев, которые смотрят издалека и весьма легко поддаются зависти к миллиардерам, вышедшим из рядов

американских граждан, то они относятся к ним с изрядной благожелательностью, окрашенной, правда, некоторой снисходительностью к этим «большим детям американцам». Расстояние, разделяющее Старый и Новый Свет, как бы смягчает резкость перепада. Неподражаемо дурной вкус разноцветных и сверкающих хромом машин миллиардеров искажает критерии суждения-американские миллиардеры в Европе оказываются под защитой насмешливого отношения и легкой зависти.

Дюпон де Немуры
(ХУШ-ХХв.)
Состояние на взрывчатке

Основатель этой династии питал отвращение и к промышленности, загрязняющей природу, и к воине. Его наследники сделали состояние на химии, торгуя порохом.

24 июня 1771 г. министр Тюрго стал крестным отцом пухлого щекастого младенца мужского пола, которого родители, по его совету, наградили двойным именем, да еще каким!-Элевтер Иреней. По мнению крестного отца, тем самым были почтены свобода и мир, две великие идеи, столь дорогие веку Просвещения, которые вскоре зальют кровью и закуют в оковы тирании всю Европу. Впрочем, оба имени вполне соответствовали философским убеждениям отца младенца, уже знаменитого в ту пору Пьера Самюэля Дюпона, самой умной головы кружка физиократов, которые громогласно исповедовали непреклонное неприятие войны и промышленности, а почитали и выказывали склонность лишь к древнему труду земледельца.

Ни один из этих прославленных филантропов, погруженных в мечты о вечном мире, и полумать не мог, что ангелочек, который что-то лепетал у них на руках, однажды станет основателем гигантского промышленного производства... пороха.

Состояние Дюпон де Нему рое является третьим по величине в США. Оно оценивается примерно в три миллиарда долларов.

*** Часовщик Века Просвещения**

Пьер Самюэль был родом из Руана и принадлежал к протестантской семье, многие поколения которой были часовщиками. Выходцы из средней буржуазии, Дюпоны, несмотря на религиозные преследования, достаточно быстро поднялись по социальной лестнице и накануне революции сумели занять довольно завидное положение в свете. Самюэль Дюпон, отец, заранее проторил дорогу своим отпрыскам, женившись на Анне де Моншанен, протестантке и бесприданнице, но дворянского происхождения, что должно было открыть перед его сыновьями двери столичных салонов.

Как и вся его семья, Пьер Самюэль начал с карьеры часовщика. Но очень скоро останавливающиеся маятники и крохотные пружинки, то и дело выскакивающие из пальцев, ему надоели, и он бросил это

ремесло, чтобы посвятить свою жизнь наукам, изучение которых при его ненасытной любознательности стало для него подлинной потребностью. Вероятней всего, благодаря своему кузену шевалье де Жокуру он получил доступ в узкий круг энциклопедистов. Там он встречался не только с Дидро и д'Аламбером, но также и с интеллектуалами, политиками и с самыми титулованными аристократами того времени. Именно там он познакомился с человеком, который стал его наставником в философии, с экономистом Франсуа Кене, создавшим политическую доктрину, столь же софистскую, сколь и дерзкую, и предлагавшим принять в качестве условия процветания человеческого рода отказ от только-только нарождающейся промышленности и возврат к экономике земледельческо-пастушеского типа. Пьер Самюэль, как и все люди его времени, читал Жан Жака Руссо и Бернардена де Сен-Пьера. Он сразу же с восторгом принял эти экономико-буколические идеи и стал верным учеником Кене и его ближайпшм коллегой. Именно он нашел название, под которым доктрина эта погрузилась в б еэвозвратное забвен ие,-физи ократия.

Франсуа Кене (1БЙ4-1774)

Этот врач, уроженец Мере в Иль-де-Франс, считал себя экономистом и был главой кружка и вдохновителем школы физиократов. Он является автором знаменитого изречения: «Предоставь -те обстоятельствам развиваться самим по себе-.

• **Блистательная карьера**

Бывший часовщик превратился в яростного полемиста. Став после смерти Кене главой кружка физиократов, он публикует множество сочинений об экономических теориях, а также немалое количество статей, в которых во имя природы обрушивается на всех, кто осмеливается восхвалять нарождающуюся промышленность. Назначенный в 1768 г. редактором газеты, носящей название ч Эфемериды гражданина», он стал известен широкой публике своими выступлениями с самых прогрессивных позиций на темы свободы печати, равенства при налогообложении и отмены рабства. Одновременно он познакомился со многими знаменитыми людьми или теми, кто вскоре таковыми станет. Так, в частности, он сводит знакомство с Мирабо, который стал крестным отцом его первого сына Виктора Мари, с убежденным физиократом и политическим деятелем Тюрго, которому пророчат блистательное будущее, а также с Бенжаменом Франклином, который, как известно, обретался тогда в Париже, готовясь к изобретению громоотвода и созданию Соединенных Штатов Америки.

141

•Коридоры власти

После смерти Людовика XV Тюрго покидает должность интенданта в Лиможе, чтобы занять в Версале пост министра финансов. Вскоре он призывает своего друга Пьера Самюэля последовать его примеру. На некоторое время физиократия оказывается у власти. Продолжалось это до тех пор, пока министру не вздумалось урезать расходы королевского двора и, в частности, королевы, которую уже почти повсеместно стали именовать Мацам Дефицит, Опала Тюрго в 1776 г. незамедлительно повлекла за собой опалу и другого физиократа Пьер Самюэль удалился вместе с женой и обоими сыновьями в дом, смахивающий на замок, который он приобрел в Буа-де-Фоссе в окрестностях Немура. Решив, что его политическая карьера кончилась, он жил в деревне как помешик, занимался сельским хозяйством и вел оживленную переписку со всеми экономистами Европы. Так продолжалось до тех пор, пока министр Верженн не призвал его и не поручил от имени короля крайне важную миссию - начать переговоры с Англией ввиду признания независимости ее американских колоний.

•Дворянская грамота

Эта дипломатическая миссия, которую он с успехом выполнил, стала одним из важнейших событий в истории семейства Дюпонов. Она, с одной стороны, принесла Дюпону признательность американских властей, в частности Томаса Джефферсона, а с другой - благосклонность короля Людовика XVI, который в награду за верную и успешную службу пожаловал Пьеру Самюэлю дворянство с присовокуплением весьма пышного герба: новоявленный дворянин поместил на нем, надо полагать после обильного возлияния в честь такого события, весьма уместный девиз «КесГиоЧпе зг.о», что в переводе с латыни означает «Держусь прямо»-.

•Пьер Самюэль основывает династию

3 сентября 1784 г. Пьера Самюэля постигла первая серьезная превратность судьбы. Он потерял жену Мари Ле Де, которую страстно любил. А на следующий день после похорон, пользуясь переживаниями близких, впервые совершил церемонию, быть может, несколько мелодраматическую, которая у его наследников носит название «посвящение» и с той поры повторяется из поколения в поколение.

142

С покрытой головой и при шпаге он уселся в высокое кресло,

поставив ноги, как это делают короли, на подушку. Слева от него находился портрет жены, а справа на табурете лежали шпага и шляпа. Весьма торжественно он велел обоим своим сыновьям приблизиться, взял шпагу и, ударив ею Элевтера Ире-нея по плечу, произнес: «Пусть этот удар научит тебя с честью и достоинством принимать удары, что нанесет тебе судьба». Затем, вручив ему шпагу как символ свежепожалованного дворянства, он попросил обоих мальчиков обняться и поклясться друг другу в верности, после чего так продолжил свою речь: «Пообещайте всегда быть вместе, нести друг другу утешение в горе, помогать друг другу во всех трудах и поддерживать друг друга в минуту опасности». Наконец он благословил их и изрек последнее пожелание: «Сумейте найти себе жен таких же добрых, мудрых, отважных, благородных, простых и скромных, как ваша мать, которую вы потеряли. И пусть каждое поколение ваших наследников старается передать все лучшее, что есть в нем, тем, кто должен прийти ему на смену».

Лавуазье Антуан Лоран да (1743-1794)

Казнь этого гениального химика наряду со многими другими является одной из позорнейших страниц Французской революции. Смертный приговор ему базировался на том, что он был также и генеральным откупщиком.

• **Братья**

Чтобы помочь детям продвинуться на пути к успеху, Пьер Самюэль не ограничился лишь словесными пожеланиями. Чтобы найти сыновьям должности, соответствующие их устремлениям и интересам,-а они у братьев были совершенно различные-он воспользовался связями, которые сумел завязать, благодаря своей политической и «энциклопедической» деятельности. Виктор, красивый, очаровательный молодой человек, был решительно неспособен ни к какому труду-отец решил, что он сможет преуспеть в политике, и добился для сына должности секретаря (без жалованья) при посланнике Франции в Нью-Йорке.

Элевтер Иреней, в отличие от брата, внешне был некрасив, выглядел замкнутым и неприветливым, имел склонность и к труду, и к науке, и эта последняя склонность граничила чуть ли не с исступлением. Совершив, должно быть, некоторое насилие над своими физиократическими убеждениями, Пьер Самюэль направил его в обучение к своему другу химику Лавуазье, директору королевской пороховой мануфактуры в Эсоне, где промышленным способом производился весь порох для армии короля.

Таким образом семейство Дюпонов проделало первые шаги по той дороге, что через Америку и военную промышленность должна была привести их к богатству.

"**Великие**" **Дюпоны 8** этом семействе Элев-тер Иреней не единственный, кто достоин упоминания:

Ламот, химик, трагически погибший в 1884 г.; **Томас Коулман,** обеспечивавший с 1902 г. процветание семейной империи;

Пьер Самюэль (1870- 1954), который, будучи президентом компании, проявил себя как крупный менеджер.

*** Революция принимает скверный оборот**

С фамилией Дюпон, даже если она пишется в два слова - Дю Поя - во Франции крайне трудно сделать себе имя. К счастью для Пьера Самюэля, Революция дала ему возможность обзавестись приставкой «де», от которой многие его современники старались благоразумно избавиться. Избранный депутатом от третьего сословия в Конституционное Собрание, Пьер Самюэль, дабы выделиться среди Дюпонов, между которыми он мог затеряться, присоединяет к фамилии название города Немура. С этого дня он становится гражданином Дюпон де Немуром; фамилия эта звучит аристократически пышно, и наследники сохранят ее до наших дней.

Когда началась Революция, Пьер Самюэль поначалу принял в ней активное участие. Друг всех философов, которые готовили и страстно призывали ее, он просто не мог не разделять новых идей. И потому с азартом окунулся в борьбу. 27 августа 1789 г. он был в числе тех, кто голосовал за принятие «Декларации прав человека*, а несколько позже именно он вынесет предложение о конфискации церковного имущества Наконец в 1790 г. он будет избран председателем Национального Собрания. Но события пошли гораздо стремительней и приняли куда худший оборот, чем предполагали умеренные, к которым он принадлежал. Мало-помалу Дюпон переходит в оппозицию и становится одним из самых стойких защитников короля. Доказательством этого служит то, что 10 августа 1792 г. он и Иреней были среди тех немногих верных дворян, которые пришли с оружием в руках помогать швейцарской гвардии-почти все они были перебиты при обороне Тюильри.

Отцу и сыну чудом удалось обмануть бдительность нападавших. Надев фригийские колпаки, они смогли пройти сквозь толпу, и никто их не разоблачил. Пьер Самюэль, которого многие знали в лицо, некоторое время прятался под куполом Обсерватории; с помощью астронома Лаланда ему удалось ускользнуть от преследователей и покинуть Париж.

При не отличающейся красотой внешности, у **Элевтера Иренея Дюпон** де **Немура** был живой взгляд, свидетельствующий о его остром и любознательном уме.

• **Террор**

Поскольку Республике «Ученые не требуются», голова

Лавуазье в один прекрасный день скатилась с гильотины в корзину; удрученному Иренею пришлось покинуть любимую пороховую мануфактуру и прервать свои труды. Он возвратился в Париж, чтобы заняться типографией, которую основал его отец. К несчастью, худшие дни были еще впереди. После недолгого спокойствия, беспорядки возобновились с новой силой. Типография была разгромлена, и Пьер Самюэль, слишком рано вышедший из укрытия, был арестован. Спасло его только вмешательство Мари Жозефа Шенье, которому с трудом удалось смягчить революционный трибунал, упирая на преклонный возраст обвиняемого-в действительности же, тому не было и пятидесяти.

145

• **Америка**

Дюпон де Немуры прошли через Революцию без особых потерь. Но они были напуганы, и хотя термидорианцы с Робеспьером покончили, будущее Франции представлялось им весьма ненадежным. Они решили покинуть страну, стоящую на краю пропасти, и отправиться искать счастья в Новом Свете.

Пьер Самюэль был поистине человеком XVIII в. Беды, которые ему пришлось перенести, ни в коей мере не подорвали его веры в новые идеи. Он по-прежнему мечтал о возврате к золотому веку, к мирному сельскому будущему. Так как Америка была по преимуществу страной утопии, он решил отправиться туда и основать там идеальную колонию для элиты человечества, члены которой будут одновременно философами и земледельцами. Для создания колонии Пьер Самюэль учредил компанию, названную им «Понтиака»--акции ее он продал небольшому числу лиц, среди которых были Лафайет, Та-лейрап и Бомарше.

Прибыв в 1799 г. на землю обетованную, Пьер Самюэль поспешно занялся претворением своего плана в жизнь. Провал был скорым я не оставлявшим никаких надежд. Тогда Пьер Самюэль ринулся в спекуляцию недвижимостью, что стало вообще катастрофой. Дела решительно принимали дурной оборот.

Недалеко от Брандиуин-риверЭлевтер Иреней в 1803 г. приобрел дом, выглядящий, как дворянская усадьба- Это поистине родовое гнездо Дюпон де Немуров и сейчас является частью их владений.

• **Элевтеру Иренею приходит идея**

К счастью для семьи, Иренею пришла удачная мысль. Однажды на охоте он обратил внимание на скверное качество

пороха, который использовали американцы. При стрельбе он производил слишком большой шум, давал много вонючего дыма, при том что дальность полета пули была невелика. Иреней, ставший благодаря сотрудничеству с Лавуазье большим знатоком в этой области, был удивлен, как молодой американской нации с таким порохом удалось победить англичан. Он стал убеждать отца, вложить в эту сферу деятельности капитал, еще оставшийся у его компании. Пьер Самюэль, надо полагать, сперва воспротивился. Создание промышленного предприятия противоречило всем его принципам. Однако, взвесив козыри, которые давали ему его добрые отношения *с* правительством Соединенных Штатов, он в конце концов пошел на попятный и дал согласие.

146

•Фирма Дюпон де Немур

Иреней тотчас же принялся искать реку и мельницу, где можно было бы разместить фабрику. В 1802 г. он приобретает у некоего Джейкоба Рума полуразвалившуюся ферму, которая зато находится неподалеку от Уилмингтона на берегу Брандиуин-ривер в штате Делавэр-местоположение, надо признать, идеальное. Вложение «Понтианы* составило две трети капитала предприятия, директором которого с годовым окладом восемнадцать тысяч долларов и правом получения трети прибыли был назначен Иреней. Необходимые разрешения на размещение ро^йег пи11, то есть «пороховой мельницы», были получены очень быстро, благодаря политическим связям, которые Пьер Самюэль старательно поддерживал с Конгрессом штата, а также на федеральном уровне, и вскоре Иреней смог приступить к работе. Спустя два года после создания компании он уже отгружал первые бочонки черного пороха.

•Богатство на пушечных залпах

Порох Дюпон де Немуров был признан несопоставимо более смертоносным, чем любой другой, производившийся до сих пор в Новом Свете. Президент Томас Джефферсон регулярно увеличивал заказы для армии Соединенных Штатов, что позволило Иренею стать почти что монополистом. Ну, а поскольку в 1812 г. англичанам пришла неплохая мысль объявить своей бывшей колонии войну и отправиться в поход, чтобы сжечь Белый дом, доходы пороховой фабрики в рекордное время возросли до головокружительных размеров. Дюпон де Немуры заложили основы состояния, и теперь им оставалось только его увеличивать.

Мирное производство

Владея восемьюдесятью пятью заводами и почти сотней

лабораторий, размещенных в двадцати восьми штатах, <Дю Пон де Немур и К?» является гигантом химической промышленности. Она производит более тысячи двухсот видов продукции, и только в штате Делавэр на ее предприятиях работает более двух третей населения.

•Идеальный город, построенный на вулкане

В 1817 г. смерть дала Пьеру Самюэлю дополнительные основания для неприязни к промышленности. На пороховой фабрике произошел чудовищный взрыв, после чего начался пожар, который, само собой разумеется, необходимо было погасить как можно быстрей. Несмотря на преклонный возраст-ему было 77 лет-физиократ участвовал в борьбе с огнем. От усталости и волнений через несколько дней он скончался.

Его наследники, став торговцами смертью, тем не менее не оставили утопических идей, которые с детства внушал им отец. Элевтер Иреней, хотя и пра-

147

вил как абсолютный монарх, организовал на своей фабрике полобие настоящего фаланстера, где царствовал всеподавляющий патернализм. Рабочие-в ту эпоху это было редкостью-имели гарантии от безработицы, жили в фабричных домах, получали провизию с принадлежащих фабрике ферм, лечились за счет фабрики; их даже хоронили за фабричный счет, когда весьма часто случавшиеся взрывы производили непредвиденное сокращение штатов.

Пороховая фабрика Дюпонов являла собой замкнутый мирок, изолированный от остального света, мирок, властелинами которого стали весьма рассудительные миллионеры, почти не соприкасавшиеся с другими американскими магнатами и старавшиеся-бизнес есть бизнес-заключать браки только внутри своего семейства.

Генеалогия

Составлена Джин Реней Бори, опубликована в книге W. **Carr«Ces** e'tonnants Dupont de Nemoursю

•Империя Дюпонов

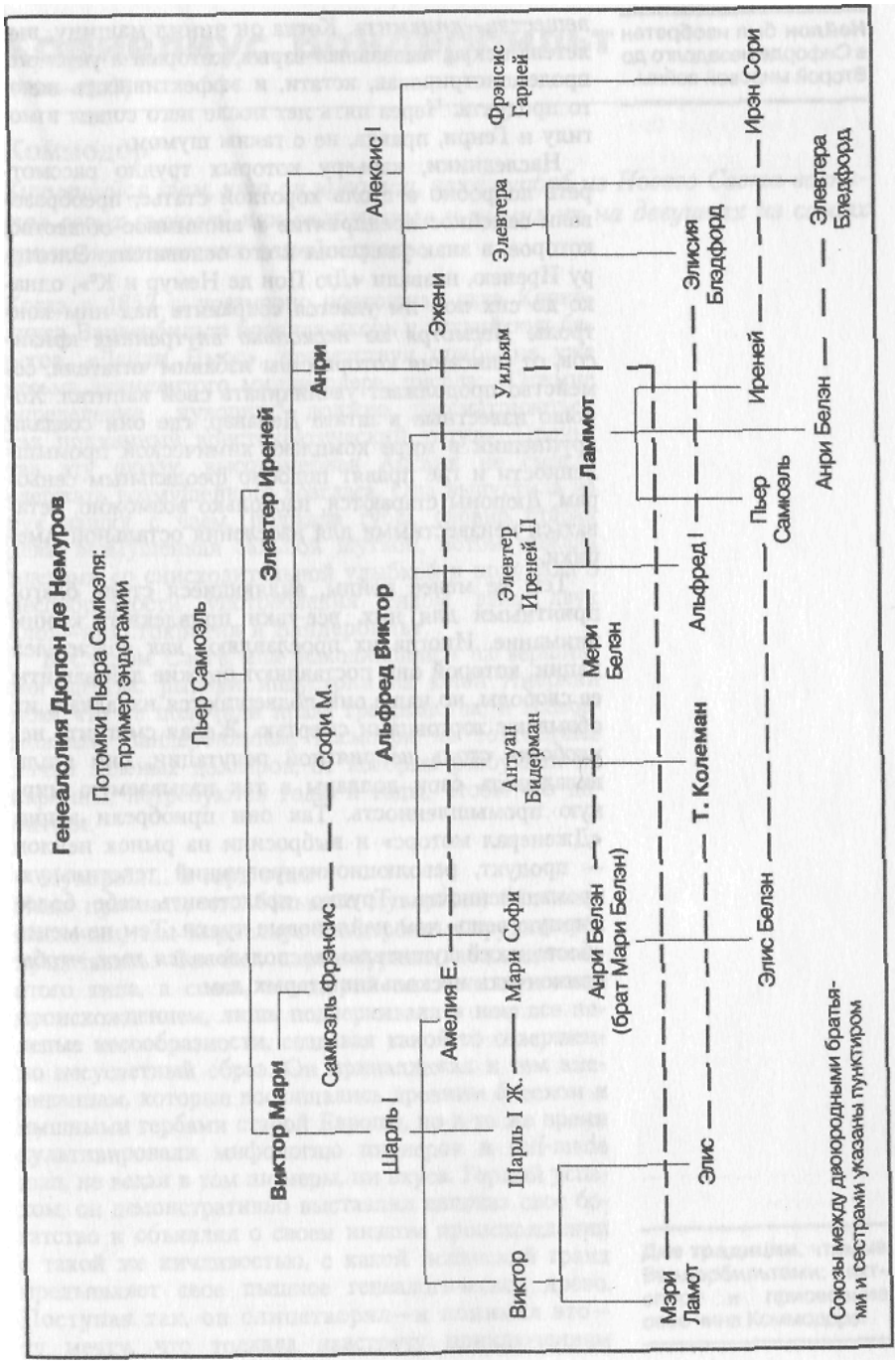
Когда 31 октября 1834 г. Элевтер Иреней скончался, о нем искренне скорбели не только члены его семьи, которых он сделал богатыми, но и рабочие. Его второй сын Генри Френсис, ставший президентом семейного предприятия, проявил себя как исключительно талантливый деловой человек и успешно продолжил дело, перенятое от отца. В этом ему помогли два фактора; Крымская война, ставшая для него истинным благословением, и талант химика Ламота Дюпона, его

племянника и компаньона, который открыл способ уменьшить чувствительность селитры к сырости и тем самым повысить взрывную силу пороха.

Заслугой Генри было то, что он нашел новый рынок сбыта для этого «улучшенного артиллерийского пороха», окрещенного «взрывчаткой В». Смертоносные сражения в войне между Севером и Югом приносили весьма значительные доходы, но, к сожалению, доходы эти были временными, а вот строительные работы давали деньги не столь значительные, но зато постоянные. Благодаря Генри, Дюпоны сумели захватить обширный рынок специальных взрывчатых веществ, используемых при строительстве шахт, каналов и железных дорог; благодаря Ламоту - оказались в авангарде технического прогресса и удерживают эту позицию до сих пор.

•-«Мирное», ириническое направление

Ламот погиб в 1884 г. на заводе в Репауно, где он подготавливал производство нового взрывчатого



вещества-динамита. Когда он чинил машину, вылетела искра, вызвавшая взрыв, который и убил его, продемонстрировав, кстати, и эффективность нового продукта. Через пять лет после него сошел в могилу и Генри, правда, не с таким шумом.

Наследники, карьеру которых трудно рассмотреть подробно в столь короткой статье, преобразовали семейное предприятие в анонимное общество, которое, в знак уважения *к* его основателю Элевте-ру Иренею, назвали «Дю Пон де Немур и К°», однако до сих пор им удается сохранять над ним контроль. Несмотря на несколько внутренних кризисов, от описания которых мы избавим читателя, семейство продолжает увеличивать свой капитал. Хорошо известные в штате Делавэр, где они создали кругшеший в мире комплекс химической промышленности и где правят подобно феодальным сеньорам, Дюпоны стараются, насколько возможно, оставаться неизвестными для населения остальной Америки.

Тем не менее войны, являющиеся столь благоприятными для них, все-таки привлекают к ним внимание. Иногда их прославляют как спасителей нации, которой они поставляют оружие для защиты ее свободы, но чаще они подвергаются нападкам, их обзывают торговцами смертью. Желая смягчить неудобства столь неприятной репутации, они стали вкладывать свои доллары в так называемую мирную промышленность. Так они приобрели акции «Дженерал моторе» и выбросили на рынок нейлон - продукт, революционизировавший текстильную промышленность. Трудно представить себе более мирную вещь, чем нейлоновые чулки. Тем не менее «бостонский душитель» воспользовался ими, чтобы прикончить нескольких старых дам.

Нейлон был изобретен в Сифорде незадолго до Второй мировой войны.

Корнелиус Вандербильт

(1794-1877)

Коммодор

Кичившийся тем, что он нувориш, этот набоб из Нового Света воспитал своих сыновей как спартанцев и женил их на девушках из самых аристократических семей Европы.

Когда в 1852 г. чрезмерно роскошная яхта Корне-лиуса Вандербильта бросила якорь у английских берегов, «Дейли Ныос», приветствуя прибытие уже весьма знаменитого миллиардера, писала: * Отныне определение „нувориш" должно рассматриваться как подлинный аристократический титул». Прочитав эту фразу, высокомерная Англия не смогла сдержать возмущенного возгласа. Она выпустила из рук чашку с чаем, поджала губы, словно старая дева, возмущенная сальной шуткой, потом пожала плечами со снисходительной улыбкой и подумала о несообразности употребления рядом этих двух слов-аристократия и Вандербильт.

В Старом Свете, еще находившемся на вершине могущества,

рыцари индустрии из юной Америки пока что не получили права гражданства, и всевозможным Вандербильтам, несмотря на толстенные пачки зеленых долларов, от которых разбухали их карманы, потребуются годы и годы, чтобы его добиться.

Две традиции, чтимые Вандербильтами: яхт-елорт и присвоение себе чина Коммодора.

• Нувориш... и горд этим

Надо признать, что ббльшего нувориша, бблыпего выскочки, чем Корнелиус Вандербильт, трудно себе представить. Он был карикатурным воплощением этого типа, а спесь, с которой он кичился своим происхождением, лишь подчеркивала в нем все нелепые несообразности, создавая какой-то совершенно несусветный образ. Он принадлежал к тем американцам, которые восхищались древним блеском и пышными гербами старой Европы, но в то же время культивировали мифологию пионеров и зе1!-тас1е тал, не ведая в том ни меры, ни вкуса. Гордый успехом, он демонстративно выставлял напоказ свое богатство и объявлял о своем низком происхождении с такой же кичливостью, с какой испанский гранд предъявляет свое пышное генеалогическое древо. Поступая так, он олицетворял-и понимал это- ту мечту, что толкала навстречу приключениям

золотоискателей и пионеров, из которых сложилась его нация. В Америке хвастовство богатством, вызывающее в Старом Свете вражлебиость и зависть, гарантировало его от критики.

•Вандербильты

Но даже и при желании Корнелиус не смог бы претендовать на благородное происхождение. Первый известный его предок носил имя Ян Арстон и был простым поденщиком из маленькой деревушки Билт в окрестностях Утрехта. Отчаявшись найти на родине возможность прокормиться, в 1650 г. он нанялся на службу к своему соотечественнику Питеру Волферсону, богатому землевладельцу, обосновавшемуся в Бруклине.

Благодаря трудам и бережливости, наследникам Яна В следующем веке удалось купить небольшой земельный участок на Стейтен-Айленд, упорный труд на котором вскоре позволил им стать одной из достаточно видных семей в этой местности. Однако процветание длилось недого. С годами количество потомков Яна Арстона так выросло, что к концу века, когда скончался их патриарх Якоб, Вандербильты пришли к выводу, что придется продать свое маленькое хозяйство и разделить вырученные крохи. В скором времени семья вернулась к исходному положению, и ее члены вынуждены были

самостоятельно искать пропитания, в том числе и Корнелиус, один из внуков Якоба, нанявшийся на ферму поденщиком.

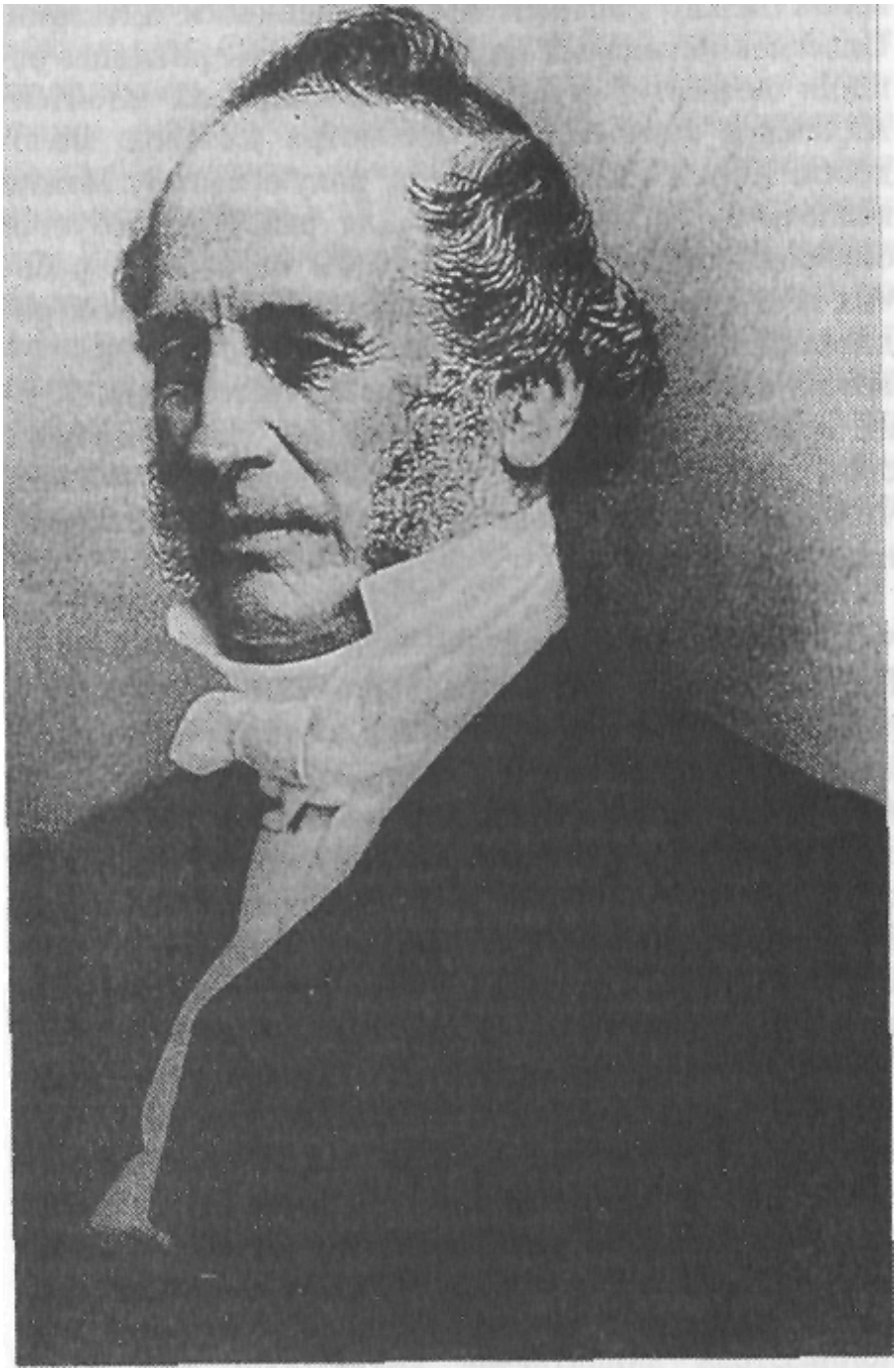
Вероисповедание Якоб Вандербильт, первый в роду сколотивший состояние, принадлежал к секте моравских братьев.

•Корнелиус I

От сзоего предка Яна Арстона этот Корнелиус унаследовал мужество, трудолюбие, однако он никогда не выказывал никаких чрезмерных амбиций. Он старательно копил деньги, отличался серьезным отношением к жизни, весьма разумно женился на девице Фебе Ханд, обладавшей множеством достоинств, однако не сумел добиться каких-то чрезвычайных успехов. Все, чего он достиг, это покупка крохотной фермы в окрестностях Стейплтауна, где и протекала его однообразная, заполненная трудами жизнь. И именно на этой ферме 27 мая 1794 г. явился на свет его сын, получивший, как и отец, имя Корнелиус.

•Корнелиус II

Корнелиус был красивым здоровым мальчиком с голубыми глазами и румяными щеками и уже в дет-



Корнелиус П Чтобы составитьпредставление о личности Коммодора, к еговластному взгляду мысленно добавьтеругательства, которые он изрытая в течение дня.

стве обладал одной особенностью, которая осталась у него на всю жизнь: когда он кричал, голос его перекрывал голоса всех

находящихся рядом детей.

Так как у родителей не было средств, чтобы заплатить за его учебу, мальчик получил более чем ничтожное образование-рос подобно сорной траве на поле и к двадцати годам умел только читать и писать. К счастью для него, рано проявившееся, неуемное, не знающее никаких пределов честолюбие помогло ему вырваться из того жалкого существования, на которое, казалось, обрекла его судьба.

•Нежданная удача: война

Ему было всего семнадцать лет, когда вспыхнула война между Англией и Соединенными Штатами. Опасаясь нападения на Нью-Йорк, американцы решили возвести укрепления на островах Стейтен-Айленд и Лонг-Айленд. Несмотря на свою молодость, Корни мигом смекнул, какую выгоду можно извлечь из этой ситуации. Для работ потребуется большое количество судов, чтобы перевозить рабочих и строительные материалы. Он обратился к родителям и попросил одолжить ему сто долларов - все их жалкие сбережения. Кроме честолюбия, Корни обладал коммерческим чутьем и сумел продать свою идею. Преуспев здесь, он поспешил в порт, чтобы незамедлительно приступить к осуществлению своего плана.

•Неустрашимый капитан

По дешевке он купил развалюху-большую голландскую двухмачтовую баржу, которая так протекала, что из нее все время приходилось вычерпывать воду. Наскоро произведя необходимый ремонт, он смело предложил свои услуги капитану порта. В течение года он работал днем и ночью, не отступая ни перед какими трудностями, не страшась ни риска, ни бури, и благодаря этому стал на побережье капитаном, к которому обращались чаще всего.

Результаты подобного трудолюбия и неустрашимости превзошли все его ожидания. Он не только сумел через несколько месяцев выплатить своим родителям долг с процентами, но к концу военных действий оказался владельцем небольшого состояния, выражавшегося в трех баржах и тысяче долларов наличными.

•Король каботажа

Как бы ни был эффектен подобный успех, Вандер-бильт считал, что это только начало. Амбиции его были безграничны. Успех в только что проведенном деле лишь распалил его аппетит.

Выступив на завоевание восточного побережья, он поставил себе целью стать не просто первым среди занимающихся каботажными перевозками, но единственным. И решительно принялся за дело. В возрасте двадцати лет он вкладывает все свои накопления в приобретение старого судна, на котором организует перевозку устриц в Вирджинию. Вскоре у него оказывается достаточно денег, чтобы дать заказ на

постройку двух великолепных кораблей - «Ужас* и «Шарлотта», на которых он плавает по Гудзону и Нью-Йоркскому заливу. Затем, будучи уже судовладельцем, он становится простым капитаном с жалованьем шестьдесят долларов в месяц в компании старого Томаса Гиббона с единственной целью-перенять навыки управления паровыми судами. Наконец в 1826 г. в возрасте тридцати пяти лет Корнелиус рискует всеми деньгами, что у него были, и основывает собственную пароходную компанию. Компанию, которая за несколько лет победит все другие, осуществлявшие регулярные рейсы между Нью-Йорком и городами восточного побережья-Бостоном, Элизабеттауном, Нью-Брансуиком, Филадельфией... И все это меньше чем за двадцать лет!

Семейное собрание

В 1975 г. администрации Вандербильт Юниверси-ти пришла идея собрать всех потомков Корне-лиуса, чтобы отметить столетие университета. Их оказалось около восьмисот человек, и принадлежали они к двумстам семнадцати семействам.

• **Коммодор Вандербильт**

Надо сказать, что Вандербильт ради удовлетворения ненасытной потребности в победах не колебался в выборе средств: он хотел не только обойти конкурентов, ему надо было вышибить их, разорить, уничтожить. Экипажи на свои суда он набирал из головорезов и забияк, каких немало в любом порту, бесстрашных в бурном море и скорых на драку ребят, которые всегда готовы нагнать страху на матросов, служащих в конкурирующих компаниях.

Так как Корнелиус понимал, что для победы ему нужно запугать своих конкурентов, то взял себе кличку Коммодор и старательно создавал о себе весьма определенное представление. Кичашийся энциклопедическим невежеством, ругающийся, как сапожник, с бесподобной виртуозностью использующий все тонкости безукоризненно скверного воспитания, он производил впечатление неотесанного наглеца, которого невозможно образумить никакими доводами и который ни за что на свете не откажется от достижения поставленной цели.

Впрочем, такая политика устрашения вполне себя оправдывала. Коммодор приобрел на побережье репутацию безжалостного противника, действующего без зазрения совести; частенько судовладельцы при одной мысли, что придется вступить с ним в прямую конкуренцию, предпочитали уступить и сойти с дороги этого неумолимого соперника. Компания «Норт Ривер Ассошиейшн» дошла в своей уступчивости даже до того, что предложила ему ежемесячные отступные, чтобы он отказался

155

плавать в ее водах. Вандербильт принял предложение компании, ожидая момента, когда он сможет проглотить ее...

Для него-и этим он, без сомнения, отличался от своих противников-недостаточно было занять господствующее положение на всех морских линиях восточного побережья. Он является одной *из* первых фигур «бронзового века капитализма», целью его была полная монополия. Чтобы разорить своих конкурентов, Вандербильт систематически снижает цены. Он идет на снижение коэффициента прибыльности, на невероятный риск, отказываясь страховать свои суда, снижает численность экипажей. Зато клиентура у него растет с головокружительной быстротой, и это компенсирует, да еще с лихвой, все те жертвы, на которые он шел. Капиталистическая система, механизм которой он понимал Лучше, чем кто-либо другой, действует отлаженно.

Страхование

«Хорошие суда и хорошие капитаны-вот наилучшее страхование-,- заявил Коммодор. И еще: «Если люди могут зарабатывать деньги на страховании, то я тоже могу.. Достаточно было так думать.

• Король каботажа завоевывает океаны

Быть всего лишь королем каботажа, само собой, не устраивало Вандербильта. В его флоте появились два великолепных судна-«Клеопатра», а главное, «Коммодор Вандербильт»-таких прекрасных пароходов нью-йоркцы еще не видели. Поселившись в «роскошном палаццо»-кошмарном строении «греко-готического» стиля из черного и розового Мрамора, возведенном у моря в окрестностях Стейплтауна,- Корнелиус мечтает о новых великих победах. В 1848 г. он мечтает захватить Тихий океан и думает о проекте судоходного канала через Никарагуанский перешеек, который позволит его судам бороздить воды двух океанов. Проект грандиозный, в ту эпоху просто неосуществимый, и Вандербильт вынужден был от него отказаться, ограничившись перевозкой пассажиров между обоими океанами в обычных дилижансах.

Затем он обратил взгляд на Атлантический океан. В те времена торговля между Соединенными Штатами и Европой бьша монополией двух судоходных компаний; американской «Коллинз Лайн», получавшей большие дотации от федерального правительства, и английской «Кьюнард», которая также могла рассчитывать на щедрость британской короны. Вступить в конкуренцию с двумя этими компаниями на их территории было явной химерой. Но ни подобные соображения, ни решительный отказ Конгресса на просьбу о предоставлении субсидий

отнюдь не обескуражили Коммодора (это было не в его характере).

Продав разом за миллион триста пятьдесят тысяч долларов все принадлежавшие ему акции «Эксессори Транзит», компании, занимавшейся перевозками между обоими океанами, он вложил все эти деньги в строительство двух пароходов - •«Вандербильт» и «Королева океанов» - превосходнейших судов, которые тут же отправил на завоевание Атлантики. Методы, так помогавшие ему у американских берегов, оказались не менее успешными и в открытом океане. Вступив в игру, он предложил клиентам цены в два раза ниже, чем у конкурентов. Результаты долго ждать не заставили: «Кыонард» опустила руки, что до «Коллинз Лайн», то вскоре ей остался единственный выход-продать свои суда, на которых отказывались плавать пассажиры, непобедимому Коммодору, причем за смехотворную цену. В 1860 г. в возрасте шестидесяти шести лет Корнелиус Вандербильт становится императором морей.

Биржа

Корнелиус наводил ужас не только на нью-йоркский порт, но и на Уолл-Стрит, где его боялись до такой степени, что зять Вандербильта Н. Б. Лебрен сочинил по этому поводу четверостишие: ПоУолл-Стритпроходит он, каксмерч, Ивсесметаетнасвоей дороге. Чутьмаклерынайдут себепирог, ИмКоммодороставит толькокрохи.

• Железнодорожный король

Поскольку в ту эпоху лишь два океана были достойны интереса судовладельца! чьи амбиции граничили с манией величия, у Коммодора возникли опасения, что теперь его планам положен предел. С ужасом он начал ощущать, что временами у него возникает соблазн почить на лаврах и спокойно наслаждаться добытым гигантским состоянием... Но так как почивать на лаврах ему вряд ли бы удалось из-за бессонницы, а праздность была для него самой страшной пыткой, он, подобно Александру Македонскому, решил отправиться на новые

завоевания-моря, как бы огромны они ни были, уже не удовлетворяли его аппетитов.

В те времена самой активно развивающейся областью экономики было железнодорожное строительство, и Корнелиус, который имел страсть к путешествиям, уже давно заинтересовался им. Думая о будущем, он вкладывал деньги во многие компании и даже, чтобы забить место в этом бизнесе, поставил своего сына Уильяма Генри во главе железнодорожной компании «Стейтен Айленд Рейлро-ад». В 1863 г., в разгар Гражданской войны, он решил усилить свою активность в этой сфере, имея в виду достижение и здесь полной монополии. Начал он с того, что стал владельцем «Гарлем Рэйлроад» и

«Гадзон Лайн», а несколькими голами позже, в 1867-м, и «Нью-Йорк Сентрал». Стоит ли говорить, что и здесь он действовал с той же неудержимой энергией, как и в ту пору, когда захватывал судовые компании, и использовал не менее крутые методы. Однако два фактора, которые ему раньше и в голову не приходили, заставили Коммодора несколько умерить свои завоевателъские устремления. Во-первых, возраст. Он вдруг обнаружил, что уже давно не молод и что его сердце, печень, селезенка, желудок настойчиво рекомендуют чуть притормозить. Вторым же фактором, который, надо полагать, показался ему еще более невероятным, чем первый, было то, что на его пути оказались Джим Фиск, Дэниэл Дру, а главное, Джей Гудд - акулы еще круче и алчней, чем он, а это кое-что да значило. Вероятно, скорей от удивления, чем от усталости, он махнул рукой и отступился от намерения прибрать компанию 4Эри Рэйлроад». В возрасте восьмидесяти лет он решил уйти на покой и предался своим увлечениям: скаковым лошадям и спиритизму, мода на который с легкой руки двух молодых американок распространилась по всему Новому Свету и не замедлила перекинуться на Европу.

Неотесанность

Несмотря на свое богатство, Вандербильты никак не могли проникнуть в высшее нью-йоркское общество, которое отвергало их за ставшее легендарным отсутствие культуры. Встретившись как-то с Уильямом Г. Вандербильтом, Эндрю Карнеги, библиофил, самодовольно изрек: «Я не обменял бы свое знание Шекспира на его миллионы».

•Вандербильт хочет быть родоначальником

Какой бы головокружительной и всепоглощающей ни была

карьера Коммодора, она не помешала ему обзавестись семьей. Еще в юности, к величайшему неудовольствию родителей, которые опасались скверных последствий родственного брака, он женился на своей кузине Софи Джонсон, бывшей по характеру полной противоположностью тому, кто стал ее мужем. Она была робкой, совестливой, а главное, неспособной выносить тот чудовищный образ жизни, который навязывал ей супруг. Тем не менее она подарила Вандербильту одиннадцать детей - трех сыновей и восьмерых дочек, к которым он относился совершенно по-разному.

•Старший сын, забота и надежда

О дочерях можно не говорить, так как он не обращал на них внимания. Им не суждено было носить, а тем паче передать своим детям отныне прославленную фамилию Вандербильт, и потому они значили для него настолько мало, что он лишь упомянул их в своем завещании. Все его заботы сосредоточились на мальчиках, ко тоже не в равной степени: образ мыслей у него был совершенно патриархальный, так что подлинный интерес он питал лишь к старшему. Младшего, Джорджа Вашингтона, он даже не подпускал к делам и позволил ему стать офицером. Второго сына, Корнелиуса Джере-мая, который страдал эпилептическими припадками, он с трудом выносил из-за мягкости характера. Все свои заботы он сосредоточил на Уильяме Генри, наследнике престола.

•Юный спартанец

Правда, положение наследного принца для бедняги Уильяма Генри было отнюдь не синекурой. Корне-лиус, в каком-то смысле гордившийся своим низким происхождением, тем не менее желал основать блистательную династию и стать для своих потомков чтимым героем. Потому он решил дать старшему сыну суровое воспитание, чтобы подготовить его к предназначенной ему миссии. «Ты должен проявить себя»,-объявил он сыну, когда тому исполнилось восемнадцать лет. И в тот же день, что называется, выставил его за дверь, точь-в-точь как бросают в воду щенка. «Тебе надо научиться выпутываться своими средствами». Его братья и сестры жили во дворце на Стейтен-Айленд, наслаждаясь радостями йо!се *уНа,* доступной лишь немногим счастливцам Нового Света, а бедняга Уильям обитал в более чем скромных условиях в мансарде, живя на нищенское жалованье, которое он получал за службу в безумно завлекательной должности младшего бухгалтера.

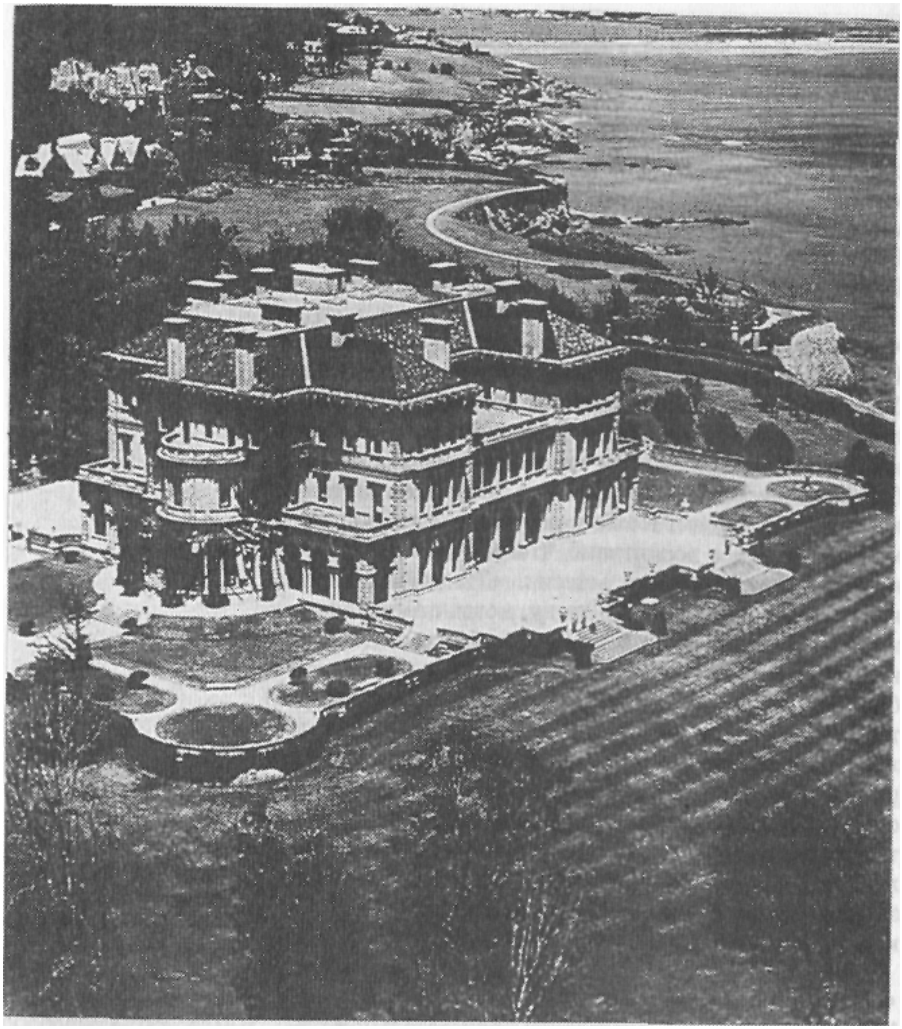
Голубая кровь...

Заключенный в 1895 г. брак Консуэлы с девятым герцогом

Марлборо стал для Йандербильтов своего рода признанием. Они старательно восполняли изъяны воспитания и образования, которых так не хватало основателю династии. Для герцога Марлборо это тоже оказалась неплохая сделка. Он смог восстановить свой замок Бленхайм и получил приданое в два с половиной миллиона долларов.

•Корнелиус Великолепный

Желание стать родоначальником блистательной династии у потомка нищего Яна Арстона сочеталось со страстью к грандиозности, граничащей с манией величия. Подобно государю эпохи Возрождения, Корнелиус вместе с миллионом тремястами пятьюдесятью тысячами долларов (таково было его состояние к концу жизни) обрел несуразную склонность к монументальности. Дабы удовлетворить ее и заставить воссиять свое имя в грядущих столетиях, он купил на Гудзон-стрит участок земли, где возвел трехэтажный дом, украшенный треугольным фронтоном, на котором добрые нью-йоркцы могли лицезреть его бронзовую статую, восседающую на троне



Построенный Вандербилыами в 1895 г. **«летний домик»** на семьдесят комнат не отличается скромностью.

наподобие античного бога в окружении символов его могущества-паровозов, пароходов, морских якорей и всевозможных железнодорожных вагонов. Не боясь показаться смешным, Вандербильт устроил торжественное открытие дома. Все официальные лица были приглашены на церемонию. И все они приняли в ней участие, а Оукли Холл произнес приличествующую случаю речь, которую завершил так: «Пусть этот дом устоит в бурях и воссияет под солнцем грядущих веков».

•Наследство

Когда в мае 1876 г. Коммодор окончательно слег и его врач предсказал скорый конец, в равной мере встревожились и спекулянты на У о лл-Стрит, и младшие дети миллиардера. Первые опасались, как бы после смерти железнодорожного и

пароходного магната его наследники не решили продать часть принадлежащих им акций, что привело бы к катастрофе на бирже. Дети же боялись, что старик обделит их в пользу старшего сына. Но после вскрытия завещания биржевые спекулянты смогли облегченно вздохнуть. В особой статье завещания оговаривалось, что ни одна часть наследства не может быть продана. Уолл-Стрит мог перестать дрожать. Зато опасения младших детей вполне оправдались. Наследства их практически лишили. Из ста пяти миллионов долларов девяносто были завещаны Уильяму Генри.

•Взлет

Спартанское воспитание, которому подверг своего старшего сына Коммодор, принесло плоды. Наследник оказался на высоте задач, которые ему предстояло выполнить. Пусть другими, куда более мягкими методами, но он продолжил дело отца и столь успешно, что со временем прослыл «самым богатым человеком в мире».

Так же, как и отец, он думал о том, чтобы имя Вандербильтов сияло в веках. На Род-Айленд за каких-то три миллиона долларов он возвел «флорентийский» дворец, превосходивший размерами и уродством «греко-готическуюэ резиденцию отца.

Мягкие манеры

Легендарной грубости своего отца Уильям Г. Вандербильт предпочитал мягкость. В 1877 г., когда все железнодорожники США объявили забастовку, он удержал своих рабочих от присоединения к ней, дав им прибавку к жалованью на общую сумму сто тысяч долларов.

•Признание

Бьющая в глаза роскошь, естественно, не могла избавить Вандербильтов от репутации выскочек-

нуворишей, которая после Корнелиуса прочно пристала к ним. Самое неприятное, что старинные американские фамилии давали это почувствовать Уильяму Генри и его наследникам, чуть только появлялась возможность. Подобно жителям пустыни - эмирам, которые видят во сне траву, зеленеющую вокруг их дворцов из «Тысячи и одной ночи», Вандербильты мечтали лишь об одном: получать наравне с Асторами, Дюпон де Немурами и прочими Рокфеллерами приглашения на самые изысканные приемы нью-йоркского высшего света.

Но поскольку все их попытки проникнуть в свет наталкивались на неизменную высокомерную сдержанность,

пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. Стали изыскивать возможность улучшить фамильную родословную. Наводились справки по альманахам европейского дворянства в поисках претендента, нуждающегося в позолоте родового герба, а таких было немало. Но чтобы произвести впечатление на американский высший свет, для которого определение «нувориш» отнюдь не приравнивалось к дворянской грамоте, требовался титул старинный, украшенный не менее чем графской короной. Наконец Элва, жена Уильяма Киссама, внука Коммодора, нашла редкостную птицу. Девятый герцог Марлборо, чей родовой замок пришел в совершенный упадок, искал родственную душу. Ему представили юную Консуэлу Вандербильт. В 1895 г. был заключен брак, сумма приданого составила два с половиной миллиона долларов. Консуэла Вандербильт произвела на свет десятого герцога Марлборо. И Вандербильты оказались в свойстве с герцогом.

После того как кровь Корнелиуса смешалась с кровью Вильгельма Завоевателя, перед кланом Ван-дербилътов раскрылись все двери. Говорят, они воспользовались этим с величайшей корректностью, выказав примечательную сдержанность и хороший вкус. Положение обязывает.

Джон Дейвисон Рокфеллер

(1839-1937)

Спрут **американского** капитализма

Рокфеллер делал свое состояние так же, как его мать, истая протестантка, прокладывала путь на небо-методично, трезво и упорно.

Права человека

«Права человека должно ставить превыше дивидендов-. Таков девиз семейства Рокфеллеров. Его сформулировал сын нефтяного короля.

• Доктор-чудотворец

Чистую душу Элизы Рокфеллер постоянно терзал страх, верней, два страха, которые лишали ее сна. Первый - что непристойные мысли, украдкой пробиравшиеся в голову, несмотря на все усилия не допустить их, увлекут ее на скользкую наклонную плоскость вечной погибели (Элиза была протестантка). Второй, еще более ужасный, чем первый,- что сын Джон Дейвисон станет таким же, как ее супруг, эта похотливая скотина Уильям, чья репутация такова, что стоит произнести его имя, как тут же люди начинают обмениваться понимающими улыбками и кто-нибудь да отпустит сальную шутку. Элиза и Уильям Рокфеллеры составили дивную супружескую пару,

живущую, как кошка с собакой. Элиза принадлежала к тем высоко добродетельным американкам, которые рожают с наслаждением, зачинают в страдании и, похоже, больше, чем небесное блаженство, любят тернистый путь, который, как известно, к нему ведет. Пила она только воду, ела лишь для того, чтобы поддержать телесные силы, и самым любимым ее времяпрепровождением было сидеть на жесткой скамье в баптистском молельном доме и распевать псалмы. По воскресеньям Уильям, если он по чистой случайности оказывался в Ричфорде, охотно сопровождал ее к службе. Там он во все горло пел с серьезным, сосредоточенным видом, который, по правде сказать, никого не мог обмануть. Мощный, заросший волосами, с головой фавна, сидящей на бычьей шее, он предпочитал дому молитвы, пользующиеся скверной репутацией бары и другие, более веселые дома. Любил Уильям вонючие сигары, низкопробное виски и столь же низкопробных женщин легкого поведения.

Уильям Рокфеллер, больше известный под именем Биг Билл, жил с грехом пополам, а скорей даже и без «пополам», профессией шарлатана. В середине XIX в. подобных ему было немало. Он разъезжал

по стране в повозке, запряженной тощей, скелетообразной кобылой. Дабы выглядеть значительней, он присвоил себе без всякого на то права пышное звание лектора медицины и продавал на ярмарках эликсир собственного изготовления, равного которому, по его словам, не было и быть не могло. Бальзам этот, составленный благодаря знанию особого секрета и тайн алхимии, излечивал зубную боль, чесотку, цингу, насморк, простуду, оспу, сифилис и даже рак «вне зависимости от того,-как уточнял он,-кого постигли эти болезни: белых, чернокожих, краснокожих или домашний скот». Некоторые пациенты излечивались, особенно если воздерживались от питья эликсира, некоторые умирали.

Продавая свой сомнительный товар, «доктор» Рокфеллер, обладавший коммерческой жилкой, зарабатывал вполне приличные деньги, которые тут же спускал на виски, женщин, а главное, в рискованных спекуляциях. И наконец произошло то, что должно было произойти: Биг Билл подвергся судебному преследованию и был приговорен к уплате крупного штрафа. За душой у Уильяма не было ни цента и на его дом в Кливленде и на все его имущество наложен был арест.

Примерная оценка

В 1925 г. состояние Джона Д. Рокфеллера оценивалось по данным, приведенным в «Нью-Йорк Тайме», в 6 277 669 долларов. Еще долго оно оставалось самым крупным в Соединенных Штатах. Следовавший сразу же за ним Генри Форд со своими «жалкими-2 608 806 долларами выглядел просто бедняком.

• **Черный хлеб**

Небеса услышали молитвы Элизы о том, чтобы сын был похож на нее, а не на отца. Джон Д. Рокфеллер с детства и до самой смерти оставался воплощением пуританских добродетелей и занудства. Он не пил, не курил и, в отличие от своего отца, не интересовался ни молоденькими цветущими девушками, ни безнравственными доступными женщинами. Время свое он делил между школой в Кливленде, где изучал бухгалтерию, и баптистской церковью в Рич-форде, где как добровольный служка проводил свободное время за духовными песнопениями и чтением псалмов; само собой разумеется, подобная жизнь не располагала к легкомысленному времяпрепровождению.

Если от отца он получил дар зарабатывать деньги, то от матери унаследовал не менее полезную способность никогда не тратить их попусту. Пока другие дети носились по улицам и играли в шарики, Джон Дейвисон постигал таинства выдачи ссуд под проценты и коммерческих операций - занятий, которые он с младых ногтей предпочитал играм и забавам. Когда ему было восемь лет, он восхитил

Элизу, купив несколько индюшек, а затем перепродав их с немалой прибылью, каковую положил в копилку.

В тринадцать лет копилку он разбил и ссудил все свои сбережения соседу-фермеру под вполне ростовщический процент. И наконец в шестнадцать лет, бросив учебу, он с ликованием вступил на профессиональную стезю, получив блистательную, должность бухгалтера в фирме, занимающейся торговлей зерном.

•Служка желает отправиться в самостоятельныйполет

Джон Д. Рокфеллер исполнял все заветы религии: вел аскетическую жизнь и делал на службе гораздо больше, чем от него требовали, так что хозяева, совершенно естественно, весьма ценили его. Хьюитт и Татгл (таковы были их фамилии) не жалея похвал, поручали юному бухгалтеру самые ответственные дела своей фирмы, но им и в голову не приходило повысить ему жалованье. Юноша, однако, знал, что рожден не для того, чтобы оставаться наемным служащим, и потому молчал. У него всегда была мечта завести собственное дело, где он был бы полным хозяином. И всего через год после поступления на службу он решился рискнуть и сделал решительный шаг.

Начальное обучение»

Еще ребенком Джон Д. получил барыш в 3,5 доллара, дав скопленные им деньги в долг одному фермеру. Впоследствии он говорил: *В тот день я понял: глупо работать за деньги, надо, чтобы деньги работали за вас

•Бизнес есть бизнес

Джон Д. пошел к отцу. «Папа, ты можешь одолжить мне тысячу долларов?» Старый Биг Билл удивленно воззрился на сына. Тот еще ни разу не обращался к нему с подобной просьбой. Он пребывал в нерешительности. Но после некоторого раздумья улыбнулся, видимо, подумав, что Джон залез в долги и вообще начал жить, как настоящий мужчина, то есть как он сам, иными словами, стал не чураться радостей жизни, ходить по салунам и бегать за бабами. Но старика постигло разочарование, потому что юный его отпрыск с самым серьезным видом объяснил: «Это для дела, папа. Я хочу начать собственное дело». Для Уильяма Рокфеллера все способы пускать деньги на ветер были равно хороши. Он согласился, но поставил условие: «Заключим договор. Эти деньги будут в твоем распоряжении до твоего совершеннолетия, но, начиная с сегодняшнего дня, ты мне будешь выплачивать десять процентов годовых. О'кей? Бизнес есть бизнес! Не правда ли, сынок?»

165

Джон согласился и немедленно взялся за работу. Вместе с компаньоном-англичанином по фамилии Кларк он обосновался в Кливленде и основал «Кларк, Рокфеллер энд К°» - небольшую транспортную фирму по перевозке товаров, конкурирующую с фирмой, из которой он уволился и в которую никто не рискнул бы вложить ни *цента.* Спустя год оборот новой фирмы достигал пяти тысяч долларов, и она приносила каждому из компаньонов по две тысячи двести долларов. А через три года Джон стал в Кливленде весьма заметной фигурой; все предсказывали ему блистательное будущее, и банкир Трумэн Ханди, подозрительный и осторожный, как койот, без всяких колебаний предоставил ему кредит.

Воспоминание о первом опыте, трансформировавшееся в образ

Для Джона Д. индюк стал своеобразной эмблемой. Индюки разгуливали по его саду. И зачастую своих клиентов он превращал тоже в индюков.

•Филемон и Бавкида, брак по расчету

Когда Джон Д. наконец счел, что дела у него идут достаточно хорошо, он позволил себе на некоторое время оторваться от своих

бухгалтерских трудов, чтобы серьезно заняться личной жизнью и найти себе жену, которая будет способна помочь ему в его честолюбивых устремлениях. В Кливленде трудностей с выбором у него не было. Здешние девицы, воспитанные в самых суровых пуританских традициях, все имели прекрасное образование и были безупречны по части непорочности. И тем не менее он отметил одну, которая показалась ему куда непорочней, чем остальные. Ее звали Лора Селест Спел-ман; она не переносила сигарного дыма, в рот не брала спиртного, не любила театра, не читала романов, отличалась непритворной набожностью, и притом в каждом ее поступке проявлялась скупость, по меньшей мере равная скупости самого Рокфеллера. При первой же встрече они окинули друг друга оценивающим взглядом барышника, обменялись сухими улыбками и вскоре заключили брак по расчету, который за шестьдесят пять лет его существования не омрачило ни единое облачко.

•Черное золото

Уже сама по себе кливлендская фирма могла обеспечить молодой паре безбедное существование, но тут почти одновременно произошли два события, которые совершенно перевернули жизнь. Первым было изобретение керосинового освещения, вторым-открытие «полковником» Эдвином Дрейком

166

гигантского месторождения нефти на Ойл Крик в Пенсильвании. Во всем мире отказывались от свечей и переходили на керосин, изготавливавшийся из нефти, которая до той поры использовалась лишь как средство, впрочем, крайне малоэффективное, от ревматизма.

В несколько месяцев Ойл Крик заполонила сто-пятидесятнтысячная орда искателей нефти. Повсюду в долине вырастали временные поселки, деревянные бараки, гостиницы. Они строились за одну ночь; в них кишели толпы авантюристов, искателей богатства, а также непременных их спутников-грабителей и девиц легкого поведения; звучали револьверные выстрелы, валялись изрешеченные пулями трупы.

Нюхом, каким обладают все создатели крупных состояний, Джон Рокфеллер тотчас учуял, что там можно сделать нечто совершенно очевидное, о чем просто никто еще не подумал. Он решил отправиться туда и присмотреться поближе.

Удачливый нефтедобытчик

Эдвин Дрейк прежде был начальником поезда. Все свои сбережения он вложил в «Пенсильвания Рок Ойл Ком-пани*. По приглашению этой компании он приехал в Титусвиль, чтобы вести разведочное бурение. Он первый наладил и применил

систему глубинного бурения. Скважина дошла до глубины двадцать три метра, когда наконец пошла нефть. Всего за день из земли вылилось примерно двадцать баррелей «черного золота», которое было безвозвратно утрачено. Удачливый нефтедобытчик не подумал обзавестись резервуарами для сбора нефти.

• **Титусвиль**

Остролицый, в поношенном костюме, странно смахивающий на факельщика из погребального бюро, Джон Дейвисон исходил на своих тощих ногах все грязные тропинки долины и замусоренные улицы Титусвиля. С Библией в кармане, в шелковом цилиндре на голове, он выделялся каким-то невероятным достоинством в толпе искателей нефти, от которых чаше пахло виски, чем нефтью. Он осторожно перешагивал через трупы, во время перестрелок старался не попасть под пулю, а при встрече с женщинами легкого поведения стыдливо отворачивался. И с поразительным хладнокровием наблюдал за нефтедобытчиками и их неуклюжими стараниями извлечь из земных глубин то самое «черное золото», которое, как они надеялись, сделает их всех миллионерами. Очень скоро он увидел, что эти бедолаги, с неимоверным трудом ведущие бурение зачастую совершенно случайными и мало приспособленными для этой цели механизмами, не озаботились запастись ни емкостями для сбора нефти, ежели таковая пойдет из скважины, ни средствами для ее транспортировки, а главное, для перегонки. В Кливленд он возвратился в лучезарном настроении: он нашел способ сделать настоящее состояние. И сразу же по возвращении он убедил компаньонов ринуться вместе С ним в авантюру.

***Ликвидация кампании**

«На добыче нефти сделать большие деньги не удастся,-объявил он Кларку,-Имея сто пятьдесят тысяч конкурентов, по-настоящему не разбогатеешь. Так что оставим этим болванам тратить там Свои силы и деньги, а сами займемся хранением и перегонкой нефти». Кларк, в отличие от своего компаньона, уже погряз в рутине. Успех их первого Предприятия его вполне удовлетворял, и у него не было ни малейшего желания рисковать; более того, он уже сожалел, что принял участие в покупке нефтеперегонного завода. Он отказался, не без некоторого даже юмора: «Если тебе так невтерпеж разориться, нам придется ликвидировать компанию».

«Хорошо»,-с полным спокойствием согласился Джон Д.,

поскольку заранее предвидел реакцию компаньона и предусмотрительно обеспечил себе поддержку многих банкиров. «Я выхожу из дела. Надо дать в „Кливленд лидер" объявление о ликвидации компании». Что и было сделано. Акции Рокфеллера были проданы. И он за семьдесят две тысячи пятьсот франков стал единственным владельцем нефтеперегонного завода в Кливленде. Прощаясь с компаньоном, он дружески пожал ему руку и сказал: «Морис, я думаю, ты совершил ошибку, не пойдя со мной. На этот раз я на пути к настоящему богатству».

Клуб миллиардеров

Уже в 1864 г. положение Джона Д. Рокфеллера было настолько прочным, что он был принят в «Кливленд Юнион Кпаб». Это был закрытый клуб, членами которого состояли самые богатые •джентльмены* города.

•Стандард Ойл оф Огайо

Мрачные корпуса нефтеперегонного завода Рокфеллера, как и остальные такие же заводы в Кливленде, стояли на берегу озера Эри, и туда по железной дороге бесперебойно поступала сырая нефть, в изобилии хлещущая из всех скважин штата Пенсильвания. Но одно дело стать владельцем завода, куда регулярно поступает сырье на переработку, и совсем другое-добиться его бесперебойной работы. Джон прекрасно знал коммерцию и бухгалтерское дело, но не имел ни малейшего представления о технической стороне перегонки нефти - дела пока еще совсем нового. Так что обзавестись сведущими компаньонами стало для него вопросом первостепенной важности. Он подыскивал их с таким же тщанием и осторожностью, с каким выбирал себе жену, и нашел двух инженеров - Фланджерса и Андруса.

Оба они не курили, не пили, не якшались с безнравственными женщинами и могли посоперничать

168

с Рокфеллером цинизмом в делах и строгим соблюдением религиозных обрядов. Троица компаньонов вскоре создала группу, тем более прочную, что в соответствии с пожеланием Рокфеллера их «дружба» основывалась исключительно на выгоде. Дабы сотрудничество было более тесным, они снимали квартиры в одном доме и даже-из соображений экономии-арендовали общую скамейку в бапт тистской церкви города. Контора их находилась в доме 341 по Эвклид-авеню, где 10 июня 1870 г. они официально основали компанию с капиталом в один миллион долларов, название которой станет известно во всем мире • «Стандард Ойл оф Огайо».

•Образцовый нефтеперегонный завод

В Рокфеллере не было ничего от анархиста. От матери он унаследовал болезненную страсть к порядку, и потому вид нефтеперегонных заводов на берегу Эри приводил его в отчаяние. С сокрушением смотрел он на рабочих, шлепающих по лужам нефти, на плохо сбитые бочки, из которых вытекает содержимое, на переполненные сверх меры перегонные колонны. И вот тогда он понял, что порядок, методичность и чистота-необходимейшие условия, для давно задуманного им плана поглощения всех конкурентов. «Стандард Ойл» занялась своим туалетом. На заводе производились цистерны, которые не протекали и которые Рокфеллер, уже тогда заботившийся об имидже фирмы, велел окрасить в яркий, хорошо узнаваемый синий цвет. Здесь систематически использовались все отходы, здесь не пропадало ни капли нефти. Через некоторое время доходность завода зримо увеличилась, и у Джона Д. были развязаны руки для перехода к следующему пункту своей программы-систематическому устранению конкурентов.

Один баррель равен 159 литрам нефти.

Тайдуотер Пайплайн Компани

Чтобы защититься от «спрута», группа нефтепромышленников основала «Тайдуотер Пайплайн Ком пан и», которая использовала новую систему транспортировки нефти - нефтепровод. Рокфеллер всеми способами пытался помешать его строительству. Дело доходило до применения оружия, до стрельбы. В конце концов он нашел выход, удовлетворивший всех- купил .Тайдуотер Компани»! Через несколько лет 90 % всех нефтепроводов принадлежали ему.

•Спрут

Оливер Пейн, бывший полковник армии северян, был владельцем самого крупного нефтеперегонного завода в Кливленде. Этот всеми уважаемый джентльмен делил свое сердце между патриотизмом и честолюбием; к Рокфеллеру он относился крайне сдержанно, не прощая ему ни его экономического динамизма, ни равнодушия, проявленного во время войны между Севером и Югом. Так что он не выказал особой радости, когда лакей доложил о визите

молодого владельца «Стандард Ойл» -. Джон Д., разумеется, ничуть не огорчился сдержанным приемом и вежливо, но холодно изложил цель своего прихода: «Я намерен в ближайшее время перекупить все без исключения нефтеперерабатывающие заводы Кливленда. На каких условиях вы согласились бы продать свой?» Отставной полковник поначалу счел услышанное неудачной шуткой. Но, всмотревшись в бледное лицо, унылый нос и серые

глаза собеседника, понял, что тот явно не относится к шутникам. *На каких условиях я согласен продать вам свой завод?*-недоуменно переспросил он.-4Да,-подтвердил молодой человек.-У вас есть выбор: либо продать его сейчас, либо через несколько недель объявить себя банкротом».

С этими словами он протянул полковнику листок бумаги, предлагая прочесть, что там написано. Пейн пробежал глазами текст, мрачно взглянул на Рокфеллера и со вздохом бросил: «О'кей. Ваша взяла».

• Секретные соглашения

Талейран говорил: «Лучше быть крупным мошенником, чем мелким негодяем». Бумага, которую Рокфеллер протянул полковнику, была наилучшим подтверждением этого высказывания. Цинизм и полнейшая бессовестность будущего нефтяного короля даже восхитили жертву. «Такому человеку,-подумал Пейн,-остается только уступить». А бумага эта была соглашением, которое Джон Д. во время окутанной тайной поездки в Нью-Йорк заключил с тремя железнодорожными компаниями, обеспечивавшими доставку нефти из Пенсильвании в центры ее переработки.

Уже в 1872 г. Рокфеллер понял, что за эйфорией первых дней неизбежно последует кризис, и потому он, чтобы уцелеть, должен убрать всех без исключения конкурентов. Чтобы удерживать цены на самом низком уровне, он систематически урезал все расходы, и его завод уже давно был самым рентабельным в Кливленде. Но он хотел захватить монополию на рынке, и потому ему нельзя было стоять на месте. В ту пору железные дороги находились в руках трех человек, которые, выражаясь деликатно, не обременяли себя соображениями совести. Полковник Скотт, владелец «Пенсильвания Рейлроад», и Джей Гулд, хозяин «Эри Рейлроад» делили между собой поставку сырой нефти в Питтсбург и Филадель-

Джон Рокфеллер в 1925 г. с сыном, на которого он возложил управление империей, посвятив все свое время игре в гольф и

благотворительности.

После «краха- секретных соглашений «Стандард Ойл оф Огайо- перерабатывала 20 % американской нефти.

фию; Коммодор Вандербильт имел монополию на перевозки в Нью-Йорк и Кливленд, И поскольку эта троица могла посоперничать с Рокфеллером по части цинизма, стороны очень быстро заключили между собой секретное соглашение. Соглашение, которое можно назвать актом экономического разбоя: в нем не только предусматривалось, что стоимость транспортировки барреля нефти для «Стандард ОЙл» будет снижена с 2,27 до 1,15 доллара при одновременном удвоении, а то и утроении тарифов для конкурентов, но и то, что часть полученных от

171

такого увеличения цен денег будет вложена в предприятие Джона Рокфеллера, Иными словами, бесповоротно приговоренные к разорению конкуренты приносили бы тем больше денег «Стандард Ойл», чем дальше и активнее пытались бы выбраться из приготовленной им западни. Даже Маккиавели лучше бы не придумал!

Джон нанес поочередно визиты всем владельцам нефтеперерабатывающих заводов Кливленда и вежливо и холодно предложил ту же сделку, что и полковнику Пейну, всякий раз завершая свою речь столь же пуританскими, сколь и лицемерными словами, хотя и не лишенными здравого смысла: «Чтобы оздоровить экономику Соединенных Штатов, необходимо избавиться от всех слабых и неприспособленных. Реорганизовать рынок нефти-это наш патриотический долг». Кое-кто из «слабых и неприспособленных» возмущался подобной «реорганизацией», несшей им гибель. Иные впадали в неудержимый гнев и, потеряв над собой контроль, осыпали ругательствами вестника их разорения. Но Рокфеллер оставался невозмутимо спокоен. Глядя на своих жертв маленькими бесцветными глазками, он медленно цедил слова, которые падали, как нож гильотины: «Вы совершаете ошибку, не присоединяясь к нам. В нефтяной промышленности не будет места ни мелким предпринимателям, ни одиночкам». В конце концов все уступали, и уступали тем быстрей, что в большинстве случаев сделка оказывалась для них выгодной. Джон Д. Рокфеллер, при всем том, что был настоящей акулой, не ставил себе целью разорить конкурентов. Он делал их своими компаньонами, и доход они при этом получали куда больший, чем могли бы им дать их агонизирующие предприятия.

Голубая кровь

Как и большинство миллиардеров Нового Све-тэ, Рокфеллеры в один прекрасный день возмечтали обрести то единственное, чего им недоставало и что не могли дать никакие деньги - благородное происхождение. Тем не менее они решили сделать попытку и остановили свой выбор на старинном и прославленном лангедокском роде де Р., чье начало теряется во мраке прошлого. Пользуясь сходством фамилий, они через посредников поинтересовались, не согласятся ли гг. де Р. признать родство с ними. Однако де Р. традиционно предпочитали звон оружия и славу Баллоны звону монет. Они учтиво отклонили предложение. На том все и закончилось.

• **Тайное становится явным**

Благодаря этому секретному соглашению Рокфеллер осуществил свой двойной план: завладел всеми нефтеперерабатывающими заводами Кливленда и оздоровил промышленность, которая до сей поры пребывала в полнейшей анархии. Дела его шли все лучше и лучше, поскольку, став почти монополистом и умея извлечь из этого положения все возможные выгоды, он мог по собственному произволу снижать закупочные цены на нефть и соответственно увеличивать свои доходы.

172

К сожалению, он не учел один фактор, который в капиталистической экономике приобретает определяющее значение - общественное мнение. Секретное соглашение между «Стандард Ойл» и «железнодорожными баронами» было заключено под прикрытием подставной фирмы, именующейся «Саут Импрувемент». То ли вследствие болтливости, то ли кто-то решил отомстить-этого уже никогда не узнать,-но весной 1872 г. американской прессе стало известно про секретное соглашение, и она дюймовыми буквами с негодованием оповестила США о сговоре «кливлендского спрута» и «железнодорожных баронов».

• **Спрута на фонарь!**

Несложно вообразить себе, в какую ярость пришли производители нефти, годами возившиеся в грязи, а через какое-то время вдруг обнаружившие, что со снижением закупочных пен вся их прибыль уплывает от них. Они организовывали грандиозные демонстрации и под яростные крики: «Смерть акулам! Долой заговорщиков!»-вынудили Конгресс Пенсильвании внести в конституцию штата дополнительную статью, объявляющую противозаконной практику мошеннического перевода денег из компании в компанию. После чего, объединившись в союз, постановили не отправлять больше ни капли нефти «Стандард Ойл оф Огайо».

Рокфеллер внимательно прислушивался к этим воплям, тем паче что был чуть туговат на ухо. Нимало не обеспокоенный ни ненавистью толпы, которая вздернула на фонарь его чучело, ни угрозами смерти, которые десятками ежедневно приходили ему по почте, он решил все же затаиться и переждать бурю. К несчастью, у его сообщников нервы оказались не такими крепкими. Они приняли решение расторгнуть соглашение и начать переговоры с производителями нефти, которые в количестве трех тысяч человек собрались в одном нью-йоркском театре и требовали равенства цен. У Рокфеллера не было другого выхода, и он тоже согласился участвовать в переговорах. В окружении телохранителей он приехал в Нью-Йорк с намерением принять участие в митинге, однако был встречен гиканьем и свистом, поэтому даже не стал входить в театр и возвратился домой.

Бойкот продолжался шесть месяцев, нефтехранилища «Стандард Ойл» опустели, положение стало

катастрофическим. Джон Д. решил уступить. Он телеграфировал союзу нефтепромышленников, что у него «более нет никаких секретных соглашений ни с какой бы то ни было железнодорожной компанией». Поставки нефти тотчас же возобновились, и Джон Д. Рокфеллер, отделавшись легким испугом, принялся доводить до совершенства другие способы недобросовестной конкуренции.

Семейный очаг

В 1880 г. Джон Д. построил в Нью-Йорке унылый дом, который в сравнении с -дворцами-Вандербильта, Форда и Меллонов выглядел весьма жалко. Жил он там замкнуто и скучно, по-пуритански, следя за нравственным воспитанием детей.

• **Первый способ: трест**

Рокфеллер, хотя и вынужден был пойти на попятный, тем не менее очки набрал. За те полгода, что действовало секретное соглашение, производство «Стандард Ойл» выросло с полутора тысяч баррелей в день до десяти тысяч, и многие владельцы нефтеочистительных заводов вынуждены были уступить ему свои предприятия.

Когда же буря прошла, он с полным правом мог предсказывать: «Мы выиграли войну за нефть и через год станем хозяевами мирового рынка». И он продолжал неудержимый подъем, вынуждая последних конкурентов, объединившихся в Ассоциацию нефтеперегонных предприятий, поочередно вливаться в «Стандард Ойл», и вкладывал капиталы во все сферы

деятельности, связанные с нефтью. Наконец эта империя-спрут обрела законное существование: второго января 1892 г. Рокфеллер создал «Стандард Ойл Траст», и материнская компания в Кливленде стала всего лишь простым филиалом этого треста.

Предприятие Джона Д. Рокфеллера, внедрившееся во всех штатах, обрело такую власть, что в конце концов это обеспокоило многих американских политиков. Против хозяина «Стандард Ойл», вызывавшего просто невероятную ненависть, возбуждались судебные процессы по обвинению в использовании принуждения и угроз и в противозаконной коммерческой деятельности. Наконец в 1890 г. американский Конгресс принял закон Щермана, более известный как антитрестовский закон, главной целью которого была ликвидация империи Джона Д. Рокфеллера. Пятнадцатого ноября 1911 г. Верховный суд Соединенных Штатов постановил прекратить деятельность треста, квалифицированного как «опасная корпорация» и «заговор». Приговор обязал «Стандард Ойл» дать автономию всем своим филиалам, что, впрочем, нисколько не уменьшило власти его владельца, так как он сумел позаботиться о том, чтобы «прекращение деятельности» оказалось чисто теоретическим.

174

•Еще богаче

До конца XIX в. производство керосина для освещения было основной сферой деятельности нефтяной промышленности. Появление электрического освещения грозило ей гибелью. Многие финансисты встревожились и сочли благоразумным покинуть этот сектор. Но это было не в правилах Рокфеллера. «Я сделал состояние на нефти,-заявил он,-и никогда не изменю ей». И он оказался прав. Начавшееся через несколько лет развитие автомобильной промышленности дало его империи возможность охватить своими щупальцами весь мир и вскоре сделало его, причем надолго, самым богатым человеком на свете.

Культура наравне с бизнесом

Не довольствуясь одной лишь благотворительностью, Джон Д. был также и меценатом. Он делал дары многочисленным музеям во всем мире и весьма щедро финансировал реставрацию Версальского дворца.

Рокфеллер Центр занимает пять гектаров и включает пять зданий в самом центре Нью-Йорка. Является мозгом гигантской благотворительной организации.

***Благотворительность тоже бизнес**

Устранив всех конкурентов, обойдя все законы, грозившие

положить предел его неуемным амбициям, и обеспечив «Стандард Ойл» гегемонию в мировом масштабе, Джон Д. Рокфеллер принял решение возложить все заботы о своей империи на сына, а самому всецело предаться двум хобби, которым до сих пор он не имел возможности посвятить ни секунды времени,-гольфу и филантропии.

Поскольку Рокфеллер никогда ничего не делал наполовину, то и хобби своими занялся с усердием, граничащим с исступлением. Начиная с 1900-го и вплоть до тридцатых годов, он, словно исполняя некий священный ритуал, ровно в десять в сопровождении двух слуг, несущих клюшки, выходил из своего дома в Покантико-Хилл и направлялся на площадку для гольфа, где неторопливо гонял мяч по зеленой траве. Что же до филантропии, то он ее поставил чуть ли не на промышленную основу. Под влиянием одного протестантского пастора, который, вовсе не желая читать мораль, объяснил Джону Д., какой вред может принести его детям репутация «акулы», прочно приставшая к их фамилии, Рокфеллер день ото дня становился все более щедрым филантропом; щедрость его в этой сфере была сравнима с алчностью, какую он проявлял в делах, а это, прямо скажем, немало.

Благотворите льиость на ряду с бизнесом

Добрые дела -кливлендского спрута» крайне многочисленны. Назовем только основные, помня, что Рокфеллер потратил на благотворительность больше пятисот семидесяти пяти миллионов долларов:

фонд Рокфеллера, цель которого облепить беды человечества;

институт Рокфеллера, занимающийся медицинскими исследованиями;

Чикагский универси-

• Конец гиганта весом в 50 килограммов

В 1937 г. состояние Джона Д. Рокфеллера перевалило за полтора миллиарда долларов. Несмотря на свои девяносто семь лет, он отличался превосходным здоровьем и надеялся дожить до ста. Единственно только какая-то странная болезнь уничтожила его волосяной покров. У него не осталось ни единого волоска ни на голове, ни на подбородке, ня на теле. Выходил он, укутанный в плотную одежду, придававшую ему вид мумии, отчего его легко узнавали журналисты, которых он терпеть не мог, опасаясь их навязчивости и нескромности.

23 мая 1937 г. Америка узнала, что в Ормонд-Бич во Флориде

скончался человек, которого привычно называли «анаконда», * гиена тропиков», •«колорадский шакал», «кливлендский спрут», «амазонский крокодил». Она искренне оплакивала его.

Добродетель, равная таланту в делах

У нефтяного короля был единственный сын, которому он передал не только фамилию, но даже и оба имени, до того ему хотелось основать династию. Джон Д. Рокфеллер Второй был добродетельным, работящим пуританином, протестантом и таким же скупым, как его отец. А поскольку он сумел воспитать свое многочисленное потомство в любви и к достатку, и к добродетели, дети его смогли еще более увеличить семейное состояние.

Кризис

Связанные практически лишь с сельскохозяйственными факторами экономические кризисы до промышленной революции были в определенной степени ограничены во времени и в пространстве. Какими бы тяжелыми они ни оказывались, они никогда не принимали общемирового размаха и характера, какой приобрели на исходе XIX в. с развитием крупной промышленности и капиталистической системы. При этом типе экономики очень многие факторы способствуют усилению и интернационализации кризиса. Свободная циркуляция капиталов, взаимозависимость денежных и банковских систем, нарастание взаимообменов- вот те явления, которые, способствуя увеличению динамизма экономики, в то же время способствуют появлению в ней катастрофических сбоев. С самого своего возникновения и в продолжение всего XIX в. свободный капитализм знал более или менее тяжелые кризисы, но никогда еще они не обретали размеров общего краха капиталистической системы, как это произошло в 1929 г.

Кризис 1929 г. был самым тяжелым из всех, что потрясли капиталистический мир. Многих финансистов он вынудил совершить самоубийство, пролетариат был низвергнут в нищету, а мир полетел ко Второй мировой войне. Разразился он, как гром с ясного неба. Трагедия, потому что это действительно была трагедия, случилась совершенно неожиданно в четверг 24 октября. То был знаменитый «черный четверг», который навсегда останется мрачной вехой в истории капитализма. При признаках некоторого незначительного снижения в предшествующие дни курс акций на бирже Уолл-Стрит вдруг покатился вниз. В атмосфере паники, столь же внезапной, сколь и необъяснимой, на рынок были выброшены тринадцать миллионов акций. Они потеряли от 30-ти до 50-ти процентов стоимости, а в следующую неделю падение курса шло с удвоенной быстротой, был поставлен

новый рекорд в продаже акций, число которых перевалило за шестнадцать миллионов.

Невозможно даже представить себе количество банкротств, разорившихся фирм, закрывшихся банков, людей, покончивших с собой, а главное, потерявших работу в результате падения курса. Чтобы продемонстрировать размер катастрофы, приведем несколько цифр. Между 1929 и 1933 гг. индекс промышленного производства в США упал со 100 до 48,7 %; цена на хлопок снизилась с 17,65 до 6 центов, зерна - с 98 до 40; объем промышленной продукции в Германии и США уменьшился наполовину, а во всем мире составил 36 % от уровня на период, предшествующий кризису; если принять индекс биржевых ценностей до *черно-го четверга» за 100, то в Англии он снизился до 60, во Франции - до 47, в Германии - до 40, а в Соединенных Штатах - до 25! Что до безработных, то в Америке их число достигло двенадцати миллионов, а в Германии-шести.

Разруха воспринималась тем более тягостно, что наступила после периода эйфории. Все десять лет,

последовавшие за окончанием Первой мировой войны, западные страны в своем развитии базировались на экономическом либерализме, который столь успешно обеспечивал процветание в XIX в. Технический прогресс, стремительность, с которой, казалось, шла реконструкция промышленности, создавали иллюзию, что наконец-то наступило процветание. Уверенное в будущем американское правительство позволило обществу ринуться в совершенно фантастические биржевые спекуляции и злоупотреблять кредитом. И вскоре количество ценностей, находящихся в обращении, значительно превзошло действительное богатство страны.

Чтобы выйти из положения, правительства предприняли драконовские и зачастую катастрофические меры, которые заключались в более или менее полном отказе от экономического либерализма, то есть в усилении влияния государства в ущерб частной инициативе.

Почти во всем мире на миллиардеров указывали пальцами и обвиняли их, впрочем, зачастую с полным основанием, в том, что они являются подлинными виновниками бед, которые переживает общество. Рокфеллер в Соединенных Штатах, мифические «двести семейств» во Франции пережили, как и многие другие, неприятные мгновения, но в большинстве своем сумели выпутаться из затруднительного положения.

Симон Патиньо

(ок. 1860-1947)

Патиньо Великолепный

«Я получил ногой под зад, и потому я стал богат (популярная песенка).*

«Симон, ты законченный кретин! Немедленно убирайся отсюда, и чтобы я никогда больше тебя тут не видел!» С этими словами хозяин бакалейной лавки схватил своего коротышку приказчика за шиворот, поднял в воздух и сильным ударом ногой под зад вышиб на грязную мостовую Кочабамбы. «А золотую шахту,-продолжал багровый от ярости бакалейщик,-можешь оставить себе. Это тебе от меня вместо жалованья». Он остервенело скомкал листок бумаги, швырнул его в лицо бывшему приказчику и с грохотом захлопнул дверь лавки.

Симон Патиньо (так звали этого молодого человека) осторожно поднялся с мостовой, морщась, потер пострадавшую часть тела, разгладил листок. Покачивая головой, он с отвращением смотрел на него, а сам при этом думал, как ему прокормить себя и жену, теперь, когда он лишился места. Ни на единый миг ему и в голову не могло прийти, что благодаря этому

пинку под зад, самому, пожалуй, сильному, какой ему доводилось получать, он вскоре станет одним из богатейших людей на свете.

Состояние

Трудно в точности назвать размер состояния Симона Патиньо. Некоторые детали могут дать об этом лишь приблизительное представление. Так в 1925 г., когда он был владельцем 40 оловянных рудников в Боливии, его общее состояние оценивалось в пятьсот миллионов долларов, что позволяло причислить его к десятку богатейших людей планеты.

• **«О, счастливая ошибка!»**

Бакалейщик так разъярился из-за ста девяносто двух песо. На эти несчастные сто девяносто два песо Симон без его разрешения дал товаров в кредит одному золотоискателю, о котором на городской площади Кочабамбы говорили, что он никогда не платит долгов. Узнав об этом, бакалейщик пришел в страшную ярость и пригрозил своему приказчику: ˆЗаставь его вернуть деньги, иначе я вышвырну тебя отсюда». Но у золотоискателя-индейца, само собой, в кармане не оказалось ни крупицы золота, чтобы расплатиться с Симоном. Кроме пары дырявых сандалий, драного пончо да траченого молью сомбреро, у него имелся лишь документ о праве собственности на шахту, расположенную на высокогорном плато, которая не принесла ему ничего, если не считать сожалений о ее приобретении.

ПАТИНЬО
Симон Пнтиньо
в период своего расцвета

Шахта находилась на такой высоте, что жить там из-за холода и разреженного воздуха были способны разве только ламы, да и то с трудом. «Твой хозяин может подавать на меня в суд, только проку от этого будет немного, потому что у меня нет ни песо,- сообщил Симону индеец.-Но чтобы он не думал, будто у меня нет совести, отдай ему от меня эту бумагу». С этими словами он протянул юноше документ на право владения шахтой. «Может,

благодаря этому он когда-нибудь получит назад свои деньги». Симон стоял в нерешительности. Он знал вспыльчивый нрав своего хозяина, да и индеец показался ему мошенником. Но, поняв, что ничего иного получить не удастся, он согласился на эту сделку. А часом позже он оказался в то» малоприятном положении, с описания которого мы и начали свой рассказ.

180

Потеря места была для Симона настоящей катастрофой. Этот пинок под зад вышвырнул его в нищету, из которой ему лишь чудом удалось недавно выбраться. Должность приказчика не только спасала его от голодной смерти, но и вообще была для такого паренька, как он, невероятной удачей. Симон знал, что вряд ли найдет второе такое же место, и с самыми мрачными мыслями побрел домой.

•«Боже мой, какой человек! Какой человек!..»

У него были все основания пессимистически смотреть на свое будущее, так как до сих пор судьба была к нему, мягко выражаясь, крайне неблагосклонна. Рождение его в бедном квартале Кочабам-бы было событием настолько малозначительным, что никто не удосужился записать ни час, ни день, ни меся», ни даже год, в котором оно произошло. Год рождения его определяется приблизительно: «около 1860 г>, более точной даты выяснить никому не удалось. Его отец, индеец, спустившийся с высокогорья, был в этом городке сапожником, а ремесло это трудно отнести к доходным в местах, где большинство населения ходит босиком. Семья жила в крайней нужде без всяких надежд когда-нибудь из нее выбраться.

И даже внешность не могла послужить утешением Симону за неблагосклонность к нему судьбы. Он не только был «чало», то есть метнс, полуиндеец, полу белый, но и выглядел крайне непривлекательно, даже уродливо. Ростом он был около полутора метров, с безобразным телом, короткими ручками и ножками и огромной головой. И, словно желая казаться чуть-чуть повыше, он всегда носил прическу «ежиком». «Господи, какой урод!»- воскликнули его родители, когда он явился на свет. В ту пору среди индейцев, населявших Анды, уроды пользовались скверной репутацией. Считалось, что они приносят несчастье, и обычай велел сворачивать им шею прямо в колыбели. К счастью для Симона, его отец, принявший христианство, не подчинился этому варварскому обычаю. Он ограничился тем, что несколько раз перекрестил новорожденного, обильно окропил его святой водой и, подумав, что такой маленький ребенок вряд ли съест много, оставил его жить.

•За неимением лучшего

Кроме новообретенной шахты, у Симона имелась недокормленная мулица и недокормленная жена.

181

Не видя другого выхода, как избавиться от нищеты, он посадил жену на мулицу, подбил отправиться с собою двух друзей, таких же безденежных, как оя сам, и с решимостью отчаяния стал подниматься В Кордильеры. Совершенно околев от холода во время странствия по крутым горным тропам, он наконец добрался до своих владений, «концессии Патиньо*. Она находилась на высоте четырех тысяч метров на пустынной равнине, продуваемой ледяными ветрами, где жили несколько индейцев со своими ламами.

Прибыв туда, Симон первым делом выстроил из подручных материалов хижину, чтобы укрыть от непогоды мулицу и жену, после чего начал ожесточенно копать землю. Он собрал немного черноватых камней, которые показались ему похожими на руду, и поспешил спуститься в долину, чтобы отдать свои находки на анализ, а заодно и немножко согреться. «Да, это действительно руда, в ней есть небольшой процент олова,-сказал ему старик-химик, но тут же отеческим тоном добавил:-Только имей в виду, сынок, на такой высоте ни один рудник не может быть рентабельным: слишком трудно туда добираться». Симон поморщился. Он-то надеялся, что в этой руде будет золото или хотя бы серебро. Нет, ему решительно не везло.

Кризис

В 1924г. Патиньо перевел в Нью-Йорк штаб-квартиру и все капиталы своего предприятия. Благодаря такой предусмотрительности, а главное, деловому чутью, из кризиса 1929 г. он вышел, усилив свои позиции, и во время Второй мировой войны стая главным поставщиком олова в Соединенные Штаты.

• Река состоит из капель

И все-таки Симон не пал духом. К тому же выбора у него не было. Он вернулся в горы и стал собирать черные камни. Когда их набиралось достаточно, он грузил их на мулицу, спускался в долину и продавал за несколько песо. Действовал он упорно, рейсы вниз-вверх не прерывались, и в конце концов, по прошествия некоторого времени, его торговые операции-ценою тяжелых трудов-стали приносить прибыль. На вырученные деньги Симон покупал инструменты, мулов, лам, строил новые хижины и участок за участком скупал земли иа плато, Индейцы, предусмотрительностью мало отличавшиеся от своих

длинношерстных лам, охотно продавали свои владения, удивляясь, что этот сумасшедший нашел в черных камешках, пользы от которых, по их представлениям, не было ни на грош.

И вот через семь лет упорных и тяжелых трудов Симон Патиньо оказался во главе настоящего горнодобывающего предприятия, которое, хоть и не приносило ему бешеных денег, но, вопреки предсказаниям старика-химика, было вполне рентабельным.

182

•Король олова

И тут Судьба, а верней сказать, Удача, повернулась к Патиньо лицом. Она явилась в облике одного из рабочих. В дверь кабинета Симона Патиньо однажды постучался человек, державший в руке камень. «Сеньор,-почтительно обратился он к Симону,- взгляните, что я нашел. Может, это серебро?» Патиньо схватил протянутый ему камень и стал его осматривать. Камень и впрямь отличался от руды, которую здесь добывали. Не говоря ни слова, Симон положил его в мешок, оседлал мулицу и поспешил на рудник Гуамани, чтобы провести анализ. Но это опять оказалось не серебро, и тем более не золото. Это была оловянная руда, но зато с таким содержанием олова, что и представить себе невозможно. «В ней от пятидесяти четырех до шестидесяти процентов металла,-объявил химик.- Никогда ничего подобного не видел». Такое открытие невозможно было сохранить в тайне. С быстротой молнии новость облетела всю страну, притягивая к шахте, получившей название «Сальвадора», то есть «Спасительница», банкиров, спекулянтов и разбойников с большой дороги, также желающих отхватить себе кусок пирога.

Неблагодарный сын

Из огромного капитала, который скопил Симон Патиньо, его родная страна ничего практически не получала. Двадцати тысячам горняков, насчитывавшимся в Боливии, платили жалкую заработную плату, которой едва хватало на поддержание существования, а сеть железных дорог, построенных миллиардером,предназначалась исключительно для перевозки руды.

•Патиньо защищает свой пирог

Преуспеть Патиньо помогли не только упорство в труде и железная воля. Впридачу к ним он обладал храбростью и незаурядным умом. Против разбойников он успешно применял оружие и даже получил в одной из перестрелок небольшое ранение, которое привнесло в его биографию легкий привкус героизма и романтики. Несмотря на весьма поверхностное образование-он с грехом пополам умел читать и писать,-смог он

защитить свои интересы и от банкиров и спекулянтов. Он создал компанию «Патиньо Майнз энд Энтерпрайз Консолидейтед», акции которой котировались на Уолл-стрит и Лондонской бирже. Раскупались его акции, как горячие пирожки. Рудник Патиньо, занимавший всего лишь четыре гектара, давал в среднем семьсот тонн чистого олова в месяц, тогда как у самых высокопроизводительных конкурентов выход олова с трудом достигал тонны с гектара- Огромные прибыли с лихвой компенсировали неудобное географическое положение рудников, тем паче что окрестные индейцы служили источником практически дармовой рабочей силы.

183

•Империя Патньо

Деньги с оловянных рудников во все более стремительном темпе текли в сейфы маленького метиса, так как производство консервных банок и автомобильная промышленность, которые, как известно, являются главными потребителями этого металла, находились тогда на взлете. Патиньо довольно быстро смог округлить свой капитал. И делал он это с большим умом. Первым делом он приобрел оловянные рудники в Малайзии, которые давали металл более высокого качества, и в один прекрасный день могли доставить ему значительные неприятности. Кроме того, в Англии он стал владельцем крупных оловоплавильных заводов, расположенных в Ливерпуле, что позволило ему установить полный контроль над производством олова и утвердиться на старом континенте, где он надеялся придать своему имени столь недостающий ему блеск.

•Патиньо творит свою легенду

Спустя тридцать лет после того памятного пинка под зад, который на самом деле оказался перстом судьбы, Симон Патиньо стал оловянным королем, одним из самых богатых людей на планете. Но хотя его состояние достигло гигантских размеров, собственный его рост оставался по-прежнему крошечным. И это заставляло его жестоко страдать, поскольку ему хотелось быть на высоте своего успеха, выглядеть высоким красавцем, предметом всеобщего восхищения. Как и у Наполеона, у него была жгучая потребность найти какую-то компенсацию своего маленького роста и блеснуть хоть в какой-то сфере. Он выправлял осанку, обучался хорошим манерам и правилам поведения в светском обществе, учился в университете, чтобы получить диплом инженера, нанял целую армию преподавателей, чтобы заполнить пробелы (слишком слабое слово!) в своем образовании. И наконец пришел к выводу, что его родная страна Боливия слишком

незначительна для такой персоны, как он, и обосновался в доброй, старой и куда более престижной Европе.

•Его величество Патиньо

Оловянный король лелеял мечту, чтобы его королевский титул был узаконен и уходил корнями к самым прославленным царствующим фамилиям, занесенным в *Готский альманах». Ему недостаточно было быть просто миллиардером, он хотел быть им

184

в каком-то смысле по Божественному праву... И вот однажды он призвал к себе одного из самых известных специалистов по генеалогии и с места в карьер предложил ему «отыскать» и «с несомненной точностью установить» его происхождение, «как о том гласит тщательно хранимое в семье предание», от некоего королевского дома, правда, от какого именно, сам он не знает. Специалист по генеалогии в некотором замешательстве глянул на Патиньо. У Симона не было ни профиля Бурбонов, ни габсбургского подбородка, ни родинки на носу, которая из поколения в поколения передается Гогенцоллернам. Со своим коротеньким уродливым телом, большой головой и плоским лицом он скорее смахивал на одну из ацтекских мумий, которые выставлены в антропологических музеях. Постаравшись удержаться от смеха, ученый ответил; «Проблема мне кажется крайне сложной. За истекшие столетия никто из представителей европейских царствующих домов не озаботился произвести потомство в браке с краснокожими. Публикация подобной генеалогии может навлечь на меня насмешки коллег, а на вас - гнев королевских фамилий, у которых будут все основания возбудить против вас беспроигрышный процесс по делу о непризнании незаконного родства. Для вас и вашей семьи было бы куда удобнее и проще искать свои корни в старинных и уже угасших дворянских родах Кастилии или Андалузии». Патиньо было поморщился, потом на секунду задумался и согласился, решив, что подобное происхождение будет, ну может, всего лишь чуть менее блестящим, чем то, о котором он мечтал.

Через некоторое время ученый явился к Патиньо с пергаментом, на котором было все:золотое генеалогическое дерево, гербы, короны, горностаевые мантии, а на каждой ветви имена идальго, конкистадоров и испанских грандов, объединенных одной общей чертой,- они никогда не существовали на свете. Тем не менее Патиньо с удовольствием осмотрел это великолепное доказательство своего аристократического происхождения и сразу же ощутил себя другим человеком. Он почувствовал, как в нем возрождается дух хвастливых и отважных дворян из Старой Испании, которые,

обуреваемые мечтами о богатстве, отправлялись на завоевание Нового Света и возвращались оттуда без гроша, но зато умели в любых обстоятельствах сохранять

Политика

Симона Патиньо упрекали не только в том, что он пренебрегает своей родиной. Как и всех промышленных магнатов, его упрекали - обоснованно или нет - что он тайком играл пагубную роль в трагических событиях, которые потрясали Боливию. Мрачно настроенные политологи были уверены, что именно его тень угадывается за спинами тех, кто произвел государственные перевороты в 1939,1943 и 1948 гг. Но более всего его обвинили в том, что он активно подталкивал Боливию к так называемой «Чакской» войне с Парагваем, которая произошла иэ-за крохотного клочка земли, где имелись запасы нефти, и которая обошлась стране в пять тысяч убитых.

свою легендарную гордость, и уж ни о ком из них нельзя было сказать, что они позволили дать себе ногой под зад.

• **Разорение***

В своем стремлении блистать в Старом Свете Симон Патиньо совершенно забыл-с неблагодарностью забыл-о той стране, в которой родился. Тем не менее Боливия доверила ему почетную обязанность, назначив полномочным посланником в Мадриде, а затем в Париже. Благодаря этому пышному званию Патиньо получил доступ в самые высокопоставленные круги обеих столиц. И однако же ему ни разу не пришло в голову чуточку облегчить нищенское существование своих соотечественников, построив для них хотя бы скромную школу, больницу или диспансер. Патиньо неоднократно упрекали за такое забвение родины, и когда после Второй мировой войны к власти пришла Националистическая революционная партия, было принято решение конфисковать рудники сеньора Симона Патиньо, «ставшего иностранцем в своей собственной стране». Перед Патиньо мигом открылась перспектива разорения. Если бы президент Пас Эстенсоро осуществил этот свой план, у Патиньо остались бы лишь оловянные рудники в Индонезии и Малайзии, плавильные заводы в Ливерпуле да несколько банков в Нью-Йорке. Это была бы полнейшая катастрофа. Оловянный король не смог этого перенести и в 1947 г. скончался в Буэнос-Айресе.

Курорт

В 1976 г. Антенор Пати-ньо построил в Лас-Ада-се на тихоокеанском побережье Мексики «деревню для отдыха миллиардеров-. Несмотря на пышное открытое, курорт этот туристов практически не привлек.

•Наследный принц

Кроме огромного состояния, трое детей Симона Патиньо унаследовали от него пристрастие к потускневшему блеску аристократии. Дочери, поскольку за ними давалось весьма приличное приданое, без особого труда нашли подходящие партии. Одна из них стала графиней и француженкой, выйдя замуж за Ги де Буарувре; втор ая-испанской грандессой и маркизой дель Мерито, взяв в супруги камергера Альфонса XIII. А вот что касается брака единственного сына Патиньо, который при крещении был наречен поэтическим именем Антенор, то его брак стал для маленького чоло и его мифических предков-конкистадоров подлинным генеалогическим апофеозом. В 1931 г. Антенор женился не более и не менее как на ее королевском высочестве Марии Кристине де Бурбон, племяннице испанского

короля, предком которой был Людовик XIV; принцесса отличалась поразительной красотой, но в молодой семье сразу же начались раздоры.

Приданое

Каждая из дочерей Симона Патиньо получила в приданое по сорок миллионов старых франков.

• Водевиль, сметанный на золотую нитку

Оловянный король Патиньо II был расточительным монархом. Он поражал весь мир беззастенчивой роскошью своих приемов, которые очень любил устраивать, надменно объявив, что «удовольствие миллиардера никогда не может быть чрезмерным», что несколько переходило пределы хорошего вкуса и скромности. Но в легенду наследный принц империи Патиньо вошел, главным образом, благодаря своим семейным неурядицам. Начиная с 1942 г. журналисты скандальной прессы всегда могли поживиться сенсацией, черпая ее из перипетий бесконечного трагикомического бракоразводного процесса Патиньо-младшего. Первой враждебные действия начала Мария Кристина. В Нью-Йорке она возбудила в суде процесс, желая расстаться со своим супругом-магнатом. Антенор категорически отказался дать свободу жене, чья кровь была еще голубее, чем кровь серафимов. В качестве мировой он обязался выплачивать ей ежегодное содержание в четыреста тысяч долларов, пообещав прибавлять к этому содержанию такую же сумму всякий раз, когда он будет уличен в новой супружеской измене. Ее королевское высочество

внезапно проявила сговорчивость и пошла на сделку, мысленно моля небеса, чтобы рога у нее, если такой термин применим к женщине, оказались самыми большими, какие только могут быть.

Все как будто уладилось, но внезапно в 1946 г. теперь уже супруг ее высочества, доведенный до отчаяния все возрастающими требованиями жены, запросил развода. Она самым решительным образом отказала ему под предлогом, что Антенор живет в Нью-Йорке, и французский суд, в котором был возбужден процесс, некомпетентен выносить по нему решение. Антенор предложил разводиться в любом другом месте по ее выбору. Но Мария Кристина нашла новый предлог; брак был заключен в Испании, в стране, где разводов не существует. Поэтому никакой суд, ни французский, ни американский, не может вынести решения о его расторжении.

В 1960 г. оба супруга наконец пришли к полюбовному соглашению о необходимости развода. Однако Мария Кристина в последний момент заявила:

187

«Меня выдали замуж в семнадцать лет, не спрашивая моего согласия, поэтому брачный контракт недействителен*. Посему она потребовала половину имущества своего экс-супруга на том основании, что при объявлении недействительным брачного контракта вступает в действие правило о совместном владении имуществом. Антенор, естественно, был против, и его можно понять. И процесс длился и длился, как роман с продолжением, эпизоды которого развивались то в Нью-Йорке, то в Мадриде, то в Ла-Пазе, к вящей радости журналистской братии. В общей сложности процесс тянулся восемнадцать лет, прежде чем наконец произошел развод.

Аукционы

После смерти Антенора Патиньо, последовавшей в 1982 г., его коллекции были распроданы на двух знамениты* аукционах: у Сотби -серебро ХУ11-ХУ|11 в.; у Кристи -мебель и произведения искусства. Тогда-то все и смогли оценить уровень коллекций и вкус того, кто их собрал.

• **И все-таки царственность...**

Было бы несправедливым завершать рассказ об отце и сыне Патиньо этим малоприличным водевилем. Оба они заслужили право войти в историю не только в роли мещанина во дворянстве, которую очень долго их заставляла играть пресса. Они отнюдь не ограничивались одним стремлением попасть в «Готский альманах», *\УЬо 1з ТУпо» и «|е(; Зе1*. Они также сумели прожить с безмерной пышностью жизнь, которую можно сравнить с грандиозным приключением. Нувориши, они и держали себя

как нувориши-с самоуверенностью, граничащей с героизмом, который попросту вызывает восхищение и позволяет мерить их особой меркой. Больше всего это касается французов, которые широко пользовались их щедростью. Дары, которые отец и сын Патиньо, преподносили национальным музеям, в частности Версалю,-пристрастие к царственным особам и дворцам никогда не покидало их-своим великолепием сравнимы лишь с невероятной роскошью приемов, которой они привыкли ослеплять своих друзей. Посещая дворец Людовика XIV, ценители имеют возможность вспомнить о них, восхищаясь угловыми диванчиками и шкафчиками китайского черного лака в кабинете дофины, великолепным шкафом в спальне дофина или кушеткой Мадам Виктуар. И это всего лишь несколько примеров щедрости, какую сочли необходимым проявить оловянные короли, чтобы поддержать свой сан. Положение обязывает...

188

Уильям Рандолф Херст

(1863-1951)

Любимое дитя Судьбы

•«Не способен заработать ни доллара, но «когда он чего-то хочет..,!»*

Когда в марте 1891 г. нотариус зачитал завещание старого сенатора Джорджа Херста, его единственный сын, двадцати восьмилетний молодой человек, который сидел и сучил от нетерпения ногами, не смог сдержать возмущенного возгласа. Он от всего сердца любил и почитал отца, но удар, который тот нанес ему, был слишком жесток. Опасаясь, как бы скопленные ценой тяжких трудов восемнадцать миллионов долларов не пошли прахом, сенатор перед смертью решил назначить жену пользователем всего своего состояния и распорядителем доходов, объяснив это тем, что сын его не имеет никаких деловых качеств, одержим всепоглощающей страстью к журналистике и никогда не будет способен заработать ни доллара.

На всем западном побережье Соединенных Штатов это неожиданное решение Джорджа Херста было воспринято как посмертная пощечина нетерпеливому молодому человеку, который рассчитывал на наследство, чтобы воплотить в жизнь свои грандиозные прожекты. Многие из друзей младшего Херста полагали, что этот удар станет смертельным для его затеи и заставит молодого человека стать более сдержанным в своих честолюбивых устремлениях. Однако они ошиблись. Если Уильям Рандолф Херст и не обладал, как утверждал его отец, никаким деловым чутьем, то журналистское чутье у него было просто от Бога. И через несколько лег он, ко всеобщему удивлению, станет

человеком N 1 в мировой прессе.

• **Неукротимая воля**

Хотя решение отца явилось некоторой помехой в исполнении планов Уильяма Рандолфа, оно ничуть его не обескуражило; совсем даже напротив. Его отец был совершенно прав, сказав незадолго до смерти: «Что мне больше всего нравится в Уилли, так это его неукротимая воля. Уж ежели он чего хочет, то хочет по-настоящему и, как правило, добивается своего».

В ожидании, когда его мать, которой было всего сорок восемь лет, соблаговолит передать ему все или хотя бы часть отцовского наследства, Уильям был вынужден претворять свои планы в жизнь собственными силами, самостоятельно становиться миллиардером. Кроме огромного состояния, владельцем которого он рано или поздно все равно должен был стать, у него, чтобы преуспеть в своих начинаниях, имелся еще один важный козырь - пример собственного отца.

«Гражданин Кейн»

Снимая свой знаменитый фильм -Гражданин Кейн-. Орсон Уэллс вдохновлялся личностью Уильяма Херста. Он представил своего героя циником, руководствующимся в своих действиях единственным побуждением - жаждой власти, воплощением аморального капиталиста, который убежден, что если имеешь деньги, тебе дозволено все.

• **Крез-старший**

Родившийся в 1830 г. во Франклине, захолустном округе штата Миссури, Джордж Херст являл собой великолепный американский образчик человека, который сам проложил себе дорогу. Сын неграмотных иммигрантов, юность свою он провел, ковыряя землю на небольшой отцовской плантации. Вне всяких сомнений, его ждала бы ничем не примечательная судьба, не проявись в нем уже в ранней юности подлинная страсть к горному делу. Прочитав несколько книг по геологии (то были единственные книги, которые он, по собственному признанию, открыл за всю жизнь), ведя долгие и частые беседы с шахтерами окрестных шахт, он, в конце концов, стал таким специалистом в этой области, что жившие по соседству индейцы, восхищенные знаниями этого совсем еще молодого паренька, прозвали его «человек-с-ко-торым - разговари вает-земля ».

Само собой, в 1849 г., когда началась знаменитая золотая лихорадка, он был одним из первых, кто ринулся в самую глушь Калифорнии на поиски золота. Ему пришлось пережить все то, о чем пишется в вестернах,- холеру, схватки с бандитами,

нападения индейцев, снимавших с бледнолицых скальпы,-и удалось разбогатеть, но разбогател он не потому, что нашел богатое месторождение, а потому что пышный титул «эксперт по геологии», который он присвоил себе, сумел убедить других, что его обладатель может помочь им отыскать золото. После нескольких лет весьма плодотворной и прибыльной деятельности на избранном поприще он за смехотворную сумму купил шестую часть территории Невады, где, как он непреложно верил, золота столько, что хоть лопатой греби. Чтобы все шло, как он задумал, руководство разведывательными работами он взял на себя и через несколько дней упорного

труда действительно нашел... но не золото, а серебро - самую богатую серебряную жилу в Соединенных Штатах.

Горные разработки, железнодорожные компании, скотоводство- вот сферы, в которые новый Крез вкладывал огромные прибыли, которые в ту эпоху непрерывно поступали с его серебряного рудника. За несколько лет он стал одним из самых богатых людей на атлантическом побережье, занял завидное место в клубе миллионеров. Он последовательно стал владельцем половины золотого прииска „Алва Голд", половины самого богатого в Соединенных Штатах золотоносного месторождения „Хоумстейк" и баснословного по своим запасам медного рудника „Анаконда". А поскольку душа у него была буколическая, он приобрел несколько земельных участков, где пасся его скот: десять тысяч гектаров в Аризоне, тысячу восемьсот гектаров в окрестностях Сан-Франциско, шесть тысяч гектаров в Мексике и сто десять тысяч гектаров в Калифорнии. И наконец, ради удовлетворения своих политических амбиций купил «Сан-Франциско Экземинер», газету, которая расходилась очень плохо, пожирала кучу денег, но которая должна была обеспечить ему избрание в 1886 г. в сенат штата Калифорния.

Политика

Херст не испытывал ни малейшей симпатии к европейцам, исключение составлял Адольф Гитлер, которого он считал «спасительной силой, предназначенной укрепить мир» (з1с). Относясь не слишком сурово разве что только к немцам, он не любил англичан, высокомерно игнорировал французов и яростно ненавидел испанцев. На всю жизнь он остался убежденным изоляционистом. Он провел шумную антииспанскую кампанию перед войной за независимость Кубы, боролся против вмешательства Соединенных Штатов в оба мировых конфликта, был противником вступления своей страны в Лигу Наций и упорно требовал от европейских стран уплаты долгов Америке,

которые они наделали во время войны 1914-1918 гг. Слава Богу, американские президенты не слишком прислушивались к его советам.

• **Крез-младший**

Самое меньшее, что можно сказать о детстве и отрочестве Уильяма Херста, это то, что рос он отнюдь не среди бедности и лишений. Когда 29 апреля 1863 г. он явился на свет в роскошном особняке, который его отец купил на холмах Сан-Франциско, одно лишь серебряное месторождение в Неваде приносило четыре миллиона долларов в год, так что семья Херстов могла безбоязненно смотреть в будущее, В этом позолоченном мире маленький Уилли вырастал в холе и неге; все его баловали, наперебой исполняли его желания; отец ни в чем не отказывал, мать ничего не запрещала. Подобное воспитание, оставлявшее многого желать в смысле дисциплины, оказало большое воздействие на мальчика; правда, не меньшее воздействие оказали и отец с матерью, бывшие, что называется, полной друг другу противоположностью. Джордж Херст остался неотесанным мужланом, которому плевать и на культуру, и на светские манеры. Феба, его жена, в отличие от него, и по воспитанию, и по происхождению была

аристократка, стремящаяся к светской жизни, и пылкая поклонница всего, что имело хоть какое-то отношение к литературе и искусству. Она содрогалась, слушая, как ее муж-сенатор коверкает английский язык, приходила в отчаяние, видя его беспредельное безразличие к самым прославленным шедеврам, и все время возила своего любимого Уилли по музеям Европы, чтобы сформировать у него хотя бы какое-то элементарное представление о культуре. От отца мальчик унаследовал глубочайшее презрение к общественным условностям, от матери - вкус к искусству, который он сохранил до конца жизни, и от обоих - полнейшую неспособность пасовать перед трудностями.

Патриция

Самой знаменитой после легендарного Уильяма Рандолфа сейчас в семействе Херстов бесспорно является его внучка Патриция. Эта жизнерадостная молодая женщина, вполне достойная своего прославленного деда, способствовала взлету тиражей всех американских газет, после того как в 1974 г. стала жертвой похищения, за которым последовало требование выкупа. После того как ее родители выплатили похитителям требуемые

два миллиона долларов, полиция обнаружила, что красавица была сообщницей похитителей. Месяцем позже ФБР передало американским газетам фотографию, на которой Патриция запечатлена с автоматом в руках во время ограбления одного из банков в Сан-Франциско.

•Призвание

В Гарварде Уильям пробыл недолго. После двух лет учебы ему вежливо предложили поискать другое поприще для своих эксцентрических выходок. Внимание университетских властей он привлек своими шутками весьма сомнительного вкуса, а у однокашников добился известности незабвенными попойками, которые он щедро оплачивал деньгами, что без счету слал ему отец. Пребывание в Гарварде стало бы для него потерянным временем, не признай его друзья мастером каламбура и не предложи единодушно стать директором и главным редактором «Лампиона» - сатирической студенческой газеты. На этом посту он и открыл, что его призвание-журналистика. Изменив оформление и содержание газеты, Херст сделал ее настолько популярной, что уже через несколько месяцев она стала приносить прибыль, которая, естественно, шла все на те же попойки.

•Презрение к богатству

Когда Уильям возвратился в Сан-Франциско, отец, которого ничуть не возмутили студенческие проказы сына, предложил ему половину доходов от „Хо-умстейка" и треть от „Анаконды", а чтобы сыночку было где подышать свежим воздухом, еще и ранчо в Нью-Мексике, по площади сравнимое с каким-нибудь французским департаментом. Он был полностью убежден, что Уильям, не проявлявший чрезмерного прилежания в учебе, будет рад, если ему позволят безмятежно жить на отцовские деньги. Но, видно, он плохо знал своего сына или просто не принял в расчет его новую страсть.

192

Уильям категорически отказался. «Нет, папа, это не то, что мне нужно,-заявил он.-Выдели мне в качестве доли только „Сан-Франциско Экземи-нер'к Старый золотоискатель удивленно уставился на него. «Сынок,-сказал он,-по-моему, ты чего-то не понимаешь. На этом листке ты не заработаешь ни доллара». Но Уилли оставался непреклонен: *Я хочу „Экземияер"». Дни за днями он приставал и приставал к отцу. Он хотел газету, таково было его желание, и никакими силами переубедить Уилли было невозможно. Из Вашингтона он написал отцу потрясающее письмо. Оно начиналось следующими словами; «Если ты отдашь мне „Экземинер", я сделаю следующее...^ А дальше с каким-то

лихорадочным энтузиазмом он перечисляет правила, которые вскоре станут принципами всех популярных газет: крупные заголовки, реклама, предпочтение сенсационным материалам, иллюстрации, романы с продолжением и т. д. Короче, Уилли действовал так настойчиво, что в конце концов Джордж Херст сдался. Тем не менее он не смог удержаться от снисходительной улыбки, когда сын торжествующим голосом пообещал ему: «Вот увидишь, через год наш тираж перевалит за десять тысяч, через два мы будем давать доход, а через пять мы станем самой влиятельной газетой на тихоокеанском побережье».

Французский образец

В журналистике *Уильям* Херст отнюдь не был первооткрывателем. Во Франции существовал издатель, чьи методы Херст перенес в американскую прессу. Мы имеем в виду Полидора Мийо, создавшего в Париже знаменитый «Пти журнапь-.

• **Босс, который вкалывает как пес**

Встав во главе «своей» газеты, балованный ребенок Уилли превратился в первоклассного руководителя. Более того, он понял: чтобы газета полностью соответствовала его идеям, ему придется все руководство ею взвалить на себя. И с каким-то сверхчеловеческим рвением он взялся за работу. Каждый день он сидел в редакции, прочитывал все заметки, рассылал репортеров, выбирал заголовки, исправлял на верстальном столе верстку каждой полосы. Работа эта занимала его дни и ночи, но тем не менее он находил время, чтобы быть в курсе всех новинок в области фотографии и печати.

Преступления, насилия, несчастные случаи и катастрофы, описанные со смакованием зачастую весьма грязных подробностей, нравились грубой, необразованной публике, которую собирался завоевать Херст. Именно эти материалы и обеспечили «Экземинеру» невероятный успех. Благодаря упорному, напряженному труду (а также, не надо забывать об этом, десяти миллионам долларов,

вложенным в газету Джорджем Херстом), бывший гадкий утенок сан-францискскхой прессы за пять лет, далеко обойдя **всех** конкурентов, стал самой крупной ежедневной газетой на западном побережье.

•**Бросок на Восток**

Успех этот при всей его эффектности, тем не менее оставался для Уильяма Херста полууспехом, так как он не сумел

переубедить ни отца, который, как мы уже видели, умирая, не оставил ему свои деньги, ни мать, которую он регулярно просил передать ему отцовские миллионы, но которая по-прежнему не решалась это сделать. И тогда, завоевав на западе все, что стоило завоевать, он обратил взоры на восток, то есть к Нью-Йорку, уже в те времена огромному городу, где в газетном деле главные места были захвачены монстрами, стократ более могущественными, чем жалкие газеты Сан-Франциско.

Из всех газет уже издавна самой влиятельной была «Нью-Йорк Уорлд». Ее главный редактор и владелец звался Джозеф Пуллитцер. По общему мнению, которое разделял и Херст, это был самый умный и образованный человек среди американских газетчиков. Вступить с ним в конкуренцию да еще на его собственной территории-это выглядело химерою чистой воды. Но Херст по своему характеру любил невозможные задачи. И он взялся за ее осуществление. По дешевке Херст приобрел агонизирующую газетку «Монинг Джорнал» и храбро объявил войну «Уорлду».

***Давид против Голиафа**

Поначалу затея Херста беспокоила Джозефа Пу-литцера не больше, чем слона комариный укус. Но даже если он и не боялся за свои тиражи, то методы, к которым прибег молодой калифорниец, чтобы сделать «Джорнал* читабельным, вскоре все-таки заставили его нахмуриться. В методах тот не стеснялся. Херст, вкладывая в газету гигантские суммы, приглашал самых известных писателей и рисовальщиков и бессовестно переманивал лучших журналистов из газеты конкурента. Чтобы привлечь их к себе, он платил им вдвое и втрое больше, что приносило ему двойное преимущество: во-первых, он обретал популярность в журналистских кругах, а во-вторых, вынуждал Пулитцера делать то же

самое. Кроме того, снизив вполовину продажную цену «Джорнала», он принудил «Уорлд» совершить аналогичный шаг, что отнюдь не повышало его рентабельности. Ко всему прочему форма и содержание нового «Джорнала» была полностью скопирована с «Экземинера», правда, с двумя нововведениями: результаты спортивных состязаний печатались на первой странице, и еще в газете шел комикс с продолжением "The Yellow Kid" («Желтый мальчишка»), который вскоре прославился на всей территории Соединенных Штатов.

Пресса

В газетную империю Херста входили не только крупные ежедневные газеты. После Первой мировой войны она наложила

лапу на многие специальные и иллюстрированные журналы, в частности на «Cosmopolitan», " Good Housekeeping*, « Town and Country", « Motor».

•Решительные средства

Раздувая любые слухи и сплетни, с удовольствием копаясь в грязи и крови и заманивая публику хвастливой и зачастую лживой рекламой, «Джорнал» за год обогнал по тиражу «Уорлд» и стал первой газетой восточного побережья. Но Херст был не слишком удовлетворен. Одержать победу над старым гениальным Пулитцером конечно лестно, но это был всего лишь этап в его восхождении, которому он не видел конца. Он жаждал бблынего, жаждал, чтобы его «Джорнал» стал самой крупной ежедневной газетой на земле и обогнал по тиражам свой европейский эквивалент, знаменитый «Пти Журналь» Полидора Мийо. Чтобы достичь этой цели, по его мнению, все средства были хороши, и тут не следовало обременять себя никакими предрассудками.

•Раздор между Испанией и Дядей Сэмом

«Оставайтесь на Кубе. Пришлите мне фотографии, а я обеспечу вам войну». Такой вот телеграммой, оставшейся в истории американской прессы, в 1898 г. ответил Херст своему репортеру Ремингтону, когда тот телеграфировал ему из Гаваны: «Здесь полнейшее спокойствие, никакой войной не пахнет». Имелась в виду война, которая вот-вот должна была вспыхнуть между Соединенными Штатами и королевством Испанией из-за независимости Кубы, Уильям Херст очень хотел этой войны, с одной стороны, по причине своих резко антиевропейских убеждений, с другой, потому что знал: в случае конфликта тираж «Джорнал» мгновенно взлетит. И вот из патриотических побуждений, а также, если можно так выразиться, из профессиональных соображений он мужественно взялся разжигать эту войну. Используя все средства, в том числе и самые

бесчестные (дезинформация не нынешнее изобретение), он развязал шумную газетную кампанию и через несколько месяцев все-таки добился своего: вспыхнула достаточно кровавая война, в которой он с рекламными целями принял самое непосредственное участие, превратив свою личную яхту *Буканьер» в военный корабль, которым сам и командовал.

Желтая пресса

Комикс «ТЬе УеНод Кй» («Желтый мальчишка-) стал вехой в истории американской журналистики. Он породил выражение «желтая пресса*, используемое по **ту** сторону Атлантики для определения популярных, бульварных газет.

•Рывок к власти

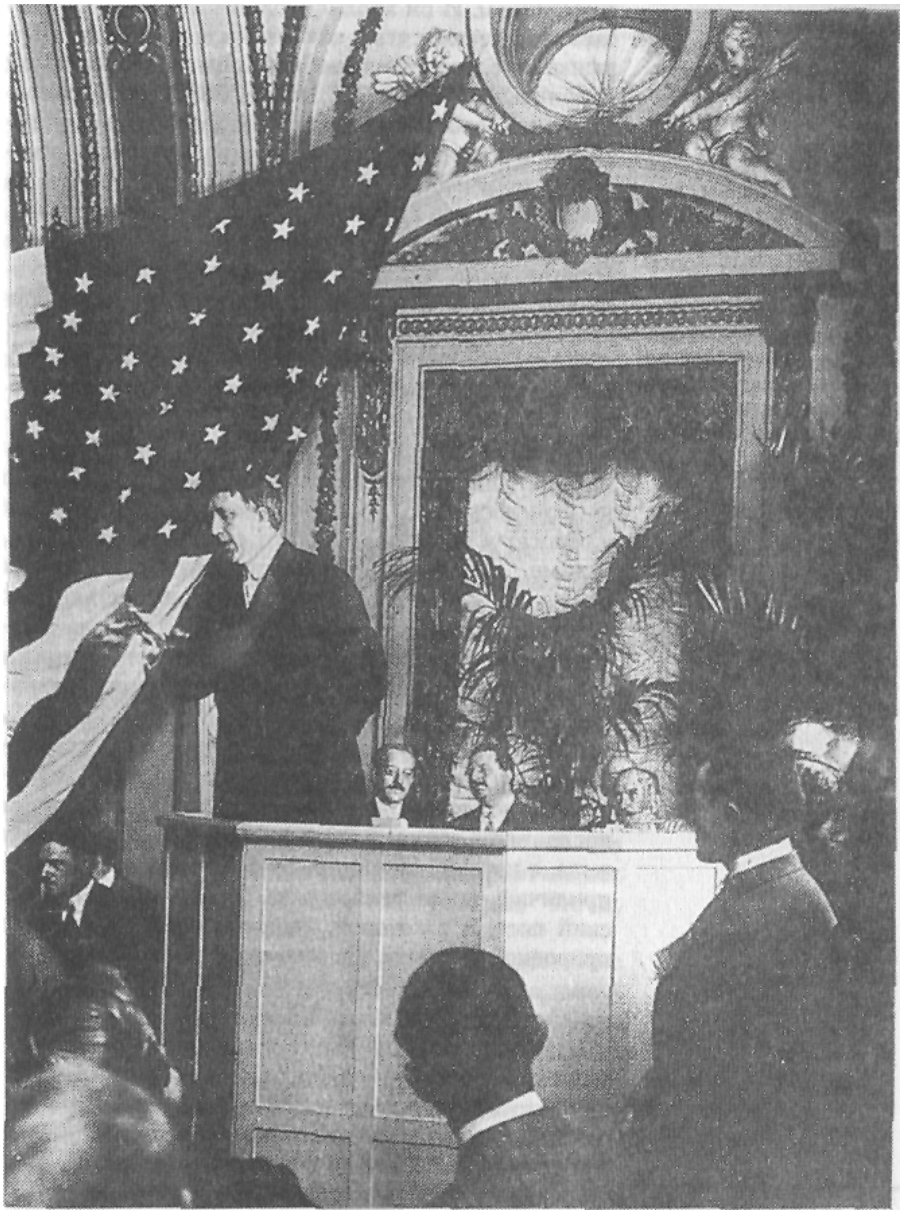
Успех этой патриотической акции, хотя некоторые критиканы весьма резко упрекали эа нее Херста, еще больше разжег его неутолимое честолюбие: Херст стал лелеять мечту, самую грандиозную, какая только может родиться в голове американца-вступить в Белый дом, стать президентом Соединенных Штатов. И тут его ждала первая и, пожалуй, единственная крупная неудача в жизни. Как кандидат от демократической партии он был избран в Конгресс и тратил астрономические суммы для упрочения своей политической карьеры, однако потерпел сокрушительное поражение, баллотируясь в мэры Нью-Йорка, а затем в выборах на пост губернатора штата Нью-Йорк. У Херста хватило ума сойти с политической арены, и остаток жизни он посвятил увеличению своей газетной империи, в чем блистательно преуспел.

Накануне великого кризиса 1929 г. его состояние оценивалось более чем в двести миллионов долларов. Он был владельцем двадцати пяти самых крупных американских газет, дюжины журналов, распространявшихся по всей стране, и, разумеется, нескольких студий в Голливуде, без чего ни один американский миллиардер не смог бы войти в легенду.

•Дворец для Марион

Кроме журналистики, у Херста было в жизни две страсти: дом, получивший название «Сан-Симеон», и женщина (с которой он не состоял в браке) по имени Марион Дейвис. Дом он построил на одном из участков, что оставил ему в Калифорнии отец, а женщину нашел среди роковых красоток, что ритмично задирают под музыку ноги в кабаре.

Дворец «Сан-Симеон» наследники Уильяма Херста завещали штату Калифорния, и сейчас он считается Slade Monument, то есть государственным



Уильям Рандолф Херст в 1909 г. на трибуне во время кампании по выборам мэра Нью-Йорка.

ХЕРСТ

* Вполголоса, таким голосом (ншол.).

памятником. И он вполне заслуживает того. Со своими ста пятьюдесятью комнатами, колоннадами, башенками с прорезанными бойницами и фронтоном в ионическом стиле он являет собой неподражаемый шедевр безвкусицы. Чтобы заполнить и украсить его, Херст разослал по всему свету своих агентов с поручением систематически опустошать за любую цену

все аукционы и антикварные магазины. Результатом стало чудовищное нагромождение всевозможных чудес, которые весьма неуютно чувствуют себя в декорациях, более подходящих для какого-нибудь дурного голливудского мюзикла.

К счастью 'для себя, Уильям Херст в женских прелестях разбирался лучше, чем в таланте архитекторов. Марион была красавицей. Он безумно влюбился в нее в 1918 г., когда ему уже было пятьдесят пять лет. Ей же еще не было двадцати пяти. От нее не укрылось, что Херст уже несколько погрузнел и в волосах у него поблескивают серебряные нити, но, видимо, она нашла в нем другие достоинства и решила ответить на его чувства взаимностью. Как нетрудно догадаться, после этого она сделала молниеносную карьеру на сцене и в кино, но вопреки привычному сценарию, стремительно прославившись, не бросила своего * покровителя». Тридцать три года Уильяма Херста и Марион соединяла взаимная любовь. Он умер у нее в доме на Беверли-Хиллз, где они жили вместе с 1947 г. Наследниками после него остались пятеро сыновей и законная жена, с которой он вступил в брак ради соблюдения приличий, когда решился на борьбу за президентский пост, и С которой, надо полагать, по причине природной верности так никогда и не развелся.

Mezza Voce *

Политической карьере Уильяма Херста, кроме его болезненной застенчивости, немало мешало еще и то, что у него был очень слабый голос, и во время публичных выступлений его почти не было слышно. Однажды на митинге в Нью-Йорке какой-то человек, обладавший трубным голосом, вызвал всеобщее веселье, крикнув Херсту: «Я отдам за вас свой голос, но мне только очень жаль, что у вас нет моего голоса».

Генри Форд

(1863-1947)

Гениальный миллиардер

Инженер и бизнесмен, этот самоучка-один из немногих, кто сумел сделать состояние на собственных изобретениях.

Когда 5 января 1914 г. Генри Форд объявил, что отныне будет платить своим рабочим по пять долларов всего лишь за восьмичасовой рабочий день, он вызвал на всей территории Соединенных Штатов ошеломляющую реакцию, в которой смешались и неподдельный восторг и некоторое раздражение.

Услышав эту потрясающую новость, конкуренты Форда поначалу встревожились, решив, что теперь им тоже придется, следуя его примеру, увеличивать расходы на оплату труда. Однако после некоторых размышлений они успокоились и даже радостно потирали руки. По общему мнению, гениальный

изобретатель автомобиля Генри Форд, установив такую поденную плату, вскоре не преминет сломать себе шею. На «Кадиллаке», «Паккарде» и «Олдсмо-биле» рабочим в ту пору платили около двух с половиной долларов, причем за девятичасовой рабочий день, а тогдашние экономисты в один голос авторитетно заявляли, что никакое промышленное предприятие не сможет оставаться рентабельным, если будет платить рабочим выше этой ставки. По мнению хозяев крупных автомобилестроительных фирм, Форд просто обрекал себя на крах. Что ж, приятная неожиданность...

«Красный завод»

Так в Детройте называют гигантский производственный комплекс, в котором размещаются сборочные конвейеры фирмы.

Рабочие же напротив восприняли обещание Форда с нескрываемой радостью и толпами ринулись к новой обетованной земле, которой стали для них уже знаменитые заводы в Хайланд-Парк в Детройте. Через несколько дней бюро найма осаждали огромные толпы безработных, бродяг, оказавшихся на мели искателей приключений и неудачливых золотоискателей, движимых надеждой подзаработать. Бедняги не подозревали, что им суждено принять участие в одной из самых величайших промышленных революций нового времени -- в технологической революции, которая прославит и обогатит ее изобретателя, их же превратит в одушевленные механизмы. Новинка эта называлась работа на конвейере.

199

***Миллиардер нового времени**

Предложение Генри Форда не имело ничего общего с бахвальством шарлатана. Оно было частью хорошо продуманного и просчитанного плана, вдохновленного прямо-таки пророческим видением перемен, к которым движется индустриальное общество.

Чтобы производить автомобили быстрее и с меньшими затратами, Форд придумал движущийся сборочный коня ей ер, благодаря которому рабочим при сборке машины не надо переходить с места на место. Теперь машины одна за другой будут послушно останавливаться перед ними ровно на тот промежуток времени, который нужен, чтобы произвести хакую-нибудь одну операцию, совершая простые, точные, а самое главное, смертельно однообразные движения-завинтить болт, приварить деталь, то есть в течение дня делать одно и то же. Этот метод давал такое снижение затрат времени и денег, что вскоре вся автомобильная промышленность Соединенных Штатов

переняла новинку Форда.

Новая техника производства была воспринята как величайший прогресс, но главным образом теми, кто не работал на конвейере. И лишь немногие очернители (вспомним Чарли Чаплина с его фильмом «Новые времена») попытались показать бесчеловечный характер нового способа производства и предсказать те отрицательные последствия, к которым способно привести подобное подчинение человека машине.

•К обществу потребления

Объявление Форда было, по сути, возвещением грандиозной экономической программы, которую он исподволь выстраивал, так что работа на конвейере и политика повышения заработной платы оказывались вписанными в куда более широкий экономический проект. Проект этот, в который безоговорочно верил Генри Форд, но за успешное осуществление которого в ту пору никто не поставил бы ни цента, заключался в следующем: превратить автомобиль, бывший по преимуществу предметом роскоши, в товар широкого потребления, доступный покупателю с кошельком любой толщины.

Чтобы он осуществился, надо было одновременно как можно больше снизить цены на машины и не менее существенно повысить заработки рабочих.

Иными словами, необходимо было платить за работу как можно больше, продавать продукт как можно дешевле и в то же время получать прибыли. Словом, задача, не уступающая в сложности проблеме квадратуры круга.

Предтеча «конвейерного производства»

Идея сборки на конвейере, при которой используются стандартные, взаимозаменяемые детали, отнюдь не нова. В конце XVIII *в.* этот метод применил И л аи Уитни для производства десяти тысяч ружей, которые заказало ему правительство Соединенных Штатов.

• «Повышая зарплату, я создаю покупателя»

План этот, удавшийся, да еще так успешно, основывался по сути дела на весьма простом соображении. «Если я плачу так много своим рабочим,- говорил Генри Форд,- то только для того, чтобы они покупали автомобили, которые я заставляю их производить. То есть чтобы они возвращали мне деньги, которые я им плачу, одновременно увеличивая производство на моих заводах; увеличение же производства позволяет мне снижать себестоимость, а следовательно, и продажную цену, и становиться более конкурентноспособным. Таким образом получается, что чем

больше я плачу зарплату и чем дешевле продаю, тем больше денег я зарабатываю, гораздо больше, чем мои конкуренты».

В этой небольшой речи (переданной здесь очень вкратце) Генри Форд резюмировал свои взгляды на экономику. Это был вывод, сделанный, исходя из простого здравого смысла, но тем не менее вступивший в противоречие со всеми представлениями того времени. Отдавал ли он себе отчет, что закладывает о обществе, в экономике которого пока что доминирующей остается идея дефицита, фундамент нового порядка, основанного на потреблении, порядка, возникновение которого не сумел предвидеть ни один революционный теоретик и который самым глубинным образом изменит социальные отношения и, преобразовав капиталистическую систему, спасет ее от краха?

• **"Tin Lizzie"**

Успех этому рискованному опыту должен был обеспечить автомобиль. А выглядел он каким-то уродливым чудищем: покрытый толстым слоем черной блестящей краски, отчего смахивал на скарабея, он стоял на четырех хлипких неуклюжих колесах, что придавало ему сходство еше и с кузнечиком. Но если в «**Tin Lizzie**»- под таким именем эта машина вскоре стала известна во всем мире- и не было совершенно ничего, что могло бы вдохновить ценителей красивых автомобильных форм, она тем не

менее обладала одним преимуществом, которое придавало ей безумное очарование и заставляло забыть обо всем прочем: благодаря способу производства она была до смешного дешевой, и цена ее все время снижалась, что еще больше увеличивало ее притягательность. Так что американцы в конце концов свыклись с уродливым видом этого чудовища, точь-в-точь как жених постепенно свыкается с уродливой внешностью богатой наследницы. Через несколько лет «Тщ Цше»- стала неотъемлемой деталью американского пейзажа. Постепенно пришли к выводу, что она «не так уж и страшна», а кончилось тем, что она стала настоящей любимицей Нового Света.

Успех этой машины можно назвать беспрецедентным. С 1908 г„ когда было начато ее производство, и до 1927 г., когда были остановлены конвейеры на ее сборке, произведено по меньшей мере пятнадцать миллионов экземпляров автомобилей этой модели.

Патент на двигатель внутреннего сгорания,

обеспечивший успех фирме Форд, был незаконно заявлен в 1895 г. адвокатом Джорджем Селдером.

В результате судебного процесса, тянувшегося восемь лет,

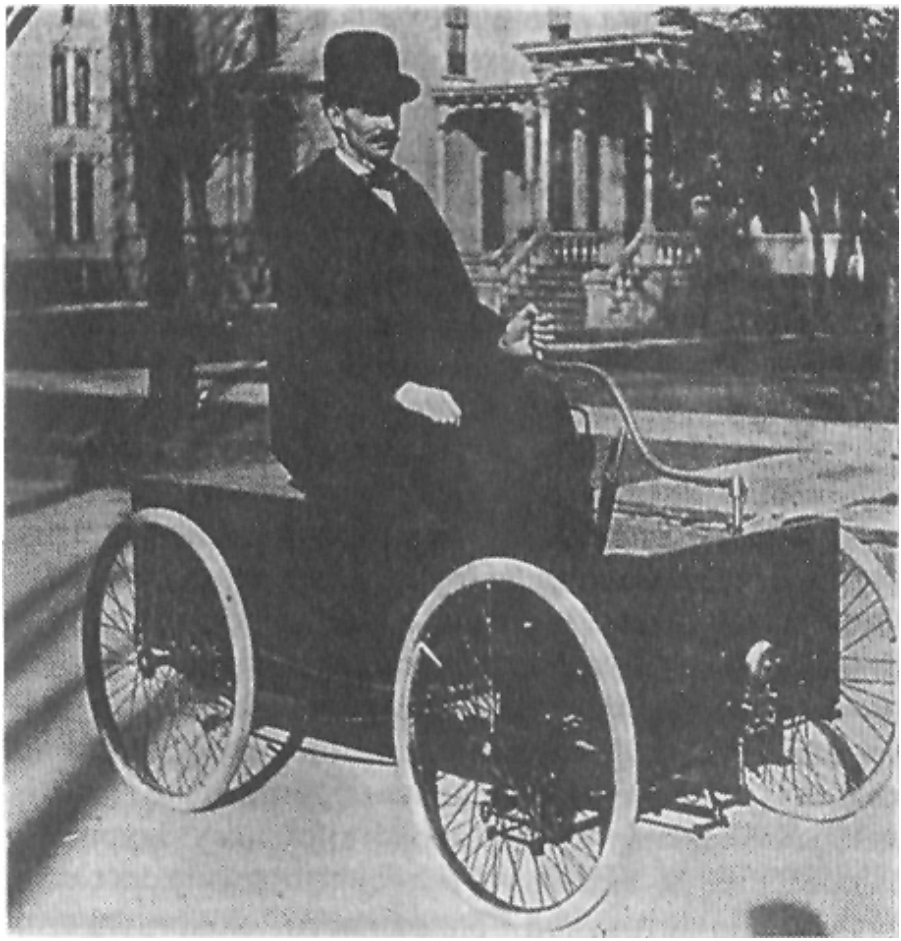
Генри Форд заставил его отказаться от своих претензий и тем самым освободил от выплат патентодержате-лю американскую автомобильную промышленность, которая жестоко страдала от подобного беззакония.

• **A self-made man... of course***

Однако, когда Генри Форд подрастал, ничто не предвещало того, что он станет пророком и преобразователем капиталистической системы. Он не получил блестящего экономического образования, а его интуиция полностью проистекала от прагматически настроенного ума, который, будучи совершенно свободен от привычных мыслительных схем, что вбиваются в университетах, способен был судить в соответствии со здравым смыслом и смело принимать решения.

О первых годах его жизни говорить почти нечего, до того они схожи с детством подавляющего большинства его современников: сын нищего ирландца, пересекшего на пароходе Атлантический океан в надежде найти в Америке возможность прокормиться, маленький Генри Форд вел на родительской ферме в Спрингуэллз в штате Мичиган этакую пасторально-буколическую жизнь. В обществе пятерых братьев и сестер он проводил время за тем, что пас коров и коз и бегал по полям, а это, надо признать, не лучший вид подготовки к тому, чтобы стать крупным специалистом в экономике. И, веро-

• Человек, сам пробивший себе дорогу... естественно (англ.).



Генри Форд за рулем своего первого автомобиля, который самым **жалким** образом потерпел аварию, но сделал Форда знаменитым.

ятно, он прожил бы ничем не примечательную жизнь, подобно большинству своих соотечественников, если бы не одна страсть, которая разбудила его ум и помогла стать человеком, самостоятельно, в лучших американских традициях, пробившим себе дорогу.

•Часовщик

Страсть эта, толкнувшая Форда на путь, где его заметила Удача, связана всего-навсего с часами. Еще совсем маленьким Генри развлекался тем, что разбирал и чинил всевозможные часы, и, несмотря на юный возраст, сумел создать небольшую клиентуру из окрестных жителей, которые без колебаний доверяли ему как часовщику. После часов он заинтересовался паровыми машинами, которые работали на лесопилках по соседству, а затем сельскохозяйственными; он часами с

неослабевающим интересом мог наблюдать, как вертятся их шестеренки.

•Детройт

В 1879 г., в возрасте шестнадцати лет, Генри без разрешения отца уехал из родного дома в Детройт, чтобы выучиться там на механика. С его даром

понимать работу механизмов он в рекордный срок освоил эту специальность, постигнув в ней все, что только можно было постичь. После попытки вернуться в родную деревню, он опять приезжает в Детройт, город, ставший в определенном смысле его столицей, где крупная фирма по производству сельскохозяйственных машин предложила ему должность инженера.

•Мастер на все руки

Обязанности, которые возложили на него работодатели, ни в коей мере не могли удовлетворить его всепоглощающую любовь к механизмам, и потому Генри все свободные часы, прихватывая иногда и ночи, если этому не очень противилась молодая жена, проводил в сарае рядом с домом, где он устроил себе мастерскую. Там в совершеннейшей тайне он построил свой первый автомобиль с довольно хлипким четырехцилиндровым двигателем, снабженным весьма хитроумной системой водяного охлаждения, и четырьмя велосипедными колесами; правда, по странной оплошности конструктора, задний ход у машины не был предусмотрен, и она могла ехать только вперед.

Однако оплошность эта не помешала Форду произвести сенсацию: в олно прекрасное майское утро 1896 г. он с ликованием в сердце разломал стену гаража, чтобы вывести на улицу свой драгоценный «болид* (опять же по рассеянности он забыл измерить ширину дверей - - они оказались слишком узкими).

Под аплодисменты и радостные крики зевак машина победно проехала через весь город, оглушительно треща мотором и оставляя за собой черный шлейф вонючего дыма. По пути случилась небольшая поломка рессоры, которую Форд починил на глазах у зрителей, но, несмотря па это, «маленький уродец» имел грандиозный успех, и успех этот стал началом известности молодого инженера. Благодаря ему, Форд сумел заинтересовать нескольких жителей города и основать с ними «Детройтскую автомобильную компанию».

•Глава предприятия

Эта маленькая компания предоставила Форду небольшой капитал, необходимый для усовершенствования конструкции автомобилей, но не позволила

204

ему осуществить все те идеи, что переполняли его голову. Компаньоны, чрезмерно, на его взгляд, робкие, препятствовали большинству его начинаний и единодушно воспротивились осуществлению чисто, как они были убеждены, химерической идеи, о которой он прожужжал им все уши - созданию небольшого «народного* автомобиля, который был бы по карману всем.

Для молодого человека, который, как и его первый автомобиль, умел двигаться только вперед, такое положение было просто невыносимо. И вот, чтобы ни от кого не зависеть и реализовать свой великий план, уже вполне оформившийся и обдуманный, он в один прекрасный день решил перейти Рубикон. 16 июня 1903 г. он основывает в Дирборне «Форд Мотор Компани», акционерное общество с капиталом в сто тысяч долларов и дюжиной акционеров, а через три года, получив в нем контрольный пакет, он становится его президентом.

А спустя еще несколько лет это крохотное предприятие превратится в самую крупную автомобилестроительную фирму Нового Света и захватит почти пятьдесят процентов американского рынка.

Вы сказали «патернализм»?

После открытия для своих рабочих потребительского кооператива, больницы и центра профессиональной подготовки Форд предполагал создать в Мексике новый завод... чтобы рабочие, больные туберкулезом, могли там поправить здоровье.

• **Тиранствующий филантроп**

Благодаря серийному производству и ценой тяжелой борьбы, *Форд» становится самой могущественной автомобильной фирмой в Соединенных Штатах, Ее гениальный основатель смог доказать, что обладает качествами вьщающегося лидера и они ничуть не уступают его качествам инженера и организатора производства.

Худощавый, моложавый, с внимательными голубыми глазами, он был неутомим, стремительно обходя огромные цеха своего завода. Он следил за всем, все видел, был в курсе всего-от работы конвейеров до личной жизни своих сотрудников. Щедрость, какую он демонстрировал в оплате труда рабочих, сочеталась с самым искренним, самым безудержным и в то же время крайне тягостным патернализмом. Да, Генри Форд был великодушен и полон любви к людям, но действовал с такой пуританской непреклонностью, с таким прямолинейным

представлением о добре и зле, не ведая никакой меры и сдержанности, что невольно приходили на память великие инквизиторы. Все, что можно было дать рабочим, он давал от чистого сердца и без всякой задней мысли: школы для неграмотных, стипен-

дни одаренным детям, потребительские кооперативы, больницы, профилактории, дома отдыха... Словом, есть чему позавидовать профсоюзным комитетам на наших современных предприятиях.

В благодарность за это рабочие должны были терпеть самодержавную власть вездесущего хозяина, который следил и за тем, как они работают на заводе, и за их личной жизнью во всех ее проявлениях; он мог вышвырнуть с завода того, кто изменил жене, пьянствует, не соблюдает воскресный день или, хуже того, дал малейший повод заподозрить себя в том, что просто подумал о возможности организации на заводе настоящего профсоюза. Генри Форд хотел, чтобы рабочие были счастливы, сыты, одеты, обуты, обихожены, но чтобы не смели подавать голос, были добродетельными и скромными, что ни в коей мере не совпадало с представлениями о жизни самих рабочих.

• Голубь мира и торговец пушками

Подчеркнуто демонстративно творя благодеяния, за которые во Франции его обвинили бы в патернализме, Генри Форд, по сути дела, следовал великому мифу, легшему в основу американской цивилизации-утопии. Горделиво выставляя напоказ свое пуританство и придавая своим заводам облик фаланстеров, он был абсолютно убежден, что этим самым покорил своих сограждан, по-детски сентиментальных и сохранивших в глубине души наивный оптимизм пионеров, обживавших Новый Свет.

К демонстративным проявлениям социальной благотворительности Герни Форд добавил еще неприкрытый, крикливый пацифизм, в немалой степени способствовавший укреплению его репутации гуманиста.

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, положение Форда в американской промышленности было достаточно весомым, так что к его голосу вынуждены были прислушиваться. Весьма шумно отказавшись от производства любой военной продукции, способной подпитывать вооруженный конфликт, он постарался оказать давление на правительство Соединенных Штатов, а тезисы его были таковы: пусть европейцы уничтожают друг друга, сколько им хочется, дядя Сэм же не должен делать

глупостей и посылать своих парней умирать неведомо за что в окопах на Марне и Сомме. Но посколь-

206

ку Америка не прислушалась к его советам и все-таки поддержала союзников, он тут же начал настоящий крестовый поход за ее выход из войны.

Главной его идеей было создание постоянной комиссии из представителей нейтральных стран, которая находилась бы на корабле, курсирующем вне территориальных вод воюющих стран, что предохранило бы ее от давления, какое эти страны могли бы на нее оказать. Пользуясь поддержкой многих знаменитостей того времени, в том числе и Томаса Эдисона, более известного своими изобретениями, нежели политической дальновидностью, Форд добился встречи с президентом Вильсоном, который выслушал его с благожелательной улыбкой, заверил в своей самой искренней и горячей дружбе и вежливо распрощался. Потрясенный полным отсутствием понимания со стороны столь высокопоставленного государственного деятеля, Форд решил оставить дипломатическое поприще и начал подлинную военную кампанию за мир, «Все наши солдаты должны встретить Рождество дома»-,-заявил он в 1915 г. И подобно голубю мира с оливковой ветвью в клюве, погрузился на «Оскар II», большое судно, на котором, кроме него, плыла тьма тьмущая людей, известных своими высокими нравственными принципами, а также никому не известных писателей. Форд взял курс на Европу, дабы высказать свои идеи представителям воюющих стран, которые несомненно проявят к ним больше понимания, чем президент его родной страны. 18 декабря корабль мира бросил якорь в Осло, и Форд сошел на берег, чтобы выступить перед официальными липами воюющих стран, которым он назначил встречу и для которых приготовил прочувствованную речь. Но, к величайшему изумлению голубя мира, послушать его речь пришли только восторженные и наивные девицы из каких-то женских организаций. Страшно раздосадованный, Форд возвратился в Америку, где принял решение производить на своих заводах пушки, каски и танки, в которых так нуждалась родина и на которых, а это было, пожалуй, самое главное, обогащались конкуренты, что его весьма обеспокоило. Бизнес обязывает...

Соавтор

В соавторстве с Сэмюэ-пем Краудером Генри Форд написал две небольшую книжки: «Му 1-йе апй ту и/огк-(«Моя жизнь и моя работа-), 1922;

«тойау апй Тотоггсим» («Сегодня и завтра-), 1926.

• **Новое направление: независимость**

С 1919 г. к до самой смерти, наступившей в 1947 г., Генри Форд неизменно внедрял всевозможные

новшества, причем в самых разных сферах. Одной из главнейших его забот было достижение независимости, чтобы не сказать автаркии, то есть полной обособленности и самодостаточности принадлежащего ему комплекса предприятий. Хотя он не терпел и не допускал вмешательства ни со стороны государства, ни со стороны профсоюзов, тем не менее не мог не признать, что свобода его действий ограничена всевозможными экономическими факторами. Скупив постепенно большую часть акций своего предприятия, Форд систематически проводил политику самофинансирования, что позволяло ему не обращаться к банкам. Более того, чтобы не зависеть от поставщиков сырья и комплектующих, которые частенько тормозили работу конвейеров, он постоянно приобретал заводы, которые в той или иной мере участвовали в производстве автомобилей. Его империя была крайне разношерстна и включала в себя все: плантации гевеи, угольные шахты и даже стекольные заводы. Империя эта вскоре начала страдать от гигантизма и вынуждала своего владельца вкладывать капиталы в области, которые не имели к ней никакого отношения: в эксплуатацию железных дорог и авиационную промышленность.

Форд:

в мировой тройке

Компания "Форд- входит в тройку крупнейших мировых производителей автомобилей (после «Дженерал моторз» и перед «Фольксвагеном-). 1973 г. стал апогеем фирмы: было продано больше шести миллионов автомобилей, а на ее заводах трудились почти сто пятьдесят тысяч человек-

• **Нельзя объять необъятное**

Разросшаяся без всякой меры империя Форда начала страдать от ожнрения. И тем сильнее, что обстоятельства вынуждали ее владельца, даже зачастую вопреки желанию, расширять сферу действия своих заводов. И хотя он был решительным противником вступления Соединенных Штатов во Вторую мировую войну, ему пришлось, смирив себя, заняться производством бомбардировщиков и джипов, в которых нуждалась американская армия.

Этому спрутопсдобному чудовищу, в которое превратилась фирма, просто необходим был самовластный хозяин. И, старея, Форд все более уподоблялся подозрительному и жестокому

царьку, не допускавшему и мысли о том, чтобы разделить власть с кем бы то ни было, даже с собственным сыном Эдселем. Декларативный гуманизм ничуть не мешал Форду быть крайне нетерпимым к служащим, которые, по его мнению, не проявляли достаточной покорности, С годами эта тенденция

208

усилилась, и все в фирме знали, что любой из них в один прекрасный день может получить письмо, где без всяких объяснений сообщается о его увольнении, и оказаться на улице. Подобные методы приводили в отчаяние многих сотрудников Генри Форда в том числе и Эдселя, который умер в 1943 г. от безнадежности своего положения, оставив своего престарелого отца самостоятельно управляться со слишком разросшейся империей. Мало-помалу фирма начала терять динамизм, утрачивать положение лидера и терпеть убытки.

• **Смерть Гиганта**

Седьмого августа 1947 г. кровоизлияние в мозг прервало жизнь Генри Форда. После него осталось наследство, включающее сорок восемь заводов в двадцати трех странах мира, на которых трудились не менее ста пятидесяти тысяч человек. Империя автомобильного магната уже клонилась к упадку, а после того как это семейное предприятие было отдано в управление бывшему чемпиону мира по боксу Генри Беннету, который проявил себя совершенно никудышным менеджером, оно оказалось на грани краха.

И крах был бы неминуем, но, по счастью, бразды правления взял в свои руки внук Генри Форда, тоже носящий имя Генри. Благодаря ему, компания Форд стала вторым производителем автомобилей в мире.

Харолдсон Лафайет Хант

(1889-1974)

Скрытный богач

Хант не любил рекламы. Но наследники постарались сделать ее ему.

Когда 29 ноября 1974 г. Харолдсон Лафайет Хаит испустил в Далласе последний вздох, никто не мог сказать, какое состояние он оставил: один миллиард или два. Старый нефтяной магнат был несколько скрытен. Эта черта характера наряду с неимоверной скупостью и прославила его. Желание Ханта жить как можно незаметней привлекло к нему в конце концов всеобщее внимание.

По образцу…

В Далласе Х. Л. Хант построил себе резиденцию, которая является точным повторением резиденции Джорджа Вашингтона в Маунт-Вер-нон.

• **Даллас**

В Далласе, любимом городе Ханта, все узнавали его по заношенным, вытертым чуть ли не до дыр костюмам и старой, давно вышедшей из моды колымаге, в которую постыдился бы сесть самый мелкий из его служащих. Выглядел миллиардер, как опустив* шийся неудачник, точно хотел отвести внимание от своего состояния, хотя ни для кого не было секретом, что оно огромно.

Впрочем, его скрытность в этом отношении, старательность, с какой он избегал журналистов, фоторепортеров и телеоператоров, имела в данном случае и другую причину: весьма сложную семейную ситуацию, вполне подходящую для того, чтобы попасть на страницы самых желтых американских газет. К пятерым детям, которые у него были от первого брака, Хант прибавил пятерых детей своей секретарши, на которой он женился после того, как овдовел, и злые языки в Далласе утверждали, что вторая пятерка была отнюдь не приемной и явилась на свет не без его участия.

• **Домашние неприятности**

Обильное потомство, усиленно размножаясь, подарило Ханту двадцать пять внуков, пять правнуков и кучу неприятностей. Как нетрудно догадаться, дети начали свирепую свару. Те, что от первого брака, совместными усилиями старались отстранить от наследования тех, что от второго, но при этом каждый тянул одеяло на себя. Несчастный миллиардер оказался в эпицентре непрекращающихся распрей,

сотрясавших его дом. Сидя у себя в кабинете, он был участником непрерывной череды споров, взаимной ругани, злобных разоблачений и кампаний клеветы. Двое его сыновей Нельсон Банкер и У. Херберт дошли даже до того, что установили подслушивающие аппараты на телефоне патриарха, чтобы овладеть тайной его завещательных намерений.

• Виноваты, как всегда, богатые

К семейным неприятностям прибавились и другие, идущие, так сказать, со стороны общества, что вынудило Лафайета Хаита быть вдвойне осторожным. Дело в том, что его сын Нельсон Банкер, как и большинство американских нефтяных дельцов, питал яростную ненависть к президенту Кеннеди. Тот имел неосторожность не удовлетворить всех его требований. Дабы

заклеймить этот позор, это преступление против капитализма, младший Хант оплатил в одной далласской газете публикацию на правах рекламного объявления огромной статьи, обличающей политику президента. Но, к несчастью, публикация этой статьи 22 ноября 1963 г. совпала с трагическим убийством президента Кеннеди. Ничто не дает оснований полагать, будто семейство Хак-тов хотя бы косвенно причастно к убийству президента, но тем не менее идея замарать миллионера грязью, пришить его к скандалу была истинной находкой для журналистов. Против семейства Хаитов была развязана чудовищная газетная кампания, в которой не было недостатка ни в подстрекательских заголовках статей, ни в коварных инсинуациях; не обошлось без нападок и на Харолдсона Ханта, и он, благоразумно послушавшись совета местной полиции, счел за лучшее на некоторое время покинуть Даллас. И, как выяснилось, не зря. Через некоторое время, когда стало известно, что Джек Руби перед убийством Ли Харви Освальда посетил одного из сыновей Харолдсона Лафайета-Ламара Ханта, скандал вспыхнул с новой силой. Кампания клеветы продолжалась.

Дар В Соединенных Штатах закон гораздо снисходительней к там, кто совершает дарение, чем к тем, кто оставляет наследство. Поэтому Х. Л. Хант при жизни подарил каждому из своих шести детей по шесть миллионов долларов.

• **Любимчик Удачи**

Но нам не хотелось бы, чтобы из-за этих неприятностей со стороны средств массовой информации у читателей сложилось впечатление, будто Лафайет Хант был неудачником. Ничего подобного. На самом деле, не так уж много существует миллиардеров,

Месторождения на Востоке

После Второй мировой войны Хант, как и остальные нефтяные магнаты, обратил свои взоры к Среднему Востоку. Месторождения, которые он приобрел в Пакистане, оказались довольно скудными. Зато сирийские приносили ему в день не меньше ста тысяч баррелей нефти.

которые на протяжении всей своей жизни пользовались бы такой же благосклонностью Фортуны, как Хант.

Родился он 3 февраля 1889 г. в Рамзи, штат Иллинойс, и унаследовал от отца неплохое состояние, которое позволило ему без особого напряжения организовать в дельте Миссисипи небольшое хлоп-коперерабатывающее предприятие и с выгодой

скупать хлопок на местных плантациях.

Обвал рынка, последовавший за большой депрессией 1919 г., разорил Ханта, но в то же время стал для него удачей, так как направил прямо-таки чудом на путь, который привел его к настоящему богатству.

•Выигрыш в покер

Случилось это в 1921 г. в арканзасском городке с многозначительным названием Эльдорадо; захолустье это было потрясающее, но там только что открыли крупные залежи нефти. Приехал туда Хант совершенно случайно. Так же случайно он сел играть в покер, и судьбе было угодно, чтобы его противник, у которого не было ни цента в кармане, расплатился с ним за проигрыш одной из своих скважин.

То была первая нефтяная скважина, принадлежащая Ханту. После нее он купил вторую, затем третью, затем четвертую... Подробности дальнейших приобретений могут показаться читателю несколько однообразными. Добавим лишь, что поскольку Фортуна улыбается только тем, кому по-настоящему везет, она приготовила для избранника еще один сюрприз. В 1930 г. он приобрел в штате Техас месторождение, которое оказалось одним из самых богатых в Соединенных Штатах. Размеры его не превышали семидесяти километров в длину и пятнадцати в ширину. Однако оно сразу же принесло своему счастливому владельцу более ста миллионов долларов.

•Аскетический миллионер

Таким образом, Лафайет Хант занял место в ряду богатейших миллиардеров Америки. Остаток дней он провел в своем небоскребе в Далласе, где, будучи уже больным и передвигаясь в кресле на колесах, продолжал увеличивать свою империю. Он покупал нефтяные месторождения в Пакистане и Сирии,

Х. Л. Хаит, самый
скрытный миллиардер Америки

вкладывал деньги в разные сферы бизнеса, не только в нефть. Питаясь одними лишь гамбургерами да картофелем-фри-меню не слишком характерное для набобов,-он не потратил ни дня своей жизни на то, чтобы попользоваться богатством, которое методично копил, возможно, и сам не вполне понимая, зачем.

Конюшня скаковых лошадей

Не столь скрытный и не столь скупой, как отец, Нельсон Банкер Хант потратил целое состояние на свою конюшню скаковых лошадей. Его лошадь Вейгли Нобль завоевала Приз Триумфальной арки,и благодаря этому Хант стал известен французской публике.

• **Китайская головоломка**

При его жизни все дела шли под покровом глубочайшей тайны за стенами огромного административного билдинга в Далласе. Полновластный хозяин своей империи, он ревниво исполнял обязанности президента и генерального директора, окружив себя несколькими тщательно отобранными близкими

друзьями и крайне немногочисленными представителями своего склочного потомства, к которым он относился с большим недоверием.

Финансовый баланс «Хант Ойл Компани» так никогда и не был опубликован, даже после смерти ее основателя. Все расчеты были до того запутаны, что служащие налогового управления рвали на себе волосы. Ну а наследники обрели, благодаря такой запутанности, массу новых поводов вцепиться друг другу в волосы.

213

Пол Гетти

(1892-1976)

Набоб с каменным сердцем

Чтобы выдержать свою роль, самый богатый человек Америки выработал в себе чудовищное жестокосердие. Быть его наследником никогда не доставляло удовольствия.

Когда 6 июня 1976 г. Пол Гетти умер, это событие вдохновило одного из ведущих программы теленовостей на следующий лаконичный комментарий: «Скончался самый богатый, самый одинокий и самый эгоистичный человек на свете. Ни разу в своей жизни он не пожертвовал ни единого доллара ни одной благотворительной организации».

•Чудовище собственного сочинения

Произнося эти слова, о которых единственно можно сказать, что чрезмерной симпатии к покойному в них нет, журналист, надо полагать, был уверен, что портрет, набросанный им, не смог бы оспорить даже сам покойный. Пол Гетти, не имея возможности жить в безвестности для своих современников, чего он желал от всего сердца, предпочел избрать самый трагический, какой только можно представить, удел-изолироваться от всего человечества, придав себе облик жестокосердного, скупого, циничного существа, совершенно безразличного к судьбе своих ближних, даже собственных детей.

Ему, как и большинству миллиардеров, была в тягость собственная известность, и потому он пытался заставить забыть о своем вызывающем богатстве, создав из себя невыносимого, чуть ли не до карикатурности, человека. Чтобы удержать тяжелую груду золота, которую он спокойно взвалил себе на плечи, Гетти сознательно творил из себя этакое бессердечное чудовище.

•Семейство Гетти: заурядная сага

По американским меркам нет ничего банальнее, чем история семейства Гетти. Покинув родную Ирландию, чтобы не умереть голодной смертью, косившей там население, предки Гетти,

подобно тысячам ирландцев, приплыли в Соединенные Штаты, намереваясь найти там богатство. Джон Гетти, дед миллиардера, трудом своих рук приобрел крохотную фер-

му, которая, благодаря его неустанным заботам и самоотречению, в конце концов, стала вовсе и не такой уж крохотной. После чего он вступил в законный брак с Мартой Анн, высоконравственной девицей, которую ее отец, унылый и добродетельный протестантский пастор, воспитал в чисто американском духе, то есть в полном неведении всего, что касается плоти, но зато она знала все о домашнем хозяйстве, усердно читала и перечитывала Библию и ежедневно повторяла Декларацию прав человека и гражданина. От этого высокоморального союза родился сын по имени Джордж Франклин, с которого и началось медленное восхождение семейства Гетти по социальной лестнице.

Благодаря щедрости одного из дядюшек, Джордж Франклин смог продолжить учебу в университете Огайо и получить в рекордный срок звание доктора наук, что дало ему возможность начать спокойную, удобную и изрядно скучную карьеру преподавателя математики.

• **Женщина с головой**

Должность преподавателя позволила бы Джорджу Франклину вести после скоропостижной смерти его отца жизнь достаточно безбедную, но и бесцветную. По счастью, он женился на молодой красивой шотландке, чья несгибаемая воля могла сравниться разве что с ее же всепожирающим честолюбием. Планы Сары Кэтрин Макферсон относительно профессиональной карьеры мужа были весьма серьезными, чтобы не сказать грандиозными. Она убедила Джорджа Франклина бросить учеников, которые не приносили ему ни цента, и подарила сто долларов, составлявших ее приданое, с тем чтобы он продолжил образование на юридическом факультете и как можно лучше подготовился к должности главы собственной фирмы, потому что именно в этом качестве она видела своего мужа. Поскольку Джордж обладал покладистым характером и способностью к учебе, он сделал все, как советовала ему его половина, и вскоре шутя получил диплом юриста и добился избрания судьей в Тасколе, штат Индиана. После чего, скопив необходимую сумму, приобрел в Миннеаполисе адвокатскую практику, которая должна была послужить трамплином для исполнения его честолюбивых устремлений, так как жене удалось привить их ему.

"По-настоящему богатый человек,- говорил Поп Гетти,- это

тот, его знает, сколько у него денег, с точностью до миллиона долларов».

215

Отец

Пола Гетти нельзя назвать человеком, который сам пробил себе дорогу. В 1903 г. состояние его отца, который руководил крупной страховой компанией, превышало двести пятьдесят тысяч долларов.

•Богатство… как снег на голову

Успех пришел быстро. В скором времени Джордж Франклин Гетти стал одним из самых уважаемых жителей города и смог заложить первые камни в фундамент своего состояния, предоставляя ипотечные ссуды фермерам соседних штатов.

Именно эта деятельность и привела его в 1903 г. совершенно случайно в крохотный оклахомский городок Бартлесвиль, куда нахльпгули орды всевозможных авантюристов, привлеченных нефтяной лихорадкой, и где его ждало, хотя он и не подозревал об этом, богатство, настоящее богатство.

Джордж, всегда относившийся с некоторым недоверием к «черному золоту», не собирался вкладывать ни доллара в это дело, но тем не менее дал себя убедить двум бизнесменам, столь же опытным, сколь и красноречивым, братьям Баду и Уиллу Картерам. Одурманенный их сладкоречивыми уговорами, и словно бы совершенно потеряв голову, он рискнул за чисто символическую сумму в пятьсот долларов купить участок земли в тысячу сто акров в окрестностях Осейдж Нэшн. Он и вообразить не мог, что осторожный этот риск, который явно не одобрила бы его скуповатая супруга, вскорости сделает его одним из нефтяных королей, а его сына -самым богатым человеком в мире.

•Будущий капиталист

На приобретенном участке очень скоро пошла нефть, да в таком количестве, что Джордж Гетти смог основать собственную нефтяную компанию, «Миннеома Ойл Компани», первым акционером которой стал его собственный сын Пол, одиннадцатилетний мальчик, чье детство пройдет в мире нефтяных вышек, буровых установок и геологоразведочных работ; с младых ногтей он будет приобщаться к тайнам Биржи, коммерции и геологии.

•Чудо-ребенок

Пол родился 15 декабря 1892 г. Для Джорджа и Сары, бывших уже в солидном возрасте и к тому же за два года до того потерявших свою единственную дочь Гертруду, его рождение было таким же чудом, как и впоследствии обильно хлынувшая

нефть на случайно приобретенном участке. Как обычно бывает в таких случаях, родители нежили мальчика, баловали, окружали заботой, мечтая реализовать в нем свои амбиции, которым теперь вроде бы ничто не должно было препятствовать.

216

• **Юность Гарпагона**

По счастью, юный Пол обладал в этом смысле исключительными способностями и склонностями. Умение зарабатывать, копить, заставлять каждый доллар приносить доход, похоже, было его прирожденным даром, второй натурой. В одиннадцать лет, продавая газеты, он купил первые акции «Миннеома Ойл Компани». В те годы у него была привычка записывать в школьной тетрадке свои доходы и расходы и вести счет деньгам с такой же лихорадочной страстью, с какой юный поэт регистрирует в стихах свои душевные переживания. В двадцать лет, взяв у родителей в долг пятьсот долларов, он становится владельцем первой собственной нефтяной скважины: исполнилась его мечта, которую он лелеял чуть ли не с колыбели. Через два года, давно уже выплатив долг, он смог с гордостью объявить родителям: «Я только что заработал свой первый миллион долларов, и можете мне поверить, он не последний!»

Действительно, это было только начало долгой цепи удач. Пол обладал не только чувством денег, но вдобавок был наделен исключительным нюхом, позволявшим ему чуять, угадывать, распознавать нефтяные месторождения. Надо отметить, что именно по его совету Джордж Гетти совершил самую лучшую сделку в своей жизни: приобрел в Сайта Спринг концессию, от которой все отказались.

Дворец-музей - римская вилла

Резиденция фонда Пола Гетти, вилла в Малибу в Калифорнии,- самое престижное достижение миллиардера. Она является точной реконструкцией виллы Папири в Геркулануме. В ней располагается коллекция произведений искусства, стоимость которых после смерти Гетти была оценена в два миллиарда франков. Впоследствии коллекция обогатилась новыми шедеврами.

• **Лишенный наследства**

По правде сказать, Джордж и Сара могли бы спокойно смотреть на будущее своего отпрыска. Но ни его способности, ни достигнутые им блистательные результаты, соединенные с бережливостью, если не сказать скупостью, которую они могли только приветствовать, ничуть их не успокаивали. Да, они признавали, что Пол динамичен, честолюбив, работящ, но одновременно с этим он обладал чрезмерной склонностью к

хорошеньким женщинам, ночным заведениям и сладкой жизни, а это шло вразрез с их пуританскими взглядами. И это их чрезвычайно беспокоило. Потому, опасаясь, как бы излишества сына не оказали дурного влияния на его будущее, они решили как можно дольше не подпускать его к делам фирмы, несмотря на то, что рано или поздно, это должно будет произойти, поскольку он их единственный наследник. Более того, они убедили друг друга, что Пол не обладает настоящими профессио-

нальными качествами, хотя он ежедневно показывал обратное. Они утверждали, что ему попросту везет и долго так продолжаться не будет. И потому перед смертью Джордж Гетти в завещании назначил жену распорядительницей всего своего состояния, оценивавшегося в несколько десятков миллионов долларов, поставив сына под унизительную финансовую опеку.

•Преуспеть вопреки матери

Для осуществления своих гигантских планов Пол не располагал достаточным резервом наличных денег. Тут он мог рассчитывать лишь на собственный капитал, добытый собственными трудами, то есть на десять тысяч акций «Гетти Ойл Компани». Вошедшая в игру Сара дала ему понять, что от нее он не получит ни цента. Для него не была секретом ее неколебимость, более того, мать была крайне недовольна его распутным нравом и рассказывала всем и каждому, будто сын у нее ни на что не годен, гуляка и ему просто нельзя ничего доверить. Решительно, час Пола Гетти еше не пробил.

•Начало, кризис 1929 г.

И однако же, когда произошел крах 1929 г., Пол сумел показать, на что он способен. Для дальновидного и дерзкого игрока, вроде него, появилась масса возможностей обогащения. Не колеблясь и вопреки советам матери, он продал акции семейной фирмы, а полученные деньги вложил в предприятие, в способность которого пережить кризис верил, кажется, он единственный: оно называлось «Пасифик Вестерн».

При всей рискованности это был мастерский ход. Операция оказалась до того успешной, что даже Сара поколебалась в скверном мнении, которое у нее сложилось о сыне. Ну, а амбиции Пола, и без того огромные, возросли еще более. В один миг он принял решение, цель его жизни была определена: собирать необходимые средства столько, сколько понадобится, но получить контроль над «Тайдуотер Ассошейтед Ойл Компани», одной из самых крупных фирм в Соединенных Штатах.

•Аппетит велик, да рот мал

И впрямь, грандиозный этот план весьма смахивал на синдром мании величия. У осторожной Сары он вызвал чудовищный ужас. Как бы ее необузданный

218

сынок одним махом не разрушил здание, которое с таким трудом и старанием возводили они с покойным мужем. Она пребывала в отчаянии, оттого что произвела на свет подобного безумца, но в то же время не могла подавить в себе ни любви, ни восхищения сыном, который, несмотря на все его разгульные склонности, в финансовых и деловых вопросах был ее прямым продолжением, а уж аппетитом обладал куда более неутолимым, чем она. Тем паче что Пол умел использовать все средства, чтобы смягчить ее старческое сердце, иссушенное скупостью. Он принял обыкновение каждое воскресенье приезжать к ней и старался представить себя в самом выгодном свете, всячески выказывая собственную разумность и рассудительность. О деньгах он говорил с нескрываемой нежностью, свои честолюбивые устремления излагал с осторожностью, а уж о грандиозных планах рассказывал с таким чувством меры, с таким благоразумием, что старая миллионерша в конце концов просто была вынуждена сдаться.

Завещание

Последнее завещание было составлено Полом Гетти 9 июня 1976 г. в Лос-Анджелесе. Бйль-шую часть своего состояния (около семисот миллионов долларов} он оставил фонду, носящему его имя, и распорядился приобретать ежегодно произведений искусства на пятьдесят четыре миллиона долларов. Следствием этого стал катастрофический взлет цен на мировом рынке произведений искусства.

•Сара капитулирует

В 1933 г. она передала Полу управление «Гетти Ойл Компани», предоставила в его полное распоряжение почти весь капитал семейного предприятия, оставив в общем пользовании определенную часть, которая сможет послужить им обоим гарантией в случае, весьма возможном, по ее мнению, если они окажутся перед лицом краха. И наконец с достаточным скепсисом дала ему свое материнское благословение на осуществление грандиозных завоевательных планов, которые, как он был убежден, обязательно увенчаются успехом.

•Прорыв

Спустя два года Полу предоставилась возможность приступить к исполнению своих планов. Воспользовавшись увеличением капитала, он захватил контроль над одной из

дочерних компаний «Тайду-отер». Под самым носом у Джона Д. Рокфеллера, неоспоримого нефтяного короля, Полу Гетти удалось проесть дырочку, совсем крохотную, в этом огромном и таком соблазнительном куске сыра. А затем в результате многолетней борьбы он достиг своей цели-слияния «Тайдуотер» и «Гетти Ойл*. С той поры состояние Пола Гетти стало возрастать полным ходом. Немалое уже и в самом начале, оно

219

увеличивалось так стремительно и с таким постоянством, что в конце концов он стал одним из богатейших людей на свете.

Состояние

На момент смерти Пола I оборот компаний группы Гетти был на уровне ста сорока двух миллионов долларов. В них работали двенадцать тысяч человек. Общие активы составляли примерно четыре миллиарда долларов.

• **Несчастлив в браках**

Если профессиональная жизнь Пола Гетти была сплошной цепью успехов, то о его супружеской и семейной жизни такого не скажешь.

Подавляющее присутствие матери выработало у него неодолимую аллергию на умных женщин, вообще на тип властных мегер с чрезмерным чувством собственности, которые вечно вмешиваются в принятие любого решения. Сердечную склонность он питал лишь к юным особам с куриными мозгами, ничтожность притязаний и вкусов которых помогала ему отрешиться от угрюмой, пуританской суровости Сары. Безмерный романтик (во всяком случае настолько, насколько время,, ему это позволяло), Пол загорался бурной, всепоглощающей страстью, правда, обыкновенно весьма непродолжительной, отпускающей ему время лишь на вступление в брак.

Пять женщин, в общем-то мало отличающихся друг от друга возрастом и характером, подобно блуждающим звездам, прошли через жизнь миллиардера. Первая, восемнадцати летняя Жаннет Дю-мон, на которой он женился, несмотря на формальное несогласие матери, выдержала с ним всего полтора года, после чего потребовала развода. «Это машина для зарабатывания денег, а не муж»,-со вздохом призналась она, расставшись с ним.

И этот сценарий почти в точности повторялся при каждой его последующей матримониальной попытке. Простушки, в которых он влюблялся, легко поддавались чарам этого плейбоя, предприимчивого миллиардера, *к* тому же отнюдь не лишенного внешних достоинств и с неподдельной искренностью разыгрывающего робкого влюбленного. Но через несколько месяцев совместной жизни они вдруг обнаруживали, что муж

уделяет нефтяным вышкам и биржевым котировкам куда больше внимания, чем их юным прелестям.

В ряду этих падающих звезд вторая жена Пола Гетти, семнадцатилетняя Аллен Ашби, побила все рекорды. Женился он на ней тайком, даже не оповестив ее родителей, во время поездки в Мексику. Решение развестись было принято буквально через несколько дней, и Гетти не озаботился даже отвезти свою Дульцинею в Штаты. «Во всем виновато

Нефтяной король N 1 после участия в спуске на воду самого крупного танкера, сошедшего с европейских верфей, «Джон Пол Гетти» (длина-2БО м, водоизмещение-73800 т.).

мексиканское солнце, которое так пекло, что я решился на этот дурацкий брак»,-позже иронизировал он.

С Адольфиной Хелмле, восемнадцатилетней немкой, дела обстояли несколько серьезнее: ухаживание по всем правилам и брак, заключенный с величайшей пышностью к безмерной радости Сары, которой, ко всему прочему, невестка безумно

понравилась. К несчастью, в скором времени Фина тоже испытала на себе равнодушие со стороны мужа и затосковала по родине. Чтобы произвести на свет ребенка, которого она ждала (он получит имя Джон Роналд), она вернулась в Германию, и там первой ее заботой было потребовать развода.

Возможно, Пол страшно страдал бы, оттого что Адольфина оставила его, и погрузился бы в беспросветное уныние, если бы его не утешила молоденькая старлетка по имени Эни Рок, которая, как нетрудно догадаться, стала четвертой миссис Гетти, но почти сразу же по тем же самым причинам, что и предыдущие жены, потребовала развода.

• Последняя

С годами Пол стал задаваться вопросом, а умеет ли он обращаться с женщинами. Так что в последнем своем матримониальном эксперименте он проявил исключительную осторожность. Луиза Дадли Линчи тоже происходила из семейства миллиардеров, где понимали, какие ограничения и обязательства накладывает огромное состояние. Трудовой пыл жениха не внушал ей опасений. К тому же она имела характер, совершенно отличный от характера женщин-предметов, которые до того были его женами. Она любила, во-первых, свободу, а во-вторых, пение, которое было ее страстью, и ни за что не вышла бы за человека, который не позволял бы ей петь оперные партии когда и где ей угодно. Но Пол Гетти, если уж влюблялся, то не делал ничего наполовину. Чтобы понравиться своей избраннице, он тут же превратился в импрессарио и профессора сольфеджио, а также финансировал ее карьеру певицы, каковая без того явно была бы не слишком блистательной. Вместе с ней он поехал в Италию, чтобы там под руководством самых известных профессоров она постигла тайны верхнего «до», фиоритур и вибрато. Затем в Вечном городе они обменялись брачными обетами, подкрепленными крайне любопытным брачным контрактом, в соот-

ветствии с которым они договаривались жить каждый сам по себе и встречаться только тогда, когда таковую возможность предоставят им случайности карьеры каждого из них. От этого, так сказать, пунктирного брака, оба участника которого вскоре разлетелись каждый в свою сторону, тем не менее явился на свет сын по имени Тимоти, что на время укрепило весьма эластичные семейные узы. Но увы, Полу Гетти явно было не суждено счастье. Чем лучезарней улыбалась ему фортуна, чем больше зеленых банкнотов и золотых слитков скапливалось у него в сейфах, тем печальней и несчастней была его семейная жизнь. Не дожив до

двенадцати лет, мальчик трагически умирает от операционного шока во время совершенно безобидного хирургического вмешательства. Пол узнает об этом в Европе, где он устроил свою резиденцию. Он впадает в черное отчаяние и прострацию и даже отказывается приехать в Нью-Йорк на похороны сына. Следствие-его брак с Луизой оказывается расторгнут.

Нет, он решительно не был создан для того рода счастья, которое дает удачная семейная жизнь. И потому решает положить конец своим матримониальным злоключениям.

Запутанное наследство

Последние годы жизни Пол Гетти провел в своем английском замке Саттон Корт. Он жил там, окруженный подлинным гаремом, где перемешались, правда, с трудом ладя друг с другом, экс-супруги, бывшие возлюбленные и нынешние любовницы. Их отношения с потомками миллиардера были усложнены до крайности. Проблемы, связанные с разделом наследства, стали настоящей головоломкой для наследников Гетти и истинным благословением для их адвокатов.

• **У скупого отца сын-расточитель**

Нет, семейная жизнь отнюдь не дарила ему радостей, напротив, приносила одни огорчения. Тем более что смерть Тимми была не единственным несчастьем. Обосновавшийся в роскошном английском замке Саттон Корт миллиардер, которому в остальных сферах удавалось все, горевал, возмущался и расстраивался из-за бед, случавшихся с его детьми, а также из-за их дурацких выходок.

В 1971 г, причиной неприятностей стал Пол II, представитель левых экологов в семействе, которого Полу Гетти родила Энн Рок и который оказался в центре шумного скандала. Он жил в Риме, где руководил итальянским филиалом семейной фирмы, и там им овладела страсть, *с* одной стороны, к dolce vita, а с другой, к пролетарской революции на коммунистический манер. В течение нескольких лет его имя неустанно склонялось в столбцах светской хроники по той причине, что он регулярно участвовал в демонстрациях на пьяцца Навоне, где, подняв кулак, громогласно выкрикивал лозунги, требующие мира во Вьетнаме и уничтожения капиталистов, что, вероятно, особенно раздражало отца. Но в этом

году гошисткая оргия обратилась в трагедию, когда очаровательная жена Пола II Талита умерла от чрезмерной дозы наркотиков. Имя старого нефтяного магната оказалось замаранным в грязном скандале, связанном с наркотиками.

В 1973 г, его сын Джордж, которому он отдавал предпочтение среди своего потомства и которого видел своим преемником, внезапно умер во время светского приема.

Затем Гордон осмелился возбудить против него процесс в связи с какими-то грязными денежными аферами. И наконец, Джон Роналд обманул его надежды, выйдя из семейного дела и занявшись кинопроизводством.

Разочарованный, угнетенный Пол Гетти, которому на финансовом поприще продолжали сопутствовать одни лишь удачи, замкнулся в трагическом одиночестве, скрывая свои горести под маской полнейшего равнодушия и войдя в легенду как бессердечное чудовище, которого интересуют только его сокровища, собранные в дворце-музее, построенном в виде римской виллы в Малибу, штат Калифорния, неподалеку от Голливуда.

Бизнес есть бизнес

Пол Гетти отказался платить выкуп за своего внука. Он дал денег в долг родителям несчастного мальчика... из расчета восьми процентов годовых!

• **Пол остается глух, отчего его внук лишается уха**

В 1973 г. произошло событие, которое могло бы закончиться трагически, и которое еще более упрочило в общественном сознании за Полом Гетти репутацию неумолимо жестокого существа, подкрепив легенду о железном человеке, которая, надо думать, навсегда останется в мифологии миллиардеров. В тот год был похищен его внук, Пол Гетти III, который обосновался в Риме, ведя там богемную жизнь, что, очевидно, не слишком нравилось деду.

«От меня вы не получите ни доллара»,-таков был категорический ответ старика похитителям. И в течение пяти месяцев он отказывался платить выкуп, объясняя это так: «Если я сдамся, то моих внуков начнут похищать одного за другим». Чтобы принудить его к уступчивости, похитителям пришлось прибегнуть к крутым мерам. Они прислали Гетти отрезанное ухо внука вместе с пленкой; похищенный обращался к деду с такими словами и таким голосом, которые разжалобили бы даже крокодила. Старый миллиардер, скрипя зубами, все-таки решился после этого выкупить жизнь внука Пола III. Что ж, у каждого человека свои слабости.

Говард Хьюз

(1905-1976)

Каскадер удачи

Как самый изворотливый миллиардер стал призраком

американского капитализма.

Империя Говарда Хьюза

Его состояние, оценивающееся в два миллиарда долларов, включало компании «ЭйрУэст-и «Само Корпорейшн» (самолетостроение), «Хьюэ Эйркрафт» (спутники и ракеты), игорные дома в Неваде, целый флот для проведения подводных исследований.

• **Человек-невидимка**

Ночь. Пустыня в нескольких километрах от Лас-Вегаса. Вдоль железнодорожной линии стоит вереница автомобилей с погашенными фарами. Один из них похож на карету скорой помощи. В машинах сидят крепкие парни в темных костюмах; не произнося ни слова, они курят или жуют резинку. Поезд, который они ждут, на несколько минут опаздывает, и они удивлены. Наконец в тишине раздается звук приближающегося состава. Парни гасят сигареты, выплевывают жевательную резинку. Машинально проверяют, не сбился ли галстук. И вот поезд линии «Юнион Пасифик» останавливается. Из последнего вагона-вагона-салона с малиновыми занавесками на окнах-выходят четыре человека. Сложены они, как боксеры-тяжеловесы, у каждого в руках автомат. Следом за ними два санитара с осторожностью выносят носилки, на которых лежит укутанный одеялом человек, его лицо тщательно укрыто белой простыней. Носилки торопливо задвигают в карету скорой помощи, которая тут же трогается, а за нею следом-вся вереница лимузинов.

Покуда поезд тяжело набирает ход, огни фар отъехавших машин исчезают за горизонтом. После нескольких часов пути машины въезжают на паркинг «Дезерт Ип». Это одна из самых шикарных гостиниц в Лас-Вегасе, кроме того, здесь находится казино, где встречаются все любители рулетки и баккара с тихоокеанского побережья. К «скорой помощи» устремляется толпа. Это журналисты и фоторепортеры местных газет, примчавшиеся сюда в надежде на сенсацию, немало и просто любопытных. Уже несколько часов они топчутся перед отелем. Как и любому жителю Лас-Вегаса, им известно, что десятый этаж «Дезерт Ин» целиком снял какой-то таинственный миллиардер, которому недавно в Бостоне сделали сложнейшую операцию, и вот он выбрал для поправки здоровья отель-казино

хьюзв Лас-Вагасе. Казалось бы, прибытие его сюда подготавливалось в строжайшей тайне, было сделано все, чтобы

сохранить инкогнито больного, однако как всегда произошла утечка информации, и теперь это уже секрет Полишинеля, который известен в городе всем и каждому: таинственный жилец «Дезерт Ин» ни кто иной как Говард Хьюз, один из богатейших людей в мире.

В молчании под любопытными взглядами и вспышками блицев фоторепортеров телохранители и санитары прошли через толпу, осторожно неся носилки, на которых лежало укрытое с головы до ног белой простыней тело миллиардера. Носилки подняли на лифте, вынесли из него, открыли дверь апартаментов, осторожно, стараясь не задеть ни за что, внесли, закрыли дверь и... с громким хохотом бросили на пол вместе с тем, что на них покоилось,-а был это просто-напросто манекен.

В этот же день на вокзале Лас-Вегаса с поезда, прибывшего с восточного побережья, сошел человек. Мятая фетровая шляпа, неглаженные брюки, одет небрежно, ничем не примечательная внешность. Однако его лицо лучилось радостью, и на то у него были основания: он наконец осуществил мечту, которую лелеял уже многие годы, мечту, которая совсем еще недавно казалась ему совершенно неисполнимой-раствориться в толпе, заставить забыть о себе, стать таким, как все.

Женщины

Приведи мы здесь полный список возлюбленных Говарда Хьюза, это было бы не слишком деликатно, да и заняло бы чересчур много места.

• **Сойти со сцены**

Так (или примерно так) в ноябре 1966 г. Говард Хьюз, самый баснословный миллиардер своего времени, которому с начала тридцатых годов удалось, как никому другому, воплотить американскую мечту, устроил свое собственное исчезновение. Он счел, что с помощью этого невероятного спектакля, подготовленного до мелочей, проще всего бежать от славы, ставшей с годами совершенно для него невыносимой. Говорят, что, сойдя с поезда, Хьюз, прежде чем окончательно раствориться в мире, вполне насладился радостью быть никем и вмешался во взволнованную толпу у «Дезерт Ин» и внимательно слушал, как собравшиеся высказывают соображения о его здоровье, огромном состоянии и бесчисленных любовных похождениях. Но, возможно, это легенда. Однако в любом случае в тот день он сошел со сцены активной деятельности, чтобы никогда больше на ней не появиться.

Это добровольное и неожиданное исчезновение человека, которого почитали героем, явилось для американской публики

самым непостижимым поступком, какой только можно себе вообразить. Но американцы знали об этом человеке только то, что им сообщала пресса: стремление быть всегда первым, неуемная жажда жизни, любовь к действию,- то есть те черты характера, которые тогдашняя идеология представляла как специфически американские. О другой стороне его натуры, полностью противоположной той, о которой она знала, публика не имела ни малейшего представления: интро-вертный, стертый темперамент, навязчивая мизантропия; Говард Хьюз, магнат, возбуждавший в Новом Свете самую сильную зависть, был, по сути, нелюдимым человеком, отчаянно одиноким. Читатели бульварных газет представляли Говарда Хьюза этаким образцом миллиардера, счастье которого, равно как и состояние, безмерно. Его жизнь до ноября 1966 г. казалась примером пути, который мечтали повторить все его соотечественники, и никто из них так и не смог понять, как можно, находясь на гребне богатства и славы, совершить столь странный, чтобы не сказать нелепый, поступок.

Наследники Поскольку Говард Хьюз не оставил завещания, около ста пятидесяти человек, ссылаясь на дальнее родство, заявили о своих претензиях на наследство. Среди них была даже одна старая дама, которая утверждала, что является его матерью.

• **Нувориш от отца к сыну**

Говард Хьюз явился на свет в Хьюстоне в 1905 г. 24 декабря, то есть прямо накануне Рождества. Его отец по прозвищу Большой Говард изрядно продвинул сына на пути к богатству. В отличие от большинства магнатов той эпохи, младшему Говарду не было нужды самому пробивать себе дорогу. Отец, личность весьма яркая, не только оставил ему неплохое состояние, но и оказал на сына весьма большое влияние, так что будет, пожалуй, не лишне сказать о нем несколько слов.

Большой Говард имел характер каскадера, активный, напористый, который передал-вторая, не менее важная часть наследства-своему сыну. Жизнь свою он начал достаточно скромно, адвокатом в маленьком городке штата Монтана, но очень скоро спокойная упорядоченная жизнь ему надоела, и он сменил мирную профессию, связанную со словоблудием в суде, на куда более беспокойную-автогонщика, а затем-по примеру многих своих соотечественников-занялся поисками нефти. И именно в этой сфере деятельности доказал, что обладает

воображением, по которому распознают создателей крупных состояний. Вместо того чтобы искать, подобно большинству своих

конкурентов, нефть, он решил, что куда выгоднее будет продавать всем этим одержимым, что гробили вокруг него свои силы, механизмы и инструменты, помогающие ее поискам. Наделенный в равной мере талантом механика и жаждой сколотить состояние, он дни и ночи посвящал созданию бура новой модификации. Новый бур со ста шестьюдесятью шестью лезвиями-долотами входил в недра Техаса легко, как в масло. Успех был ошеломляющим. Спустя всего несколько месяцев после получения на него патента новый бур, который покупали чуть ли не на вес золота, использовался на всей территории Соединенных Штатов, и Большой Говард, счастливый, как король, ставший обладателем кучи долларов и гордый тем, что разбогател так быстро и совершенно самостоятельно, сочетался законным браком с Ален Гало, королевой красоты города Далласа, а это в стране старлеток немаловажный титул. Счастье пришло к нему следом за богатством, что случается довольно часто, хотя и противоречит многим известным пословицам. Большой Говард основал компанию «Шарп энд Хьюз Тул», которая вовсю процветала, а его королева красоты, процветавшая в не меньшей степени, подарила ему сына, и прежде чем умереть, он с радостью смог убедиться, что его отпрыск унаследовал от него несомненные способности к бизнесу и механике.

Каков отец, таков и сын

«Шарп энд Хьвдз Тул Компани*. основанная Большим Говардом, очень скоро стала просто «Хьюз Тул Компании У Хьюза-отца был принцип: не обременять себя компаньонами. Этому принципу следовал и младший Говард.

• **Маленький миллиардер превратился в большого**

В 1925 г., когда умер его отец, Говард учился в Калифорнийском Технологическом институте и еще не достиг совершеннолетия. И тем не менее он мгновенно принял решение: «Я оставляю учебу и беру на себя руководство «Хьюз Тул Компани». Нотариус, занимавшийся наследством Большого Говарда, выслушал юношу со снисходительной улыбкой. «Молодой человек,-сказал он ему,- ваше намерение более чем похвально, но вы еще несовершеннолетний, так что не можете взять на себя руководство фирмой. Кроме того, вы распоряжаетесь всего двадцатью пятью процентами ее капитала и, по причине вашего несовершеннолетия, не можете распоряжаться пятьюдесятью процентами, принадлежавшими вашей покойной матушке.

Надо также учесть, что остальные двадцать пять процентов акций находятся в руках акционеров, не относящихся к вашей

семье. Послушайтесь моего совета: завершите образование, а потом...» Ответ молодого человека был достаточно резким: «Мистер, я все устрою. Вы же знаете, что отец научил меня бороться. Так что не может быть и речи о том, чтобы ждать совершеннолетия». Если рассуждать логически, никто бы и доллара не поставил на то, что молодому Хьюзу удастся выполнить задуманное, и тем не менее, к величайшему изумлению нотариуса, все получилось так, как сказал молодой человек. Круглый сирота, он использовал определенные статьи закона плата Техас, и суд вынужден был признать его совершеннолетним. Таким образом Говард стал владельцем семидесяти процентов акций *Хьюз Тул Компани». А еще через несколько месяцев он за бесценок выкупил остальные двадцать пять процентов, цены на которые его отец перед смертью озаботился снизить. Для начинающего это был мастерский ход.

Образ отца

Говард Хьюз восхищался своим отцом и говорил: -Это был настоящий ярый индивидуалист... Он поселил во мне жэлакие сделать что-то самостоятельно и научил всегда рассчитывать только на себя самого».

• **Самый стремительный миллиардер**

Со всепожирающей жаждой успеха-получить все и немедленно-в характере младшего Говарда соединялись две страсти, которые не оставляли его до конца жизни: скорость и механика. С того самого момента, когда по закону была признана его юридическая дееспособность и он перестал зависить от кого бы то ни было, все его поступки, все решения свидетельствовали о неутолимой потребности двигаться вперед, не останавливаться и любой ценой завоевать весь мир. Почему? Он не знал, да, наверное, у него и не было времени задавать себе вопросы философского плана. В любых ситуациях Говард Хьюз действовал напористо, как в тот день, когда явился в контору мистера Раиса-главе одного из самых богатых семейств Соединенных Штатов-и без всяких предисловий объявил; «Я люблю вашу дочь и хочу на ней жениться». Элла (так звали предмет его любви) была старше своего пылкого поклонника и никогда о нем не думала, но как она должна была поступить, видя такую решимость? Через несколько дней был заключен брак.

Страсть к механике была присуща Хьюзу чуть ли не с колыбели. Все биографы Говарда Хыоза с удовольствием приводят истории из его детства, когда

он, двенадцатилетний мальчик, сам смастерил детекторный

приемник или починил мотоцикл. Как и у отца, у него было инстинктивное понимание механизмов и любовь к их конструированию и доведению до ума.

В детстве же зародилась и его любовь к авиации, в тот самый день, когда отец устроил ему воздушное крещение, прокатившись вместе с ним на гидросамолете. С того дня жажда летать, летать как можно дальше и как можно быстрей, стала главнейшим стремлением Хьюза. И здесь тоже он был стремителен и напорист. Еще до достижения положенного возраста ему удалось получить диплом летчика. Скрыв возраст и фамилию, он нанялся вторым пилотом в «Американ Эйркрафт Компани». Но только создание фирмы «Хьюз Эйркрафт», помещавшейся в одном из ангаров в Лос-Анджелесе, стало подлинным началом его карьеры. Хьюзу не было еще и тридцати. Помогали ему всего три инженера и несколько рабочих, да и мастерская у него была довольно убогая. Но зато у него были идеи и какое-то обостренное стремление к совершенству. По его планам и под его руководством в «Хьюз Эйркрафт» были спроектированы и построены самолеты, аэродинамические качества которых превосходили все, что существовало до тех пор. И вот в 1935 г. первый серьезный успех: развив среднюю скорость 563,82 км/час, самолет, которым управлял сам Хьюз, побил рекорд скорости, установленный французом Реймоном Дельмоттом. Это было начало славы.

«Зеро»

Хьюзу поистине не везло с военными самолетами. Его H1, отвергнутый военно-воздушными силами США, был предложен всем странам. Ни одна из них не решилась приобрести его. Наибольшую заинтересованность проявила японская делегация. Она прибыла в сопровождении большой свиты инженеров, которые в течение нескольких дней тщательно изучали прототип - все конструкции, все узлы. После чего с улыбками, рассыпаясь в изъявлениях почтения, делегация отбыла, не совершив сделку. Но когда в 1942 г. американцы сбили первый японский истребитель - знаменитый «Зеро», который использовался на тихоокеанском театре военных действий,-физиономии у них вытянулись: сбитый истребитель был точной копией самолета Говарда Хьюза.

• На завоевание неба

Теперь «Хыоз Эйркрафт» имела собственное помещение, и ее честолюбивый патрон надеялся использовать ситуацию своего успеха. Первым делом он предложил новый самолет армии. Его H1 мог бы стать самым эффективным истребителем-и по скорости, и по дальности полета. Однако убедить в этом генералов не удалось. И тогда Хьюз решительно обращается к

гражданской авиации. Вступив в игру, он использовал рекламный ход. У компании «Локхид Корпорейшн» он покупает корпус монопланa, после чего на восемь месяцев запирается в ангаре вместе со своими инженерами и рабочими. 10 июля 1938 г. уже полностью готовый самолет

находится на аэродроме «Флойд Бен нет». Хьюз садится в кабину, берет на себя ручки газа, и вскоре самолет исчезает в небе над Атлантическим океаном. Через девяносто один час и сорок одну минуту он приземляется на том же самом аэродроме. Хьюз совершил кругосветный воздушный полет, побив все рекорды.

Никогда еще улицы Нью-Йорка не слышали таких оваций, никогда еще с небоскребов на Бродвее не сыпалось столько конфетти и листков, вырванных из телефонных справочников. Америка устроила победителю в кругосветном полете небывалый, грандиозный прием. Сенат, желая почтить героя дня, учреждает награду специально для него одного-молодому миллиардеру улыбаются самые изысканные звезды Голливуда.

•Кино, а главное, женщины

Впрочем, улыбки кинозвезд Хьюзу были не в новинку. Кроме любви к авиации, в его сердце жили еше две страсти: кино и красивые женщины. Желая разом удовлетворить обе, Хьюз купил R. К. О.- одну из самых крупных кинокомпаний-и разослал по всему миру доверенных агентов с заданием-искать актрис, молодых, привлекательных и, так сказать, телесно одаренных. Из его студий в Голливуде вышли такие всемирно известные кинозвезды, как Кэтрин Хепберн, Лана Тернер, Джин Харлоу, Джинджер Роджерс, Ава Гарднер, не говоря уже о Джейн Рассел, чья обнаженная аэродинамическая грудь обеспечила скандальный успех фильму «Вне закона».

Самолет-гигант Говарда Хьюза

В начале Второй мировой войны Говард Хьюз предложил американскому правительству создать гигантский гидросамолет, способный благодаря наличию восьми моторов транспортировать семьсот пятьдесят человек. На реализацию проекта он получил сорок миллионов долларов, но и В 1947 г. гигант еще не был передан военно-воздушным силам Соединенных Штатов. Некоторые сенаторы были уверены, что самолет никогда не поднимется в воздух, и правительство потребовало отчета у миллиардера. На следующий день а Лос-Анжелесе Хьюэ н фетровой шляпе на голове самолично сел за управление гидросамолета и после менее чем километрового пробега поднял его в воздух. Пролетев несколько сот метров, самолет

приводнился, после чего вновь был отправлен в ангар, откуда больше уже никогда не был извлечен. Летающий корабль совершил свой первый и последний полет. Честь была спасена.

•T.W.A.

Но при всем интересе к этим весьма земным вещам Говард Хьюз не забывал и про небо, во всяком случае как про пространство, в котором могут летать пассажирские самолеты. Почти сразу же после возвращения из своего триумфального полета вокруг света он покупает T.W.A. и вскоре создает новый роскошный четырехмоторный самолет с герметизированной кабиной «Констеллейшн». Этот новый успех приносит Хьюзу новые контракты, которые позволяют расширить его империю и продолжить триумфальный марш, который, казалось, будет длиться всю жизнь.

•Перемена курса

Однако на триумфальном этом пути возникла помеха, которая не в столь необыкновенной жизни могла бы показаться незначительной, но именно она, похоже, изменила судьбу миллиардера. В 1966 г. федеральные власти возбудили против

Хьюза судебный процесс из-за нарушения им пресловутого антитрестовского закона. Поводом послужили кок-тракты, заключенные между T.W.A., компанией, принадлежащей ему, и *Хьюз Эйркрафт», компанией, владельцем которой был тоже он. И случилось для Хьюза непредвиденное: он проиграл этот процесс. Решение приходит мгновенно - ни годы, ни слава не изменили его - Хьюз не утратил былой стремительности. Через несколько дней после объявления вердикта он выбрасывает на Нью-Йоркскую биржу 77 % принадлежащих ему акций T.W.A. Момент выбран удачно: курс ценных бумаг идет на повышение. В результате он получает 546549771 доллар, с которыми решает купить город, да, целый город, как другие покупают новый автомобиль или телевизор. И причем не какой-нибудь, а Лас-Вегас. Систематически, методично он скупает отель за отелем, супермаркет за супермаркетом, казино за казино, ипподром за ипподромом и становится владельцем всего, что можно было купить.

Микробы

У Говарда Хьюза был навязчивый страх перед микробами. Последние годы жизни он провел в помещениях, где все строжайшим образом дезинфицировалось, что, впрочем, не продлило ему жизнь.

•Остров мормонов

Что происходило в его мозгу во время этой новой завоевательной акции? До какой степени мизантропии он втайне дошел? Несомненной мизантропии, заставившей его заявить со всей откровенностью: «Люди меня никогда не интересовали». Это тайна, которая была известна ему одному. Как бы то ни было, но именно тогда он и решил уйти со сиены, укрыться на острове.

Мормоны-люди, немножко помешавшиеся на добродетели. Они не пьют, не курят, отношения со своими женами поддерживают лишь на уровне, необходимом для продления человеческого рода, установлению генеалогии которого они отводят значительную часть своего времени, что ни в коей мере нельзя назвать легкомысленным времяпровождением. Одним словом, вроде бы не было ничего, что могло бы сблизить их с закоренелым распутником наподобие Говарда Хьюза. И тем не менее именно в обществе пяти мормонов миллиардер-мизантроп

решил провести остаток своей жизни. Поселившись на десятом этаже отеля «Дезерт Ин», который он, само собой разумеется, купил целиком, Хьюз управлял своей империей, ни с

кем не встречаясь. Только его мормоны имели право приближаться к нему. Но никаких сведений о нем вытянуть из них никому не удавалось, они молчали, как рыбы. Им одним было известно, жив летающий миллиардер или уже отдал Богу душу. Умер Говард Хьюз в апреле 1976 г.

Фильмы, в которых Говард Хьюз выступил

продюс сером:

•Лицо со шрамом : ("Scarface") о Полом Муки и Джорджем Рафтом; «Вне закона» ("The Outlaw") «Аравийские ночи» - фильм, получивший первого «Оскара-. Жизнь Говарда Хьюза легла в основу фильма Эдварда Дмитрыка «Честолюбие- (1965), в котором снялись Джордж Пеппард, Алан Ладд, Энтони Декстер и Кэр-рол Бейкер.

«Вне закона»

Фильм «Вне закона», продюссером которого был Говард Хьюз, стал как началом кинокарьеры Джейн Рассел, так и началом эпохи сексапильных звезд. Фильм изрядно шокировал преувеличенно стыдливую Америку. Актриса, дебютантка, была выбрана среди пятисот претенденток, одна краше другой, проигравших ей, потому что груди их по своим размерам, нет, тут, пожалуй, больше подойдет слово «объемам», не шли ни в какое сравнение с тем, чем природа одарила ее. У Джейн грудь была грандиозная, а поскольку сценарий (романтическая история Билли Кида) был, похоже, написан с единственной целью продемонстрировать ее во всей красе, успех фильма тоже был грандиозным. Кстати, Говард Хьюз приложил к этому руку в полном смысле слова. Недовольный сценой, в которой Джейн с чрезмерным декольте привязана к двум деревьям, он заставил оператора сделать пятнадцать дублей. Но поскольку грудь все разно не производила того эффекта, какого от нее ждали, раздраженный продюс-сер пришел к выводу, что виной этому бюстгальтер. Он распорядился принести ему чертежные принадлежности и чертежную бумагу, какими он пользовался, когда делал проекты своих летающих крепостей, и, употребив в портновском деле все достижения самолетостроения, не сходя с места, изобрел новый тип бюстгальтера, который, как и его самолеты, разлетелся по всему миру.

234

Сэм Каммингз

(1921)

Тихий торговец бомбами

У *Сэма Каммингза, похоже, совершенно нет склонности к роскошной жизни набоба. Его интересует только оружие., И эту страсть разделяют его многочисленные клиенты.*

Во внешности Сэма Каммингза-круглое, немножко кукольное лицо, благородная седина, благожелательная улыбка хорошо воспитанного мальчика- нет ничего, внушающего страх. Житель Монако, натурализовавшийся по всемилостивому дозволению его светлости князя и ради всевозможных налоговых льгот, он ведет скромную жизнь ушедшего на покой буржуа. И туристам, встречающим его в порту, вряд ли приходит в голову, что перед ними человек N1 в частной торговле оружием.

Что ж, тем хуже для любителей достопримечательностей. Его резиденция ничуть не похожа на бункер. На крыше не сидят вооруженные охранники, нет сторожевых собак, выдрессированных разорвать каждого, кто вторгнется в пределы частной собственности, нет сторожевых вышек, чтобы не подпускать любопытных. Живет он на улице с поэтическим названием Левкоевая. дом у него самый обычный, и Джеймс Бонд вряд ли нашел бы там что-нибудь для себя интересное.

Первая крупная сделка, совершенная Сэмом Каммингэом - приобретение у панамской армии нескольких тысяч винтовок, которые он потом распродал в розницу американским коллекционерам оружия.

• Профессия как профессия

Окружение, в котором он живет, действительно выглядит вполне мирным. Пулеметы, пистолеты, реактивные гранатометы и автоматические карабины, украшающие его кабинет, выглядят так же безобидно, как метлы, висящие под потолком в москательной лавке. «Торговля оружием,-говорит он,-такая же профессия, как и любая другая. Преступление-использовать его». Действительно, разве он несет ответственность за то, как некоторые его клиенты используют маленькие чудеса техники, которые он им поставляет? Можно ли упрекать торговца мылом за то, что у него грязные клиенты, или обвинять продавшего веревку за то, что кто-то на ней повесился? И Сэм Каммингз продает пушки со спокойной совестью, так же, как если бы он торговал мылом или веревками.

•Мирный отец семейства

Жена его швейцарка, то есть принадлежит к народу миролюбивому, если не сказать чрезмерно нейтральному, который использует оружие, по-преиму-ществу арбалеты, только во время процессий в фольклорных празднествах да для стрельбы по яблокам. Так что Каммингз, продавая снаряды и гранаты, ведет вместе с ней и двумя дочками тихую, спокойную жизнь. Нет

у него ни роскошных яхт, ни вилл, заставляющих вспомнить сказки -«Тысячи и одной ночи», он не устраивает бесконечные приемы в шикарных отелях; этот тихий, мирный человек не пьет, не курит, ест только для того, чтобы насытиться; у него есгь единственная страсть-его торговля. По своим привычкам торговец смертью N1 очень смахивает на мелкого лавочника.

«Торговец смертью»

Самый знаменитый посредник в торговле оружием носил имя Баз и ль Захарофф: он прожил жизнь, надувая как своих поставщиков, так и покупателей, а завершил ее в 1936 г. на роскошной вилле в Монте-Карло, осыпанный наградами и почестями. Торговля пушками вполне его устраивала. Его прозвали «торговцем смертью», но ему никогда не приходило в голову сменить род занятий. Кто-то сказал: -Добытое пугем неправедным вдвое слаще, нем нажитое честным трудом...»

•Превратности кризиса

Надо сказать, богатство пришло к нему как бы даже случайно-как неожиданное следствие невинного времяпрепровождения, которому с ранней юности он предавался с бескорыстной страстью, на какую способны только истинные любители: ему нравилось чинить огнестрельное оружие.

Сэм родился в семье выходцев из Ирландии, поселившейся в Филадельфии, и детство у него было трудным. Скромный достаток, которого ценой огромных усилий сумел добиться его отец, рухнул с началом кризиса 1929 г. С каждым днем финансовое положение Каммингзов катастрофически ухудшалось без всяких надежд на спасение. Разоренный непредвиденной катастрофой, доведенный до нищеты, Каммингз-отец объявил единственному сыну, что отныне тому придется самому зарабатывать себе на жизнь. Сэму тогда было всего восемь лет. А это слишком юный возраст, чтобы бороться с жизненными трудностями, особенно в переживающей кризис Америке тех лет, где свирепствовала хроническая безработица и гангстеризм, ставший легендой.

Сокровище в мусорном баке

Распространившийся по всей стране гангстеризм, тем не менее, дал мальчику шанс заработать на жизнь. В ту эпоху насилия, когда улицы американских городов чуть ли не ежедневно становились полями сражении между соперничающими бандами, нередко случалось, что гангстеры выбрасывали оружие, чтобы избежать преследований неподкупного ФБР. И нередко в общественных туалетах находили гранаты, на помойках - снайперские ружья, а в канализационных колодцах - противотанковые мины.

Наверное, именно так, роясь в мусорных баках, Сэм Каммингз сделал находку, которая направила его на путь, ведущий к богатству. А был то автомат-великолепный автомат, не игрушечный, настоящий, какими были вооружены солдаты армии Соединенных Штатов. Разинув от изумления рот, мальчик смотрел на него с восторгом, с каким, должно быть, малыши смотрят на рождественскую елку, увешанную подарками. Естественно, находку он забрал.

При свете лампы Сэм проводил долгие часы, рассматривая, ощупывая, без конца собирая и разбирая автомат, и, в конце концов, изучил его до такой степени, что мог уже проделывать манипуляции с закрытыми глазами. После чего решился продать его некоему коллекционеру оружия, мысленно пообещав себе, что отныне все дни будет посвящать осмотру общественных туалетов, помоек и свалок в надежде на новые находки.

Через несколько лет торговля оружием стала основной деятельностью юного Сэма Каммингза. Продолжая учебу на юридическом факультете, за которую он, как и большинство американских студентов, платил, зарабатывая деньги где и чем только удастся, Сэм Каммингз занимался приобретением и продажей ружей, револьверов и автоматов. Скупая, перепродавая, ремонтируя любые виды старого огнестрельного оружия, он создал сеть продавцов и покупателей, а главное, стал одним из самых компетентных специалистов в этой области.

Аднан Хашоги

В отличие от Сэма Каммингза, Аднан Хашоги, "СуперпосредниК" в торговле оружием, не сумел противостоять соблазну роскошной жизни. Его непомерные траты оказались для него роковыми.

• **Экспертиза**

Его знание оружия вскоре стало буквально энциклопедическим, так что ЦРУ, у которого в достатке было и собственных экспертов, обратилось к нему за помощью. В 1950 г. оно поручило ему оказать содействие в инвентаризации оружейных складов, оставшихся после разгромленной Германии, а также в оценке военного арсенала, которым обладает армия коммунистической Северной Кореи. Официальные миссии, порученные Каммингзу, подтверждали его значение как специалиста международного

класса в этой области, а также позволили ему завязать связи, полезные для развития его скромного бизнеса.

•Фирма, представленная одним-единственнымчеловеком

И вот спустя три года Каммингэ смог подать заявку на официальное признание статуса своего предприятия. Назвал он его «Интерармз». Сказать по правде, фирма была весьма скромная-до такой степени, что ее офис находился... в квартире матери Кам-мингза. А сам он исполнял в ней множество самых разных должностей: генерального президента-директора, вице-президента, генерального секретаря, а также и остальных секретарей; при необходимости он не гнушался исполнять работу машинистки и даже уборщицы. Такая организация обладала серьезными преимуществами, позволяя не только сэкономить на заработной плате, но и избежать конфликтов с персоналом. Великолепные официальные бланки, которыми он пользовался, испещренные подписями его воображаемых заместителей, позволяли ему морочить голову клиентам и договариваться, как держава с державой, к примеру, с националистическим Китаем, Панамой или пакистанским правительством. По всему миру Каммингэ скупал за почти символическую цену горы старого оружия, зачастую уже непригодного к употреблению, после небольшого ремонта его оказывалось возможным вновь использовать, скажем, революционным повстанцам в разных частях света или во время военных парадов.

Безобидные игрушки

Президенту Миттерану, пожелавшему сделать торговлю оружием более нравственной, пришла блестящая идея представлять на авиасалонах бомбардировщики со снятым вооружением, так сказать, бомбардировщики для туризма,

•Избранная клиентура

После этого героического периода «Интерармз»-оставалось только разрастаться и процветать. В настоящее время Сэм Каммингз контролирует по меньшей мере 85 % рынка свободной торговли всеми видами вооружения, А это отнюдь не мало, даже при том что свободный рынок составляет лишь пять процентов общего объема всемирного рынка оружия, на котором ожесточенно конкурируют крупные промышленные державы, почитающие себя демократическими и миролюбивыми-эта торговля приносит им весьма существенные доходы. Вообще торговля смертью очень прибыльна. То-

вар, который предлагает Каммингз, хранится на его складах, охраняемых, как цитадели. На складах, разбросанных от Манчестера до Вирджинии, лежат пятьсот тысяч винтовок,

револьверов, автоматов, спокойно ожидающих погрузки. Правда, клиентура Каммингза заслуживает всяческого уважения. С террористами он дел не имеет. Сэм Каммингз продает оружие только лицам, заслуживающим доверия, и только по лицензиям американского правительства. В строгости правил фирмы убедился Амин Дада, которому дали от ворот поворот. Если верить президенту фирмы «Интерармз», она снабжает, главным образом, коллекционеров, просвещенных и миролюбивых любителей оружия, которые ценят хорошую работу. Сэм Каммингз расценивает продаваемые им снайперские винтовки и гранатометы как безобидные игрушки, предназначенные для важных высокопоставленных особ, имена которых, правда, он предпочитает не раскрывать.

Генри Росс Перо

(1930)

Миллиардер-солдат

Генри Росс Перо безумно любит Соединенные Штаты, армию Соединенных Штатов и менеджмент по-американски. Эти три страсти принесли ему известность... и богатство.

Хотя Генри Росс Перо сейчас является обладателем состояния в шестнадцать миллиардов франков, вовсе не доллары являются побудительным мотивом его деятельности. Он сам сказал об этом с легкой улыбкой: «Зарабатывать деньги ради денег неинтересно. Мне доставляет удовольствие создание крупного предприятия, которым я могу гордиться». Даже если бы он увидел под копытами своей лошади золотые самородки (что маловероятно), он не соизволил бы наклониться, чтобы поднять их. «Это слишком легко», - презрительно заметил он.

Меценат

Среди прочего Перо подарил Техасскому университету коллекцию книг, среди которых были первые издания Чо-оерз, Шекспира, Мильтона, общей стоимостью пятнадцать миллионов долларов.

• **Подвиг ради подвига**

В любом деле этого маленького американца, стриженного, как джи-ай, более всего увлекает возможность только за счет собственной энергии и без малейшей помощи со стороны совершить нечто, что все вокруг дружно считают невыполнимым. И движет им в его деятельности вовсе не алчность, не жажда собрать как можно больше богатств. Движет им удовольствие от творчества, созидания, а главное, от возможности вдохнуть хотя бы малую толику своего неисчерпаемого динамизма в команду

отборных финансистов и привести их к победе, как полководец ведет свою армию в сражение.

Генри Росс Перо в куда большей степени, чем какой-либо авантюрист, является каскадером удачи. Он стал миллиардером, как мог бы стать подводным разведчиком-диверсантом или парашютистом, из любви к риску И стремления показать себя. И это очень нравится американцам, тем паче что Росс с удовольствием играет взятую на себя роль, выставляя напоказ свой патриотизм, и при каждом удобном случае демонстрирует свою любовь к армии и звездно-полосатому флагу Соединенных Штатов. Образчик человека, самостоятельно пробившего себе дорогу, упорный и дерзкий предприниматель,

240

он заставил умолкнуть недоброжелательную критику, частыми мишенями которой становятся миллиардеры, умело играя на двух чувствительных струнах в душах своих соотечественников: на ура-патриотизме и духе предпринимательства.

•Воин становится торговым представителем

Генри Росс Перо родился в семье французского происхождения, обосновавшейся в Техасе; его отец был агентом по торговле хлопком. Поначалу он поступил в морское училище. Море, мундир, военная жизнь по-настоящему влекли его. Четыре года он прослужил в военно-морском флоте Соединенных Штатов.

И хотя эта жизнь вполне отвечала его любви к порядку и дисциплине, все-таки он ее оставил. Для человека его темперамента необходимость подчиняться приказам командиров была почти что непереносимой. Чтобы развернуться, ему необходим был такой род деятельности, который дал бы ему возможность рисковать, проявлять инициативу и в полной мере демонстрировать свои способности, не отдавая при этом никому отчета.

Коммерция показалась ему именно той областью, которая такую возможность даст. Героически отказавшись от своих первых жизненных пристрастий, Росс подает в отставку и поступает в IBM простым агентом по продаже компьютеров. И буквально с самого начала выказывает исключительные способности в этой сфере деятельности.

Нетипичные действия

Продавая не столько компьютеры, сколько программное обеспечение к ним и способы их применения, Генри Росс Перо воспользовался отмычкой, которая очень часто отворяет двери Удачи-действовать не так, как все. В этом он шел по следам

Рокфеллера и Говарда Хьюза-отца, которые, вместо того, чтобы искать нефть, как делали все, решили продавать оборудование, необходимое для ее добычи.

•Летать на собственных крыльях

Способности до такой степени исключительные, что должность торгового представителя вскоре оказалась для них слишком тесной, и Перо к изумлению своих работодателей не замедлил уволиться с нового места службы, намереваясь открыть собственное дело.

Предприятие это само по себе было весьма рискованным. Для того чтобы преуспеть в этой области, у него было слишком мало козырей. Рынок информации захватили крупные компании, а у Перо за душой было всего несколько сот жалких долларов, которые ему удалось скопить. По общему мнению, далеко уйти ему было не дано, и его экс-хозяева надеялись на скорое возвращение своего самого находчивого агента, униженным и раскаявшимся.

241

Но эти надежды свидетельствовали о полном незнании несгибаемой воли Перо и его потрясающего жу-тья, присущего крупным капиталистическим предпринимателям.

•Идея на вес золота

Продавая компьютеры компании 1ВМ, Перо заметил, что большинство его клиентов не имеет ни малейшего представления о действии дорогостоящих машин, достоинства которых он им расхваливал. Будучи приобретенными, эти маленькие чудеса технологии очень часто устанавливались в углу офиса и покрывались пылью, ласкаемые взглядами своих счастливых владельцев. Перо быстро смекнул, какую выгоду он может извлечь из подобной ситуации. Его ноу-хау стоило дороже золота. Чтобы разбогатеть, Перо достаточно было продать его, создав консультационную фирму по информатике. Его фирма была первой среди множества подобных, но возникших уже позже.

•Необходимый человек

Идея была в равной степени и новой, и блистательной. Благодаря ей Генри Росс Перо в рекордный срок встал в ряд самых богатых людей мира. Созданная в 1962 г. «Электроннк Дата Систем Корпорейшн» в 1972 г. достигла головокружительной цифры оборота в сто миллионов долларов. Банки, страховые компании, равно как министерства и армия Соединенных Штатов, оборудованные самыми совершенными компьютерами, один за другим становились ее клиентами,

причем происходило это с тем большей легкостью, что она была единственной, способной предложить им необходимое обслуживание.

Компетентность компании в сфере «искусственного интелекта», а также и эффективность ее служб, организованных по чисто армейскому принципу, скоро привлекли к ней внимание на самом верху. Белый Дом пригласил ее быть постоянным консультантом, и вскоре «Электроник Дата Систем» превратилась в настоящую мошную организацию, став непременным участником всех крупных программ в области информатики.

•Даровая щедрость

Став миллиардером, Генри Росс Перо тут же принялся жертвовать крупные суммы, причем бескорыстие этих щедрых пожертвований не оставляло никаких сомнений. Он пользовался любым поводом, чтобы, истратив кучу долларов, продемонстрировать свой легендарный патриотизм. Не считая, он давал деньги на выкуп американских заложников, захваченных террористами, на финансирование компаний против наркотиков, на подарки американским солдатам, оказавшимся во вьетнамском плену. И хотя проблемы культуры его не слишком интересуют, он выступает и как меценат, способствуя обогащению архивов и библиотек родной страны. Он проводит множество эффектный акций, не пытаясь получить от них никакой материальной выгоды, но зато они увеличивают его популярность, которой завидуют многие, очень многие.

242

Великая Хартия Вольностей

Благодаря Перо, Национальный архив Соединенных Штатов в настоящее время является обладателем «Мадпа СаПа». английской хартии XIII в., гарантировавшей первые свободы.•Спецотряд для разрешения спора

•Жизнь, полная неожиданностей

Короче, Генри Росс Перо не сожалел, что оставил военно-морской флот и отказался от воинской славы. Тем паче что жизнь миллиардера оказалась стократ более бурной, чем можно было ожидать. Торговля компьютерной техникой и программным обеспечением к ней-сфера весьма рискованная и беспокойная. Шпионаж там дело обычное, клиентов приходится искать в странах, нравам и обычаям которых отнюдь не присуще гостеприимство. Уильям Гейлорд и Поль Кьяппарони, два сотрудника Перо, в 1979 г, имели возможность убедиться в этом, и дело могло бы закончиться трагически, если бы не солдатская отвага и дерзость их шефа.

• Спец отряд для разрешения спора

Посланные в Иран для получения денег по контракту, подписанному еще шахом, два этих сотрудника Перо сразу же по прибытии были задержаны правительством аятоллы Хомейни как заложники. Пылкие последователи Магомета обвиняли «Электроник Дата Систем» в том, что она якобы заключила сделку нечестным путем, с помощью взяток, и отказывались уплатить Перо пять миллионов долларов, которые они были ему должны. Положение, как мы помним, было тогда безвыходное; американское правительство пребывало в растерянности и не нашло ничего лучше, как дать миллиардеру благой совет: на своих долларах поставить крест, а что касается освобождения сотрудников, воспользоваться услугами изворотливого и непогрешимого

дипломатического ведомства США. Это предложение возмутило миллиардера и пробудило в нем воинский дух. Не обращая внимания на директивы Белого Дома, он тут же созвал бывших джи-ай, составляющих основу персонала фирмы, и принял решение выпутываться собственными силами. Перо поручил вьетнамскому ветерану, полковнику Сай-монсу, набрать, экипировать и принять командование ударной группой, способной самым эффективным образом урегулировать спор шапи пйН(зп * и осуществить похищение заложников. Что и было проделано 11 февраля поп носом у аятолл, благодаря умело организованным волнениям, и притом так театрально, что иранцы, ошеломленные манерой действий Перо, приняли мудрое решение выплатить ему всю сумму долга. Дело это произвело большой шум и изрядно способствовало росту популярности миллиардера.

Штраф

В 1948 г. Перо продал •Дженерал Моторс-свою компанию. Его целью было войти в эту фирму, чтобы восполнить недостаток динамизма ее руководителей. Но те, желая избавиться от столь беспокойного партнера, предпочли выкупить его долю за двойную цену. Между прочим, в контракте было предусмотрено, что Перо будет обязан уплатить им семь с половиной миллионов долларов за каждое доказанное грубое слово в их адрес. Эта клаузула впоследствии обошлась ему очень дорого.

Вооруженны путем, *букв,* вооруженной рукой *(лат.).*

Биржа и рулетка

Нынче Биржа не та, что была когда-то. Чтобы убедиться в

этом, достаточно перечитать красочные ее описания, сделанные в прошлом веке Бальзаком и Золя, а после этого отправиться в Нью-Йорк на Уоллстрит. Дирекции нью-йоркской биржи пришла превосходная идея отвести галерею для экскурсантов. Придется постоять в очереди, потому что место, где делаются и рушатся состояния отдельных людей и целых наций, вызывает огромный интерес. Великий храм мирового капитализма является одной из главнейших достопримечательностей американской метрополии. Галерея, отведенная для зрителей, достаточно тесна. Так что придется поработать локтями, чтобы пробиться вперед. Но открывшаяся картина, право же, стоит часового стояния в очереди. Аудиогиды на множестве языков объясняют смысл перемещений брокеров, которые бегают по кругу во всех направлениях, суетятся вокруг «корзины», как муравьи вокруг матки. Ну, а если вы попадете туда в удачный день, то сможете стать очевидцем весьма захватывающих событий. К примеру, сможете присутствовать при падении цен на какао или арахис, обрекающем враз целые африканские племена на голод, или головокружительном взлете цены на нефть, что угрожает ввергнуть мир в новую войну. Одним словом, биржа-самое подходящее место, чтобы у вас побежали по спине мурашки, но, разумеется, при условии, что вы понимаете, что на ней происходит, а это дано не всякому простаку.

• **Картины биржи**

Единственное, чего недостает этому зрелищу, -присутствия миллиардеров, «больших акул», носящих известные всему миру фамилии, для которых изменение котировок означает приток миллионов долларов в их сейфы или же, напротив, отток, хотя лица их при этом не выражают ни радости, ни огорчения. Сейчас все происходит при помощи телефона и спутников связи. Настоящий набоб принимает участие В изменении курса акций на расстоянии, со своей яхты или с борта собственного самолета. Где-нибудь за тысячи километров он преспокойно купается в теплом море, потом лениво вылезает из воды, отправляет телекс, небрежно покупает улицу Мира в Париже, телевизионный канал или сеть ипподромов и снова идет купаться, точь-в-точь как ребенок, оторвавшийся от игры в «Монополию», чтобы заняться другими игрушками.

Во времена Бальзака зрелище было куда живописнее, но в то же время и гораздо человечнее. На лицах разорившихся мелких держателей акций видно было отчаяние, по самодовольной физиономии можно было распознать нувориша. Ротшильды и Перейры самолично приходили во дворец, спроектированный Броньяром. В шапокляках, с толстенными золотыми цепочками

поперек животов, они демонстративно участвовали в этом представлении, с удовольствием купались в лучах славы. Частенько состояние этих людей зависело от их лицедейского таланта. Чтобы сбить с толку конку-

рептов, им приходилось надевать маску. Чтобы не выдать свои планы, они вынуждены были в минуты радости изображать уныние, а в минуты ликования - испуг- все ради выигрыша в этой держащейся на блефе партии покера, какой является биржевая сессия. Двуличность у этих людей была доведена до высокого искусства. Состояние Ротшильдов за один день многократно выросло благодаря таланту, с каким Натан Ротшильд сумел изобразить растерянность и отчаяние. Он притворился, будто поверил, что Наполеон выиграл сражение при Ватерлоо. На самом-то деле все было наоборот. Биржевые игроки бросились, подобно овцам Панурга, избавляться от акций. Натан Ротшильд исподтишка скупил их все и при этом сумел не выказать ни малейшего удовлетворения.

Как и этот прославленный банкир, многие миллиардеры остались в анналах капитализма благодаря их успехам в биржевой игре. Один богатейший американец, заядлый биржевой игрок, имел обыкновение принимать решение, куда вкладывать деньги, с помощью метода «орел или решка», бросая монетку на тротуаре Уолл-стрит: «Приобретать? Не приобретать?»

Когда он бросал монету, его всегда окружала толпа любопытствующих. «Способ этот еще ни разу меня не подвел»,- не без хвастовства признавался он. И однако настал день, когда метод дал сбой. Произошло это в «черный четверг* 1929 г. После окончания той трагической биржевой сессии он пустил себе пулю в лоб, как это делают в романах при выходе из казино.

Самой знаменитой личностью на нью-йоркской бирже была, вне вся-

ких сомнений, мисс Генриетта Хау-ленд Грин (1835-1916). Неописуемая скупердяйка, она питалась одной лишь овсянкой да и то, варя ее, старалась не доводить до кипения, чтобы поменьше расходовать газа. В биржевых кругах ее прозвали «уоллстритская ведьма». Она проводила на бирже целые дни и, в конце концов, стала непременной ее принадлежностью. Биржевая сессия без нее что-то утрачивала, становилась как бы ненастоящей. Скупость г-жи Грин была столь же огромна, сколь и унаследованное ею состояние, которое она увеличивала с какой-то болезненной алчностью. Всякий раз ее появление вызывало у завсегдатаев биржи чувство отвращения, какое возникает при виде

стервятника. Вечно в одном и том же штопаном-перештопанном платье, причем вместо белья она для тепла использовала старые газеты, в неизменной траченой молью шляпке на голове, она бродила, переваливаясь с боку на бок, по коридорам, точно покрытое пылью чучело хищной птицы, сбежавшее из витрины зоологического музея. Рукой с крючковатыми, короткими, худыми пальцами, похожей на лопатку крупье казино, она хватала биржевые газеты, совала туда нос, смахивающий на клюв коршуна, и отдавала распоряжения визгливым голосом, звучавшим, как пронзительный птичий крик. Умерла она в 1916 г. от апоплексического удара, получив от молочника счет, который сочла непомерно большим. Биржевики сходили с ума от любопытства, желая узнать размеры ее состояния, которые при жизни она, естественно, хранила в строжайшей тайне. Кроме слитков золота и пачек долларов, что она держала в сейфе, кроме тридцати одного миллиона

долларов на счету в банке, в ее жилище нашли огромное количество обмылков, аккуратно уложенных в коробки от бисквитов: она намеревалась еще ими воспользоваться.

• **Вокруг игорного стола**

Сегодня, когда на бирже миллиардеров не встретишь, самый простой способ увидеть их-отправиться в игорный дом. Это чуть ли не единственное место, где они еще появляются. Публика там может подойти к ним поближе, показывать на них пальцами, точно на редких зверей в зоологическом саду. От остальных посетителей их можно безошибочно отличить по такому выражению лица, будто им смертельно скучно. Они смотрят на зеленый стол отсутствующим взглядом, и вообще вид у них, как у крупных хищников, сидящих в клетке и мечтающих о родимых саваннах. Да и вообще что такое для Ага хана выиграть или проиг-

рать миллион в шмен-де-фер или рулетку! От этого он не разорится да и не станет богаче, чем был. И если миллиардеры появляются в этих общедоступных местах, вместо того чтобы посещать закрытые клубы, то только для того, чтобы показаться, пожертвовать собой ради исполнения необходимого ритуала, поддержать собственную легенду в той мере, в какой требуется. Под пристальными взглядами репортеров светской хроники они стараются проигрывать с безучастным видом и выигрывают с выражением скуки на лице. Богатство обязывает. Было бы удивительно, если бы иногда они не показывались за столом для игры в баккара, не проигрывали бы по маленькой. Поговаривают, что некоторые из них, кто не любит подобных развлечений,

отправляют вместо себя в казино двойников, а сами в это время прогуливаются вокруг биржи.

БУРОВЫЕ ВЫШКИ АЛИ-БАБЫ

БУРОВЫЕ ВЫШКИ АЛИ-БАБЫ

С богатством эмиров дело обстоит точно так же, как с их гаремами: как бы велики они ни были, европеец их никогда этим не попрекнет, ибо суждения, ему свойственные, неприменимы к подобным явлениям. Серали, где распаленные страстью жены изнывают от тоски под охраной разжиревших евнухов, точно так же как сейфы, набитые до отказа драгоценными камнями и нефтедолларами, под сенью минаретов, входят в состав некоего экзотического фольклора, который вечно будет очаровывать нас, независимо от наших жалких представлений о социальной справедливости.

Владельцы экзотических сокровищ, отделенные от нас морями, где кишат варвары-пираты, и бесплодными пустынями, по которым бредут караваны истощенных верблюдов, словно выступившие из каких-то средневековых легенд,кажутся нам жителями иной планеты; и массовый читатель иллюстрированных журналов, естественно, воспринимает их, как любую другую этнографическую диковину. Лишь бы это гигантское богатство источало восточный аромат-и тогда пусть оно, наряду с другими, зависит от курса на биржах Уолл-стрит, Лондона или Токио и участвует во взлете и падении доллара,-всем и всегда будет чудиться, что оно вышло из какой-то сказочной пещеры и представляет собой некий солидный «бакшиш», щедро дарованный неоскудевающей рукой Аллаха.

Пусть даже рядом с роскошными дворцами этого царства из «Тысячи и одной ночи»- тощие дети пустыни влачат жалкое существование на необозримых песчаных просторах, весьма щедрых на прекрасные миражи, но не очень-то способных прокормить человека,-там, в далеком краю оазисов, богатство одних, какого бы размаха оно ни достигало, не кажется оскорбительным рядом с нищетой других. И когда мы разглядываем все это отсюда, сквозь очки волшебных сказаний, изменяющие действительность, это богатство воспринимается нами как часть волшебного мира и является для читателя западной прессы просто одной из деталей современных чудес. Сокровища, обретенные в пещерах Али-Бабы и превращающиеся,

на радость удачливым владельцам, в яхты, конюшни, скаковых лошадей и в любовниц с безупречными формами,-эти сокровища связаны для нас не столько с экономикой, сколько с чудесами. Мы не хотим признавать, что в их основе заложена эксплуатация человека человеком или какая-либо экспроприация. Буровые вышки в пустынях, приносящие своим владельцам, без малейшего труда с их стороны, нефть, столь же чистую, как воды целебных источников, и столь же обильную, как воды морские, представляются нам ни чем иным, как современной масляной лампой современного Аладдина, шаркающего восточными туфлями по холлам роскошных отелей и залам игорных домов. Состояние далось им без каких бы то ни было личных заслуг, а следовательно, без личных провинностей. Оно попросту свалилось на них с небес по милости Аллаха, являющегося, как известно,

всемогущим хозяином всего сущего, который дарует, кому захочет, все, что захочет.

Впрочем, точно так же обстоит дело с индийскими магараджами, а нынче, к тому же, и с многочисленными узкоглазыми миллиардерами, процветающими г Империи Восходящего Солнца, от которых бросает в холодный пот наших бледнолицых экономистов. Когда мы смотрим на них с Запада.они, точно так же, видятся нам под защитой ореола экзотики. К тому же их этнос так причудлив! Проживая, насколько нам известно, в предельно скромной домашней обстановке и вовсе не разъезжая, как бывало некогда, на розовых слонах, современные индийские набобы являются все же частицей того самого населения, в котором сохранилась привычка к весьма неравному делению на касты и к престранному обычаю обожествлять корову. Вот и попробуй-ка побеседовать с этими людьми о социальной справедливости!

Что же касается японцев, то тут мы сталкиваемся с еще более странным явлением-они обожествляют свою работу, а тем самым-своего хозяина. Говорят, что они трудятся ему в угоду, как негры на плантации, за сущие гроши, а свободного времени им только-только хватает, чтобы содействовать будущему экономическому захвату вселенной. В таких условиях миллиардерам Страны Восходящего Солнца грешно было бы испытывать укоры совести! А уж жителям Запада и в голову не придет их за это попрекать!

Блаженны миллиардеры в несчастном третьем мире, или, иначе говоря, на том конце света! Они могут наслаждаться своим состоянием, не опасаясь того, что скажут люди. Могут расстилать свои богатства на глазах у всех с нарочитостью, поистине достойной Сулей-мана Великолепного. У них нет никакой необходимости скрывать эти богатства за скромным фасадом, как это водится у миллиардеров европейских, нет у них и оснований носить маску пуританской добродетели, которой так охотно прикрываются богачи протестантской Америки, нет надобности прибегать к сложнейшим комбинациям, дабы усыпить завистливую враждебность окружающих. Окутанные легендой, как плащом, они могут позволить себе строить посреди пустыни дворцы столь же великолепные, сколь бесполезные. Могут менять жен так же часто, как меняют свои машины, и содержать в гаремах белых женщин, не менее породистых, чем скаковые жеребцы и племенные кобылы, заполняющие их конюшни. Ведь

все это входит в состав снаряжения Али-Бабы и Аладдина и не вызывает у массового читателя ничего, кроме жизнерадостных мечтаний. Нельзя же, в самом деле, выносить какое-либо суждение о миллиардах из «Тысячи и одной ночи»! Они ведь являются частицей далекого, волшебного, восхитительного мира, где богатство не является результатом трудов праведных или неправедных, а достается только благодаря чуду!

251

Калустий Саркис Гульбенкян
(1868-1965)
•«Господин 5 %»

«Маленький кусочек большого пирога лучше, нежели большой кусок пирога маленького»,-говаривал Гулъбенкян, И приводил тому доказательство.

Состояние

Калустий оставил своим наследникам - сыну Ну-бару и его сестре - состояние, которое, по весьма приблизительной оценке, представляло собой триста миллиардов франков, а еще часть этого состояния, которую никак не назовешь незначительной, была им завещана главному делу его жизни - фонду Гульбенквна.

В конце прошлого века французы совсем не интересовались нефтью. Считая, что заниматься надо привычным делом, они ставили все развитие своей промышленности в зависимость от угля, который в изобилии поставляли родные недра.

А новоявленное жидкое ископаемое имело Дурную славу-оно не только источало омерзительный запах, за который все бранили перерабатывающие его предприятия, но и коммерческое будущее его оставалось под большим вопросом,

И действительно, вплоть до великого бума в автомобильной промышленности нефтью пользовались лишь для освещения, смазки паровых машин, да еще в лекарственных целях- впрочем, совершенно безрезультатно-для лечения бронхита, туберкулеза и гонореи. Иначе говоря, невзирая на известную свободу нравов, этим ископаемым торговали, в весьма незначительных количествах, в задних комнатах лавок, где продавались краски, и никто (или почти никто) не мог предвидеть, какой гигантский рынок откроется перед этим даром недр с появлением двигателя внутреннего сгорания.

• Глас вопиющего в пустыне

Статья, появившаяся в «Ревю дэ дё Монд» 15 мая 1891 г. за подписью некоего Калустия Саркиса Гулъбенкяна, прошла

совершенно незамеченной. Никому не известный автор ратовал в этой статье за углеводороды, а в частности,-за бакинскую нефть, единственную, по его мнению, способную вступить в конкуренцию с компанией «Стандарт Ойл» г-на Рокфеллера, которая уже заняла прочное положение в мире. В своей статье он восторженно советовал французским инженерам отправиться, наконец, в «страну нефти» и заканчивал ее поэтическим предсказанием «решающей победы русской нефти в самом недалеком будущем».

252

Несмотря на все свои убедительные доводы, молодой человек встретил лишь пустыню решительного непонимания. Ему не удалось склонить на свою сторону ни правительство, ни финансистов, ни инженеров Франции, не удалось убедить их в основательности приведенных им доводов. Тем более (следует это признать), что доводы эти покоились на предположении, ошибочность которого раскрылась много времени спустя: на идее, будто американская нефтяная промышленность, и в частности, «Стандарт Ойл* Джона Д. Рокфеллера, обречена (Гульбенкян сам не мог бы сказать, почему) на неизбежный упадок.

•Франция, блаженная страна

В те времена, прославившиеся имперским блеском и Всемирной выставкой, жители Франции и представить себе не могли, чтобы явление, сколь-нибудь важное, существовало за пределами этой страны, представляющей собой в их глазах не иначе как «пуп земли». Поэтому они не обратили ни малейшего внимания на вонючую маслянистую жидкость, которую молодой турецкий армянин расхваливал с безусловным талантом, но которая, по странной прихоти природы, начисто отсутствовала в недрах их родной земли. Зато они могли похвалиться изобилием угля. За каким же чертом надо затевать изыскательские экспедиции, весьма накладные и, к тому же, сомнительные? Итак, парня выслушали краем уха, поглядывая снисходительно и в то же время с некоторым презрением на этого-судя по внешности-любителя лукума, и пришли к такому выводу: сидел бы он дома и торговал коврами, как большинство его сородичей, а не являлся сюда с поучениями, чго-де такое современная промышленность.

Салат

Калустий страстно любил некий вид салата, который выращивали только в одной-единст-венной итальянской долине, и приходил в неописуемую ярость, если ему этот салат не доставляли вовремя.

•Прирожденный торговец

Но этого было мало, чтобы отбить у Калустия охоту действовать. Как у всякого истинного сына Востока, коммерция была у него в крови. Он прибыл в Европу с твердым намерением разбогатеть и не мог даже подумать о том, чтобы вернуться с пустыми руками.

По сложившейся традиции Гульбенкяну ошибочно приписывают два совершенно различных происхождения. Одни утверждают, будто он сын, внук, да и вообще с незапамятных времен - потомок

семейства чистильщиков обуви. Другие же считают, что он является отдаленным отпрыском армянских царей.

По всей очевидности, оба эти противоречивые мнения явились чистой выдумкой, имеющей целью послужить к вящей славе главного героя, окружить его имя ореолом знатности или же, напротив, возвеличить его заслуги, приписав ему еще более низкое происхождение, чем было в действительности.. На самом же деле Калустий Саркис был сыном весьма состоятельного дельца, обосновавшегося в Стамбуле, где торговые банки и конторы Ближнего Востока сплетались в тугие сети, наподобие рыболовных.

Семейство Гульбенкяна, будучи армянского происхождения, всячески старалось продемонстрировать свою симпатию к турецкому владычеству, тем более что султан Абдул Хамид испытывал время от времени жажду учинить расправу над этим умным и трудолюбивым народом, потому что ему чудилось, будто армяне норовят вырвать из его рук рычаги управления, дабы разбогатеть за счет мусульман.

Меценатство

Фонд Гульбенкяна одновременно является великолепным музеем, где находятся произведения искусств всех времен, и в частности, французских художников XVIII в., собранные миллиардером в Лиссабоне. Фонд включает в себя к тому же 150 библиотек, разбросанных по всей Португалии, а также институты культуры, находящиеся в различных странах.

***Школа Креза**

В этой-то стране, где дипломатические уловки были для представителей его народа единственной гарантией безопасности, юный Гульбенкян уже в девятнадцать лет постиг, с помощью отца и дяди, все тонкости ремесла, которое собирался освоить,-ремесла делового человека. Он научился никому не доверять, тщательно собирать нужные сведения, а главное-

скрывать свои мысли под непроницаемой пеленой; эта вот обретенная им привычка сыграла немалую роль в том, что ему почти всегда сопутствовала удача.

Неутомимо разъезжая верхбм по стране, он посещал контору за конторой, банк за банком, базар за базаром, изучая с ненасытной жадностью все, что когда-нибудь сможет послужить ему на пользу. А поскольку Калустий был вдобавок наделен поразительным умением производить расчеты в уме, он за короткий срок умудрился развить коммерческий талант, полученный от природы и от предков.

•Пророк черного золота

Но только в Баку, во время одной из своих бесчисленных поездок, он понял, в чем состоит истинное его призвание. Он начал свое ученичество на одном

из крупных нефтяных предприятий, основанных там русскими и представлявших собой наглядный пример полнейшего неумения, безалаберности и любительщины во всех деловых вопросах.

И тем не менее именно там, еще до появления двигателя внутреннего сгорания, он правильно предсказал великое будущее нефти-но зато оказался не прав в своих предсказаниях относительно предстоящего главенства кавказских залежей и их победы над американскими углеводородами. Очарованный, покоренный новым ископаемым, он принял решение посвятить ему свою жизнь и пропагандировать его применение во всем мире,

Воспитание сына

Калустий велел привесить на двери кабинета, где сын, по его требованию, занимался заклеиванием конвертов, табличку с надписью: «Нет игры занимательней, чем работа-.

• Свет в тумане

Калустий страстно любил Париж и, несмотря на то что работал не покладая рук, все же предавался там с чисто восточной чувственностью всем возможным наслаждениям. К тому же довольно значительное денежное содержание, предоставленное ему отцом, позволяло ему расходовать деньги не задумываясь. Поэтому он был весьма опечален, когда равнодушие парижан к его замыслам вынудило его переправиться в Англию, где ему были равно ненавистны и туманы, пропитанные заводским дымом, и тяжелая пища, и суровая викторианская

мораль.

Однако вскоре Калустий понял, что его героическое самопожертвование вовсе не было напрасным. В Лондоне, в отличие от Франции, его замыслы нашли отклик -правда, несколько косвенный. Разумеется, поданные ее величества, живущие в стране, где недра тоже изобиловали углем, интересовались углеводородами не более, чем обитатели берегов Сены. И они так же, как и те, ненавидели запахи, исходящие от нефтеперерабатывающих заводов. Но Министерство иностранных дел Англии рассматривало Кавказ как стратегический плацдарм на пути в Индию. «Баку,-писал в то время Чарлз Мэрвис,- лежит в основе всех будущих экспедиций в Центральную Азию. Из Баку можно отправлять войска и боеприпасы для гарнизонов Акхала и Мэрва».

Дело в том, что задолго до прибытия Гульбенкяна в Англию британское правительство приняло решение водрузить английский флаг в этих дальних краях-пусть даже недра там будут весьма небогаты. Отсюда-нежданная удача для начинающего капиталиста.

255

Дипломатия

Нубар Гульбенкяк унаследовал от отца дипломатическое чутье. «Совершенно незачем ссориться, если этого можно избежать. Тем более, когда имеешь дело с нефтью». Таков был его принцип.

•Человек из Баку

Итак, невзирая на молодость и на свои фантастические суждения о нефти-его восторги по этому поводу у всех вызывали улыбку,-Гульбенкян был благосклонно принят политическими деятелями и финансистами Объединенного Королевства. Этот сообразительный восточный человек стал для них «человеком из Баку». Прирожденный коммерсант, Гульбенкян, казалось, был словно ниспослан самим провидением для того, чтобы английское правительство могло опереться на него как раз тогда, когда задумало вести ловкую и тайную дипломатическую игру в этой части света.

•Подданный ее величества

В 1902 году Калустий Саркис Гульбенкян получил британское подданство и, поскольку к нему стали прислушиваться многие влиятельные люди, начал серьезно преуспевать в делах.

По случайному совпадению, именно в атом году Англия решила снабдить свой военный флот мазутными топками, что и послужило причиной возросшего интереса к Кавказу и тамошней

нефти. Дела приняли весьма благоприятный оборот, хотя сам Гульбенкян был единственным, кто по-настоящему верил в блистательное будущее черного золота.

Однако таинственным ходам международной политики суждено было ускорить осуществление его замыслов. Немецкий проект строительства железной дороги, связывающей Стамбул с Меккой и Багдадом, имел негласной целью наложить лапу на добычу нефти и торговлю ею в Европе. Он являлся непосредственной угрозой для пути в Индию и потому вызвал у англичан защитную реакцию, которая как раз соответствовала стремлениям Гулъбен-кяна: вести целенаправленную политику на Ближнем Востоке и войти в дружеский договор с Францией, с тем чтобы помешать экспансионистским намерениям немцев. Известно, к чему все это привело...

•Единственный, кто в это верил

Тем не менее, при всех этих щекотливых политических обстоятельствах, Министерство иностранных дел Великобритании занималось, в основном, чисто стратегическими вопросами. В те годы никто, кроме нескольких чудаков вроде Гульбенкяна, не верил в будущее этой черной грязи, торговлю кото-

рой взяли на себя, по-видимому, лишь одни американцы. Автомобиль еще не ворвался в повседневную жизнь-им интересовались одни спортсмены да кое-кто из богатых бездельников. Бензином по-прежнему торговали в розницу в бакалейных лавках; торговля им была еще и потому малопривлекательна для инвесторов, что она вынуждала их включаться в жестокую конкуренцию «Стандарт Ойл», принадлежащей Рокфеллеру, с английской компанией «Роял Датч Шелл». Как раз с ее президентом, Инри Детердингом, Гульбенкян и вступил в деловые отношения. И в 1912 г. ему удалось организовать «Теркиш Петролеум Компани». Основателями этой компании, имевшей целью эксплуатацию залежей Моссула и Месопотамии, являлись: Национальный банк Турции, «Роял Датч Шелл», Немецкий банк и... разумеется, Гульбенкян, который вступил в компанию как частное лицо, но, тем не менее, оставил за собой 40 процентов акций.

• Губительная сделка

Гениальным решением Калустия Гульбенкяна явилась продажа этих акций, или, точнее, сделка с иностранными компаниями (в частности, французской и американской) по

обмену их на пятипроцентный ежегодный доход от прибылей «Теркиш Петролеум Компани». На первый взгляд-если учесть относительно скромный размер предприятия-такая сделка казалась совершенно нелепой. Многие финансисты, узнав о ней, снисходительно усмехались, покручивая пальцем у виска: совсем-де с ума сошел! Лучше бы коврами торговал!

Таково было общее мнение.

И впрямь,если учесть эти 40 процентов-первоначально внесенную им сумму, то5 процентов кажутся сущей малостью. Единственным преимуществом сделки, как считали все, являлось то, что Калустий, таким образом, добровольно выходил из компании, где каждый участник имел только одну цель-уничтожить остальных.

Однако, когда через несколько лет «Теркиш Петролеум» добилась монопольных прав на эксплуатацию нефти и почти что целиком завладела залежами Ирака и Месопотамии (а самому Калустию не пришлось при этом раскошелиться ни на грош), убогие 5 процентов превратились в манну небесную в виде пятидесяти миллионов фунтов, которые каждый год падали с неба, а ему только оставалось протянуть руку и взять их.

«Человек с орхидеей»

Помимо «роллс-ройсов», яхт и женщин (он был женат трижды) Нубар имел еще одну всепоглощающую страсть - орхидеи. Где бы он ни появлялся, в петлице у него всегда была орхидея. Имелось даже предприятие, взявшее на себя тяжкую заботу - постоянно доставлять ему свежие орхидеи.

Нубар умер в Грассе в январе 1972 г., не оставив наследника, и династия прекратила свое существование.

• **Гигант черного золота**

Вот благодаря этому непревзойденному «покерному ходу» Гульбенкян и стал одним из гигантов черного золота. Этот восточный миллиардер с лохматой бородой, неизменной толстой сигарой во рту и густыми бровями, придававшими ему сходство с фавном, стал легендой еще при жизни, которую он вел, подобно истому магарадже, и которую ничто не потревожило, даже крах 1929 г.

После войны 1914-1918 гг. он поселился в Париже, который всегда был мил его сердцу и где его ждал великолепный особняк, построенный для него на авеню Йена. Тем не менее он предпочитал оживленную и романтическую атмосферу, царившую в первоклассных палас-отелях, и поэтому поселился в «Ритце»,

заполнив свои апартаменты произведениями искусства-чудесами Франции XVIII века, которые наперебой предлагали ему антиквары всего мира. В отличие от своей жены, жившей отдельно от него в отеле «Георг V» и принимавшей участие во всех модных увеселениях Парижа, вызывая тем самым неиссякаемый интерес светской хроники, Ка-лустий предпочитал оставаться в тени и появлялся на людях только в двух притягательнейших для него местах-на бегах и на танцах.

» Нубар, сын Калустия

Азарт всепоглощающей деятельности, принесший «господину 5 %» гигантское состояние, не помешал ему жениться и обзавестись потомством. Супруга подарила ему сына, получившего имя Нубар и похожего на него, как одна капля нефти на другую. Этот невысокий, кругленький человечек с черными волосами и очень смуглым лицом обладал невероятно вспыльчивым нравом. Столкновение столь схожих между собой личностей не раз кончалось взрывом, тем более что отец сделал все возможное, чтобы отпрыск во всем был полным его повторением.

По окончании учебы в Кембридже Нубар включился в отцовское дело и начал постигать это ремесло с простейшего: отец, до того, как обучить его дипломатическим тонкостям, умению управлять людьми и разбираться в финансовых операциях, требовал, чтобы он переписывал инвентарные документы, разбирал ведомости, клеил конверты и тому подобное,-это было тяжким испытанием для

Нубар был так похож на отца, что на снимках почти невозможно отличить одного от

другого. Затеяв процесс против Би-би-си, Нубар Гульбенкян потратил на это не менее

двухсот десяти тысяч франков, а получив в возмещение ущерба тридцать франков, покинул

зал суда в превосходном настроении.

молодого богача, чьи доходы все возрастали, хотя для этого и пальцем шевелить не требовалось: в противоположность отцу, Нубар мечтал только об одном-как бы ошеломить весь мир своими «роллс-ройсами», яхтами и бриллиантами.

Отель «Анис»

Апартаменты, снятые Калустием, состояли из нескольких залов для приемов и спален, особый же интерес представляла ванная комната, устроенная по образцу помпейских терм и целиком отделанная эстремоэским мрамором в розовых и темно-красных прожилках, что как нельзя более соответствовала внешности этого густобрового сатира.

• **Тихая пристань в Португалии**

Если экономический кризис нисколько не повлиял на доходы Гульбенкяна, то Вторая мировая война несколько нарушила его привычки. Ведь беда может настигнуть каждого.

Уже в 1936 г., опасаясь каких-нибудь выходок со стороны Народного фронта, он счел необходимым переселиться в Лондон и отдать наиболее ценные свои коллекции под охрану Британского музея. Бомбежки Лондона в 1943 году вынудили его опять сменить местожительство, и он переехал в Португалию-одну из немногих стран, не вступивших в войну и предпочитавших служить делу мира.

Поселился он, как и в Париже, в одном из самых фешенебельных палас-отелей; этот отель, «Авис», был словно из сказок «Тысячи и одной ночи», и в его причудливые апартаменты неомавританского стиля допускались только коронованные особы, главы государств и самые могущественные деятели сего мира. В этом отеле, который португальское правительство реквизировало каждый раз, когда надо было принять знатнейших особ, побывали: аравийский король Фейсал, Ева Перон, Патиньо, королева Амелия и герцог Аоста.

Калустий снял для себя одного весь второй этаж этого здания, дав понять президенту Салазару, что никому не уступит там места, будь то даже Папа Римский.

Большую часть времени он посвящал подсчетам своего все

растущего состояния, а также сложным взаимоотношениям с Ну баром, которые выливались в споры, ссоры и примирения, переходившие в новые ссоры и новые примирения.

В сказочной обстановке этого отеля и наступил конец его блистательной жизни-20 июля 1955 г.

260

Ага Хан

(1877-1957)

Миллиардер милостью Божией

Исмаилиты ценили Ага Хана значительно выше золота. Будучи одновременно духовным пастырем и опытным дельцом, он всячески старался облегчить участь своих нищих подданных.

Исмаилиты

8 настоящее время секта исмаилитов насчитывает пятнадцать миллионов человек, рассеянных по тридцати двум странам.

Как это ни парадоксально, огромное состояние, доставшееся своему владельцу без каких-либо усилий, меньше всего способно вызвать зависть и ненависть пролетарских масс. Они воспринимают такое богатство как беспричинный и отчасти необъяснимый дар Создателя, а посему богатству этому ничто не грозит, ибо даже у нас, на Западе, который хвалится своим материалистическим мышлением-а на деле вовсе не лишен уважения к делам священным,- мало кто возьмется оспаривать промысел Божий. Даже если благодеяния эти достанутся не нам, а другим-значит, на то воля Божья, она не подлежит обсуждению. Бедняк завидует богачу, но у него в то же время есть свои религиозные понятия. Поэтому миллиардеры Божьей милостью могут ничего не опасаться.

• **Его величество Ага Хан**

Подобно всем своим предкам (род Ага Хана насчитывает 13 веков), подобно своему сыну, а ныне-подобно своему внуку, Ага Хан, неограниченный властитель исмаилитов, является как раз одним из таких богачей. Огромное состояние упало с неба прямо ему в рот-оставалось только насыщаться им вплоть до несварения желудка.

По обычаю, каждый год верные подданные дарили своему имаму золотые слитки и великолепные драгоценные камни, в количестве, соответствующем его собственному весу. Тем хуже для духовных вождей худосочных и тощих-аскетизм был бы тут мало уместен. Но, на свое счастье, Мохаммед Шах Ага Хан три был, по милости Всевышнего, чрезвычайно тучным. Водрузив на голову тюрбан, подобный индийскому, а на приплюстнутый носочки с такими огромными линзами, что они одни, должно быть,

стоили как крупный рубин, он усаживался в глубокое кресло, едва выдерживающее его тяжесть, и процедура взвешивания начиналась. Церемония

эта совершалась при большом стечении народа, который от души восторгался зрелищем, тем более что сей добрый властелин из сказок «Тысячи и одной ночи» имел хорошую привычку раздавать на благие дела и поддержку неимущих все деньги, заработанные на данном представлении. За это рассеянные по всему миру пятнадцать миллионов исмаи-литов платили ему беспредельной любовью, а нищие и убогие молили Аллаха ниспослать их повелителю возможность нагулять еще побольше жиру.

Взвешивание имама

Ходячее представление, будто Ага Хан взвешивается каждый год, ошибочно, это имело место лишь в >юбилейные» даты.

•Лишний стаканчик

К этому следует добавить, что каким бы упитанным, толстым, жирным ни был имам исмаилитов, он обладал к тому же таким числом нефтяных скважин и финансовых контор, что даже алмазные сокровища Голконды, взятые в соответствии с его весом, явились бы незначительной добавкой к тому, что у него уже имелось. Ведь состояние его зародилось в начале VIII в. и с тех пор не переставало увеличиваться. В ту пору Джафар эль Садык, шестой имам, потомок Фатимы, младшей дочери пророка, и Али, его любимого сына (читай-зятя), застал однажды своего сына Исмаила за распитием стаканчика красного вина, запрещенного Кораном. От злости лицо его обрело цвет этого самого вина, и он, недолго думая, лишил юношу наследства.

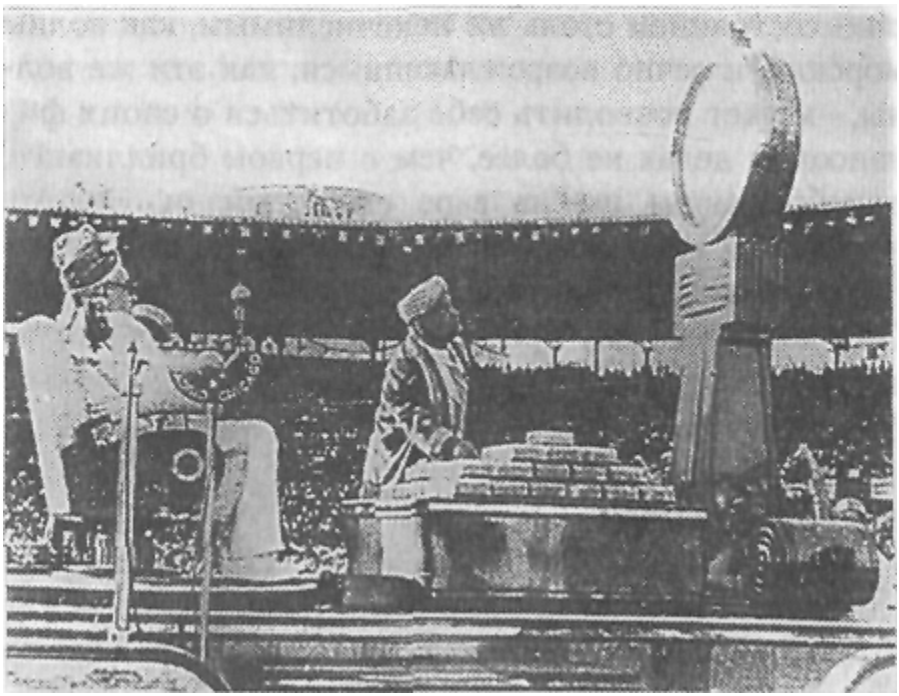
•Зарождение секты

Но выпивоха, на свое счастье, имел сторонников, которые относились к нему так дружелюбно, что не поставили в вину столь незначительное нарушение законов Корана. Они остались ему верны и почитали его до такой степени, что в 762 г. решительно отказались поверить в его смерть. Несколькими годами позже кое-кто из них стал поговаривать, будто видел Исмаила на базаре Бассоры, где тот исцелял паралитиков, результатом чего было признание его новым пророком,-так была основана некая раскольничья секта, и по ее экзотерическому и в то же время эзотерическому учению пророк является не просто священной особой, а перевоплощением Бога.

•Диаспора

Впоследствии потомки Али стали подвергаться

преследованиям и исмаилиты рассеялись по всему миру. Некоторые из них отправились в Индию с



Чем больше **Ага Хан** толстел, тем больше возрастало его состояние, но следует признать, что все блага, доставшиеся ему в результате взвешивания, он отдавал **на** благотворительные дела.

Мохаммедом, старшим сыном Исмаила, другие-в Сирию и Магриб, сопутствуя Али-младшему. С тех пор представителей этой диаспоры можно встретить в самых разных уголках света, но всех их объединяет преклонение перед имамом, которого они почитают святейшим из святых, несомненным представителем Магомета и бесспорным авторитетом в вопросах теологии и юриспруденции.

•Государь без государства

Итак, носитель духовной власти, Мохаммед Ага Хан получил в наследство громадное состояние, которое исмаилиты с того рокового дня, когда их пророк распил стаканчик красного, неустанно пополняют. Они набивают сундуки одного имама за другим для поддержания этих государей без государства, которые, в отличие от других властителей, обходятся без солдат, генералов и чиновников, но зато могут наслаждаться красивыми женщинами, скаковыми лошадьми и ночными ресторанами-благами, которые весьма редко выпадают на долю духовных владык.

Повелитель, которому повинуются Карим Ага Хан, подобно своему деду, неустанно заботится о своих подданных, осыпая их щедротами и взамен получая полное повиновение. Достаточно было одного его слова, чтобы миллионы исмаилитов бежали из Уганды от преследований Ибн иди Амина Дада, побросав там все свое имущество.

•Онтологический миллиардер

Добавим к этому еще кое-что: в отличие от других бедолаг-миллиардеров, которые без конца гоняются за каким-нибудь несчастным миллионом, чтобы округлить свой жалкий доход до миллиарда, и поэтому становятся такими же скупердяями, как большинство простых смертных, Ага Хан-обладаю-

ший состоянием столь же неисчислимым, как волны морские, и вечно возрождающимся, как эти же волны,-может позволить себе заботиться о своих финансовых делах не более, чем о первом бриллианте, приобретенном им та заре своей жизни. Золото, нефть и драгоценные камни, по мнению исмаилит-ского имама, органически свойственны человеку. Они достались ему при рождении в огромном количестве, и мало оснований полагать, что он может окончить свои дни в нищете. А это означает наличие денег без денежных забот-иначе говоря, райское блаженство!

Имам, кстати, отнюдь не делал секрета из этого райского блаженства-оно было известно всем читательницам дамской прессы. Его имя не сходило со страниц «Пуэн де Вю» и «Иси Пари». Какая девушка не мечтала в один прекрасный день стать «белом» и появиться под руку со своим набобом на увеселительном сборише миллиардеров или на трибуне для почетных гостей ипподрома! Ведь именно там он чаще всего являл себя, в цилиндре и визитке из тонкой серой шерсти. «Это Ага Хан»,-восторженно перешептывались в толпе, словно перед ними предстало небесное видение. С непроницаемым лицом, в сопровождении безупречно элегантных женшин, еще более породистых, чем его лошади, являлся Ага Хан туда, дабы подбодрить жокеев, носящих его цвета. Его чистокровные скакуны- Моя Любовь и другие-часто завоевывали призы на дерби Эпсома и Триумфальной арки и приносили ему астрономические суммы, с которыми он не знал что делать. «Богатым всегда везет», - без тени зависти говаривал на скачках мелкий люд, восхищаясь тем, что удача никогда не изменяет Ага Хану. Несмотря на то что ее считают особой весьма неверной, Фортуна не переставала осыпать этого онтологического миллиардера своими милостями.

Раздвоение

Карим Ага Хан добросовестно выполняет свои обязанности духовного вождя. Подобно деду, он старается приобщить своих подданных к благам современного мира. •Материальная жизнь моя протекает на Западе. - говорит он, - но психологически я гораздо ближе *к* Исламу. Я чувствую себя более счастливым на Востоке, но вынужден жить на Западе, чтобы изучать все то, что он может нам дать».

• **Просвещенный имам**

Бытует мнение, будто Ага Хан-ленивый бездельник-набоб, который только и делает что купается в восточной роскоши.Не стоит этому верить.

Мохаммед родился в Карачи в 1877 г. и с детства готовился как можно лучше выполнять дело, порученное ему небесами. И занимался он этим со спар-

Ага Хан и его сын Али выходят из весовой.

Вождь исмаилнтов заботился о здоровье своих чистокровных лошадей не менее, чей о благополучии своего народа.

танской выдержкой,вставая каждый день в шесть утра, как бы ни устал накануне, и совмещая изучение Корана с весьма напряженной школьной программой, по которой получают образование юные англичане. Подолгу живя в Англии и часто наезжая во Францию и Америку, он стал самым современным и наиболее западным из всех восточных властителей. Благодаря избранной им системе образования, он сделался вполне компетентным политиком, тем более мудрым, что никакие честолюбивые замыслы не могли заставить его свернуть с

намеченного пути, ведь он был человеком, которому Фортуна всегда дарила все сама, без каких-либо усилий с его стороны. А широкие массы, зачарованные окружающей его пышностью, вовсе проглядели эту наиболее привлекательную сторону его персоны.

«Эглвмои»

Так называется имение возле Шантильи, где Карим Ага Хан устроил свою резиденцию, а также конторы и конюшни. У него имеется также особняк на острове Ситэ. Это роскошное жилище построено на развалинах монастыря XIII века, реставрированного архитектором Фернаном Фуйоном.

• Вождь ислама

Будучи искренним И верным другом Англии и поклонником Запада, являющегося для него образцом современного образа жизни, Ага Хан в то же время использовал все имеющиеся у него огромные возможности, чтобы помогать своему народу, да и всему мусульманскому миру в целом, с тем чтобы им было легче пережить бурные события того времени. Никогда не опускаясь до праздного и беспечного существования, этот богач всегда принимал живейшее участие во всех современных ему событиях. Он основал панмусульманскую лигу в Индии, открыл мусульманский университет в Алигахе и постарался прийти на помощь эмигрантам, направляющимся из Индии в восточные районы Африки. Решительно став на сторону союзников в войне 14-го года и призвав своих единоверцев последовать его примеру, он выполнял многочисленные и весьма ответственные поручения, доверенные ему Швейцарией и Египтом. Авторитет Ага Хана был настолько высок, что дал ему возможность обратиться в 1919 г. к европейским странам с просьбой о содействии Турции в ее желании сохранить за собой Стамбул.

Если добавить к этому больницы, диспансеры, гуманитарные и благотворительные учреждения, созданные им в самых бедных странах, можно представить, каким уважением, даже благоговением, пользовался имам как в Европе, так и в арабском мире.

***Француженка**

Но очень возможно, что своим авторитетом в западном обществе Ага Хан III обязан своему браку,вер-нее, последнему из браков (женился он часто). Когда 16 октября 1944 г. он сочетался брачными узами с очаровательной Иветт Лаврус, 38-летней уроженкой Сэты,сбылась заново сказка о прекрасном принце,

сказка, о которой мечтают, вздернув носик к небу, все мидинетки мира. Происхождение Иветт было и впрямь весьма скромнымюна была дочерью водителя трамвая, и участь ее оказалась бы, разумеется, намного заурядней, не будь она наделена поразительной красотой. Поработав манекенщицей и лихо завоевав звания «мисс Франция» и «мисс Европа», эта королева красоты уже не первой молодости встретилась со знаменитым властелином, также весьма немолодым. Его старое сердце тотчас же забилось, как у юного студента. Никому не известно, чем старику удалось ее пленить,-ни красотой, ни обаянием он не славился,-но факт то, что эта дульцинея довольно легко дала согласие стать его женой.

В угоду своему божественному супругу она решительно отказалась от мини-одежды, которой, как правило, пользуются королевы красоты, и, приняв исламскую веру, перешла на сари и драгоценности, которые, надо признать, носила с несравненной элегантностью.

До самой своей смерти, настигшей его в Версуа (Швейцария) в 1957 г., Ага Хан не расставался со своей очаровательной женой, которая не только отличалась красотой и изысканностью, но оказалась к тому же примерной «бепом», и он весьма ценил ее толковые советы и неизменное участие в благотворительных делах.

•Король газетчиков и любителей скачек

Принц Али Хан (1911-1960) унаследовал от своего знаменитого отца страсть к красивым женщинам и беговым лошадям-но более ничего. Ко всему же, что касалось духовной, интеллектуальной и политической жизни, он проявлял такое безразличие, что отец перед смертью счел разумным назначить наследником своего внука Карима, который был явно расположен продолжить его дела.

В результате Али, которого, по-видимому, не очень огорчало это отстранение, смог отдаться ду-

шой и телом двум главным увлечениям своей жизни: во-первых, бегам, занимавшим бблыпую часть его дневного времени, а во-вторых, светским развлечениям, которым он посвящал все свои ночи и которые сделали его суперзвездой дамской прессы, тем более, что он был наделен несомненным обаянием.

Наследство: Когда в 1957г. Карим унаследовал состояние своего деда, оно составляло {по **весьма** приблизительному подсчету) восемьсот миллионов долларов.

• Смерть прекрасного принца

Али Хан был хорош собой, улыбчив, приветлив, остроумен, учтив, и ко всему этому он еще был мультимиллиардером,-а поскольку дары небес всегда бывают многочисленными (в этом сходятся все пророки), он вдобавок пользовался большим успехом у женщин. Посему его любовные похождения, местом действия которых служили яхты и ипподромы, были предметом пристального внимания всех жительниц убогих хижин и увлекали их куда больше, чем всё, о чем они читали в романах на сладкой розовой водице.

Вторая его супруга, Рита Хэйворт, прославленная киносуперзвезда и секс-символ 50-х гг., подарила ему дочь, принцессу Ясмину, чье рождение в Лозанне наделало шуму не меньше, чем брак ее родителей. Чтобы как-то сдержать орды газетных борзописцев, осаждавших клинику, власти были вынуждены оцепить все здание, и полицейские с величайшим трудом смогли противостоять восторженным толпам. Впрочем, восторги эти вскоре обернулись горьким разочарованием: принц и актриса развелись.

Толпа, столь же преданная, сколь чувствительная, готова была разделить отчаяние, которое, безусловно, охватило бы несчастного принца из «Тысячи и одной ночи»-, не попытайся он забыть свои беды, заново погрузившись в беспутную жизнь, до коей был большой охотник. И все газеты выразили радость, когда стало известно, что Али, милостью Аллаха, снова нашел «обувь по своей мерке» в лице Беттины-чрезвычайно сексапильной манекенщицы и фотомодели, которую журналисты розовой прессы находили весьма утонченной.

Во всех хижинах, а главное-во всех газетных редакциях радовались предстоящему браку: он обещал осушить немало слез и грозил увеличить тиражи газет, и вдруг, как гром среди ясного неба-Али Хан погиб в автомобильной катастрофе! Женская пресса пролила много слез, а потом перешла к другим делам.

268

• Остров из «Тысячи и одной ночи»

Карим Ага Хан IV (1936) продолжил семейную традицию. Это значит, что он тоже до безумия влюбился в манекенщицу и сделал из нее свою «бе-пом». Она была англичанкой, дочерью отставного офицера индийской армии и, следовательно, принадлежала к английскому поместному дворянству. Настоящее ее имя было Сара Фрэнсис Крокер Пул, но она предпочитала свой профессиональный псевдоним «Скинни»*, несколько

легкомысленный для «бепом». После развода с лордом Джеймсом Крит-тоном Стюартом в 1967 г. она встретила в 1968-м Карима и, скоропалительно перейдя в исламскую веру, заключила с ним брак в главной мечети Парижа 29 августа 1969 г.

С тех пор у Карима есть все, что нужно человеку для полного счастья. И он действительно чувствует себя совершенно счастливым, и живет на радость всем, кто захочет на него полюбоваться. Его главной страстью является остров Сардиния, что характерно для настоящего гедониста. В 1963 г. он выбрал именно этот остров, чтобы создать там уголок земного рая. Приобретя примерно пятьдесят тысяч гектаров на смеральдовском побережье этого острова, он построил там за немалые деньги-впрочем, стоит ли об этом упоминать?-роскошную деревню для отдыха миллиардеров.

"Скинни -Худышка *(англ.)*

Титулы

В 1958 г. английская королева пожаловала принцу Кариму Ага Жаку титул "высочества-, а в 1969-м шах Ирана - титул «королевского высочества».

Скачки

Если выбираешь своей профессией бег,лучше быть лошадью, чем человеком,-это общеизвестно. Прежде всего потому, что у лошади четыре ноги. На две больше, чем у человека. В среднем. А это весьма способствует восстановлению сил. Лошадь может спать стоя, и вовсе не требуется, чтобы ей на сон грядущий рассказывали какие-нибудь занимательные истории. Она может сберегать силы, давая поочередно отдыхать одной из ног. Словом, хорошо быть лошадью! Греки при мысли об этом прямо умирали от зависти. Их поэты посвятили этой теме немало прекрасных строк. Кое-кто даже пытался прибегнуть к метаморфозе и стать кентавром. Но успех был неполным. И все-таки главное заключается вовсе не в том, чтобы иметь четыре ноги. Преимущество скаковой лошади с наибольшей очевидностью проявляется тогда, когда для нее наступает пора отставки. В этом-некоторое ее сходство с чиновниками. Когда конь прощается с активной жизнью после трех-четырех лет, проведенных на ипподроме, он автоматически переходит к другому занятию-улучшению породы. Он попадает на коннозаводские луга, сияющие зеленью, как земной рай, и может там спокойно ждать смерти, занимаясь спариванием. Такая возможность не предоставляется бегуну-человеку. Или если предоставляется, то очень редко. Как только человек выходит из возраста, когда

можно бегать на стадионе, ему приходится менять профессию, а это нелегко, так как он к этому, по роду своей деятельности, совсем не подго-

товлен. Чаше всего такие бегуны становятся официантами в кафе, На этой работе умение быстро бегать весьма кстати. Если повезет, они могут сами стать хозяевами бистро. Тогда они с гордостью выставляют свои спортивные трофеи на полку по другую сторону стойки среди бутылок «мартини* и вербены <Велэ», проводят дни, наливая в бокалы красное виио, и понемногу разоряются, заключая пари на скачках.

Вот почему миллиардеры, народ практичный, предпочитают покупать скакунов, а не бегунов. Скакуны имеют тысячи преимуществ: они не играют на бегах, неприхотливы, как верблюды, и их нежные чувства - прямо-таки золотые россыпи для владельцев. Судите сами по нескольким приведенным нами выкладкам. Если вам требуется для случки прославленный рысак (как, к примеру, Идеал-Газо, прозванный «Незабываемым»), вам это обойдется, самое меньшее, в сорок, а то и в шестьдесят тысяч франков. А ведь рысаки- это еще не самые дорогие лошади. Тариф будет куда выше, если речь идет о скакуне. Самым дорогим производителем был Ночной Танцор, чудо века,-любая его пустяковая интрижка обошлась бы вам не дешевле миллиона долларов! Тут есть о чем размечтаться...

Но надо сказать, что игра стоит свеч. «Яблоко от яблони недалеко падает», - гласит народная мудрость, которая никогда не ошибается. На ипподромах лошадиное потомство бежит почти всегда так же быстро, как их производители, и, в результате, приносит астрономические суммы.

Вот они-чудеса генетики, науки, которая доказывает наследственную передачу способностей и их улучшение путем соблюдения расовой чистоты. Разумеется, эта теория диаметрально противостоит элементарным принципам прав человека и попадает сегодня под действие антирасистских законов, но все же на ипподромах это допускается, а опыт подтверждает правоту подобных взглядов. Впрочем, они настолько правильны, что кое-кто подумывает о практическом их применении не только в конном спорте, но и в других областях. Какое замечательное потомство можно было бы получить, приди человечеству мысль о коммерческом использовании спермы Блеза Паскаля, Исаака Ньютона, Альберта Эйнштейна! Воспроизводили бы математиков с помощью клонирования, физиков-путем

искусственного осеменения, и вообще развелось бы немало личностей с превосходными данными. Словом, наука совершила бы гигантский скачок!

Миллиардеры, разбирающиеся в вопросах наследования, поняли это давным-давно. Они охотно воспроизводятся в пределах собственной семьи, чтобы передать потомству те положительные свойства, которые принесли их роду богатство и славу. Посмотрите на Ротшильдов и Дюпон де Немуров-они могут не завидовать таким жеребцам, как Же-линот или Идеал-Газо.

Итак, миллиардеры обожают скачки и коллекционируют чистокровных лошадей. Это, впрочем, является роскошью, которую только миллиардеры и могут себе позво-'лйть, по одной причине: если беговые лошади, вышедшие в отставку,

приносят немалый доход, то они могут поистине разорить, будучи еще в гоночной форме. Это ведь область, где все сопряжено с огромными расходами. Даже жокеи, которые славятся непритязательностью в еде, требуют непомерной платы и могут пустить по миру своих хозяев. Да еще добавьте к этому тренеров, которых тоже надо оплачивать, конюхов, которых надо кормить, и еще множество всяческих дополнительных расходов, которые вмиг сведут ваш бюджет к нулю. На небольшую конюшню беговых лошадей уходят ежегодно сотни миллионов, в обмен на весьма сомнительные победы, которые, правда, приносят крупные суммы, но случаются довольно редко. В конце концов, баланс беговой конюшни всегда оказывается убыточным.

Можно задаться вопросом-чем же оправдывается подобная страсть? Разумеется-интересом к игре. Ведь так увлекательно узнать, что эта лошадь бежит быстрее той! Кроме того, имеются и генетические соображения, о которых мы уже говорили. Но суть все же в другом. И это сразу становится ясно. На деле привлекательность скачек состоит для миллиардера лишь в том, что это повод надеть цилиндр!

Самое большое удовольствие покойного Али Хана состояло в том, чтобы показаться в Лоншане или Эпсоме с изумительно красивой женщиной, которую одевает Ив Сен-Лоран, с исключительно породистой лошадью, на которой скачет Ив Сен-Мартен, и с цилиндром на голове! По правде говоря, скачки служат только для того, чтобы можно было, наконец, вытащить цилиндры из шкафов, где они хранятся с XIX в..

Если бы не было скачек, цилиндры эти служили бы только для брачных церемоний и насквозь пропахли бы нафталином.

Цилиндр для миллиардера-это то же самое, что люстриновые нарукавники для письмоводителя и кубышка для пенсионера,-предмет в высшей степени символический. Наглядное тому доказательство-юмористические рисунки в коммунистической прессе. Ни единого эксплуататора без цилиндра! Это непреложное правило. И трибуна ипподрома является единственным местом, где эксплуататор может показаться в цилиндре, не вызывая насмешливых замечаний.

В остальное же время он одевается, как мы с вями:я конторе носит пиджак, в казино-смокинг, на пляже Довилля-цветастую рубашку. Даже на борту собственной яхты он довольствуется скромной адмиральской фуражкой. Это не так бросается в глаза. А вот на газоне ипподрома он может, наконец, стать самим собой и походить на собственную легенду, что было бы решительно запрещено ему на трибунах Ро-лан-Гарро или, тем более, на зимнем велотреке. Скаковая лошадь содействует появлению цилиндра из коробки, где он хранится. Это и есть ее главная заслуга и решительное преимущество перед двуногим бегуном.

Джеханжир Ратанджи Дадабхой Тата

(1904)

Безденежный миллиардер

Тата-это миллиардеры, живущие наподобие пеликанов. Они обладают всего лишь ничтожной частью огромного, некогда собранного ими, богатства. Остальное же щедро потрачено на благотворительность.

Теперешние магараджи уже не те, что были когда-то. Шелковые тюрбаны, украшенные драгоценными камнями, и раззолоченные слоны, усыпанные бриллиантами, вышли из моды в этой сказочной Гол-конде. Дворцы на колесах, в которых они некогда объезжали мир, поражая своей роскошью нищих воинов королевы Виктории, давно проданы с торгов. Японцы и арабы дрались из-за них, пуская в ход нефтедоллары. Дворцы превратились в четы-рехзвездные отели, а традиционным коврам-самолетам пришла на смену современная сверхзвуковая авиация, обладающая, как говорят, бесспорными технологическими преимуществами, хотя и лишенная былой поэзии. В нынешние времена в Индии полагается быть богатым на манер лионских буржуа, которые держат свои ценности в сейфах и скрывают от посторонних глаз королевскую обстановку за обшарпанным фасадом своих жилищ в районе Энэ.

Благотворительным организациям достается 4/5 всех доходов империи Тата. Следует, в частности, отметить среди них трест сэра Дорабжа Тата и трест-мемориал леди Тата {медицинские исследования, социальная помощь и пр.).

• **Скромный богач**

Самого богатого человека в этой огромной стране зовут Тата. Это, как вы, наверно, поняли, его фамилия, а имя его-Джеханжнр Ратанджи Дадабхой. Он подает всем пример, ведя со своей супругой, Тельмой, исключительно скромную жизнь. В Бомбее, где он разъезжает на старой, потрепанной машине марки <плимут», он попросту снимает дом- разумеется, комфортабельный, но ничуть не похожий на дворец.

У него имеются два-три старомодных -«роллс-ройса», которыми он никогда не пользуется. Что касается обслуживающего персонала, то количество слуг сравнительно невелико-учитывая, конечно, особенности этой страны. Когда посмотришь, как

живет этот богач, даже в голову не придет, что империи Тата принадлежит шесть процентов всей индийской промышленности и работает на неё не менее трех миллионов человек.

Будучи французом с материнской стороны, Дж. Р. Д, Тата окончил лицей Жансон-де-Сайи и прошел военную службу в рядах сафи.

*__Страсть к благотворительности__

Владея несметными богатствами, он тем не менее отличается самыми скромными потребностями, а к тому же-весьма редкой среди набобов тягой к благотворительности, в силу чего он систематически отказывается от бблыпей части своих благ в пользу соотечественников. 4 Не обходи м о,-утверждает Тата,-чтобы плоды народного труда доставались народу».. Поэтому он с удовольствием раздает доходы фирмы Тата бесчисленным благотворительным организациям и предлагает своим служащим такие условия работы и такую зарплату, которые заставили бы завистливо побледнеть западных профсоюзных боссов. Сегодня всевозможным благотворительным организациям принадлежит 81 процент капиталов фирмы, а если еще добавить к этому налог, который берет себе индийское государство, то на долю семейства Тата придется не более чем 1,53 процента-сущий пустяк!

•**Император поневоле**

Джеханжир. Ратанджи Дадабхой не был основателем гигантского состояния империи Тата, он только унаследовал его. Оно в готовом виде свалилось на него с неба в такой период его жизни, когда у него в голове роились тысячи других замыслов. На его долю выпала печальная необходимость изо дня в день

заботиться об этом состоянии, а он, по правде говоря, охотно обошелся бы без подобной привилегии, ибо не чувствовал в себе никакого призвания к ремеслу дельца.

Сын индийца и француженки, он провел свое детство в Европе, и в частности во Франции, которая в те годы была известна всему миру как родина Блерио, Клемана Адера и им подобных. С самой колыбели он испытывал безграничную любовь и интерес к аэронавтике и никогда не думал, что посвятит свою жизнь чему-нибудь, кроме воздухоплавания. Поэтому он был весьма расстроен, когда его отец, перегруженный своими делами, приказал ему покинуть Европу и явиться в Бомбей, чтобы приобщиться к руководству семейным предприятием.

274

• От дяди-племяннику

К этому времени предприятие уже разрослось до чудовищных размеров. Основателем его был Джам-сетджи Назарванджи Тата (1839-1904), дядя Дже-ханжира Ратанджи Дадабхоя, и поначалу это была весьма скромная благотворительная фабрика, каких в стране тысячи. Она, по всей вероятности, приносила бы хозяину доход, вполне достаточный, чтобы не умереть с голоду, не посети его мысль установить там новую технику, импортируемую англичанами, Поскольку рабочая сила была, мягко говоря, очень дешевой, предприятие за несколько лет стало процветающим, и дядя получил возможность разнообразить и преумножить свою деятельность.

Занимался он этим, впрочем, скорее из чувства долга, нежели из стремления к наживе. Горячий патриот, уязвленный присутствием в стране англичан,-при том что он не мог не восхищаться ими,-он задался честолюбивой целью: покончить с отсталостью своей страны и превратить Индию в современное государство с уровнем жизни, подобным европейскому. Объектом его деятельности явилось, прежде всего, сталелитейное производство, поскольку он учитывал, что черная металлургия - основа любой промышленности.

Единственный наследник

У «дяди», Джамсетджи Тата, было два сына, которые продолжали его **дело,** но не оставили после себя наследников, Таким образом, Дж, **Р.** Д. **оказался** один во главе предприятия.

• Менеджеры и хрустальные шары

Джеханжир Ратанджи Дадабхою было всего тридцать четыре года, когда он, доказав свое умение вести дело, стал у руля семейного предприятия. И тотчас же проявил себя подлинным хозяином большого масштаба. С целью продолжить разнообразную деятельность предприятия, задуманную его дядей,

он сумел окружить себя предприимчивыми, компетентными и весьма дисциплинированными людьми. Это были инженеры и дипломированные выпускники западных университетов, знакомые со всеми тонкостями современного управления предприятием, но, в угоду национальным тридициям, кроме них тут же имелись и прорицатели, и ясновидящие, способные угадать благодаря кофейной гуше и хрустальным шарам колебание биржевого курса и цены на нефть. Говорят, что на предприятиях Тата никто из руководителей не принимает никаких решений, пока не убедится в благоприятном расположении созвездий.

Вот по указке этого экономико-магического мозгового треста фирма с успехом развернула множество предприятий в самых разнообразных отраслях: производство химических удобрений, моющих и косметических средств грузового автотранспорта, железнодорожная промышленность, электроэнергия, гостиничное дело, сфера обслуживания, не говоря уже об общественном транспорте и разведении креветок.

За несколько лет империя Тата опутала сетями почти всю индийскую промышленность и практически слилась с ней.

Главные компании. «Тата Айрон Стиля

Это главное предприятие империи. Оно выпускает локомотивы, грузовики,станки, сельскохозяйственные машины, буровые установки и т. п.

«Тата-Кем и кале 1_1о> занимается производством натрия, магния, косметических изделий, духов и мыла.

«Индиан- Хотел - Корп о-рейшн» -знаменитый Тадж-Махал в Бомбее является самым блистательным звеном этой цепочки. •Тата-Пресс». » Н ью-Индия Иншуранс»: корпорация инвестиций Индии.

"И ксти тут фундамен-тальных исследований Тата".

•Летающий миллиардер

Став одним из самых знаменитых на планете предпринимателей, Джеханжир Ратанджи ДадабхоЙ не изменил своей страстной любви к аэронавтике. Поскольку карьера пилота была, в силу обстоятельств, для него уже невозможна, он решил осуществить свою мечту другим путем и выбрал для этого воздушный транспорт в целом.

В 1932 г. вместе со своим лругом,англичанином по имени

Винсент Невиль, он создал первую в Индии компанию воздушных перевозок-«Тата Эрлайнс». Взяв на себя лично управление самолетом системы «Пусс-Мот», он совершил первый рейс, которым открылась регулярная воздушная почтовая связь между Карачи, Бомбеем и Мадрасом, явившаяся на смену нерентабельной и чересчур колони-алистской «Бритиш Империал Эр Сервис». Начав свое существование очень скромно-компания располагала только двумя двухмоторными самолетами и тремя пилотами,-* Тата Эрлайнс» быстро добилась процветания и породила «Индиан Эрлайнс»- гигантское предприятие, на которое индийское правительство вскоре стало поглядывать как на лакомый кусочек. Оно было национализировано в 1953 г.

•Столица империи Тата

Сегодня на фирму «Тата и сыновья», в которую входят все предприятия, созданные этим динамичным семейством, работают не менее трех миллионов человек. Она известна всей стране, и если даже подвергается иногда критике-семейство Тата обвиняют в патологическом экспансионизме,-ее прочная

связь с идеей независимой Индии ощущается всегда и всеми и остается неизменной. Не без гордости узнали индийцы в 1953 г., что Джеханжир Ратанджи Дадабхой был единодушно признан всей американской экономической прессой «менеджером года».

К внушительному списку предприятий, носящих имя Тата и прославивших это семейство, следует еще добавить название одного города-Джамшедпур. Он назван так по имени Джамшетси Тата и находится в 250 километрах к западу от Калькутты. Город является центром гигантской метрополии, представляя собой одновременно и металлургический комплекс, и уголок земного рая, и целиком принадлежит фирме. Его пятьсот тысяч жителей-прообраз счастливого народа. Всю заботу о них предприниматель взял на себя. Он обеспечивает им медицинское обслуживание, жилье и обучение, снабжает их газом и электричеством, и все это почти бесплатно. Поэтому они не перестают радоваться, что принадлежат к империи Тата, и вызывают зависть остальных индийцев, которые страдают от скверных экономических условий и надеются перейти когда-нибудь в состав империи... если индийское правительство ее к тому времени не национализирует.

Заработная плата После национализации «Индиан Эрлайнс- (компания воздушных сообщений) Дж. Р. Д. Тата остался директором этого предприятия с зарплатой... пять тысяч франков в месяц!

ОЖЖЕХ

Ахрам Ожжех
(1918)
Пушки Аллаха

*Покупая теплоход *Франс», Ахрам Ожжех шел на поводу у своей главной прихоти-желания тратить как можно больше денег. По он умел также и зарабатывать их, способствуя тем самым процветанию французской промышленности.*

Не было во Франции такого трудяги-иммигранта, который больше, чем Ахрам Ожжех, хотел бы пустить здесь корни. Чувство, которое он испытывает к приютившей его стране, не назовешь симпатией- эти поистине страстная любовь. И он использует каждую возможностью, чтобы проявить эту любовь на деле. Дошел до того даже, что сменил свою мусульманскую фамилию «Аджах» на «Ожжех»- ему кажется, неизвестно почему, что это звучит более по-французски. Добавьте к этому, что он женился на француженке по имени Ирен, обзавелся французской обстановкой из коллекции Вильденс-тейна, купил за 80 миллионов франков (сущий пус-тяк!) теплоход «Франс» со всей командой, хотя в этом у него не было никакой необходимости,-и вы сможете себе представить размеры его болезненной страсти к Франции!

• Внезапная влюбленность

Болезнь эта напала на него в один прекрасный день в октябре 1938 г. Ему было тогда всего двадцать лет, и он впервые приехал в Париж, желая завершить там свое образование. Он вырос на Среднем Востоке и получил степень бакалавра в учебном заведении лазаристов в Бейруте, а затем с превеликим трудом изучал право в Дамасском университете, кое-как зарабатывая на жизнь преподаванием в сельской школе.

До момента своего приезда во Францию он считал ее чуждой ему страной оккупантов и, несмотря на то, что усвоил в полной мере ее культуру, испытывал к ней чувства весьма умеренные. Но воздух Латинского квартала в одно мгновение вызвал у него совершенно иные настроения, и Франция стала для него второй родиной.

•Чересчур толст!

Едва приехав, он решил поступить в Высшую школу («Эколь

Нормаль»), на факультет физического воспитания, дабы стать преподавателем физкультуры. Но его нашли слишком толстым, и тяжелые двери почтенного учебного заведения захлопнулись у абитуриента перед носом. С досады он обратил взоры на философию, к которой у него всегда была склонность, но эта наука, как известно, плохо кормит тех, кто себя посвящает ее изучению. Он потерял на этом несколько лет и несколько килограммов пока война не оторвала его от любимых занятий и не бросила навстречу приключениям, в ходе которых ему пришлось изучать ружья, пулеметы и прочие стволы. В Сопротивлении, в ряды которого он вступил без колебаний, ему достались кое-какие лавры, он едва избежал выдворения из страны и закончил войну, чувствуя себя французом еще больше, чем прежде.

Теплоход

В 1979 г. Ахрам Ожжех внезапно распродал всю свою обстановку из коллекции Вкладе нстейна, а также расстался с теплоходом -Франс-, который у него купил некий норвежец. Причина: морской воздух был опасен для инкрустированной мебели эпохи Людовика XVIII. Счастье, что миллиардер вовремя спохватился)

•Лихорадочная страсть к делам

Сообразив после войны, что пора зарабатывать на жизнь, он окончательно расстался с мечтами о физкультуре и философии и пустился в деловую жизнь.

Начал он ее более чем скромно. Превратившись в простого коммивояжера, он отправился в Александрию с грузом разнообразнейших предметов роскоши, которые ввез туда чуть ли не тайком, найдя неожиданного сообщника в лице товарища по коллежу, служившего в таможне. Такая операция принесла ему скромную прибыль, но не более. Зато она принесла ему другое, нечто более неожиданное и ценное,-вкус в деловой жизни, которой уже не покидал Ахрама и вскоре широко раскрыл перед ним врата благосостояния.

Газоны

Эмиры охотно скупают пахотную землю, платя за нее большие деньги, и импортируют ее для создания искусственных оазисов среди песков своих пустынь.s

•Случайная удача

Аджах вернулся в Париж, исполненный восторга и грандиозных замыслов. Благодаря своей энергии, бившей ключом, он основал в 1946 г. «Общество двух миров» и заключил в рекордный срок множество контрактов по экспорту. Это общество, расположенное на Елисейских Полях, быстро принесло

ему известность и признание среди представителей влиятельных арабских кругов. И однажды он свел знакомство с дипломатической миссией Саудовской Аравии, посетившей Запад с целью военных закупок.

279

Вступив в эту игру, приемный сын Парижа тотчас же сообразил, как использовать новое знакомство. В те времена арабские властители, несмотря на свои несметные богатва, все же еще отличались воздержанностью не меньшей, чем у верблюдов, и робостью, подобной той, что свойственна девочкам, идущим к первому причастию. Распущенные нравы западных столиц пугали их ужасно, и они вовсе не хотели подвергать искушению свою добродетель. Следовательно, им надо было иметь на Западе доверенное лицо, и они тотчас же поняли, что Ахрам Аджах, араб, давно знакомый с западными обычаями, как раз тот человек, что им нужен.

Конкуренция

В торговле оружием у Ахрама Ожжеха имелся весьма опасный конкурент- Адан Хасодаси.

•Продавец пушек

Итак, принц Мансур, саудовский министр обороны, обратился к нему с просьбой стать посредником в деле снабжения его страны военным снаряжением, а также постройки в пустыне первого военного завода. Надо ли говорить, что Аджах с восторгом откликнулся на это неожиданное предложение? Политическая конъюнктура была в то время такова, что повсюду чувствовалась угроза войны, и подобное предложение явилось для него неслыханной удачей.

Не подсчитать всего, что он выиграл на этом деле-и не только благодаря торговле оружием. Привилегированное положение давало ему возможность заниматься попутно другими, более мелкими делами, которые способствовали росту его доходов и влияния при дворе саудовского властителя.

•Продавец всевозможных товаров

Благодаря его посредничеству, между Риядом и Парижем был налажен обмен самыми разнообразными товарами, которые для его арабских клиентов были предметами первой необходимости:жевательная резинка, «роллс-ройсы», удобрения для газонов, туристические самолеты, чадры из синтетики. Добавьте к этому выгоду, которую ему постоянно приносил обменный курс нефтедолларов их королевских высочеств, и вы поймете, почему Ахрам Ожжех уже никогда не жалел о том, что

не стал преподавателем физкультуры.

•Маленькая пустыня в большом оазисе

Разумеется, жизнь этого миллиардера проходила не без сложностей. Торговля оружием связана с поли-

тикой, а политика, как известно, дело весьма изменчивое. Национализация Суэцкого канала, открытая поддержка, оказанная мятежникам Магриба,-все эти поступки Насера и короля Аравии причинили немало хлопот нашему продавцу пушек. В 1957 г. французское правительство порвало дипломатические отношения с Саудовской Аравией и отправило в изгнание Ахрама Ожжеха под тем благовидным предлогом, будто он незаконно хранил какое-то оружие в своей конторе на Елисейских Полях.

Следствием этого явилось пребывание Ожжеха в течение нескольких лет в раззолоченной пустыне, что вовсе не повлияло на настроение этого потомка бедуинов, чьи банковские счета так же неизменно пополнялись нефтедолларами, как горб верблюда-питьевой водой.

Состояние

Богатство Ахрама Ожжеха исчислялось суммой примерно в триста миллионов франко.

«**Франс**-Теплоход "Франо представлял собой самый большой в мире крейсерский корабль. Ему предстаяло в рекордный срок пересечь Атлантический океан, но конкуренция <Коккорда* явилась для него роковой!

• Деньги на ветер

Будучи амнистирован в 1963 г., Ожжех вернулся во Францию и с легким сердцем взялся завоевывать рынок, который, пока он был в немилости, прибрали к рукам англичане и американцы. В 1875 г. Ожжех создал новое общество под названием «Передовая техника», что помогло ему вернуть свое привилегированное положение при саудовских властителях, и пустился в новые, совершенно безумные, расходы.

Ибо, в противоположность большинству создателей крупных состояний, Ожжех тратит деньги с не меньшим удовольствием, чем их зарабатывает. Нет счета его особнякам в Париже, Женеве, Лондоне и Риаде; «роллс-ройсам» и спортивным машинам, которые скопились у него во французских и английских замках; «Боингам» и вертолетам, которые ждут его, терпеливой чередой выстроившись в ангарах. Впрочем, он может швырять деньги не боясь упрека с чьей-либо стороны, особенно во Франции. Самый

французский из арабов-богачей остается для французов прежде всего арабом, иначе говоря- персонажем из «Тысячи и одной ночи». Пресса заговорила о нем в тот день, когда он купил теплоход «Франс», являвшийся славой наших морских верфей и любимым детищем генерала де Голля. Журналисты бурно попрекали правительство за эту продажу, но зато французы вовсе не попрекали Ахрама за покупку. А это доказывает, что они его французом пока не считают.

281

Фахд, король Саудовской Аравии

(1923)

Самый современный из архаический королей

Несмотря на поистине средневековую роскошь, которой он себя окружает, король Фахд является самым западным из монархов, исповедующих Ислам. Этим он завоевал симпатию американцев и недоверие интегристов-приверженцев старого порядка.

Нет в мире богатства, столь несоизмеримого с другими и столь открыто выставленного напоказ, как богатство его величества Фахда, короля Сауловской Аравии, который постоянно и охотно демонстрирует свою роскошь всем окружающим. Невозможно перечислить женщин, населяющих его гаремы, подсчитать количество «роллс-ройсов» и «БМВ», заполняющих гаражи его дворцов, определить тоннаж его личного флота и хотя бы приблизительно назвать капитал каких-то пятисот (примерно) принцев, входящих в его семейство.

Словом, когда говоришь об этом короле пустыни, кроме «Тысячи и одной ночи» ничего в голову не приходит.

• **Единство формы и содержания**

В его внешности есть все, что по нашему мнению, должно быть присуще восточному властелину. По традиции обрамленное белым муслиновым «кеф-фи» бледное лицо с огромными мохнатыми черными бровями, орлиный нос, загнутые вверх усы, напоминающие сабли мамлюков, бородка клинышком, такая же черная, как брови, сообщают ему сходство с Мефистофелем на восточный лад. Добавьте к этому темные, чарующие, по-арабски сладострастные глаза и округлое лицо, придающее ему несколько ленивый вид, несмотря на нервически-торопливую манеру говорить.

• **Повелитель, явившийся из тьмы времен**

Частые появления на публике, к которым его вынуждает положение крупного государственного деятеля, становятся для потрясенных зрителей путешествием в глубь веков. Гордо вскинув голову, король странствует по всему миру в сопровождении своей

свиты, наряженной в традиционные одежды. Его появление в роскошных отелях и президентскихособняках западного мира напоминает великолепно поставленный спектакль. Кажется, будто сам Абель Ганс приложил руку к этому пышному зрелищу. Одетый в коричневую абайю и восточные туфли, сопровождаемый свитой воинов-кочевников с жестокими глазами, он кажется выходцем из пустыни, а вер нее-пришельцем из далекого, легендарного прошлого. Можно подумать, то Сулейман Великолепный принимает послов Франциска I или Сала-дин беседует с участниками крестовых походов, всем видом выражая величайшее, пусть и напускное, презрение к западным варварам.

Состояние

По весьма приблизительному подсчету, состояние короля Фахда насчитывает двадцать миллиардов долларов.

Саудовские монархи,хранители святынь Ислама, пользуются огромным почетом варабском мире. Прибытие Фахда на какую-нибудьконференцию по Исламу всегда является большимсобытием.

• По мужским законам

Во всех своих официальных выступлениях Фахд, воспитанный на принципах незыблемого соблюдения законов Корана, до карикатуры следует тра-

дициям. Даже в тех случаях, когда он посещает английскую королеву или является к несговорчивой миссис Тэтчер для обсуждения каких-либо дел, свита его состоит исключительно из мужчин. Нет при нем никакой первой леди в нарядах от знаменитого кутюрье. В отличие от госпожи Миттеран и других супруг президентов наших демократических стран, которые с бблыним или меньшим успехом вмешиваются во все, что их вовсе не касается.его жены, закутанные в чадры, расшитые золотом и серебром, пребывают на месте, которое им предписано Кораном. Они скучают за слепыми стенами пышных гаремов и никогда не посмели бы высказать свое мнение о чем бы то ни было, ибо знают, что их царственный повелитель неуклонно соблюдает законы Пророка, поручившего, в своей беспредельной мудрости, ведение государственных дел исключительно мужчинам.

•Великий американский брат

Впрочем, все это не мешает повелителю пустынь наслаждаться прелестями западной жизни и, несмотря на внешность архаического монарха, оставаться человеком своего времени, страстно преданным всему современному и являющимся безоговорочным другом Америки. За это, кстати, ревнители законов Аллаха его нередко упрекают, опасаясь, как бы его ночные похождения, нескрываемый интерес к белокожим европейским женщинам и страсть к скаковым лошадям и футболистам не дали ему соскользнуть с пути следования законам Пророка. Тем более что этим ревнителям целостности мусульманского мира, не раз испытавшим на себе железную хватку своего повелителя, отлично известно, что король Фахд, семейству которого поручено охранять Мекку и Мединy-самые великие святыни Ислама,-играет ведущую роль во всем арабском мире и является неоспоримым авторитетом для толп своих единоверцев, а те, как всякая толпа, легко могут поддаться любому чуждому влиянию!

Производство

Нефтяные залежи Саудовской Аравии составляют 15% нефтезалежей всей планеты. Благодаря чему это малонаселенное

государство является третьим крупнейшим производителем нефти в мире.

Ибн Сауд

{примерно 1887-1953) Унаследовав от отца титул эмира, он стал в 1902 г., по окончании победоносной войны, королем Хедиаза и Не-джида. В 1932-м он объявляет себя королем Саудовской Аравии.

•Воспитание на западный лад

И впрямь ведь-невзирая на одежды библейского патриарха и нравы иных времен, король Аравии проявляет при всех обстоятельствах дружелюбие и безмерное восхищение западным миром, где он часто бывал и бывать продолжает. Фахд, родившийся в

284

1923 г., является одним из сорока сыновей Фадель Азиза ибн Сауда, первого монарха этой династии. Этот монарх, потомок бедуинов, воспитывал его в духе строжайшего соблюдения законов Корана, но все же счел необходимым дать будущему наследнику такое образование, которое когда-нибудь поможет ему справиться с огромной ответственностью, выпавшей на его долю. Чтобы дать юноше возможность поближе познакомиться с современным миром, которому его маленькое королевство будет поставлять нефть, он отправил его в лучшие университеты Европы и Америки, где тот мог познакомиться с самыми современными приемами маркетинга. Молодой принц, посещая эти занятия, проникся живейшей симпатией к Западу и, в дальнейшем, стал одним из самых верных его союзников.

Отмена рабства

Ибн Сауд был реформатором, монархом с современными взглядами. Если бы Фейсал не отменил в 1962 г. рабство, это, безусловно,взял бы на себя Фахд.

•Современный министр

Получив немало дипломов, бегло говоря по-английски, а также владея еще несколькими иностранными языками, принц Фахд вернулся в родную страну и завершил там свое образование, занимая при своем брате, короле Фей сале, различные министерские посты. Он сразу проявил себя как человек, способный принимать смелые решения. В тридцатилетнем возрасте он получил свой первый министерский портфель. Став министром народного образования, он распахнул перед молодыми жительницами Саудовской Аравии двери университета и тем самым помог своим соотечественницам сделать решительный шаг по пути эмансипации. С 1962 г. он занимал

пост министра внутренних дел и постепенно сделался подлинным хозяином страны, держа в руках всю администрацию государства и играя, от имени брата, решающую роль во внешней политике Саудовской Аравии.Иначе говоря, наладил прочные связи между Соединенными Штатами и своим будущим государством и проложил путь прозападной политике.

***Король нового времени**

По этой-то причине, когда в 1982 г. традиционалисты скрипели зубами по поводу его коронования, оно было с восторгом встречено американским дипломатическим миром. Унаследовав трон после брата, бледного короля Халида, человека робкого и к тому же страдавшего тяжелыми сердечными при-

ступами, Фахд сумел использовать доверие к нему великих держав свободного мира. Он был решительным противником Советского Союза, чье влияние в районе Персидского залива начинало всех тревожить, его знали как опытного менеджера и умеренного политика, способного поддерживать интересы стран Запада, сдерживая угрожающий натиск исламистов. Помимо реформы женского образования, в Вашингтоне высоко ценили также созданную им прославленную «Белую Армию», в которую влились различные племена его страны, что дало возможность королю Фейсалу противостоять растущему влиянию регулярной армии, стоявшей на позициях интегриэма (сохранения старого порядка). При новом короле, внешне весьма приверженном традициям арабского мира, но в то же время отнюдь не скрывавшем своих симпатий к Западу и тамошнему жизненному укладу, можно было не опасаться вспышки исламской революции, которая посеяла бы раздор во всем мире и усложнила бы и без того весьма запутанную проблему углеводородов.

Нефтяная компания

Нефть, обнаруженная в 1930 г. в районе Хасса, способствовала значительному росту богатства этой страны. Тогда была создана -Арамко» **(араба-американская** нефтяная компания). Но эксплуатация ее развернулась во всю ширь только после войны. Доход, получаемый саудовским монархом от этой компании, возрос от пятидесяти семи миллионов долларов до... трехсот сорока одного миллиона.

• Король из «Тысячи и одной ночи»

Этот могущественнейший монарх, без малейших колебаний утопивший в крови попытку восстания в 1969 г. и отдавший приказ расстрелять иракских паломников, явившихся в 1987 г.,

чтобы захватить Великую мечеть в Мекке, знаком читательским массам в основном как раззолоченный паша, о чьих небывалых расходах любит сообщать широкая пресса. Король Фахд как легендарная личность интересен толпам читателей куда больше, чем король Фахд- политический деятель. Этот человек настолько богат, что может закупить в Канаде шестьдесят тонн красного гранита с целью построить для себя в песчаной пустыне ванную комнату, украшенную мраморными гербами, что поражает своим дурновкуси-ем. Этот набоб способен оставить на зеленом сукне казино шесть миллионов долларов разом, не выразив на лице ни огорчения, ни сожаления. Словом, в глазах простых обывателей этот король нефтепромыслов, от которого бросает в дрожь Уолл-стрит, и чье недовольство может стать угрозой для мира на всей земле.является прежде всего таким миллиардером, какие бывают только в сказках.

•Состояние, не поддающееся подсчету

Составить полный список его богатств было бы пустой тратой времени и свелось бы к скучному перечислению. Поэтому мы ограничимся самыми броскими его игрушками и обратим внимние читателя лишь на то, что их владелец ни у кого не вызывает недоброжелательной критики или зависти, будь то жители западных стран, для которых он является слишком далеким, легендарным существом, или жители Саудовской Аравии, которые сами процветают благодаря обилию нефти в недрах родной страны.

Король Фахд без удержу выставляет свои богатства на всеобщее обозрение. Скромность в данном случае кажется ему неуместной. Во Франции ему принадлежат две роскошные резиденции-одна в Париже, другая в Каннах,-куда почти ни разу не ступала его нога в нарядной восточной туфле. В Лондоне он - владелец особняка в районе Кенсигтона, который обошелся ему, примерно, в сотню миллионов франков и где целый штат слуг поджидает в полной боевой готовности, когда же он наконец соизволит явиться,-что само по себе маловероятно. В Марбелле, на Коста-дель-Соль, пустует еще один его дом, насчитывающий сто комнат; в дом встроена мечеть, где муэдзин, которому вовсе нечего делать, может целыми днями всматриваться в морскую даль-не появится ли королевская яхта.

•Корабль из 4Тысячи и одной ночи»

Яхта, носящая имя «Абдул-Азиз»,-это на сегодняшний день самый большой и самый роскошный частный корабль в мире.

Отделанная тиковым и черным деревом и щедро облепленная золотом и серебром, о чем позаботился английский художник-декоратор Дэвид Хиккс.она обошлась своему коронованному владельцу не менее чем в триста шестьдесят миллионов франков. Это не считая Пикассо, Дюфи и других великих мастеров, полотна которых украшают ее стены, а также ценнейших плит белого мрамора, устилающих полы. Яхта представляет собой целое скопище олимпийских бассейнов, саун, соляриев, турецких бань и просто ванн с душами, бальных и гимнастических залов, и добавим к этому святая святых-огромную подковообраз-

товых вод, насыщенный нефтью исключительно высокого качества, почти не требующей переработки. Затем в 1956 г. там же было сделано еще одно открытие-газовый пузырь не меньших размеров, так что достаточно было подключить к нему простой кран, чтобы оттуда брызнули потоки долларов. За несколько десятков лет этот султанат, владеющий двойным рогом изобилия, стал, по непредсказуемой милости Аллаха, двадцать девятым поставщиком всей мировой нефти и четвертым поставщиком газа. Это с лихвой могло обеспечить его немногочисленное население.

•Единственный владелец

Более всего поражает в Брунее то, что это гигантское «золотое дно» (можно даже сказать-«бездна») целиком и полностью принадлежит одному человеку-хотя он это и отрицает. Султан Муда Хассанал болкиях действительно является одним из последних абсолютных монархов в мире. Все, что имеется в его маленьком королевстве, считается принадлежащим ему лично, так как в этой стране, сохранившей архаическую структуру, нет четких границ между имуществом государственным и личным имуществом султана, который к тому же, в отличие от других властителей черного золота, не имеет в своем окружении никого, с кем он вынужден был бы разделять это фантастическое богатство.

•Подлинный миллиардер

Невозможно установить точный размер состояния Болкияха. Чтобы получить об этом хотя бы приблизительное представление, достаточно сказать, что запасы нефти и газа, скрытые в недрах Брунея, составляют капитал (по нынешнему курсу), равный двумстам пятидесяти миллиардам франков. Что касается личного достояния этого монарха, оно равняется «пустячку» в сумме ста миллиардов. Эта сумма, распределяемая между семью крупными

международными банками, приносит ежегодную прибыль, которая дает возможность сохранять в целости все доходы от продажи газа и нефти и покрывать государственные расходы на содержание толпы слуг, орды чиновников и армии в составе трех тысяч пятисот солдат под командованием англичан с рыжими усами и негнущимися шеями, каковая именуется «Королевским малайским полком Брунея».

Привилегии населения

Средний доход на человека: двадцать дветысячи пятьсот долларов.

Прожиточный минимум (гарантированный):пятьсот долларов в месяц.

-Налоги: отсутствуют.

-Обучение: бесплатное.

Медицинская помощь: бесплатная.

Потребительскиезаймы: осуществляютсяавтоматически под чистосимволический процент.

Студенческая стипендия для учебы заграницей: выдается попросьбе.

Словом, можно без конца перечислять привилегии, которыми пользуются граждане этого странного земного рая.

Абсолютная монархия

В 1967 г. султан Омар отрекся от престола в пользу своего сына Хас* санала, которому тогда исполнился двадцать один год. Англичане надеялись, что он даст стране более демократическую конституцию, - но просчитались.

290

•Миллиардер из «Тысячи и одной мочи»

Трудно найти большего миллиардера, чем султан Брунея. Он миллиардер до кончиков ногтей, несмотря на то, что внешне скорее напоминает унтер-офицера индийской армии, чем пышного и толстого магараджу, как их изображают в комиксах. Затянутый в безупречно сидящий на нем мундир, на агатово-черных волосах плоская фуражка, украшенная сверкающей кокардой, - его величество Муда Хассанал болкиях сохранил после курса наук в Королевской военной академии Сендхерста маниакальную приверженность к аккуратности в одежде н механическую поступь. Но на этом для него влияние Запада и заканчивается.

Что же касается богатства и образа жизни, то султану Брунея отнюдь не свойственна стыдливая робость, которую так или иначе испытывают все европейские миллиардеры. Он открыто купается в роскоши, которую обеспечивают ему нефтедоллары, и,

по-видимому, не испытывает ни малейшей неловкости-во всяком случае, не выражает ее внешне- перед лицом гигантского океана нищеты, среди которого затерялся его маленький султанат. Но, собственно говоря, почему он должен испытывать эту неловкость? Разве нефть и газ не являются дарами Аллаха?

ООН

В январе 1984 г. султанат добился независимости и стал пятвдесят девятым государством в составе ООН.

•Мелкие радости

И вот наш супермиллиардер, владелец черного золота, предается своим любимым занятиям без малейших упреков совести, и на радость читателям массовой западной прессы, которым очень нравится, что где-то там, в этом огромном мире, за пределами их блеклой повседневности, еще сушествуют сказочные страны и пещеры Али-Бабы.

Муда Хассанал болкиях обладает всем, о чем мечтают читательницы женских журналов. Умеренный магометанин (а что касается внешности, то, если бы не смуглый цвет лица, он сошел бы за уроженца Запада!), он не одобряет фанатизма иного айатоллы и имеет всего-навсего двух жен, что весьма разумно со стороны человека, который мог бы позволить себе завести самый перенаселенный из всех исламских гаремов!

Если в отношении женщин он достаточно сдержан (хотя надо сказать, что обе его жены очень, очень красивы!}, то в остальном он просто не знает

удержу. Во всем, что ему по вкусу, он на полпути не останавливается. Для своего любимого вида спорта-конного поло-он имеет не менее двухсот лошадей с родословной почище его собственной. К этому можно добавить такое же количество роскошных машин, среди которых «роллс-ройс» с шестью дверцами. И так как горючее обходится ему недорого, он обожает носиться на бешеной скорости по тысячекилометровым автострадам своего государства. Яхты, «Боинги-747» и гранд-отели очень, очень высокого класса тоже приходятся ему весьма по вкусу, и он время от времени закупает их-просто так, для развлечения. Но главным предметом его страсти, чтобы не сказать-предметом роскоши, ибо султану ничто не кажется роскошью, является дворец, построенный для него филлипинским архитектором Леонардо Локсином.

Бол киях очень любит вкладывать деньги в такое дело, как роскошные отели. В течение только последних лет он приобрел «Холидэй'Инн» в Сингапуре и «Дорчестер» а Лондоне.

•Нурул-Имам Палас

Это здание, представляющее собой престранную смесь современной и традиционной архитектуры и созданное, чтобы прославить своего владельца, самым поразительным образом сочетает в себе несравненное великолепие, дурной вкус и ненужную трату денег. Оно облицовано мрамором общей площадью в шесть гектаров, привезенным из Флоренции, и увенчано золоченым куполом; занимает оно не менее двадцати гектаров, насчитывает тысячу семьсот восемьдесят восемь комнат (многие из которых вовсе не используются), среди них:обеденные залы, вмещающие до пяти тысяч человек, и тронный зал величиной чуть ли не с парк дей Прэнс, в котором он мог бы разместить одновременно всех своих слуг, просителей и придворных-а их совсем не мало. Вся стоимость строительства-по меньшей мере, пятьсот миллионов долларов.

•Огромное богатство-на ниточке

Все так и продолжалось бы, как в прекрасном сне, в этом маленьком султанате, и его властителю была бы обеспечена до конца дней жизнь в земном раю, кабы само изобилие его богатств не вызывало зависти со стороны соседей. Уже в 1962 г., если бы не помощь англичан, Омар Али Сайфуддин, отец Хассанала Болкияха, был бы свергнут управляемой из-за рубежа революцией. В 1984 г., который стал

годом независимости султаната, экономику страны чуть было не прибрали к рукам иммигранты-китайцы (15 процентов населения). Пришлось лишить их гражданства. После этого нефтяные богатства маленькой монархии приглянулись Индонезии, которая и сейчас еще не теряет надежды завладеть ими. Таким образом, получается, что хотя над самым богатым человеком в мире и не тяготеет чувство вины, как это было бы на Западе, ему все же не так уж легко живется. Сказочное богатство может внезапно улетучиться, как мираж. Но сама эта хруп-. кость делает его тем более поэтичным и чарующим.

Ясухиро Цуцуми

(1-1964)

Миллиардеры Страны **Восходящего Солнца**

Этот финансовый самурай, после трагедии Хиросимы, ведет мирным путем свою страну к завоеванию всего мира.

История этой семьи «самураев богатства» началась в 30-е гг. на маленькой провинциальной почте. Неустанно выполняя тан повседневную работу, Ясухиро Цуцуми, сын бедного крестьянина, каким-то образом учуял будущность железных дорог, сеть

которых вскоре раскинулась по всей империи Восходящего Солнца, и будущность связанных с ними почтовых услуг, усовершенствованием которых занимались в то время французские инженеры.

Благодаря богатому воображению и умению убеждать, он уговорил отца вложить свои скромные сбережения в обе эти сферы деятельности, и очень скоро, в результате неустанной работы и умелых расчетов, ему удалось создать эмбрион того состояния, которому суждено было за несколько десятилетий стать одним из крупнейших в Японии.

• *Финансовый бульдозер*

Первым важным этапом деятельности Ясухиро на пути к богатству стало создание и развитие за рекордное время цепи коммерческих предприятий по торговле химическими удобрениями. Именно эти предприятия и принесли ему первый капитал, необходимый для выполнения главного плана, который он долго обдумывал, погашая тем временем марки на почтовых конвертах: крупномасштабные операции на землях, цена на которые сильно бы подня-лась благодаря строительству железных дорог и

осуществлению различных проектов по освоению этих территорий.

Доходы, которые принесла Цуцуми эта первая коммерческая операция, позволили ему откупить в различных районах страны крупные участки земли и поднять их стоимость, связав друг с другом железнодорожными путями, с целью привлечь туда население. Выравнивание возвышенностей, прокладка туннелей, возведение насыпей на лиманах и даже строительство целых городов-ничто не казалось непосильным этому мелкому почтовому слу-

Писатель

Незадолго до смерти Ясухиро Цуцуми опубликовал книгу, которая стала своего рода его политическим завещанием. Она называлась «Мост через Тихий океан-, и в ней он излагал историю своих трудов по сближению Японии с Соединенными Штатами.

жащему, не имевшему себе равных в умении уговаривать банкиров и преодолевать любые препятствия, мешающие осуществлению его планов.

•Цуцумополис

Система Ясухиро Цуцуми, заключавшаяся в том, чтобы направлять потоки населения в новые города, создала клиентуру для коммерческих предприятий, организованных им же в этих городах, а также обеспечила необходимую нагрузку железным дорогам, владельцем которых, разумеется, был он сам. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы стать одним из крупнейших финансовых тузов Японии и хозяином множества поселений, где ему принадлежали дома, предприятия,

общественный транспорт, средства связи и даже, в известной степени, сами жители.

•Деньги и власть

Как всякий хороший финансист, Ясухиро Цуцуми, естественно, не пренебрегал поддержкой и связями в политическом мире. Поскольку он заботился о том, чтобы его предприятия давали прибыль, а огромные доходы инвестировались наилучшим образом, ему было необходимо знать постоянно и раньше других, какие планы разрабатывает правительство. Поэтому, невзирая на свое гигантское состояние, отрицательно влиявшее на общественное мнение, он окунулся в политическую деятельность и к концу жизни стал президентом Сената. Как политик он проявил немало здравого смысла и явился, например, одним из немногих бизнесменов, которые выступали против экспансионистской войны в Тихом океане и протестовали в 1936 г. против введения военной диктатуры.

Будучи человеком миролюбивым и в то же время предусмотрительным, господин Цуцуми во время конфликта с американцами не стал вкладывать свои капиталы в страны, занятые японской армией. Он, как раз напротив, воспользовался создавшимся положением, чтобы укрепить свои позиции внутри самой Японии, скупив-впрочем, по весьма невысокой цене-те земли, от которых тогда многие его соотечественники избавлялись, в стремлении поддержать на полученные за них деньги своего полу-божественного императора, которого считали непобедимым.

Европейские связи

Кун и ко Цуцуми, сестра Сейдэи, поступила весьма умно, выйдя замуж за француза, Жиля Мере. Поселившись в Париже, она осыпает страну японскими деньгами. Со своей стороны, Жиль Мере, издатель журнала «Ой», поставил перед собой задачу ознакомить японских предпринимателей с европейским искусством - и беда в том, что ему это как будто удается.

Игорный ДОМ

Казино «Лидия» в Порт-Бар каресе, было основано госпожой Цуцуми-Нерв, которая и стала его директором. Это единственная во Франции женщина, занимающая такую должность.

•Одиночество на развалинах

Когда атомный гриб, вставший над Хиросимой и Нагасаки, затмил славу непобедимого сына Солнца, престиж Цуцуми, который был единственным, кто предвидел катастрофу, поднялся

на недосягаемую высоту. Поэтому именно к нему-то и обратилось за помощью злополучное и пристыженное императорское семейство, не нашедшее поддержки у своих самураев, которые один за другим кончали жизнь самоубийством. Коммерсант великодушно откликнулся на эту просьбу, не теряя, впрочем, из виду собственную выгоду. Он действительно поддержал микадо, откупив у него императорские дворцы, разбросанные по всей стране, а затем, усвоив раньше других нравы победоносной Америки, превратил эти дворцы в цепь роскошных отелей и дал тем самым возможность голливудским звездам и нуворишам западного побережья свободно раскинуться на татами почтенной японской монархии.

•Человек, сотворивший японское чудо

После своего катастрофического поражения Япония коренным образом преобразилась. Если прежде военное искусство занимало в ней первое место, то теперь войну уже не рассматривали как самое изысканное времяпрепровождение; молодые люди, перенимая нравы победителя, принялись наперебой жевать резинку и с безудержной страстью окунулись в деловую жизнь. Самураи забросили подальше свои сабли и кимоно и, вооружившись чековыми книжками и электронными вычислительными машинками, лихо бросились на завоевание мира. И действительно-в финансовых конторах их ждал куда больший успех, нежели на атоллах Тихого океана, что и привело за несколько лет к тому, что мы (на свою экономическую беду) прозвали японским чудом.

А господин Цуцуми, неустанно строивший новые города, стал величайшим творцом этого чуда, поскольку буйная активность, проявляемая им в делах коммерческих, была под стать его активности политической. С одной стороны, он составил и подписал с Соединенными Штатами договор о взаимной безопасности, избавив тем самым свою страну от расходов на вооружение и получив возможность молниеносно модернизировать промышленность, что

поставило Японию в один ряд с развитыми странами. С другой-он занялся развитием и модернизацией собственных предприятий. Начиная с этого времени, по всему миру стали распространяться новые магазины «Сейбу» и словно из-под земли вырастали новые «Принц-отели»; и наконец империя господина Цуцуми, словно щупальцами охватила Джакарту, Токио, Кувейт, Францию и Скандинавию.

***Враждующие братья**

Ясухиро Цуцуми умер в 1964 г., оставив обильное потомство, из которого только сын Сейдэи и дочь Кунако были детьми его законной жены. Остальные появились в результате различных случайных связей. Старый миллиардер, помимо огромного состояния и спартанского воспитания, одарил вдобавок это счастливое семейство великолепным и неистощимым источником раздоров. Завещание его повергло всех в изумление. По неизвестной причине Сейдзи не унаследовал состояние отца-управление всей семейной империей досталось одному из его сводных братьев по имени Йошаки. Конечно, матери этих двоих вцепились друг другу в волосы, а братья ввязались в судебные процессы, и все эти семейные дрязги развлекали читателей газет и журналов в течение долгих лет. К тому же Сейдзи и Йошаки охотно выносили свои ссоры на всеобщее обозрение.

Величина состояния

Йошаки Цуцуми сегодня обладает самым крупным личным состоянием в Японии, и оно является одним из самых значительных на всей планете, исчисляясь примерно суммой в восемьдесят миллиардов франков. Эту империю контролирует хопдинг-ком-пани «Кукудо-Кейкаду», владеющая, помимо «Принц-отелей" и железнодорожной компании Сейбу-Тестуду, еще пятью транспортными предприятиями и гигантскими земельными участками - и это в Японии, где площадь для строительства является самой дорогой в мире!

•Наследственный талант

Но ничто не помогло, и Сейдзи, весьма расстроенный тем, что лишился наследства, причитавшегося ему как старшему в роду, вынужден был удовольствоваться только одним из универмагов «Сейбу», да к тому же довольно убогим, затерянным в предместье Токио.

Что касается Йошаки, то он оказался во главе всей группы «Сейбу», куда входит множество крупных предприятий холдинга «Кокудо Кейкаку», включая железнодорожную компанию «Сейбу Тес-тудок

Но несмотря на отцовскую немилость, а также на приверженность коммунистическим идеям, которые должны были, казалось, помешать ему стать удачливым капиталистом, Сейдзи Цуцуми оказался на

редкость умелым в делах и основал вторую империю Цуцуми. Движимый страстным желанием отыграться, он с жаром бросился в битву и за несколько лет не только сделал свой универмаг

самым роскошным, но еще создал, в дополнение к нему, девяносто филиалов, в которых было занято не менее семидесяти тысяч работников.

Сегодня группа Сейдзи Цуцуми делает крупные вложения капиталов в страховые компании, недвижимость, воздушный транспорт и клубы отпускников. Сейдзи принадлежит одиннадцатое по величине состояние в Японии, и он, скорее всего, рассчитывает обогнать когда-нибудь своего сводного брата, которому пока что удается лидировать. И эта надежда вполне может осуществиться, если к тому времени Йошаки не станет самым богатым человеком на всей планете.

А кое-кто еще не верит в наследственность!

Меценатство

Сейдзи Цуцуми, которого отец почти что лишил наследства, все *же* сумел сколотить состояние размером в два миллиарда франков (одиннадцатое в Японии по величине). Будучи человеком образованным, писателем к тому же, он создал музей Цуцуми, где представлены прекрасные собрания европейского искусства; кроме того, он часто организует выставки современного искусства в своих универмагах.

БОГАЧИ - СУМАСБРОДЫ

БОГАЧИ - СУМАСБРОДЫ

По правде говоря, миллиардерам хотелось бы, чтобы о них помалкивали. Больше всего они жаждут наслаждаться своим богатством «на швейцарский лад», в глубине своих сейфов, подобно мышам, затаившимся в дырочках сыра. А этодело нелегкое, вернее сказать-невозможное. Стоит человеку перешагнуть определенный порог благосостояния-и ему уже не избежать назойливого любопытства журналистов. Истинные набобы владеют, по сути дела, всем-кроме собственного лица и личной жизни, ибо то и другое является необходимым сырьем для массовой прессы и принадлежит ей по праву. Известность-это неизбежная оборотная сторона богатства. Одно с другим сосуществует как две стороны золотой монеты. Никто не может наслаждаться одним, не испытывая тягостных неудобств, которые влечет за собой другое. Иное положение было бы равносильно тому, что, купив масло,пытаться вернуть уплаченные за него деньги.

• Скрытые камеры

Если вы, на свою беду, станете в один прекрасный день миллиардером-от чего упаси вас Боже!-то имейте в виду, вам уже не знать ни минуты покоя. Вам придется постоянно приглядывать за прессой, и вы неизбежно должны будете окружить себя сворой

адвокатов, злобных как цепные псы, которые станут вынюхивать клеветников и таскать по судам разносчиков лживых сплетен. Уж не говоря о специалистах по скандальным сенсациям, которые вечно будут бегать за вами по пятам, вынуждая вас использовать разнообразнейшие индейские хитрости, чтобы скрыться от посторонних взглядов. Эти газетные писаки залезут на вашу крышу, спрячутся в листве деревьев, схоронятся под решетками, и так без конца. Каждое мгновение на вас, того и гляди, будет наставлен беспощадный глаз их камер. Самые интимные минуты вашей жизни будут для них хлебом насущным, и вряд ли вы сумеете укрыться от них, как ни старайтесь. Они окажутся рядом, откуда ни возьмись, чтобы «наколоть» вас на месте происшествия; понадобится ли вам срочно удалиться по нужде в укромный утолок, назначите ли вы сверхлюбовное и отнюдь не законное свидание или же выпьете лишку за обедом-все это будет для них отличным поводом, чтоб обстрелять вас своей фотоаппаратурой. Джекки Кеннеди все это познала на собственном опыте. Как-то раз она услышала знакомый ей щелчок за хорошо охраняемой оградой своего личного пляжа и одним прыжком, как отпущенная пружина, ринулась к купальной кабине. Куда там! На следующий же день ее обнаженное тело украсило собой первую полосу иллюстрированных журналов всего мира. Попка бывшей президентши решительно попала в беду! Ее прямо рвали из рук! На свое счастье, героиня этого происшествия уже не была первой леди пуританской Америки. Иначе даже трудно вообразить, какие это повлекло бы за собой дипломатические последствия.

•Мания преследования на информационной почве

Как посмотришь на столь драматические эпизоды,сразу поймешь, что эта постоянная фотоугроза может повлечь за собой манию преследования, и поэтому немало миллиардеров втайне мечтают о среднем уровне жизни, когда они-наконец-то!-станут похожи на обычных людей. А некоторым случалось и сломаться. Тому пример Говард Хьюз, который внезапно исчез из обращения, наподобие шотландского призрака,-и это исчезновение настолько удалось ему, что иные писатели-«ревизионисты» когда-нибудь, возможно, зададутся вопросом: а не был ли он просто легендой?

Что касается Али Хана, тот время от времени охотился на своих преследовартелей. Вырвавшись из объятий очередной любовницы, он геройски пускался в погоню по переулкам Сен-Тропеза, хватал виновных за шиворот, вырывал у них из рук

камеры, которые в ярости топтал ногами. После чего, разумеется, возмещал ущерб. Для проныр-газетчиков Лазурного берега это было легчайшим способом заполучить новенькую аппаратуру! После первого испуга они приходили в восторг от пережитого приключения, а поставщики светских новостей, дивясь такой ярыги миллиардера, спешили поделиться своим удивлением с окружающими.

•Мечта о скромном образе жизни

Кристина Онассис, которой, наконец, наскучили вспышки камер капиталистической прессы, ударилась в другую крайность. Она с ходу распрощалась со сверкающими яхтами отца, с его роскошными виллами на Эгейском море, с ведрами икры, входившими в ее постоянное меню. И все это ради того, чтобы выйти замуж за советского подданного. У него были ласковые глаза и славянское очарование, но за душой-ни копейки. Тем не менее, решив, что не в деньгах счастье, она поселилась с ним в двухкомнатной квартирке новостройки на окраине Москвы. В те времена «гласности» еще не было, и фотокамеры имелись только у шпиков КГБ. Теперь она могла надеяться, что ее оставят в покое. Но, к сожалению, она рассорилась со свекровью, которая жила в этой же квартирке. Расстроенная до глубины души, Кристина положила конец этому пролетарскому роману и приняла решение вернуться на свою яхту. Марксизм-ленинизм оказался на деле далеко не столь привлекательным, как тогда уверяли.

•Миллиарды играют свою роль

Это мимолетные или устойчивые проявления слабости духа вовсе не означают, что решающий чертой данной породы людей является слабохарактерность. Миллиардеры, в большинстве своем, отлично справляются с условиями, в которые их поставила жизнь. Тому доказательство-портреты, приведенные в этой книге. Миллиардерам,

так или иначе, удается приноровиться к рекламе, и она поневоле становится частью их существования. Иные это проделывают даже весьма лихо. Они принимают все условия игры, выставляют себя напоказ и играют роль этакого оригинала, подчас даже симпатичного шута. К числу таких личностей относится Марсель Дассо. Он целиком и полностью принимал все неудобства, которые приносило ему огромное богатство, и сохранял на устах неизменную улыбку. Изображая «французскую глубинку»-, он прославился не столько своими грозными

бомбардировщиками, сколько неподражаемыми статьями в «Коммерческом кафе», которые, к великому огорчению газетных сплетников, считавших подобное занятие своей собственной привилегией, давали ему возможность самому рисовать собственный портрет.

•Трубы славы

Что касается Бернара Тапи, то у него забота по созданию собственного имиджа превратилась в своеобразный «информ-стриптиз». Он стал «неизбежным» человеком. Куда ни пойди, всюду натолкнешься на этого господина Всеумейку. Он берется решительно за все, хотя далеко не всегда одинаково удачно. Его художественные вкусы столь же неопределенны, как и его политические взгляды, рассуждения о футболе так же бессмысленны, как его телевизионные выступления, и право же, можно стать расистом, когда послушаешь, как он горячо ратует за иммигрантов. Но он с такой неколебимой уверенностью высказывается обо всем, чего совершенно не знает, что, в конце концов, приобрел ореол человека, сведущего во всех областях, а это успокаивает финансистов и даже может в один прекрасный день обеспечить ему кресло президента республики. Никто не умеет использовать средства массовой информации так, как он. Это уже, можно сказать, граничит с гениальностью и дает ему возможность грести деньги лопатой, не вызывая ни у кого возражений. Трубы славы причиняют миллиардерам не одни только неприятности. Они могут также оказывать весомую **помощь в делах коммерческих. И Бернару Тапи это ясно как никому другому.**

•Крупные деятели, играющие по мелочи

Впрочем, у многих набобов оригинальность вовсе не является искусственной. Напротив-она, так сказать, представляет собой врожденную особенность характера. К этой своеобразной породе можно отнести «красных» или «розовых», миллиардеров, которые пышным цветом расцвели во Франции с тех пор, как у власти оказались левые. Чем грубее блеф, тем лучше он удается. Это правило находит постоянное подтверждение в цивилизации, где господствуют средст-

ва массовой информации. Никто не возмущается, никто не разоблачает лицемерия людей, которые провозглашают свои социалистические убеждения, будучи в то же время баловнями той самой экономической системы, разрушение которой они сулят. Все это вызывает только улыбку. «Хватает же нахальства у людей!-восхищенно поговаривает добрый народ.-Сколько же

дурачья попадает к ним в ловушку?» Но, в конечном итоге, «в ловушку» попадают все и каждый-уж больно хорошо играют свою роль эти герои.

Став мультимиллиардером благодаря Хрущевым, брежневым и прочим гуманистам такого же склада, весьма коммунистически настроенный Думенг превосходно умел всем внушить, что он, несмотря на все свои миллиарды, по-прежнему считает себя выходцем из народа и всячески привержен к трудящемуся классу. «Деньги-они, бляди, ходить должны взад-впред,-говаривал он этак мило, по-простецки,-вот я чего хочу, тогда ведь рабочему люду будет чего поесть». И чтобы довести свою мысль до зачарованных слушателей, он пускался в такое красноречие и в диалектические рассуждения столь высокого пошиба, что даже Жорж Марше, сам в высокой степени владевший речевой акробатикой, не мог уловить всех тонкостей его рассуждении. Одним из талантливых приемов Думенга было умение переманить насмешников на свою сторону. Он разгромил «Лорейн ан куэн» и «Друа де ренонс», где его (довольно мелочно!) попрекали и собственным бассейном, где он плавает, насвистывая «Интернационал», и преступными сделками с трестами. И все понапрасну! Нахальство этого легендарного персонажа заменяло ему харизму. Он посмеялся в ответ на все нападки-и это чуть ли не пошло коммунистам на пользу.

• Миллиардеры …красные, как красная икра

Разумеется, миллиардеры, которые, подобно Думенгу, доводят парадоксальность до карикатуры, явление редкое. Не так-то легко быть одновременно и суперкапиталистом и коммунистом, достойным доверия. Для этого нужно оказаться в исключительных обстоятельствах. Если Арманду Хаммеру удалось с такой же легкостью быть вхожим в Кремль, как в какой-нибудь обыкновеннейший отель «Шератон», и ходить в «корешах» у важнейших бонз советской империи- это объяснялось тем, что ему было у кого поучиться, не выходя из дома. Папаша его был таким же «красным», как и он сам, и вдобавок личным другом Ленина. Это обеспечило ему возможность являться в Кремль в любое время. Не всякому так везет. Вот почему миллиардеры новой волны несколько «побледнели» в идеологических вопросах. Левые-то они левые, но цвет-как у красной икры, не ярче. Не так живописно, зато более правдоподобно,-а результат все равно один и тот же.

Высшие авторитеты прогрессивной интеллигенции по нравственным вопросам полагают, что имеют дело с выдающимися гуманистами, насквозь проникнутыми идеологией Прав Человека, и поэтому относятся к ним с исключительной благосклонностью. Ведь они чисты, как новорожденные младенцы,-как могут они ликвидировать свои предприятия и обречь несчастных тружеников на безработицу, да еще так, чтобы их за это не упрекнули? К тому же, их идеи столь благородны и отличаются такой «левизной», что газеты (а чаще эти же самые миллиардеры являются их владельцами или акционерами) не смогут попрекнуть их, если они, с отчаянием в душе и после поистине корнелевских монологов, все же примут такое решение. Таким образом, «розовые» финансовые магнаты могут быть капиталистами на манер Филиппа Эгалитэ, который, будучи аристократом Старого Режима, жил в роскоши, но одновременно подрывал этот самый Старый Режим.

• **Маленькие чудачества великих людей**

Разумеется, есть и другие способы прослыть оригиналом. Читатель, просмотрев все портреты миллиардеров, собранные в этой книге, заметит, что люди эти, в бблыпей или меньшей степени являются оригиналами. Не быть оригиналом показалось бы им весьма странным. Для этих привилегированных людей, задыхающихся под тяжестью денег, это просто потребность, своего рода противовес. И выражается эта потребность в эксцентричных выходках, в капризах балованных детей, с целью поразить зевак. Калустий Гульбенкян, например, обожал определенный сорт салата, который высаживали только в одной итальянской долине. Он просто представить себе не мог, что с ним будет, если не подадут к завтраку тарелку этого салата. А если такое случалось, его густые брови хмурились, как у людоеда-вегетарианца, и он приходил в страшную ярость, результатом которой было увольнение повара. Нубар, сын Калустия, унаследовал семейную страсть к растительному миру. Он был помешан на орхидеях. Ни за что в жизни не согласился бы он появиться где бы то ни было без орхидеи в петлице. Это было бы пятном на его чести и, возможно, очень скверно отразилось бы на его делах. «У Нубара уже нет орхидеи»,-в тревоге сообщила бы вся финансовая пресса. Биржевой курс рухнул бы, как в 29-м. Во избежание такого бедствия, имелось особое предприятие, снабжающее Нубара цветами. В какой бы отдаленной точке земного шара он ни находился, это предприятие заботилось о свежей орхидее для его петлицы, прибегая с этой целью к любым ухищрениям, не стесняя себя никакими расходами и нередко используя для этого то караванных верблюдов, то бегунов-

марафонцев, а то и сверхзвуковые самолеты.

304

1 Пуританская пиявка

Джон Д. Рокфеллер был еще большим оригиналом. Ему составила рекламу скучнейшая добродетель. Его легендарную супружескую верность можно было сравнить разве только с его воздержанностью в еде. Христианскую заботу о ближнем он проявлял с аккуратностью опытного счетовода и бегал по площадке для гольфа с аскетичным упорством монахов-«ходунов», которые, как говорят, ходили весь день, не останавливаясь, с целью умерщвления плоти. Никто и никогда не мог даже надеяться увидеть его участником вакханалий, которым предавались равные ему богачи и которые заканчивались в бассейне, наполненном шампанским, когда уже были съедены все устрицы-жемчужницы, а жемчуг выброшен в урну, предоставленную фирмой пищевой промышленности. Что касается еды, то его устраивало только великопостное меню, а единственным развлечением было чтение Библии и пение псалмов самым пуританским голосом. Все это, конечно, не очень-то вязалось с тем, что было известно об этой нефтяной пиявке, об этой финансовой акуле, которая глотала конкурентов с аппетитом, достойным Пантагрюэля. Но именно эта парадоксальная характеристика и вводила в заблуждение критиков, а хулители уж вовсе не знали, с чего начинать нападки не него.

• **«De profundis...»** *

А бывает и так, что набобы, без зазрения совести совершавшие при жизни всяческие бесчестные и нескромные поступки, предавались, уже post morten** весьма странным выходкам. Вроде бы в насмешку, будто им хотелось посмертно натянуть нос потомству. Миллиардеры нередко становятся шутниками после смерти. Среди них было немало тех, кто обманул законных наследников и оставил все состояние или любимому пуделю, или ангорскому коту, или скаковой лошади, а то и председателю Народного фронта!

В прошлом столетии графине Демидовой-сами понимаете, русской-пришла в голову еще более оригинальная мысль. Она распорядилась построить для себя на кладбище Пэр-Лашез мавзолей, вполне достойный гигантского состояния, завещанного ей супругом, малоизвестным меценатом. Еще сегодня можно им полюбоваться- мавзолей неподалеку от гробницы Жоффруа Сент-Илера. С шести мраморных колонн, достойных Парфенона, ниспадают мраморные же полотнища, украшая собой гробницу, а

из-под них выглядывают, как того требует фольклор, головы сибирских волков. Подлинный шедевр своего рода, который мог бы остаться незамеченным, если бы

* «Из глубины взываю...* (лага.) ** После смерти (лат.).

не сопровождающее его завещание, о котором сообщила своим читателям газета «Тан». 2 ноября 1896 г. «Знатная русская дама», более всего на свете боявшаяся одиночества, все свое состояние, а именно-два миллиона рублей золотом, завещала тому, кто посочувствует ей и проведет триста шестьдесят пять дней и столько же ночей у нее в склепе на манер «барышни-компаньонки». Вызвавшийся на это дело доброволец сможет там вволю есть и пить, читать и принимать гостей и даже распевать непристойные куплеты, если вздумает, но при одном условии-ни единого разу не выйти из склепа. Говорят, что дирекция кладбища по сей день получает множество писем от желающих пойти на это дело, но-уточним, чтобы вам попусту не стараться,-письма эти остаются без ответа.

Чтобы закончить эту главу на более веселой ноте, да позволит читатель мне рассказать последнюю замогильную повесть о миллиардере из французских краев-повесть о богатейшем жителе Бургундии, который завещал своей жене и детям не свое огромное богатство, а только право прижизненного пользования. После их смерти все «бабки» должны были достаться государству. Итак, бедолаги эти могли сколько угодно наслаждаться благами, оставленными дорогим усопшим, но по закону им было запрещено как-либо ими распоряжаться. Ну, что касалось обстановки и всяческих украшений- дело было простым. «Использователи» располагали именно тем, что нотариусы того времени называли «изиз»-то есть правом пользования, Но вот что касалось шести тысяч бутылок замечательного бургундского, оставшихся в погребе шутника-покойника и представлявших собой весьма значительную товарную ценность,-тут проблема усложнялась. Где наступает предел «праву пользования»? Разобраться в этом было поручено самым опытным юристам. Они рвали на себе остатки волос, понимая, что решение этой проблемы явится новым словом в юриспруденции. И наконец решили ее, объявив, что по праву прижизненного пользования можно пить это вино, но не более чем по литру в день на человека; а за этим пределом они впадут в грех «аЬизиз»-злоупотребления-и вынуждены будут сдать пустые бутылки государству.Что они добросовестно выполнили.

Герцог Портлендский

(1800-1879)

Миллиардер-троглодит

Темное дело о наследстве проливает свет на этого таинственного миллиардера. Тайна и сейчас до некоторой степени покрыта мраком. Когда в 1879 г. пятый герцог Портлендский Уильям Джон Кэвендиш Бентинк-Скотт отдал Богу душу и был предан земле, он, должно быть, не почувствовал себя там чужим. По какой-то причине, оставшейся доныне неизвестной, этот полоумный миллиардер провел в подземелье самые светлые дни своей жизни.

• **Князь тьмы**

Не считаясь с расходами и пользуясь возможностями, которые предоставляло ему гигантское состояние, он велел пробить под своими землями нескончаемые галереи, где и жил, подобно богатому пещерному человеку, в полном одиночестве, как крот, боясь солнечных лучей, а главное-назойливых человеческих глаз. Все поместное дворянство Англии, пораженное столь загадочным явлением, долго ломало голову, чтобы найти объяснение этому странному виду помешательства. Одни говорили о каком-то кожном заболевании, которое якобы так изуродовало его лицо, что герцог опасается показываться людям на глаза; другие выдвинули гипотезу патологической робости, вынудившей его бежать от светской жизни, на которую он был обречен от рождения; нашлись и такие, кто, с оттенком недоброжелательства, высказывали гипотезу, будто это все-маскарад, прикрывающий распутную жизнь, которая, не будь такой предосторожности, привела бы к скандальному разоблачению. Пошли в ход самые невероятные измышления, но тайна так и осталась нераскрытой.

Родословная

Пятый герцог Портлендский был отпрыском одного из самых знаменитых английских семейств. Титул баронета Портлендского был заменен герцогским в 1716г..

• **Похороны по первому разряду**

Замок Уэлбек и окружающий его парк, так же как роскошный лондонский особняк Харкорт-Хауз, сохранили славу царства тьмы. Царство гигантское и комфортабельное, обставленное со всеми удобствами и роскошью, столь характерными для викторианской Англии. От коридоров до галерей, от кулуа-

ров до катакомб оно представляло собой не что иное, как целый лабиринт пышно обставленных гостиных, библиотек, где хранились ценнейшие издания, уютных будуаров, парадных столовых, музыкальных комнат и залов для приемов. Кстати, залы эти отличались тем, что хозяин их никогда никого там не принимал. Ведь даже многочисленные слуги, и те никогда его не видели. Он передавал им свои распоряжения в письменной форме, указывая, в какой точке лабиринта накрыть стол. И только обглоданные куриные косточки, оставленные то тут, то там на жирных тарелках, позволяли им сделать вывод, что хозяин дома жив-здоров. Но увидеть его во плоти им удалось бы разве что, прибегни они к таким решительным мерам, как, например, заполнение галереи дымом, или задумай они запустить туда огромного хорька и свору фокстерьеров, чего ни в коем случае не позволили бы себе эти верные и почтительные слуги, которые были просто счастливы, имея столь нетребовательного хозяина.

Дед

Среди наиболее известных персонажей, прославивших род Портлен-дов. выделяется дед Уэлбекского троглодита, Уильям Генри Кэвеи-диш-Бентик (1738- 1809}, третий герцог. Он дважды был премьер-министром Англии. В 1766 г. женился на леди Дороти Кэвендиш, дочери четвертого герцога Девонширского.

Подземелья

Чтобы вы могли представить себе размах подземных работ, осуществленных по приказу герцога Портлендского, следует сообщить, что длина иных из этих галерей, по которым он всегда мог в случае необходимости ускользнуть, составляла не менее десяти километров.

• **Крыса вылезает иэ норы**

Впрочем, его светлость не всегда сидел в своем таинственном логове. Бесчисленные подземные переходы позволяли ему улизнуть как из лондонского особняка, так и из замка, оставаясь никем не замеченным. Только ему одному были ведомы умело скрытые выходы, из которых он мог попасть на ту или иную лесную лужайку или в некий подозрительный дворик в самом захудалом районе города. А там уж можно было храбро смешаться с остальными представителями рода человеческого, не боясь, что его узнают. Ибо герцог Портлендский, как и любой другой человек, испытывал подчас потребность вдохнуть иной воздух, испытать какое-то разнообразие. И тогда он направлялся в Лондон, где его поджидали... подвалы его дворца.

Хитрая затея, тщательно продуманная и выполненная им, позволяла ему оставлять в дураках даже ближайших слуг и

переправляться в Лондон, соблюдая полную тайну. Каждый день карета со спущенными занавесками на окошках курсировала взад-вперед между Уэлбеком и столицей. В назначенный час курьер ставил экипаж в укромное местечко, а сам на полчасика удалялся. За это время его светлость и мог забраться внутрь кареты. Кучер, воротившись, тотчас же отправлялся в путь, не задавая никаких вопросов и никогда не зная, сидит хозяин в карете или его там нет.

308

Таинственный дворец

Дворец Харкорт-Хауз всегда стоял пустым. Но чтобы окончательно отбить у зевак охоту туда заглянуть, он был окружен тесным строем деревьев, полностью скрывающих его от глаз.

De profundis

В Англии всегда хватало разных чудаков, и хотя герцог Портлендский вел жизнь пещерного человека, это не вызвало бы столько толков, не приведи дело о его наследстве к совершенно фантастическому происшествию, на которое с жадностью накинулись все газеты. Читатели, воспитанные на Конан Дойле и жаждущие больше всего на свете таинственных рассказов, насладились сполна.

Как и следовало ожидать, смерть пришла за ним в подземелье. Спустя несколько дней слуги, встревоженные омерзительным запахом и нетронутым пудингом на тарелке, решились нарушить приказ и проникнуть в подземелье замка. Они обнаружили там труп хозяина, что взволновало их не меньше, чем археолога-находка останков фараона в египетском некрополе. А на следующий день похоронные дороги, столь же герметично закрытые, как бывала закрыта его карета, переправили его светлость в последнее обиталище.

•Ad intestant*

У герцога Портлендского детей не было, и не нашлось страстно любящей женщины, которая согласилась бы провести с ним жизнь в недрах земли. Поэтому в наследники был произведен некий троюродный племянник, простой офицер-гвардеец, кому и достался титул и гигантское богатство. В отличие от дяди, у него не было никакого стремления к одиночеству. Это был светский щеголь, любивший принимать гостей и блистать в обществе. Не будучи чрезмерно чувствительным, он недолго скорбел по дальнему родственнику, которого никогда не видел и только слышал о нем как о

сумасшедшем старике. Едва успев водрузить на голову прославленную корону герцогов Портлендских, он принялся устраивать в Уэлбеке и Харкорт-Хаузе пышные приемы, на радость викторианской аристократии. Буквально с сегодня на завтра эти роскошные резиденции засияли тысячью огней, и там вмиг была позабыта мрачная тишина, в которую их погрузил прежний владелец. Подчас новый герцог, желая повеселить гостей, зазывал их в подземные галереи своих дворцов и затевал там бешенную игру в прятки и жмурки, а потом развлекал друзей россказнями про

* Не оставив завещания {лот.).

Одна из редких фотографий Уэлбекского Крота

старого крота-дядюшку, которому пришла в голову столь удачная мысль-оставить ему свое огромное богатство. Все это необычайно подняло престиж молодого человека. В друзья напрашивались самые высокопоставленные лица, а в невесты-самые блистательные молодые девицы, и он мог бы рассчитывать на счастливейшее будущее, если бы неожиданно не разразился скандал.

•Подозрения королевы

Скандал, не сходивший в течение многих лет со страниц

британской прессы, начался с категорического запрета, который наложила ее величество королева Виктория на намечавшийся брак бывшего гвардейца с сестрой принца Уэльского. «Не сегодня-завтра он может оказаться без титула и без гроша»,-заявила она, не добавив каких-либо пояснений. Что же стало известно королеве о тайках покойного герцога Портлендского, из-за чего она отказалась от весьма приемлемого и даже выгодного союза? Этого не узнает никто и никогда, но королева, по-видимому, была хорошо информирована.

•«Герцог Портлендский и „мистер Друс"»

В 1898 г., иначе говоря-через девятнадцать лет после смерти герцога, некая миссис Друс, вдова

мелкого бакалейщика с Бейкер-стрит, подала в суд заявление, вызвавшее невероятный шум в лондонской прессе. Она утверждала, что ее сын Сидни является законным наследником покойного миллиардера-троглодита и, следовательно, титул и состояние принадлежат по праву ему. Как следует думать, это утверждение первоначально было встречено с недоверием. Но аргументы, которые она привела в доказательство, были столь убедительными, что вскоре ее дело заняло первую полосу во всех газетах. По словам этой женщины, ее свекор, покойный Томас Друс, владелец бакалейной лавки на Бейкер-стрит, был не кем иным, как почившим герцогом Портлендским.

Этот старик, отличавшийся всем известными причудами, испытывал, как многие другие, потребность вести двойную жизнь. Время под землей он проводил будучи герцогом и пэром Англии, а на чистом воздухе превращался в скромного и довольно бедного бакалейшика. К тому же миссис Друс, дабы никто не сомневался в ее словах, привела и материальное доказательство, подтверждающее эту фантастическую историю,-подземный ход, ведущий из дворца Харкорт-Хауз к погребу на Бейкер-стрит. Как только надоест ему быть бакалейщиком-он уходил по этому коридору и сразу превращался в герцога Портлендского, с полной уверенностью утверждала она. Возразить на это было совершенно нечего.

Переход наследства из рук в руки

В 1944 г., благодаря ничем не примечательному грабежу, удалось обнаружить гигантское состояние некоего незаметного канцелярского служащего, месье Фар-тона: четыре миллиона золотых франков. Этот человек получил их законнейшим образом от некоего господина де Марта, которому он как-то спас жизнь и который сделал его своим единственным наследником. Сам же

господин де Март был незаконным сыном и унаследовал это состояние от бельгийской принцессы,которая на смертном одре поведала ему, что он - плод ее любви к одному из австрийских эрцгерцогов.

• «Элементарно, дорогой Портленд»

Итак, пришлось обратиться в Скотланд-Ярд (Шерлок Холмс болел гриппом и не мог заняться этим делом). Кое-что сразу показалось следователям не совсем ясным: каким образом Друс и герцог Портлендский могли быть одним и тем же лицом, если герцог умер, когда бакалейщик с Бейкер-стрит уже добрых пятнадцать лет как покоился в могиле?

Эта неясность как будто на мгновение смутила вдову. «Хороший вопрос,-сказала она.-Сейчас я на него отвечу». Тем не менее она довольно долго размышляла под самоуверенными взглядами полицейских, которые считали, что уже разоблачили обман, а затем совершенно спокойно раскрыла то, что назвала «самой сутью дела». «Все очень просто. Однажды моему свекру-ну, герцогу-наскучило

вести двойную жизнь. Он решил положить этому конец-а для этого ему следовало постараться, чтобы мистер Друс исчез. Вроде как избавляешься от надоевшей старой любовницы. Вот тогда, чтобы не расползлись слухи, было сразу сообщено о смерти бакалейщика и устроены его похороны-а в гроб погрузили семьдесят пять килограммов свинцовых пластин. Могильщики и глазом не моргнули».

Каким бы фантастичным ни выглядело подобное объяснение, оно показалось вполне правдоподобным, тем более что его нетрудно было проверить- для этого достаточно было вскрыть семейную усыпальницу Друсов. Никто не сомневался в том, что вдова бакалейщикак привела убедительнейшее доказательство своей правоты. Читательская масса была уверена, что дело вот-вот придет к развязке, и молодой герцог Портлендский скоро окажется без гроша и без титула. Друзья уже покидали его один за другим, а мамаши перестали бросать на герцога те нежные взгляды, что бросают на молодых наследников претендентки на звание тещи.

• Оставим в покое дорогах усопших

Неожиданное происшествие снова подняло шумиху вокруг этого дела. Второй сын Томаса Друса, деверь истицы, хранитель семейной гробницы, категорически высказывался против

вскрытия могилы. «Моя невестка просто мерзкая врунья,-продолжал он с возмущенным тремоло в голосе.-Это было бы настоящей профанацией».

Все эти новые тайны привели прессу в еще ббль-ший восторг. Действительно, поведение деверя казалось более чем странным. Что-то за этим должно скрываться--разве он не в сговоре с невесткой? Какой ему смысл выражать сомнение? Что касается молодого герцога-тот уже начал успокаиваться. И действительно, как ему было не радоваться отмене такой экспертизы, которая могла разорить его не сегодня-завтра? И несмотря на то, что кое-кто и подозревал, будто он «подмазал» деверя миссис Друс,-на него опять начали смотреть как на весьма подходящего жениха, и претендентки на звание тещи снова стали знакомить его со своими дочерьми.

На некоторое время дело, казалось, притихло, и миссис Друс-что бы это означало?-уже не так

312

настаивала на своих требованих. По всей вероятности, на этом все бы и закончилось, если бы не новое происшествие, столь же неожиданное, сколь и все предшествовавшие.

•Дитя любви

Некий безденежный австралиец, по имени Джордж Друс, высадился в один прекрасный день в лондонском порту. Из-за постигших его финансовых трудностей он уехал из родной страны, где скромно работал плотником, и пересек океан, чтобы потребовать то, что ему причитается,-то есть наследство герцога Портлендского. Он сообщил, что является плодом тайной любви покойного к молодой простолюдинке по имени Элизабет Крикмер. Герцог якобы безумно влюбился в нее, будучи еще совсем зеленым юнцом, но его положение, разумеется, разъединяло этих двух голубков и не позволило ему сделать ее герцогиней Портлендской. К тому же в это дело вмешался его отец, угрожая лишить сына наследства. Что касается молодой женщины, то ее добродетель была так незыблема, что одна только мысль о том, чтобы завести любовника, вызывала у нее бурное негодование, пусть он даже и будет английским лордом. Вот по этой-то причине, пояснил плотник, его отцу и пришла в голову мысль о двойной жизни, которую он затем и вел в течение ряда лет. Он женился на своей Дульсинее, сменив свое имя на имя мистера Друса. И вот таким образом появился на свет этот плод тайного и романтического союза. После смерти отца «миссис Друс», забрав с собой отпрыска, уехала из Англии в Австралию, где вела скромную жизнь иммигрантки без гроша в кармане.

Укроемся от чужих взоров, чтобы вести счастливую жизнь

Один французский миллиардер, желая избежать яркого света прожекторов прессы, которые неизбежно были бы направлены на него благодаря его огромному состоянию, решительно отказался жить в роскоши и, выбрав 'собственный образ жизни», стал бездомным бродягой. В тридцатые годы его часто видели в Латинском квартале. Один раз в год, в день своего рождения, он приглашал своих друзей по мусорным свалкам, «бомжей» и прочих, на царское угощение, и все окрестные бродяги в полном восторге напивались и обжирались в его обществе в лучших ресторанах Парижа.

•Деловое чутье

Этот вариант тоже выглядел несколько подозрительно, но у британских читателей массовой прессы романтическая душа, и они были в восторге от нового поворота событий, тем более что у Джона Друса было достаточно богатое воображение, чтобы разработать способ для оплаты судебного процесса и обеспечить себе симпатии и поддержку, не имея в кармане ни единого пенни:он создал акционерное обшество. По условиям контракта каждому акционеру предстояло получить пятикратную сумму своего первого взноса, если плотник выиграет про-

цесс и заполучит огромное состояние герцога Портлендского. В противном случае они просто останутся «при своих». Деньги хлынули потоком. Джордж пригласил самых прославленных адвокатов, и дело приняло весьма благоприятный оборот, тем более что ему в помощь внезапно явился совсем неожиданный свидетель

Слухи

Несмотря на то, что дело «Друс - Портленд* было официально закрыто после новогодней эксгумации 1908 г., какие-то сомнения все же иногда возникали. Действительно, настораживало, что судебно-медицинский эксперт не произвел вскрытия бородатого покойника с Хай-гейтского кладбища. Кое-кому приходило в голову, что консисторский суд дал свое согласие на эксгумацию лишь после того, как убедился, что молодой герцог не потеряет при этом свою герцогскую корону..

•Поддержка доказательствами

Это был американец ирландского происхождения по имени Роберт Колдуэлл, который в свое время промышлял благородным ремеслом знахаря-целителя. Он считал бесспорным доказательством тот факт, что лечил покойного в обеих его ипостасях. Множество полученных им писем были подписаны именем «Друс», другие-именем «Портленд», а сходный подчерк в

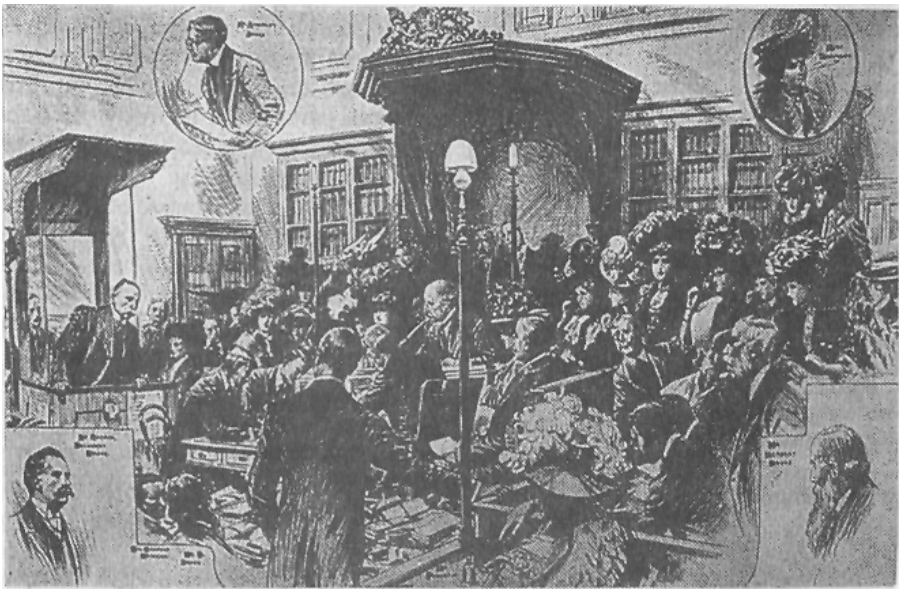
тех и других письмах не оставлял никаких сомнений в их подлинности.

Для пущей убедительности он заявил, что сам организовал мнимые похороны бакалейшика с Бей-кер-стрит. Из чисто дружеских чувств к своему клиенту он взял на себя все: заупокойную службу, письма с сообщением о смерти, заявление в мэрию. И в подтверждение своих слов предъявил квитанцию, свидетельствующую о покупке семидесяти пяти килограммов свинцовых пластин, которые положили в гроб, дабы усыпить бдительность погребальной команды.

Естественно, что после такого потока доказательств акции «Общества Джорджа Друса» стали расхватывать как сладкие пирожки, платя за них огромные деньги. Сомнений уже ни у кого не оставалось. Молодому герцогу Портлендскому предстояло лишиться разом и состояния, и герцогской короны и в недалеком будущем вернуться на свой скромный пост в гвардейском полку, в то время как плотнику судьба сулила одно из крупнейших состояний Объединенного Королевства и почетное вступление в палату лордов.

•Некроскопия

Волей-неволей Томасу Друсу, второму сыну бакалейщика, пришлось дать согласие на вскрытие семейной гробницы. На него нажимали городские власти, а общественное мнение, пришпоренное разными газетенками-разносчицами скандальных сплетен - проявило, наконец, такое нетерпение, с которым пришлось считаться. И он дал согласие.



Дело Друс-Портленд
В присутствии элегантной
публики в лондонском
суде района Мэрилбоун адвокат, мистер Орэс Эйвори,
допрашивает свидетеля Колдуэлла.

После долгих и трудных обсуждений консисторский суд лондонской епархии, собравшийся 27 декабря 1907 г. в соборе святого Павла, согласился на вскрытие гробницы, при условии, что ни один из представителей заинтересованных сторон не будет присутствовать при этой мрачной церемонии.

• **Дело закрыто?**

И церемония эта совершилась 31 декабря следующего года, в то время как герцог Портлендский, в полной уверенности счастливого для него исхода экспертизы, спокойно принимал у себя в замке двести человек гостей, приглашенных на встречу Нового года. Полиция построила от зевак на Хай-гейтском кладбище деревянную загородку вокруг семейной гробницы Друсов и расставила поблизости цепь из двухсот полицейских. При почтительном молчании собравшихся была осторожно приподнята каменная плита и вынут гроб, который был вскрыт в торжественной тишине.

И тут разом рухнул курс акций «Общества Джорджа Друса». В гробу не было и следа свинцовых пластин, там просто-напросто находился полуразложившийся труп пожилого человека, чья черная косматая борода привела в восторг судебно-медицинского эксперта. Как только результаты экспертизы были

опубликованны, злополучный

плотник предстал перед судом по обвинению в мошенничестве и попытке завладеть чужим наследством. Суд взыскал с него огромный штраф, который он не был в состоянии уплатить и поэтому оказался за решеткой, а несколько лет спустя умер на сырой соломенной подстилке своей камеры.

А герцог Портлендский, издав вздох облегчения, продолжал вести сладкую жизнь и устраивать лихие маскарады в подземельях своих роскошных апартаментов. Бакалейный магазин на Бейкер-стрит, получив неожиданную известность, вошел в моду, И деверь миссис Друс на этом разбогател.

И все так прочно забылось, что когда двадцать лет спустя на том же Хайгейтском кладбище случайно обнаружили гроб, заполненный невероятным количеством свинцовых пластин, никто и не подумал о том, чтобы пересмотреть это дело.

Альфред Ипполит Шошар
(1821-1909)
Миллиардер-некрофил

*История Альфреда Шошара была бы ужасно печальной, если бы не его похороны. Эта погребальная церемония явилась одной из величайших удач Борниоля *, и, благодаря ей, имя «Бельевого императора» сохранилось в памяти последующих поколений.*

Имя Альфреда Шошара, по всей вероятности, давно изгладилось бы из человеческой памяти, не приложи он к подготовке собственных похорон стараний, достойных фараонов древнего мира. Его страсть к некрополям, погребальным мавзолеям, черным траурным полотнищам, расшитым серебряной слезой, и запаху ладана, сопровождающему заупокойную службу, была поистине маниакальной. Ничто так не радовало его, как зрелище проезжающего по улице катафалка, сопровождаемого стадом наследников и траурными вуалями, трепещущими на ветру вокруг дорогого усопшего.

Цена похорон

На похороны Шошара было истрачено не менее пятисот тысяч франков... 1909г.!

• **Тонкий знаток**

Он нежно любил хризантемы, иммортели и анютины глазки и ждал Дня помилования усопших с тем же нетерпением, с каким ребенок ждет Сочельник. Из прославленных имей своего времени

он наверняка выше всех ставил имя Борниоля. Как истый знаток, он восхищался его организацией погребальных церемоний, неподражаемой выправкой служителей, безупречной отделкой катафалков. Его стремление к совершенству было поистине неистощимым. В этой области он был не менее придирчив, чем какой-нибудь любитель боя быков в своей. Он негодовал, когда покойника слишком быстро укладывали в гроб или когда слезы наследников выглядели недостаточно искренними. Смерть в его глазах не была просто концом жизни,-она, скорее, являлась достойным ее завершением. Следовательно, за ней нужен был уход и присмотр, и необходимо было довести этот процесс до апофеоза.

Борниоль – владелец крупнейшего похоронного бюро в Париже,

317

Песенка, имевшая успех

По поводу похорон Шо-шэра было написано множество песенок, имевших большой успех. Настоящая удача выпала на долю следующей: Когда пришел последний час.

Он завещание составил,
Но на рабочий бедный класс
Там ни гроша он не оставил.
Хотел он славы - дал бы нам
Хоть тысяч двести для народа!
На погребальные расходы
Немало тыщ ухлопал сам.
Купив роскошнейшие ризы,
Всему народу бросил вызов!

"**Forget me not**"

Разумеется, об этой его страсти знали только близкие ему люди и кое-кто из служащих похоронного бюро, с которыми он водил знакомство. А в повседневной жизни Альфред не отличался от любого другого миллиардера-любил деньги, женщин И даже жизнь, которую, говорят, прожигал вовсю. Одна лишь странная его привычйа позволяла догадаться о его погребальной мании он любил дарить гостям маленькие бронзовые бюстики или медали со своим изображением и надписью: «Forget me not»*. Эти погребальные безделушки служили ему визитными карточками. На них он был изображен со своими огромными бакенбардами, придававшими ему некоторое сходство с Бэлфорским львом, а

поза была исполнена глубокой задумчивости,- так посмертно всегда изображают знаменитых людей, будь то поэты-трагики или солдаты-юмористы.

•Миллиардер in aeterum**

Самое горячее желание Шошара заключалось в том, чтобы память о нем сохранилась для потомства в каком-нибудь сквере или на площади. Он жаждал, чтобы его обессмертили в бронзе, и пусть на чело его сядет голубь, а под постаментом возникнет писсуар-он будет ждать конца света, мрачно поглядывая на ребятишек, грызущих вафли, и на солдат-отпускников,, заигрывающих со служанками. Словом, ему нужно было только одно-посмертная слава. Такая перспектива компенсировала бы с лихвой жизнь этого миллиардера, которая протекала с огорчавшей его обыденностью. В человеческой биографии нет ничего скучнее успеха, если он настойчиво повторяется снова и снова. И с этой точки зрения биография Шошара была донельзя печальна-хоть умри!

•В услужении у «Бедолаги»

Как многие миллиардеры, он начал с очень скромной работенки-служил приказчиком в магазине тканей, носящем, неизвестно почему, название «Бедолага», и получал двадцать пять франков в месяц. Он сам мог бы прекрасно применить к себе эту характеристику, если бы, по счастливой случайности, в Париже не начались большие работы по украше-

* < Не забывай меня» *(атя.)*.

" - посмертно, в вечности (лога.).

Шошяр: избранник Судьбы. (Иллюстрация из газеты «Солей лю димаяш иллюстре>.)

нию города, которые и пробудили его честолюбие Шошара.

Узнав, что братья Перейр запускают обширную программу строительных работ, он в один прекрасный день решил попытать счастья, отправился к ним, не питая особых надежд, и без каких-либо предисловий обратился к ним с просьбой сдать ему в аренду какой-нибудь магазин, хотя у него не было ни гроша за душой, чтобы платить за помещение. Это был, разумеется, весьма

нахальный блеф с его стороны, и он был готов к тому, что его с шумом выставят за дверь. Но банкиры-народ вежливый. Братья выслушали парня с удивительным вниманием, а затем избавились от него с бесконечной чуткостью и на прощание, улыбаясь, сказали, чтобы не слишком его огорчать: «Оставьте ваш адрес, мы вам напишем». Разочарованный Альфред вернулся к

•Как пробный камень лег в основу здания

Против всякого ожидания, *ему* действительно написали. Братья Перейр, тронутые непосредственностью Шошара и удивленные его решительностью, сменили прежнее свое мнение и согласились сдать ему в аренду магазин-пусть попытает счастья. Они даже подумывали о том, чтобы дать ему взаймы парочку миллионов для начала.

Едва успев дочитать их письмо, Альфред бросился на поиски всего, что было необходимо для его предприятия. С помощью своего парикмахера, который, подобно всем парикмахерам, начиная с Фигаро, умел налаживать отношения, он нашел желающих вложить деньги в его дело, нашел даже компаньона, такого же безденежного продавца, как он сам и столь же готового пуститься в погоню за удачей.

В дальнейшем «Галереи Лувра» расширились и превратились в «Универмаг *Лувр»,* себе в «Бедолагу» и опять стал торговать лентами и тканями, пытаясь смириться с судьбой.

•«Белый магазин»

Таким образом пара ловкачей создала «Галереи Лувра». В этом роскошном магазине, открывшемся на бойком месте, продавались вещи исключительно белого цвета-платья для девочек, идущих *к* первому причастию, подвенечные платья, юбки, кружевные панталоны, сутаны для священнослужителей, носящих белое облачение, воротнички, подобные взбитым сливкам, и даже простыни, которые покупательницы вполне могли использовать как саван в случае смерти.

Благодаря некоему обстоятельству, открытие магазина, 22 августа 1855 г., превратилось в подлинное торжество. Как известно, человеку удачливому всегда везет -оказалось, что открытие магазина совпало с открытием первой парижской Всемирной выставки. Провинциалы толпой бросились в новый магазин, устроив невообразимую толчею. В роскошном магазине, где продавалось только белое, дрались по-черному. Рвали из рук панталоны, расхватывали сутаны, разбирали саваны. Раскупали всё.

С первого же дня Шошару привалил неслыханный доход и громкая слава. Пресса отметила его возгласами одобрения и даже наградила званием «Бельевого императора», что весьма расстроило его конкурентов. Он разбогател в один присесг, а дальше деньги текли к нему сами-оставалось только их тратить.

320

•Только слава-ничего более

А тратить их было весьма затруднительно, ибо при ежегодном доходе в семьсот миллионов понадобилось бы немало времени и особое умение транжиры. Тем не менее Шошар вовсю пытался это сделать, создавая разные благотворительные фонды, раздавая деньги лопатой, собирая к тому же замечательную коллекцию картин. Но все понапрасну. Белый цвет решительно оставался в моде, и «Галереи Лувра» наполняли его сейфы деньгами гораздо быстрее, чем он успевал их расходовать.

Расходовать их стало еще труднее, когда его охватила новая страсть, занимавшая все время и все помыслы,-страсть к почестям. Опьяненный удачей, бывший приказчик из «Бедолаги» пристрастился к светской жизни и связям в высших сферах. Он то и дело заходил в «Пале-Бурбон», сшивался в Сенате, не пропускал ни единого юбилея и с восторгом читал республиканские речи. Дни его были заполнены завтраками с сенаторами, коктейлями с министрами, ужинами и выпивками с депутатами и послами. Он окунулся в мир политических деятелей с таким же наслаждением, как месье Журдэн в мир представителей дворянства. Начиная с президента Республики и кончая самым скромным членом кабинета министров,-все избранники и значительные персоны Франции ежедневно сидели у него за столом. Демократия до отвала наедалась у него икрой и паштетом из печени, вволю напивалась шампанским и старейшими винами и выходила от него, нетвердо держась на ногах, сдвинув набок фригийский колпак, опасаясь приступа подагры, но постоянно испытывая к хозяину чувство глубочайшей благодарности. И эта благодарность «от живота» вскоре принесла Шошару большой крест Почетного Легиона.

Коллекционер

Среди картин, завещанных Ш ошв ром Лувру, находится, в частности, знаменитый «Анжелюс-Милле. «Бельевой Император» обожал этого художника, но в его коллекцию входили также Иэабе, Добиньи, Теодор Руссо, Фромантен...

•Зарождение призвания

В один прекрасный день (прекраснейший день в жизни Щошара) Жорж Лейг, министр народного образования, приколол

крест Почетного Легиона к его бутоньерке; это совершилось в очень торжественной обстановке на глазах у зала, переполненного депутатами и муниципальными советниками. Министр произнес по сему поводу весьма прочувствованную речь чисто республиканской направленности, которая уже напоминала надгробную, и завершил ее такими словами:

321

- Можете гордиться, Щошар, можете радоваться: вам обеспечена лучшая доля - бессмертие!

При слове «бессмертие» Шошар выпятил грудь, утер слезу рукавом и погрузился в длительные мечтания. Он думал о том, сколь трогательна была бы эта прекрасная захватывающая церемония, если бы она имела место возле гроба, украшенного багровыми и черными полотнищами с вышитыми на них серебрянными слезами. Ему привиделись и факельщики в парадном одеянии, представители власти в цилиндрах, духовные лица в черных сутанах, кучка депутатов с подобающим выражением лиц. Сам того не замечая, он принял позу великого покойника. Он почувствовал себя статуей на городской площади. Голубь уселся на бронзовое темя; внизу гуляли детишки с няньками; постамент вырос у него под ногами, а под постаментом-уличный писсуар. С лов ом, ему открылся апофеоз его славы.

Дети Марии

Успеху торговли «белым товаром- в XIX вехе немало содействовал культ Детей Марии. Во славу Пресвятой Богородицы в белый цвет одевались не только девочки, идущие к первому причастию, но и юные ново-брачные. Повезло Шо-шару!

•Постановка

И он тотчас же начал готовиться. Чтобы все прошло как следует, надо заранее браться за дело. За четыре года до смерти он воздвиг себе мавзолей на кладбище Пэр-Лашез и обратился к Борниолю с просьбой хорошенько продумать организацию похоронных торжеств, так чтобы они остались в благородной памяти потомства.

Дело было доведено до торжественно окончания. Он лично позаботился обо всем, вникая в малейшие подробности, как режиссер накануне премьеры. Он выбрал лучший из гробов, вечерний костюм по последней моде и пристегнул к сорочке три настоящие жемчужины чистейшей воды. Он высказал собственное мнение о надлежащих украшениях катафалка, о букетах и венках и даже потребовал, чтобы факельщики сбрили усы и оделись, веселья ради, в лакейские ливреи на французский лад.

Наконец он написал завещание и умер 9 июня 1909 г. предварительно составив и положив на туалетный столик текст телеграммы, которую надлежало разослать в газеты всего мира. Текст был скупым, но как раз этот лаконизм и производил сильнейшее впечатлиение. Он состоял всего из двух слов, двух простых слов, которые звучали как возглас самой судьбы; «Шошар скончался».

•Скандал

Содержание завещания благодаря газетам стало известно до похорон. Поскольку у Шошара детей не

было, воли покойного ждало множество друзей, которые в течение ряда лет окружали дорогого усопшего столь же нежными, сколь и бескорыстными заботами. И тут разразился скандал: «Бельевой император» оставил своим бесчисленным слугам, работникам «Галерей Лувра», благотворительным обществам и парижской бедноте сущие пустяки. А весьма ценная коллекция картин отошла Лувру вместе с двумя миллионами франков на покрытие расходов по устройству экспозиции. Что касается основного богатства, то оно было частью завещано мадам Бурсен, подруге покойного, унаследовавшей, помимо денег, самый роскошный его особняк на улице Веласкеса, а частью... Жоржу Лейгу, бывшему министру, в благодарность за врученный орден Почетного Легиона и за трогательные слова, произнесенные км по этому поводу.

Посмертная слава

В прошлом веке похороны всегда представляли собой весьма эффектное зрелище. Погребение Виктора Гюго явилось поводом для грандиозной мизансцены. Один из зрителей пришел в такой восторг, что упал в Сену и...утонул!

• «День славы настает.. > *

Когда стал известен последний пункт завещания, разочарование «прочих наследников» перешло в возмущение. Каждый почувствовал, что его правам нанесен чувствительный ущерб. И это возмущение было тем более бурным, что одним из двух главных наследников оказался министр-вот что вызвало всеобщее негодование. Поднялись крики о взяточничестве, о бесчестных происках парламентариев. Жорж Лейг, который был не менее других удивлен решением «бессмертного Шошара», подвергся бесчисленным злобным нападкам.

Тем не менее, эта шумиха, при все своем недоброжелательстве, как раз и обеспечила самым пышным похоронам века огромный успех, превзошедший все надежды

покойного. Простые парижане повалили туда толпой, как на ярмарку, смеха ради. С самого рассвета площадь Мадлен была забита до отказа, Чтобы ничего не упустить из интересного зрелища, люди карабкались на деревья и на крыши и платили немалые деньги, чтобы их пустили поглядеть из окошка. Словом, за прах покойного чуть ли не дрались!

Пышный катафалк, осыпанный орхидеями и залитый серебряными слезами, производил огромное впечатление. За ним следовали пять колесниц, влекомых двадцатью лошадьми темной масти, они

•Первая строка «Марсельезы*.

были доверху нагруженны венками и накрыты черными с серебром тканями. Позади катафалка, в строгом церемониальном порядке, вышагивала целая армия цилиндров, надетых на прославленные головы деятелей политического мира. Можно было сразу отличить цилиндр Эмиля Лубэ - по белой бороде, от цилиндра Жоржа Лейга - по закрученным вверх усам. Далее следовал батальон камердинеров, делегация главных приказчиков и синдикат прачек-бельевщиц, одетых в черное, ввиду обстоятельств. Все они соблюдали истинно республиканское достоинство! Великие похороны Шошара всем внушали уважение.

•Дело принимает скверный оборот

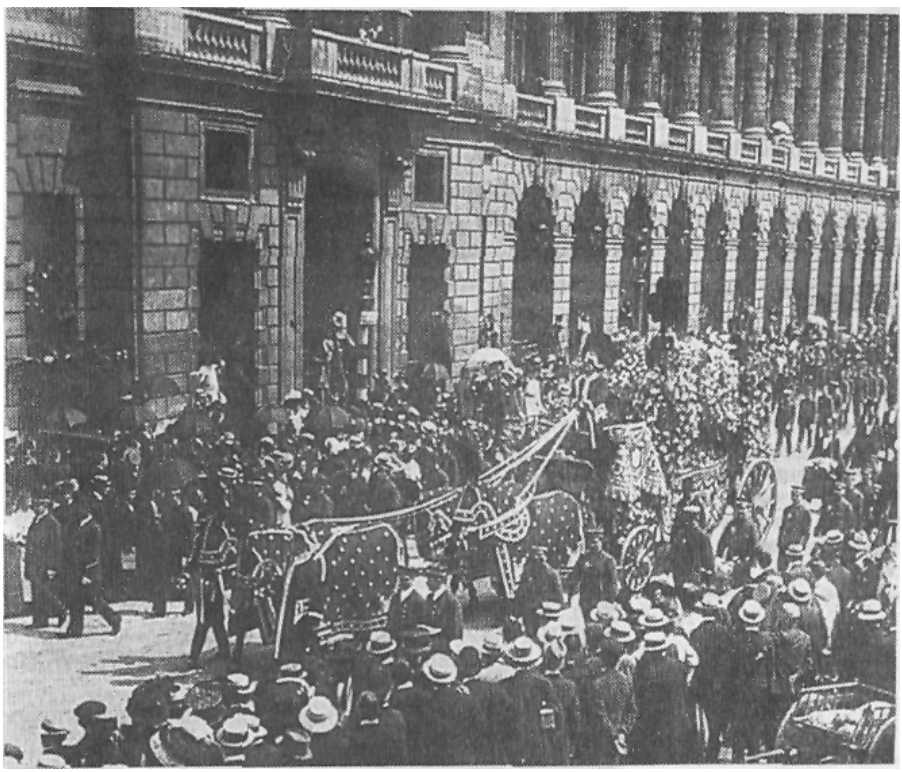
Но все испортилось, когда в толпе зевак постепенно стал нарастать шум. Шум этот был сперва незначительным, но, быстро усиливаясь, превратился в вопль негодования. Раздавались насмешливые возгласы по поводу «цены ордена», возмущенные жалобы на убогую зарплату, которую получали служащие в магазине покойного, нападки на неблагодарного «дурного богача». Вскоре отовсюду понеслись враждебные крики. Потом полетели тухлые яйца и гнилые помидоры. Прозвучали куплеты на соответствующую тему. Жорж Лейг по выходе из церкви был заулюлюкай толпой. Испугавшись, он залез в одну из колесниц, боясь, что его растерзают. Наконец толпа прорвала цепь полицейских и волной разлилась по улицам, увлекая за собой факельщиков, сбивая с голов цилиндры, обнажая лысые головы сенаторов и разрывая в клочья вуали лам. В возникшей давке женщины падали в обморок, депутаты переругивались, кто-то из министров даже потерял портфель, упавший в водосток.

Полицейским пришлось применить силу. Им со смехом бросали в лицо хризантемы, как на карнавале в Ницце. Уже собрались было вызвать войсковую часть, чтобы добраться до кладбища Пэр-Лашез.

•Пристыженные наследники

События пошли на пользу авторам уличных песенок и продавцам шуточных товаров. Нарасхват шли пародийные «сообщения о смерти» и тексты «смешных песенок». В течение какого-то времени в некоторых кафе, где выступали эстрадные певцы, установилась мода на «потустороннюю тематику».

Что касается прессы, то она в те давние времена была еще свободной и поэтому воспользовалась



Похороны Шошара послужили тому, что была выпущена сериянпочтовых открыток, которые и по сию пору идут нарасхват у любителей

Завещание

Доля наследства, завещанная Жоржу Лейгу, составляла в целом пятнадцать миллионов франков - из них двенадцать с половиной миллионов ему лично, один миллион его жене и по сто пятьдесят тысяч каждой из дочерей.

Непринятый закон

Неожиданное последствие этого дела! Один из депутатов предложил проект закона, по которому запрещалось любому министру быть упомянутым в завещании человека, которому он в свое время вручил орден. По какой-то таинственной причине этот закон *так* никогда и не был принят.

случаем, чтобы разоблачить перед возмущенным народом коррумпированные нравы политиков и все несправедливости капиталистического строя. Негодование взметнулось с такой силой, что главным наследникам миллиардера пришлось принять соответствующие меры, дабы утихомирить народ. Мадам Бурсен пожертвовала миллион франков служащим «Галерей Лувра», а Жорж Лейг пообещал внести часть полученного наследства... в кассу помощи отставным депутатам. В чем ему отказали собратья по парламенту, к его величайшему удовольствию.

324

Элеонора Рични

(т1968)

Четвероногие наследники

Несмотря на то, что эта старая дама была убежденным мизантропом, о ней никак не скажешь, что она обращалась с людьми, как с собаками. К собакам она относилась с самой горячей любовью, которая и повредила ей в памяти потомства.

Состояние

К тому времени, как Элеонора Рични скончалась в 1968 г., ее состояние выражалось в сумме пятнадцати миллионов долларов, - стало быть, по сто тысяч долларов на каждую из ее собак!

Как известно, в 1968 г. социализм чуть ли не во всем мире попытался вступить в бой за торжество своих идеалов, что и послужило началом его медленной и неизбежной агонии. Такие выражения, как «классовая борьба», «великий вечер» или «пролетарский интернационализм», хоть и были уже несколько потасканными, все еще будоражили сознание студентов, и пусть выражения эти вызывали все меньше и меньше надежд со стороны Бийянкура, все же одного упоминания Кдрла Маркса было достаточно, чтобы останавливались поезда, бастовали заводы, а Латинский квартал швырял камни в полицию.

В те годы молодежь была охвачена жаждой перемен, мучившей ее, подобно прыщам на юном лице. На этот раз, считали молодые люди, «изменится основа мира», как говорилось в модной тогда песенке. В своей ненависти к прошлому, к социальному неравенству, а особенно к монополистическому капиталу трестов и международных объединений они готовы были всей душой присоединиться ко всяким Пол Потам и

Чаушеску. Наступало утро великого вечера. Богачам следовало быть начеку.

Зоофилия

Такие случаи, когда животные получают наследство, вовсе не так редки, как можно подумать, в особенности в англосаксонских странах. Закон этого не запрещает. Так, например, в Денвере (США) один миллиардер завещал три миллиона долларов на возведение достойной гробницы для своей скаковой лошади, причем, от исполнителей завещания требовалось, чтобы они ежегодно высаживали там цветы.

• **Случай острой кинофилии**

Поэтому можно сказать, что мисс Элеонора Рични выбрала весьма неудачное время, чтобы испустить последний вздох, написав перед этим завещание, которое, мягко выражаясь, ие очень-то соответствовало настроениям тех лет. Элеонора Рични была старой девой, американкой и миллиардершей- одно к одному,-и ее ненависть к людям могла сравниться только с неистощимой любовью, которую она питала к собакам. Любой представитель собачьего рода-независимо от его родословной, начиная от самых породистых и до последней

уличной шавки,-мог рассчитывать на ее благосклонность и получать сахар, который она с удовольствием им раздавала.

***Разномастное общество**

Любая собачка-за исключением ружейного курка и фарфоровой безделушки (которых сразу узнаешь по их равнодушию к сахару)-итак, любая собачка автоматически получала все права на ее приветливое гостеприимство. Для них Элеонора была матерью, доброй феей, утешительницей, а в случае необходимости-сиделкой и нянькой. И при этом-ни на грош расизма! Все сто пятьдесят приемышей, которых она подобрала на дорогах Флориды с помощью швейцара своего банка,-чернокожего и несомненного кинофила - принадлежали к самым разным породам. Они заполнили ее дом, превратившийся в настоящую псарню, толпой еще более пестрой, нежели та, что заполняет парижское метро. Там были и таксы, и бульдоги, и доги, и фокстерьеры, и пудели, и спаниели, и длинношерстные левретки, и короткохвостые дворняги с вяло опущенными ушами, у кого-то из них были рыжые чулки, а иную можно было назвать синим чулком, одни были гончими, а другие вовсе никакими, были там и огромные овчарки, и крошечные песики, которых можно носить в муфте, и были даже такие, что лазают по крышам, как кошки,-своеобразная и чрезвычайно редкая

разновидность собачьей породы.

•Затруднительное дело о наследстве

Всех их она знала по именам, к которым добавлялась еще вереница ласковых прозвищ. На их собачье счастье, расходы ее не пугали: самые опытные парикмахеры разглаживали им шерсть, лучшие повара варили похлебку, самые известные ветеринары лечили их. Не было на свете более счастливых собак. А она сама могла бы быть такой же счастливою, как они, не терзай ее вечная, невыносимая тревога. Не попадут ли в беду приемыши после ее смерти? Что станется с ними без нее ? У нее не было ни детей, ни родных, ни друзей, на которых она могла бы рассчитывать. Неужели бедняги после ее кончины разбредутся по свету или, что еще хуже, не придет ли им конец от укола в кабинете ветеринара? Мужчины ведь такие бессердечные сушества.

Право пользования

Миссис Хэйзел Мэттиэм приняла, в 1967 г., своеобразные меры при составлении завещания, дабы обеспечить благосостояние своего сиамского кота Тутса. Ее племяннице причиталось получать ежегодно десять тысяч долларов в день рождения этого кота, при условии, что она будет о нем заботиться. В случае кончины кота, остальная часть наследства отходила обществу защиты животных.

Племяннице не посчастливилось - Туте отправился в могилу вслед за своей хозяйкой через четыре месяца после ее кончины.

Завещание черепахе

Гигантскую черепаху из Сан-Франциского зоопарка ждал приятный сюрприз - ей причиталось по завещанию двадцать пять тысяч долларов, а лицу, кото-ров будет ежедневно кормить ее вкусным завтраком, - пожизненная пенсия.

Возмущение

В декабре 1973 г. в журнале «Пари-Матч» появился репортаж Жан Пьера Франка. В этом репортаже с возмущением сообщалось о тяжелых условиях, в которых пребывают «пленники- собачьего дворца. «Самые выносливые из них, - писал он, -ходят кругами, как дикие звери, другие же грызут прутья своей клетки, пока не хлынет кровь из десен, и замертво падают от изнеможения». И к этому он добавляет: «В городе Форт-Лаудер-дель нарастает волна ярости-. Но эта ярость, разумеется, не была вызвана сочувствием к наследникам.

•Несвоевременное завещание

Поэтому перед смертью она приняла меры. И обнародование ее завещания, которого с нетерпением ждали, учитывая размеры ее состояния, потрясло всех. Лицам, считавшим себя

наследниками,-служащим ее банка, верному черному швейцару-кинологу-не досталось ничего, даже обглоданной косточки. Все состояние в размере, примерно, пятнадцати миллионов долларов, было просто-напросто завещано... собакам. Только налоговая инспекция получила свое, и то в самых строгих рамках закона. Скандал разразился грандиозный, а за ним последовала не менее грандиозная волна протестов. «Как можно... (и т. д.),когда столько людей умирают от голода?»-возмущенно вопили со всех сторон. Протестовали от имени жителей Биаффра и Сахэля, приютских стариков, матерей-одиночек и других бесчисленных жертв общества потребления. Что ни возьми, все теперь было лучше псов Элеоноры Рични, даже тюленята Брижит Бардо, жизнь которых, по мнению последователей Маркузе, была чрезвычайно важна для сохранения и безопасности экологической среды.

•Болезненные требования

Банковские служащие нажимали на свой профсоюз, требуя его вмешательства, благотворительные общества сообщали о своем разочаровании, черный швейцар побелел от злости и уже не был таким завзятым кинологом. Но все было напрасным. Элеонора Рични все предусмотрела с такой безошибочной проницательностью, на какую способна только материнская любовь. Как тщательно ни изучались условия завещания, все они сводились к одному- пятьсот тысяч долларов пойдут на постройку дворца, где любимых собачек будут кормить, холить и нежить, пока естественная смерть не приведет их в загробный мир, где их ждет радостная встреча с хозяйкой. Ветеринару, доктору Фредериксону, поручалось следить за тем, чтобы никакая беда до той поры не постигла наследников. Строго запрещалось подталкивать состарившихся псов к могиле или избавлять больных от лишних мучений. Ста пятидесяти собакам мисс Рични надлежало умереть только естественной смертью, натянув, таким образом, нос всему человечеству.

•Ущемление прав наследников

Все старались каким-то образом выйти из затрудни-тельнго положения и отсрочить, насколько возможно, выполнение требований, изложенных в завещании. Такая отсрочка была тем более необходима, что власти, опасаясь гнева безработных, ведущих собачью жизнь, были вынуждены перенести гробницу миллиардерши в другое место, чтобы оставить ее в целости и сохранности.

Так собачий дворец никогда и не был построен. «Временно» его заменила обыкновенная псарня, оцепленная двойной изгородью из колючей проволоки, дабы жители Форт-Лаудерделя, соседнего городка, не явились, чтобы «manu militari»* положить

конец этому скандальному делу. Но зато следовало в точности выполнить все остальные пункты завещания, что и было сделано со всей тщательностью.

•Раззолоченная каторга

Но это пошло только во вред несчастным собакам. Псарня весьма напоминала Гулаг своими решетчатыми клетками, за пределы которых псин никогда не выпускали бдительные сторожа. Несчастные животные одно за другим расставались с жизнью под лучами знойного солнца, которое мучило их беспощадно. Во избежании каких-либо дополнительных осложнений с условиями завещания, кобелей безжалостно кастрировали. Таким образом удалось избежать передачи наследства потомству-каковое право ясно записано в Декларации прав человека- и па свет Божий так и не появились династии четвероногих миллиардеров, по образцу Ротшильдов и Рокфеллеров. Мисс Рични все-таки не смогла всего предусмотреть.

•Последний параграф

Когда померла стопятидесятая собака (Ad intestant), доктор Фредериксон со всем надлежащим почтением собрал ее пепел, поместил его в погребальную урну и-не без вздоха облегчения, должно быть,- поставил эту урну на полку, рядом с урнами остальных ее товарищей по несчастью.

И вот тогда, наконец, можно было выполнить последний параграф завещания. Все, что оставалось от состояния Элеоноры Рични, пошло на усовершенствование ветеринарной службы.

•Силой оружия *(лат.)*.

Шутник-завещатель

В конце XVIII века лорд Х., обеспокоенный тем, что его знатный род может прийти к концу, завещал все свое огромное состояние первому наследнику, который родится - в седьмом поколении! До тех пор деньги были переданы банку. И потомки обрели здоровую привычку заботиться о продолжении рода сразу же по наступлении половой зрелости.

Арманд Хаммер

(1898-1991)

Миллиардер с Красной площади

У коммунистов нередко сердце находится слева, а бумажник-справа. Хаммер не столь противоречив: у него все на стороне Востока,

Состояние Арманда Хам мера оценивается в 1,2 миллиарда франков.

С красными миллиардерами дело обстоит точно так же, как с пожарниками-пи романами и нотариусами-анархистами,-они строят свой имидж на парадоксе. Арманд Хаммер, суперзвезда капитализма и в то же время герой Советского Союза, выходит за пределы обычных норм и с ходу парализует любую попытку недоброжелательной критики в свой адрес.

•Своеобразие системы

Как можно быть мультимиллиардером и в то же время убежденным марксистом -лени нистом? Такой вопрос задают себе, увидев его в далеко не пролетарском собственном «Боинге-747», чистые сердца, наивно верящие в идеализм тех, кто торгует их добрыми чувствами. На этот вопрос миллиардер с Красной площади дает всегда один и тот же ответ, и этим приходится довольствоваться: если он поддерживает коммерческие, они же-дружеские связи со всякими Лениными, Сталиными и прочими Чау-шеску, делает он это потому, что коммерция «является фактором прогресса и мира», дает возможность «преодолеть предрассудки и злословие», ибо «сближает и цивилизует народы» (зю!).

Одна нога здесь, другая-там

Поддерживая дружеские отношения с Советами, Хаммер был в то же время очень близок к американским политическим деятелям и даже участвовал в финансировании президенской компании Ричарда Ник-сока.

Такое высказывание, разумеется, у многих вызывает улыбку. Но веревка так длинна, как говорится, что ее, в конце концов, уже не замечаешь, и Хаммер может безнаказанно торговать с Дракулой. Его не назовешь банкиром тиранов или подпоркой тоталитаризма-он просто является странностью капиталистической системы.

•Капитало-марксисты от отца к сыну

Главное-не обвиняйте его в оппортунизме. Если он и является коммунистом и капиталистом одновременно, то причина тому-семейная традиция, а также личные убеждения.

С самой колыбели его воспитывали в ненависти к капитализму. Отец его, доктор Джулиус Хаммер,

русский еврей, поселившийся в Соединенных Штатах, был, начиная с 1907 г., другом и учеником Ленина. Он участвовал в создании весьма худосочной американской компартии и, начиная с 1917 г., все свое время, свободное от пациентов и завода фармацевтических изделий, посвятил налаживанию разнообразных поставок на молодую родину пролетариев. С

помощью Людвига Мартенса, посла СССР в Вашингтоне, он, в частности, занялся подпольной торговлей бриллиантами, которая подкармливала деньгами казну Советского Союза и послужила основой создания очень интересного личного состояния.

*** Таинственная поездка аптекаря**

В 1921 г. Арманду Хаммеру пришлось взять на себя руководство семейным делом, поскольку отец его попал в тюрьму из-за темной истории, связанной с абортом. Их семейному делу, впрочем, грозил крах, так как старик Джулиус, поглощенный заботами о рабочем классе и торговлей красными бриллиантами, совсем перестал заботиться о производстве суппозиторных свечек.

Заняв это весьма ответственное место, молодой человек стал просто творить чудеса, невзирая на то, что был, так же, как отец, предан всей душой дечу социализма. Меньше чем за два года он так блистательно восстановил семейное предприятие, что вскоре уже мог выпить, как полагается, в честь своего первого миллиона долларов.

Конечно, он не мог держать на привязи злые языки всех тех, кто, как известно, точит зуб на коммунистов. По поводу этого состояния, выросшего внезапно, как гриб, посыпалось тысяча вопросов, на которые он затруднился дать удовлетворительные ответы. Неужели он и впрямь заработал такие деньги благодаря одному только своему предприятию (незаметно было, чтобы продажа анальных свечей приняла грандиозный размах)? А главное-зачем ему было ездить в Россию, вместо того чтобы спокойно сидеть у себя в кабинете и выписывать пациентам лекарства, производимые его заводом? «А ездил я туда затем,-отвечал Хаммер, посмеиваясь,-чтобы лечить русских, болевших тифом, и Ленин решил показать мне, на какую благодарность способен рабочий класс. Вот он в награду и осыпал меня золотом». В такое что-то не верилось.

Анджела Завели

Вторая жена Арманда Хаммера добилась развода с ним по причине -душевной жестокости- мужа - это было, впрочем, ев личным мнением, которое Сталин, по-видимому, не разделял.

НЭП **(**новая экономическая политика**)**

Дабы избежать полного краха советской экономики, Ленин принял решение вернуться на время к ограниченному капитализму.

Нефть

Компания -Оксидентал Петролеум-. обычно именуемая «Окон», вносит крупную долю в состояние Арманда Хам-мера. Она эксплуатирует ливийскую нефть и входит в ряд двадцати

крупнейших нефтяных компаний мира. Красный миллиардер оказал значительное влияние на политику этой компании.

10 процентов

За произведения искусства, которые Хаммер продавал за счет Советского Союза, он получал комиссионные в размере 10 процентов, что принесло ему сущий пустяк - одиннадцать миллионов долларов.

•Социализм и бизнес

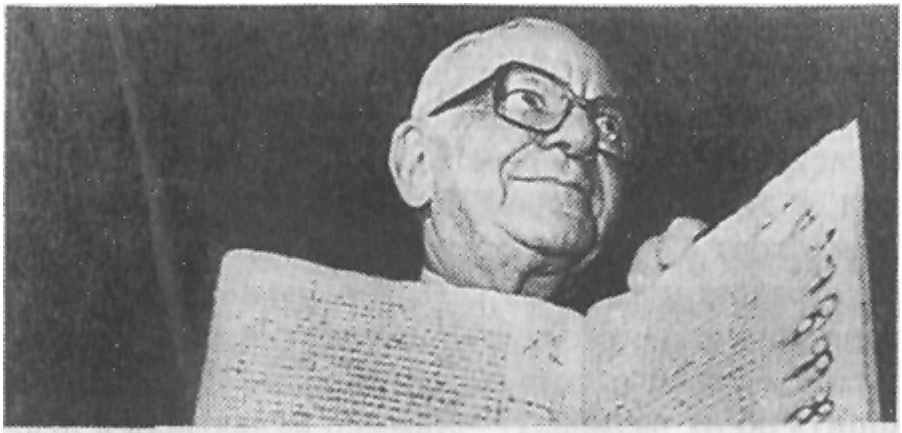
И правы были те, кто не верил. Ибо настоящий повод к этой поездке был далеко не столь филантро-пичен. На самом-то деле вместо того, чтобы отправиться на Урал и бороться там с тифом, Хаммер прибыл в Москву, дабы вновь наладить весьма плодотворную торговлю, которую вел его отец, и предстать перед новыми хозяевами Кремля как преемник отца. И сразу же наладился контакт между будущим миллиардером и ас кетами-идеологами, поклявшимися свести в могилу всю капиталистическую систему. С редкой психологической проницательностью Хаммер разглядел в Ленине человека чувствительного, наделенного всеми качествами, свойственными гуманисту, а в Дзержинском, возглавлявшем кровавую ЧК,- человека самых высоких моральных устоев. Отец октябрьской революции, тронутый бескорыстием и идеализмом юного Хаммера, не только согласился на то, чтобы тот взял на себя снабжение советской России товарами и контрабанду бриллиантами, но предложил ему вдобавок концессию на асбестовые рудники Алача-евска и почти исключительные права на торговые сношения между страной Советов и Соединенными Штатами.

В эпоху новой экономической политики это давало ему возможность привлечь западные инвестиции и наладить сеть коммерческих сношений, которые выведут страну из изоляции.

•Маклер социалистической экономики

С этого времени Хаммер стал на тот путь, который, благодаря коммунизму, сделал его одним из самых богатых людей в мире и ни с кем не сравнимым, самым оригинальным представителем американского капитализма. Разумеется, Ленин вовсе не из личной симпатии дал ему возможность сыграть ту исключительную роль, которой он в течение длительного времени придерживался в мире коммерческих связей между советской империей и свободным миром. Настоящая причина этого носила чисто стратегический характер. Ему нужно было привлечь в казну революционного пролетарского движения необходимые капиталы, которые дали бы ему возможность, как он полагал, уничтожить западную экономику. А Хаммер, по его

представлению, просто дол-



Арманд Хаммер демонстрирует последнюю рукопись Леонардо да Винчи с рисунками, приобретенную на аукционе Кристи за скромную сумму - двести двадцать миллионов франков.

жен был подать дурной пример миллиардерам всего мира, которые, как он считал, так глупы,, что сами «продают ему веревку, на которой их же повесят»,-это было одним из его любимых выражений.

И это желание было, кстати, превосходно выполнено. Совершая грандиозные коммерческие операции за «железным занавесом», Арманд Хаммер пробудил у многих опасный аппетит, и целый ряд американских фирм пришел на помощь больной советской экономике.

• Иосиф, Никита, Леонид и прочие

Капиталисту-предпринимателю было не найти более верных компаньонов, более честных партнеров, чем хозяева Кремля. Ни Сталин, в период великих чисток, ни Хрущев, во времена холодной войны, ни Брежнев, когда он затеял пересмотр идеалогических вопросов,-никто из них никогда не пытался ставить палки в колеса своему любимому капиталисту. Они не только заключали с ним один контракт за другим, но еще предоставляли ему в США такие привилегии, о каких ему и мечтать не приходилось. Вход в Кремль был ему доступнее, нежели крупнейшим феодалам партии; в награду за добрые и честные услуги ему предоставили роскошную квартиру неподалеку от Красной площади; его личный «Боинг», похожий на первоклассный отель, имел постоянное разрешение на полеты в советском воздушном пространстве; и ему было разрешено звонить по телефону председателю Верховного Совета, как

старому приятелю, по любому пустейшему вопросу, какой взбредет в голову.

Разумный коллекционер

Эта страсть охватила его,когда он экспортировал на Запад сокровища искусства Святой Русл, которые обезде -певшее советское правительство периодически решало превратить в звонкую, но хромированную, монету. По совету своего брата Виктора, страстного любителя искусства, он решил создать собственную коллекцию, которая теперь числится среди самых богатых собраний в мире. Среди прочих в нее входят произведения Шагала, Пикассо, импрессионистов, а также немало мебели и предметов быта Франции XVIII в.. Вкус миллиардера-коммуниста весьма усовершенствовался за время составления этой ко л лещи и. Как говорят, социалистический реализм представлен в ней очень незначительно.

• О газе, удобрениях и произведениях искусства

Самыми крупными из заключенных Хаммером контрактов явились : во-первых, строительство газовых магистралей, по которым через Сибирь русский газ шел в Японию и Америку; во-вторых,снабжение Советского Союза удобрениями, в чем, как известно, страшно нуждалось сельское хозяйство по вине крестьян-чиновников, весьма прохладно относившихся к своей работе. Свои доходы-стоит ли говорить об их размерах?-Хам мер вкладывал в нефтяные предприятия Ливии, а также в западные страны (что с его стороны было наиболее разумным), закупая там скаковых лошадей, роскошные отели, заводы по производству спиртных напитков, а главным образом-произведения искусства.

Барбара Картланд

(1901)

Розовая миллиардерша

Барбару Картланд не попрекнешь ни богатствам, ни личной счастливой судьбой. Это-товар, пущенный ею на литературный рынок, а поэтому она имеет всяческое право распоряжаться им, как хочет.

Невозможно подсчитать, сколько романов на розовой водице на совести у Барбары Каргланд. Она их производит с такой быстротой, что к тону времени, когда наше схромное описание ее трудов появится в печати, число их, должно быть, заметно возрастет. Каждый год она выпускает не менее пяти-шести новых номеров романов, а издатели, перегруженные ее душистыми рукописями, иногда пытаются, как могут, обуздать ее писательское рвение.

Дворец

Замок елизаветинских времен Кэмфилд-Пэ-лес, является постоянной резиденцией королевы розового романа.

• Всегда одно и то же

Вовсе не желая принизить ее талант, следует все же признать, что сия прославленная старая англичанка не прилагает никаких стараний, чтобы обновить манеру, в которой пишет,-в противоположность автору этих строк, который, что ни день, буквально рвет на себе волосы в поисках нового, интересного сюжета. Вот уже шестьдесят восемь лет как она выпускает неиссякаемый поток сентиментальной литературы,-а по сути дела, выдает каждый раз с гарантированным успехом один и тот же роман, в одной и той же журналистской манере, тщательно избегая каких-либо двусмысленных сцен, которые хотя бы издалека напоминали о насилии или, хуже того, - порнографии.

Ее творчество насчитывает четыреста пятьдесят названий, вышедших в свет в количестве, превышающем сто пятьдесят миллионов экземпляров и заполнивших во всем мире газетные киоски, книжные прилавки вокзалов и аэропортов, дамские парикмахерские и приемные зубных врачей. Чистые сердцем мидинетки, читательницы преданные и не ищущие разнообразия сюжетов, задумчиво поглощают их. Все в этих романах умело взвешено, продумано, рассчитано с целью понравиться им. Читать их легко, словарь примитивен, а фразы не длиннее, чем мысли, которые там порой можно встретить. За шестьдесят минут-точно, с часами в руках- можно одолеть такой роман, а за день проглотить целую библиотеку и заработать такое несварение желудка, будто наелся сладкого теста.

Счастье

«Они поженились, и у них было много детей». На этом заканчивается роман и начинается счастье, которое можно определить как величину неизменную, а следовательно, и говорить больше не о чем. Это усвоили журналисты-хроникеры великосветской жизни, - в их сообщениях описывается мир, который не поддался ходу времени.

•«Девушка бедная, но честная…»

Как правило, дело происходит (романтизм к тому обязывает) во времена королевы Виктории. Меняются только декорации. Место действия-то Индия, дворец магараджи, то замок в Шотландии, то ранчо в пампасах. Но только не грязное рабочее предместье или перенаселенная новостройка. Нередко также события разворачиваются под голубыми небесами, у изумрудно-зеленого моря, на далеких серебристых и девственных островах. Героиня-молодая и беспредельно добронравная деаица, мечтательная, как фарфоровая статуэтка, и еще более

девственная, чем серебристые острова; она не слишком красива и не слишком уродлива (ведь все читательницы воспринимают эту героиню применительно к себе), происходит из хорошей, иногда даже аристократической семьи, но непременно разоренной дотла.

В начале книги-о счастливом конце которой можно догадаться с первых же страниц-она встречает красивого молодого человека. Он богат, как Крез, и мускулист, как Тарзан. К тому же, воспитан, как джентельмен, и если, быть может, наделал каких-то глупостей в ранней юности (ему не обязательно быть девственником)-то сохранил, несмотря на свою напускргую разочарованность, душевную чистоту церковного служки.

•Happy end

Переживая некие чудесные-и отнюдь не страшные-приключения, наши голубки сперва любят друг друга тайно, не смея в том признаться. Он, хоть и разыгрывает из себя человека бывалого, высоко ценит благородство бескорыстной девушки. Она же, с чисто женской проницательностью, умеет разглядеть под его целомудренно-суровой маской великодушие средневекового рыцаря.

Глава седьмая и последняя-хэппи-энд! Они признаются друг другу в пылких чувствах, обмениваются долгим, но невинным поцелуем, а читательницы, которые побаиваются секса, остаются в полной уверенности, что продолжение этого романа будет иметь место ночью, когда книга будет целомудренно закрыта.

Итак, конец каждого романа означает-все хорошо, что хорошо кончается. Девушка, молодая, по бедная, выходит за богатого молодого человека, но заподозрить ее в корыстолюбии невозможно. У них будет много детей, много денег-и все это пойдет на пользу нравственности.

•Барбаре повезло

А также, кстати, на пользу Барбаре Картланд, так как ее книжицы карманного формата, начиная с первой («Jigsaw»-«Пила-ножовка», вышедшей в свет в 1923 г.), были все нарасхват. Благодаря им она стала одной из самых богатых женщин в мире, ее состояние исчисляется в триста миллионов франков и не перестает увеличиваться, благодаря новым выпускам ее романов и всевозможным переизданиям.

А состояние это, надо сказать, сливается в единое целое с ее жизнью, поскольку та сама походит на розовый роман. Первая удача выпала на долю Барбары с самого ее рождения на свет. Она родилась 9 июля 1901 г. в английской семье, которая, подобно семьям ее героинь, могла похвалиться очень голубой кровью и очень пустым кошельком. Родственные узы связывали это семейство с древним родом герцогов Гамильтонов, известных во

всем мире благодаря огромным богатствам, которыми они владели в Новом Свете, а также с родом Скобеллей, чье генеологическое древо восходит к тем легендарным временам, когда англы, пикты и саксы еще не освоили утонченную цивилизацию норманнов.

Романтизм

Барбара, совместно с организацией туристических поездок, создала серию «романтических путешествий». Американцы дерутся за билеты.

•Великосветские сплетни

Невзирая на блестящую родословную, она очень рано была вынуждена зарабатывать на жизнь, так как не имела ни гроша за душой. И поэтому, едва ей минуло семнадцать лет, она взялась за перо, с которым рассталась только тогда, когда сменила его на пишущую машинку и другие современные приспособления, словно созданные как раз для того, чтобы ускорить неиссякаемый поток ее творчества.

Впервые она попробовала свои силы в «Дэйля экспресс» в 1922 г.. Учитывая ее великосветские связи, открывающие перед ней лвери любого аристократического дома, главный редактор предложил ей вести рубрику светских новостей, а она с восторгом ухватилась за эту работу, поскольку таковая как раз соответствовала ее вкусам. И Барбара тотчас же принялась бегать на ленчи, коктейли, венчания, свадьбы и прочие празднества в поисках раззолоченных сплетен высшего общества. Она обрела собственный стиль, включавший в себя одновременно и «голубой цветок*, и журналистскую хватку, что и позволило ей год спустя решиться на создание первого романа и настежь распахнуло перед ней двери, ведущие к богатству и славе.

Делли

У Барбары Картландбыл во Франции знаменитый предшественник: Дел-ли. Под этим псевдонимом скрывались двое - брат и сестра, носившие красивую фамилию Пти-Жан де ла Роэьер. Жили они в Версале и выпускали непрерывным потоком любовные романы, которые и по сей день остаются бестселлерами!

• Любовный сюжет-это бизнес

Ни Патиньо со своим оловянным рудником, ни Ротшильды со своими векселями, ни Поль Гетти со своими нефтяными скважинами не обрели таких россыпей золота, какие достались этой молоденькой англичанке благодаря ее розовым романам. Едва успев сойти с типографских станков, сладкая проза тотчас же превращалась в фунты стерлингов. Барбара могла спокойно черпать из этих залежей звонкую монету, не привлекая алчных

взоров банкиров-предпринимателей и завистливых пролетариев, а к тому же, в отличие от нефтяных, из этих залежей не исходила отвратительная вонь. Публика просто обожала ее книги, и это были не только «девушки в цвету»-парикмахерши, маникюрши, уборщицы и почтальонши, составляющие основной костяк ее читателей,-но также и врачи, и коммерсанты, и клерки, которые, между нами, тоже ведь имеют право на мечту. Говорят, что даже некоторые знаменитые люди, ставшие впоследствии близкими друзьями прославленной романистки, также высоко ценили ее романы, подобно тому как президент Жискар д'Эстен ценил песенки, исполняемые под аккордеон. Уинстон Черчиль находил в книгах Барбары приятное отдохновение от военных забот; Анвар Садат не оставил непрочитанной ни одной из них; говорят даже, что лорд Маунтбаттен за всю свою жизнь не читал ничего другого, -но это уж, право, чересчур!

•Дочь своих произведений

Разумеется, никому и никогда не приходило в голову попрекнуть знаменитую Барбару ее огромным богатством. Став миллиардершей благодаря бесспорному таланту-а его немало требуется, чтобы удержаться на плаву, вечно рассказывая одно и то же,-она, подобно суперзвездам кино и чемпионам велосипедного спорта, может не опасаться недоброжелательства толпы. Тем более что она сама как будто вышла из сказочной страны, которую так любят ее читательницы.

Платиново-белокурые волосы, ярко-красная губная помада, кое-как наложенная на неизменно улыбающиеся губы, бесчисленные оттенки платьев и шляпок, - от конфетно-розового до младенчески голубого, через всю цветовую гамму темно-красного, фиолетового и алого-придают ей, по образу и подобию ее государыни, сходство с сугубо британским плам -пудингом.

На сегодняшний день она- так же, как чай и шляпы-котелки джентельменов из Сити-является частью английского фольклора, мифологическим персонажем до кончиков своих блестящих от лака ногтей и может безнаказанно появляться на людях со всеми своими «роллс-ройсами» и замками. Сколько бы ни выставляла она напоказ свои богатства, старинные золотые украшения и бриллианты-ее всегда будут воспринимать как голубой цветок, питаемый только любовью да свежей водичкой.

Дети любви

Во втором браке Барбара родила двух сыновей. Оба они возглавляют «Картлен д • П р о дакш и -, фирму, которая специализируется на предметах, связанных с материнской прозой, - духи, носящие имена героев самых нашумевших

романов, ткани и обои, окрашенные в романтические тона, и т. п.

•Благотворительница

Добавьте к этому благотворительность, в которую она вкладывает не меньше рвения, чем в литературу,-и вы поймете, почему ее имя внушает такое благоговение. Подобно тому как у нас Брижит Бардо ведет борьбу за тюленят, она душой и телом отдается заботам о ближних. Ее тюленята-это цыгане. Несмотря на общеизвестные кочевые традиции этого народа, она, опираясь на краеугольную истину сентиментального романа, что счастье только в шалаше, решила, что осчастливит их, определив на постоянное местожительство.

Впрочем, она не остается равнодушной ко всему, что относится к счастью рода человеческого. Она следит за ним с тем же вниманием, с каким холит и интриг, которые одновременно созревают в ее неистощимом мозгу.

После Америки ее произведения заполнили страны Содружества. Оки поступают в продажу более чем в девяноста странах, и нет лаже намека на то, что это завоевание, идущее по столь надежному пути, может когда-либо остановиться,-ведь она, как подлинный великий капитан промышленности, умеет разнообразить производимый ее товар. Все с тем же неизменным успехом она пустилась в область истории, диэтики и психологии. Она даже как-то раз умудрилась накликать беду, выпустив книгу с рецептами английской кухни,-что говорит о незаурядном писательском таланте.

Кулинария

Самое известное диетическое произведение Барбары получило название «Медовое волшебство-. Это панегирик меду, с помощью которого она сумела заработать себе на масло.

Николае Чаушеску

(1918-1989)

Розовая жизнь красного миллиардера

Николае в равной степени был привержен к роскоши и социализму. Он утратил и то, и другое.

Только очень недоброжелательный человек способен был попрекнуть Кондукатора * его гигантским состоянием. Каждому известно, что частная собственность упразднена в странах коммунистического рая, и поэтому говорить о Чаушеску, как о «красном миллиардере» - а это делали некоторые - было бы чистой клеветой.

• **Безденежный миллиардер**

Николае и Элена Чаушеску, чистокровные пролетарии, несгибаемые представители самого великодушного учения - марксизма-ленинизма - вызывали во всем мире восторг левых интеллектуалов своей преданностью борьбе за социальную справедливость, за раскрепощение народов и за права человека. Будучи образцовыми бойцами с безупречной революционной этикой, они не имели в карманах ни единой собственной копейки. Им никогда не принадлежали ни нарядные яхты, на которых они бороздили бы моря, ни пышные дворцы, оставшиеся с ненавистных времен Гогенцоллернов и реквизированные ими с целью поселять там свое потомство и родню, ни более скромные резиденции, где они принимали Жоржа Марше и других гуманистов такого же пошиба, преданных праведному делу защиты бедняков. Все, решительно все являлось собственностью победившего, освобожденного и расцветающего рабочего класса.

По оценке экспертов

Личное состояние Чаушеску, за исключением просто-напросто предоставленных в его распоряжение официальных резиденций, машин и т. д., исчислялось приблизительно в 200 миллионов франков.

• **Передвижная витрина коммунизма**

По этой причине у Чаушеску не было оснований для укоров совести, хотя у него в руках и находилось одно из крупнейших состояний всей планеты,-ведь оно ему не принадлежало. Ему просто дали его взаймы, и предполагалось, что после него это состояние перейдет к Нико, его сыну и наслед-

•Сопйисасог-вождь (рум.).

ному принцу, и потом к внукам и правнукам,-это уже будет тогда, когда сияющая звезда коммунизма и всеобщего равенства встанет, благодаря ему, над всем миром. Словом, это состояние было всего лишь инструментом, ему доверенным, дабы он мог достойно нести свою непосильную ношу вождя пролетарской революции; состояние-как функция выполняемой работы.

Карьера

Назовем две даты в политическом восхождении Чаушеску: 1965г.- избран генеральным секретарем коммунистической партии Румынии, 1967 г.-президентом.

•**Тяжкая трудность этого ремесла**

Нелегкая задача выпала однако на его долю. Ведь Чаушеску

один должен был воплотить собой все чудеса коммунизма, и делать это приходилось не только на глазах у прогнившего и заведомо недоброжелательного капитастического мира, но также на глазах у тех братских стран, которых настигла перестройка и где многие товарищи уже задавались вопросом-не осталось ли прекрасное будущее коммунизма далеко позади. Но разве мог Кондука-тор наносить визиты главам западных стран в такой одежде, какую носили его соотечественники, иначе говоря-в поношенных костюмах, в стоптанных башмаках и в габардиновых плащах, столь же немодных, как марксистская идеология? Разве мог он принять Жоржа Марше в новостройке на окраине Бухареста? Конечно, нет. Это было бы оскорблением всему рабочему классу.

Зная капиталистический мир как свои пять пальцев, он понимал, что там дают в долг только богатому, а ему надо было немало взять в долг, чтобы как-то исправить ущерб, нанесенный его экономической политикой. А чтобы внушить доверие, необходимо было следить за своим внешним видом. И вот поэтому, уподобившись разорившемуся предпринимателю, который тщательно скрывает свою бедность, чтобы завоевать доверие, он подчеркнуто выставлял на всеобщее обозрение свое богатство. Шкафы его были заполнены норковыми шубками, сейфы- украшениями из драгоценных камней, гаражи-спортивными машинами, а ванные комнаты-фарфоровыми унитазами. Пожалуй, так можно было завоевать доверие западных инвесторов.

•Сердце-слева, а бумажник-на Западе

Разумеется, кое-какие зануды недоумевали-зачем ему, при таких перспективах, счета, открытые им в швейцарских банках, и перечисленные туда американские доллары, немецкие марки-но только не советские рубли. Но подобные кощунственные вопросы неизменно вызывали раздражение у высокопоставленных левых демократов и социалистов, и они старались уклониться от ответа. Если товарищ Чаушеску богат, это значит, что богатство его идет на пользу пролетариям, да и вообще, деньги развращают людей только в прогнившей капиталистической системе. Кто же этого не знает!

•Коммунистический король

Итак, Кондукатор наслаждался всеми благами, которые приносило ему богатство, и гордо, а главное-бессознательно игнорировал молчаливое неодобрение, которое день за днем все больше накипало в народе, находившемся, как он думал, у него в полном подчинении, благодаря целой армии доносчиков, жандармов и полицейских. Полицеские следили за жандармами,

жандармы приглядывали за полицейскими, и все находились в напряженном ожидании сигнала, который дадут аппаратчики и по которому все как один встанут и громом аплодисментов ответят на его бесконечные, нагоняющие дремоту речи.

А старикан Николае упивался этими овациями и растроганно вспоминал о своем скромном вступлении в эту жизнь. Ведь до того как стать коммунистом и двинуться от одного преступления к другому, словно по ступеням лестницы, он был всего-навсего ничтожным подручным сапожника. Благодаря Карлу Марксу вся жизнь его изменилась. Если оглянуться, она представлялась некой волшебной сказкой, так же как его роман с Эленой напоминал книжки на розовой водице.

И он ни на одно мгновение не сомневался, что его народ, обладающий чувствительной душой и подвергшийся суровой идеологической обработке, поймет прекрасную историю его жизни.

Загородные домики коммунистических Королей:

Дворец Пелес (бывшая летняя резиденция Гогенцолернов); дворец Могоэоайа; монастырь Контрочени.

•Слава властителя

Став верховным аппаратчиком Социалистической Республики Румыния, Николае Чаушеску делал все возможное, чтобы поднять престиж высокой должности, которую ему доверил рабочий класс. Он понял, что в его лице должна воплотиться вся слава новой Румынии, понял необходимость культа личности, по образу и подобию Сталина и Бокассы, и мало-помалу превратился во всемогущего и прославленного монарха. В государстве, где атеизм был возведен в догму, он стал править как самодержа-вец, и самодержавие его было вовсе не ограниченным, поскольку он думал, что ему никогда не придется отдавать отчет какому бы то ни было Богу. Вот он и заботился о собственной славе, с тем чтобы ее отблеск отразился на стране.

•Покровитель искусства и литературы

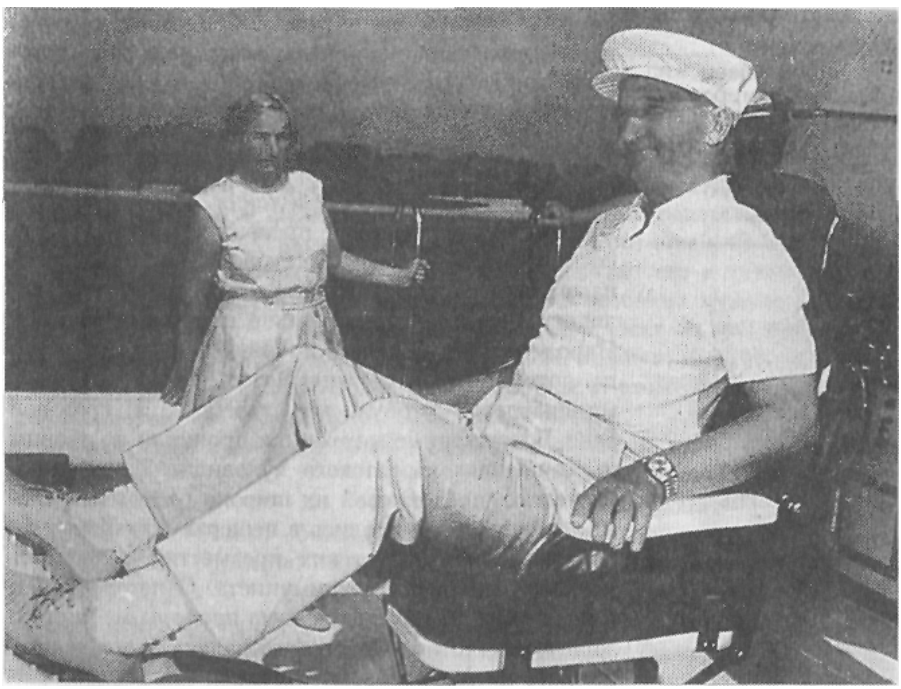
Сообразив, что блистательная политика невозможна без содействия со стороны искусства, он окружил себя когортой архитекторов, художников и поэтов-чиновников. Он осыпал их всяческими благами, предоставлял в их распоряжение роскошные дворцы и выражал им всяческое внимание, с тем чтобы они все как один воспевали его личные достоинства, блестящие заслуги его жены, а также все благодеяния социализма. И все эти гениальные творцы, жаждущие его дальнейших милостей, старались вовсю. Поскольку ирония была оружием весьма опасным в эпоху его просвещенного правления, они, ни разу не улыбнувшись, сплетали в его честь лавровые венки и

придумывали тысячи разных прозвищ, которые пресса тотчас же подхватывали.

Если простые румыны склонны были, скорее всего, сравнивать его с Дракулой, то пресса превращала Кондукатора в «Дунай мысли», в «Маяк», в «многостороннего вождя». И вот музеи мало-помалу заполнились его портретами и собранными им сувенирами, библиотека-его философическими сочинениями, а площади-его скульптурными изображениями. Площади эти, кстати, были по его приказу прорублены с помощью бульдозеров в самой гуще старинных исторических кварталов города. По его указке там появились бесконечные неоклассические фасады, которые привели бы в восторг Муссолини, и на которые с завистью взирал Джек Ланг (человек культурный и, как известно, министр), вспоминая неприятности, чинимые ему парижанами всего-то из-за одной злополучной пирамиды.

•Красный кардинал

Что касается Элены, то ее прославляли не меньше, чем ее блистательного супруга. «Вы-наша икона, вдохновлявшая нас с первых мгновений жизни»,- взволнованно обращался к ней поэт, жаждущий



Николай и Еленана своей «служебной» яхте во времена их величия.

поскорее выдвинуться. Лесть была слишком уж грубой, но супруге «Дуная мысли» она пришлась по вкусу и показалась вполне оправданной, а поскольку конкуренции Элена не любила, она с удвоенной энергией стала следить за тем, чтобы ни единой иконы Пречистой Девы не осталось в тех редких церквях, которые пощадил бульдозер социализма.

Надо сказать, сия иконописная особа была женщиной с характером. Являясь, по сути дела, настоящим серым кардиналом этого режима, она занимала одновременно несколько высоких постов и весьма умело их использовала; будучи министром культуры, опустошила музеи, чтобы обставить свои резиденции; занимаясь распределением государственных должностей, предоставила ключевые места обоим сыновьям, дочери и кузенам; взойдя благодаря мужу на международную вершину науки, печатала научные труды, смешившие до упаду ученых всего мира. И, неустанно заботясь о том, чтобы жизнь ее сограждан была возможно более упорядочена, она всячески боролась с обскурантизмом и проявляла в этой области недюжинную инициативу. Именно ей румыны были обязаны режимом питания с досконально рассчитанными калориями, режимом, который наверняка уморил бы их голодом, если бы экономическая политика Николае не взяла эту задачу на себя несколько раньше.

• **Конец прекрасного сновидения**

Все это рухнуло в один прекрасный день 1989 г., когда народ решил не прислушиваться более к сигналам своих аппаратчиков. Вместо привычных аплодисментов стали раздоваться нахальные свистки. Народ наконец заговорил-сначала голосом сердца, потом голосом оружия. Розовый роман красных миллиардеров утонул, как известно, в кровавой бане. Вооруженные мятежники проникли во дворцы и резиденции карпатского чудовища. Изумленные роскошью, представшей их широко раскрытым глазам, словно они оказались в пещерах Али-Бабы, голодные дети бухарестских предместий разлеглись на ложе ми л ли ар дера-комму ни ста. С негодованием взирали они на его письменные приборы из чистого золота, с хохотом фотографировались в его ванной комнате на фарфоровом унитазе.

Sic Transit gloria mundi!*

Некой старушке было поручено составить список всего этого домашнего имущества. Работе ее и конца не видно!

Питекантроп

Первый европеец жил в Скорничести, родном городе Чаушеску. По-крайней мере в этом Кондукатор попытался убедить научную общественность.

1 Так проходит слава земная! *(лат.)*

!.:-- > •-:" : - *-.-. "_:'

ЧАУШЕСКУ

румыны были обязаны режимом питания с досконально рассчитанными калориями, режимом, который наверняка уморил бы их голодом, если бы экономическая политика Николае не взяла эту задачу на себя несколько раньше.

• Конец прекрасного сновидения

Все это рухнуло в один прекрасный день 1989 г., когда народ решил не прислушиваться более к сигналам своих аппаратчиков. Вместо привычных аплодисментов стали раздоваться нахальные свистки. Народ наконец заговорил-сначала голосом сердца, потом голосом оружия. Розовый роман красных миллиардеров утонул, как известно, в кровавой бане. Вооруженные мятежники проникли во дворцы и резиденции карпатского чудовища. Изумленные роскошью, представшей их широко раскрытым глазам, словно они оказались в пещерах Али-Бабы, голодные дети бухарестских предместий разлеглись на ложе ми л ли ар дера-комму ни ста. С негодованием взирали они на его письменные приборы из чистого золота, с хохотом фотографировались в его ванной комнате на фарфоровом унитазе.

Sic Transit gloria mundi!*

Некой старушке было поручено составить список всего этого домашнего имущества. Работе ее и конца не видно!

Питекантроп

Первый европеец жил в Скорничести, родном городе Чаушеску. По-крайней мере в этом Кондукатор попытался убедить научную общественность.

1 Так проходит слава земная! *(лат.)*

Пословицы

Народная традиция с давних пор наградила деньги столь дурной репутацией, что остается только удивляться-почему же существует до сих пор так много наивных людей, стремящихся их заработать. Если верить пословицам, поговоркам и изречениям, то оказывается, что владеть богатством- далеко не синекура. Деньги привлекают к тому, у кого ими набиты карманы, неверных друзей всякого пошиба, деньги заковывают его в тяжкие цепи и внезапно испаряются именно тогда, когда они особенно нужны. Добавьте еще к сказанному, что у их обладателя до того черствеет сердце, что ему грозит прямая дорога в ад,-и задайтесь вопросом, подобно мне: что за таинственное очарование находят люди в

такой отраве и стоит ли так завидовать миллиардерам, как это зачастую случается в жизни.

Можете сами судить по этому краткому отрывку из антологии пословиц и изречений.

Большое богатств о--большое рабство. *(Франц.)*

Человек и богатство всегда шли врозь. *{Публий Кир «Изречения»,*

Івек до Р. Х.)

Не в деньгах счастье. *(Франц., русск.)*

Деньги-это хороший слуга, но плохой хозяин. *(Тюэль, 1789)*

От денежной раны не умирают. *(Лат.)*

Где монета-там и черт; а где ее нет-там их двое. *(Лат.)*

Хорошее быстро отнимут. *(Франц.)*

Чем больше имеешь, тем больше хочешь. *(Франц. ХШ в.)*

Чем больше хочешь, тем больше теряешь. *(«Роман о Лисе», ХШ в.).*

Всегда нужно больше денег, чем можешь заработать. *(Идиш)*

Легче обрести богатство, чем его удержать. *(Публий Кир «Изречения»)*

Деньги и женщины дураков любят. *(Нем.)*

Плутон, прекраснейший из богов, и злодея превратит в честного человека. *(Феогнид из Мегары ˆИзречения», VI в. до Р. Х.)*

Богатства, которые не заключены в душе нашей, нам не принадлежат. *(Демофил «Изречения»-, IV в. до Р. Х.)*

Богач-всегда мошенник, *(св. Шроним, V в.)*

Господь взирает на чистые, а не полные руки. *(Прованс.)*

Можешь сразу понять, насколько Господь презирает деньги, когда видишь, кому он их посылает. *(Поуп, 1740)*

Без грязи притоков, река Арно не вздуется. *(Итон.)*

Порок скрывается в богатстве, добродетель-в бедности. *(Феогнид из Мегары «Изречения», VI в. до Р. Х.)*

Богатство дается только богатым. *(Марциал «Эпиграммы», ок. 120 г.)*

Нищета гоняется за нищим, богатство-за богатым. *(Талмуд Баба-Комма, V в.)*

Чтобы заработать деньги, их надо потратить. *(Плавт «Ассинария», II в. до Р. Х.)*

Библиография

пословицы

Кто хочет собрать урожайденег - должен их посеять. *(Англ)*

У кого много денег, у того и друзей много, *(Швейц.)*

Что сети для птицы, то деньги для человека. *(Швейц)*

Денежный человек-пустой человек. *(Швейц.)*

Денег много, ума мало.

Брак за деньги-брак попусту.

Никогда не говори, что у тебя красавица жена и денег полно.

Женщина, деньги и вино-и благо, и отрава.

Денег и безумия не скроешь.

Чем больше денег оставишь наследникам, тем меньше они будут о тебе жалеть.

Деньги приходят, пока спишь.

Богатство-как стекло: чем ярче блестит, тем быстрее разобьется. *(Публий Кир «Изречения», I в. до Р. Х.)*

Богатство улыбается злому, чтобы его сгубить.

Кому Фортуна улыбается, тому все идет на пользу. *(Ла Рошфуко «Размышления и нравственные изречения», 1665)*

Auguet (R.), ***Le Banguier,*** Berger-Levrault, 1980. Bec (C.), ***Le Siede dлs Mediuis,*** P.U.F., 1977, «<бue sais-je?». Bordonove (G.), ***Fouguet coupable ou victime?,*** Ed. Pygmalion, 1976. Carr (W.H.A.), *Ces бtonnants* ***Dupont de Nemours,*** Лd. Trivise. Collier (P.) et Horowitz (D.), ***Une dynastie amлricaine: les Rockefeыer,*** Лd. du Seuil, 1976.

Colling (A.), ***La Prodigieuse Histoire de la Bourse,*** S.E.F., 1949. Dauphin-Meunier (A.), ***Histoire de la Banane,*** P.U.F., 1975, «Que sais-je?». Debouˆ (M), ***Le CapitaBsme sauvage aux Лtats-Vnis,*** **1860-1900,** Лd. du Seuil, 1972.

Dujarric de la Riviлre (R.), ***E. I. Dupont de Nemours, лleve de Lavoisier,*** Librairie dлs Champs-Лlysлes, 1954.

Fritsch (P.), ***Les Wendel, rois de*** *l'acier franfais,* Robert Laffont, 1976. Le Goff (J.), ***Marchands et banauiers du Moyen Age,*** P.U.F., 1975, «Que sais-je?».

Mongrидien (G.), ***L'Ajffaire Fouauet,*** Hachette, 1956. Pochna (M.-F.), ***Agnelti il'irrл'sistibte*,*** J.-C. Lattлs, 1989. *Bonjour,* ***Monsieur Boussac,*** Laffont, 1980.

Roover (R.de), ***L'Evolution dлs lettres de ckange, XIV-XVIU siede,*** Armand Colin, 1953.

Roussel (R.), ***Jacжues Coeur le*** *Magnifiaue,* Berger-Levrault,

1965. Roy G.-A.), ***Histoire de Iafamille Sckneider et du Creusot,*** Riviлre M., 1962. Schick (L), ***Un grand homme d'affaires au dлbut du XVI' siecle: Jacob Fugger,*** S.E.V.P.E.N., 1957,

White (R.) et Fisher (G.), ***La Vie privлe de la reine Jlisabeth II d'Angleterre,*** Solar, 1971.

«Ahl les beaux hлritages*, ***Le CrapouiЬIot,*** n° 90, nov, 1986. «Les Mil!iardaires>, ***Historia,*** hors slrie, n° 43, 1975.

М 77 Ален Монестье

Легендарные миллиардеры: пер. с фр. - СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. - 352 с., ил.

5-7331-0072-9

Авантюры основоположников финансовых империй и судьбы великих денежных династий, начиная с XV века. Медичи, Фуке, Ротшильды, Онассис, Бик, Елизавета II, Рокфеллер, Ага-Хан, Фахд Аравийский, Картленд, Чаушеску... Легендарная жизнь этих миллиардеров Старого и Нового света и Ближнего Востока вызывает в воображении читателей страну Эльдорадо и пещеры Али-Бабы. Мифы, окружающие ол'импий-цев Фортуны, превращают этих богачей в существа без правил и законов.

Написано общедоступно и живо, в форме мини-досье.

Редакторы О. В. Кустова, А. И. Куберская Художественный редактор В. Г. Бахтин

Корректор Е. Ю. Мирошкина Компьютерная верстка И. В. Петровой

Оригинал-макет подготовлен издательством «Новый Геликон».

Изд. лицензия ЛР № 062679 от 02.06.93 г.

Подписано в печать 11.03.96. Формат издания 60X90/16.

Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 1661.

Гуманитарное агентство «Академический проект», 199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4.

Отпечатано с оригинал-макета

в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати. 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

КОМПАКТ
энциклопедия
Легендарные МИЛЛИАРДЕРЫ

Авантюры основоположников финансовых империй и судьбы великих денежных династий, начиная с XV века. Медичи, Фуке, Ротшильды, Онас-сис, Бик, Елизавета II, Рокфеллер, Ага-Хан, Фахд Аравийский, Картленд, Чаушеску...

Легендарная жизнь этих миллиардеров Старого и Нового света и Ближнего Востока вызывает в воображении читателей страну Эльдорадо и пещеры Али-Бабы.

Мифы, окружающие олимпийцев Фортуны, превращают этих богачей в существа без правил и законов.

Написано общедоступно и живо, в форме мини-досье.

КОМПАКТ энциклопедия

Энциклопедические справочники для всех. Сжатая, полная, достоверная информация.

Удобство пользования.

Возможность заглянуть в самую суть...

и немного глубже.

АВТОР Ален Монестье, научный сотрудник Музея народных искусств *к* традиций, возглавляет отдел внешних сношений.